Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Обсидиановый Храм

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей маме, Нэнси.

Дуглас Престон посвящает эту книгу Черчиллю Элангви.

Даже в нашем сне

боль, которую невозможно забыть,

падает капля за каплей на сердце,

пока в наше собственное отчаяние

против нашей воли

не приходит мудрость

благодаря великой милости Божьей.

Эсхил «Агамемнон», в изложении Роберта Ф. Кеннеди.

Пролог

8 Ноября

Проктор тихо открыл двойные двери в библиотеку и позволил миссис Траск пройти с серебряным подносом, на котором стоял чайный сервис.

Комната была погружена в полумрак, ее освещал только тусклый свет от низкого пламени камина. Перед собой в кресле Проктор увидел неподвижную фигуру, слабо различимую при таком скудном освещении. Миссис Траск подошла к ней, поставила поднос на боковой столик рядом с креслом и заговорила.

– Я подумала, вы захотите чашечку чая, мисс Грин, – заботливо произнесла она.

– Нет, благодарю вас, миссис Траск, – тихим голосом отозвалась Констанс.

– Это ваш любимый чай. Жасминовый, первый сорт. Я также принесла вам несколько кексов. Я испекла их только сегодня в полдень – я помню, что вы их любите.

– Я не особенно голодна, – ответила она. – Спасибо за беспокойство.

– Хорошо, я просто оставлю их здесь на случай, если вы передумаете, – миссис Траск по-матерински улыбнулась, развернулась и направилась к выходу из библиотеки. К тому времени, как она поравнялась с

Проктором, ее улыбка исчезла, и лицо приобрело беспокойное выражение.

– Я уеду всего на несколько дней, – тихо сказала она ему. – Мою сестру выпишут из больницы уже на следующей неделе. Вы уверены, что у вас все будет хорошо?

Проктор кивнул, а затем повернулся и молча проследил за тем, как она семенит обратно на кухню, прежде чем снова обратить свой взгляд на фигуру в кресле.

Прошло больше двух недель с тех пор, как Констанс вернулась в особняк на Риверсайд-Драйв, 891. Она вернулась мрачная и безмолвная, без агента Пендергаста и не объяснила, что произошло. Проктор – как доверенное лицо Пендергаста, бывший военный и его персональный телохранитель – чувствовал свою ответственность в том, чтобы в отсутствие агента помочь Констанс справиться со всем случившемся. Однако ему потребовалось время, терпение и огромное усилие, чтобы не начать вытягивать из нее детали истории. А сейчас, когда эта история начинала постепенно обретать смысл, он так до конца и не понимал, что же именно произошло. Что он знал наверняка, так это то, что огромный дом по каким-то причинам лишился присутствия Пендергаста. И этот дом изменился, изменился кардинально. Впрочем так же, как и Констанс.

Едва вернувшись в одиночестве из Эксмута, Массачусетс – куда она отправилась помогать специальному агенту А. К. Л. Пендергасту с расследованием частного дела – Констанс заперлась в своей комнате на несколько дней, а когда, наконец, вышла оттуда, она оказалась другим человеком: худощавым, полумертвым, жизнь едва теплилась в ее глазах. Проктор всегда знал, что она хладнокровна, сдержана и самоуверенна. Но в тот день, после того, как она вышла из своей комнаты, наполненная тревожной, апатичной энергией, шагая по залам и коридорам, словно в поисках чего-то, она напугала его. У нее пропал интерес ко всем развлечениям, которые когда-либо захватывали ее: исследование родословной Пендергастов, изучение антиквариата, чтение, игра на вирджинале. После нескольких тревожных визитов лейтенанта д’Агосты, капитана Лоры Хейворд и Марго Грин она отказалась кого-либо принимать. Похоже, она была – Проктор не знал, как выразить это лучшим словом – настороже. Единственные случаи, когда она показывала искру своего былого «я», происходили во время телефонных звонков, или когда Проктор приносил почту. Он знал, что каждый раз, она надеялась получить весточку от Пендергаста. Но ее не было.

Некий высокопоставленный сотрудник ФБР организовал поиски Пендергаста и контролировал ход сопутствующего официального

расследования, закрытого для прессы. Однако Проктор приложил титанические усилия, чтобы собрать всю возможную информацию об исчезновении своего работодателя. Поиски тела, как он узнал, продлились пять дней. Поскольку пропавший без вести человек был федеральным агентом, на это дело были брошены значительные силы Бюро. Береговая охрана обыскала все воды у побережья Эксмута. Местные офицеры и национальные гвардейцы прочесали береговую линию от границы с Нью-Хэмпширом до мыса Энн, ища любые признаки присутствия Пендергаста – даже клочки одежды. Дайверы тщательно изучили скалы, куда тело могло занести течением, а морское дно было исследовано с помощью сонара. Но ничего не нашли. Дело оставалось официально открытым, но невысказанный вердикт гласил, что Пендергаст – тяжелораненый в драке – был унесен приливным течением и, ослабевший от ран, утонул в пятидесятиградусной[1] воде, а его тело унесло в открытое море, и оно затерялось где-то в глубинах. Всего за два дня до этого адвокат Пендергаста – партнер одной из старейших и доверенных юридических фирм Нью-Йорка – наконец-то связался с сыном Пендергаста, Тристрамом, чтобы сообщить ему печальную новость об исчезновении его отца.

Проктор подошел и сел рядом с Констанс. Она бросила на него короткий взгляд и слабо улыбнулась. Затем ее взгляд снова вернулся к огню. Мерцающий свет и тени играли на ее лице, отражались в фиалковых глазах и блестели на темных коротких волосах.

С момента ее возвращения Проктор взял на себя обязанность приглядывать за ней, зная, что именно этого хотел бы его наниматель. Ее беспокойное состояние вызвало в нем неожиданные защитнические чувства – иронично, ведь в нормальном своем состоянии Констанс Грин – последний человек, который стал бы искать у кого-то защиты. И все же сейчас, пусть она и не говорила этого, она, казалось, была рада его вниманию.

Констанс выпрямилась в своем кресле.

– Проктор, я решила уйти вниз.

Это заявление ошеломило его.

– Вы имеете в виду – *туда*, где вы жили раньше?

Она промолчала.

– Зачем?

– Чтобы… научиться принимать неизбежное.

– Почему вы не можете сделать это здесь, с нами? Констанс, вы не должны снова туда уходить.

Она повернулась и посмотрела на него с таким напряжением, что попросту потерял дар речи. Он понял, что переубеждать ее не стоит. По крайней мере, это говорило о том, что Констанс, наконец, признала, что Пендергаст погиб – это уже можно было считать прогрессом. Возможно…

Теперь она поднялась с кресла.

– Я напишу записку миссис Траск и объясню, какую одежду и прочие предметы первой необходимости нужно будет оставлять в служебном лифте. Я буду принимать одну порцию горячего в день – в полдень. Но, пожалуйста, ничего в первые два дня, начиная с сегодняшнего. Я чувствую, что так надо. Кроме того, миссис Траск уедет, а я не хочу доставлять неудобства *вам*.

Проктор тоже поднялся и взял ее за руку.

– Констанс, вы должны меня выслушать…

Она посмотрела на его ладонь, затем подняла взгляд к его лицу, и этот взгляд заставил его немедленно отпустить ее.

– Спасибо, Проктор, что уважаете мои желания.

Поднявшись на цыпочки, она снова удивила его, легко поцеловав в щеку. После она повернулась и, почти как лунатик, направилась в дальний конец библиотеки, где за ложными книжными шкафами скрывался служебный лифт. Она открыла проход туда, проскользнула внутрь, закрыла за собой дверь и исчезла.

Проктор долго смотрел на то место, где она только что находилась. Это было безумием. Он покачал головой и отвернулся. Отсутствие Пендергаста бросило тень на особняк и на самого Проктора. Ему нужно было время, чтобы побыть одному и все обдумать. Он покинул библиотеку, пройдя по коридору, и открыл дверь, ведущую в его небольшую комнату, а затем вошел внутрь и закрыл ее за собой.

Он должен был решительнее возражать против ее плана. Теперь, когда Пендергаста нет, он – Проктор – в ответе за Констанс Грин. Но он знал, что не мог сказать ничего, что изменило бы ее решение. Он уже давно признал, что против нее у него не было оружия, хотя он когда-то считал себя человеком, способным справиться с любой напастью. Возможно, именно из этих соображений он верил, что со временем, с помощью его ненавязчивой поддержки Констанс окончательно примет факт смерти Пендергаста – и вернется к нормальной жизни…

Рука в перчатке возникла из-за его спины, обхватив грудную клетку Проктора и сжав ее с огромной силой.

Застигнутый врасплох, Проктор все же отреагировал инстинктивным резким движением, пытаясь освободиться от хватки злоумышленника, но человек ожидал подобной реакции и отразил ее. Тут же Проктор почувствовал, как острие иглы глубоко проникло в его шею. Он застыл.

– Любое движение неразумно, – прозвучал странный, шелковистый голос, который Проктор, будучи в глубоком шоке, узнал.

Он не двигался. Его шокировало то, что человек – какой-либо человек – смог так легко одержать над ним верх. Как такое возможно? Он погрузился в свои мысли и стал невнимательным. Он никогда не простит себя за это. Особенно, потому что именно *этот* человек, как он знал, был величайшим врагом Пендергаста.

– Вы гораздо лучше разбираетесь в искусстве физического боя, чем я, – продолжил мягкий голос. – Поэтому я взял на себя смелость внести в происходящее некоторые коррективы. То, что вы чувствуете в своей шее – это игла для инъекций. Я еще не надавил на поршень шприца, в котором содержится доза тиопентала натрия[2]. *Очень* большая доза. Я попрошу вас один раз и только один: сигналом будет расслабление вашего тела. То, как вы отреагируете сейчас, определит, получите ли вы дозу, которая сработает как простая анестезия… или которая убьет вас.

Проктор рассмотрел все варианты.

Он позволил своему телу расслабиться.

– Превосходно, – сказал голос. – Ваше имя Проктор, насколько я помню?

Проктор хранил молчание. Должна быть возможность изменить ситуацию в свою пользу – возможность всегда есть. Ему просто необходимо было время подумать.

– Я наблюдал за фамильным особняком некоторое время. Хозяин дома исчез – судя по всему, навсегда. Это смертельно удручает. Похоже, вы все должны носить траур.

Разум Проктора прокручивал разные сценарии. Он должен выбрать один и исполнить его. Ему просто нужно немного времени, всего несколько секунд…

– Не в настроении для беседы? Так же, как и я. У меня очень много дел, поэтому я говорю вам: *спокойной ночи*.

И тогда он почувствовал, что мужчина надавил на шприц. Проктор понял, что его время вышло, роковая секунда наступила, и, к собственному огромному удивлению, на этот раз он потерпел неудачу.

Проктор медленно выплывал из чернильных глубин небытия, возвращаясь в сознание. Это был длинный заплыв, и, похоже, он занял слишком много времени. Наконец, Проктор открыл глаза. Веки были тяжелыми и непослушными, поэтому все, на что хватало его сил, это не закрывать их обратно.

«*Что произошло?*»

Несколько мгновений Проктор лежал неподвижно, пытаясь осознать, где находится, и, в конце концов, понял, что лежит на полу гостиной. *Своей* гостиной.

«*У меня очень много дел…*»

Внезапно воспоминания о случившемся с бешеной скоростью обрушились на него. Он изо всех сил попытался подняться, и не смог. Попытался снова, приложив еще больше усилий, и на этот раз ему удалось принять сидячее положение. По ощущениям его тело напоминало мешок с мукой.

Он взглянул на часы. Одиннадцать пятнадцать утра – он пробыл без сознания чуть больше получаса.

«*Полчаса*». Только Богу известно, что могло произойти за это время!

«*У меня очень много дел…*»

Титаническим усилием Проктор заставил себя подняться на ноги. Комната закачалась перед его глазами, и он схватился за стол, яростно мотая головой, словно это могло помочь очистить ее. Затем он на мгновение замер, стараясь мобилизовать свои физические и умственные силы. Когда ему это удалось, он, открыв один из ящиков стола, извлек оттуда «Глок-22»[3] и заложил его за пояс.

Дверь в его комнату была распахнута настежь, за ней виднелся центральный коридор крыла для слуг. Проктор добрался до открытого дверного проема, схватился за его раму и, с трудом переставляя ноги, миновал коридор, двигаясь походкой безнадежного пьяницы. Дойдя до узкой задней лестницы, он крепко ухватился за перила и, то и дело теряя равновесие, прошел два лестничных пролета до первого этажа особняка. Вынужденные физические усилия, приправленные охватившим его сознание ощущением надвигающейся опасности, обострили притупленные чувства. Проктор миновал короткий коридор, в конце которого располагалась дверь, ведущая в общие комнаты.

Здесь он сделал остановку, намереваясь позвать миссис Траск, но тут же передумал. Такое решение, учитывая обстоятельства, было бы наименее целесообразным из всех возможных, так как моментально выдало бы его присутствие. Кроме того миссис Траск, по всей вероятности, уже уехала к

своей больной сестре в Олбани. К тому же в сложившейся ситуации *не ей* угрожала самая большая опасность – она грозила Констанс.

Проктор ступил на мраморный пол, собираясь дойти до библиотеки, сесть в лифт, ведущий в подвал и предпринять все возможные меры для защиты мисс Грин. Однако, не достигнув своего пункта назначения, он остановился вновь, увидев опрокинутый стол и разбросанные по ковру бумаги.

Он быстро осмотрелся. Справа от него находился большой приемный зал особняка, вдоль стен которого громоздились шкафы, некогда заставленные всевозможными необычными экспонатами. Здесь также царил полнейший разгром. Этажерка была перевернута, а древняя этрусская урна, ранее стоявшая на ней, опрокинулась и разбилась вдребезги. Огромная ваза со свежесрезанными цветами, которая прежде всегда стояла посреди зала – миссис Траск ежедневно меняла ее содержимое – теперь представляла собой кучу осколков на мраморном полу, а две дюжины роз и лилий в беспорядке валялись среди них в луже воды. В дальнем конце зала, у дверного проема, ведущего в столовую галерею, одна дверца шкафа была широко распахнута, изогнута под углом и наполовину сорвана с петель. Казалось, кто-то схватился за нее в безумной попытке к сопротивлению.

Всему этому хаосу явно предшествовала жесточайшая борьба. И следы ее вели из библиотеки, через приемный зал прямо к парадной двери особняка. А далее – в мир за его пределами.

Проктор прошел через зал. В длинной узкой столовой, располагавшейся следом, он увидел, что обеденный стол, за которым до недавнего времени Констанс занималась исследованиями истории семьи Пендергаст, теперь представлял собой буйство беспорядка: книги и бумаги были разбросаны, стулья опрокинуты, ноутбук перевернут. И в дальнем конце комнаты, где фойе уходило в прихожую, Проктор заметил нечто еще более тревожное: тяжелая парадная дверь, которая редко отпиралась, сейчас была приоткрыта, и через нее в дом проникал сияющий утренний свет.

Когда Проктор, наконец, с нарастающим ужасом сумел осознать происходящее и интерпретировать увиденные знаки, он услышал из-за открытой двери приглушенный женский голос, умоляющий о помощи.

Игнорируя периодически накатывающее головокружение, он помчался вперед, попутно извлекая из-за пояса «Глок». Он пробежал под аркой, миновал прихожую и широко распахнул входную дверь, остановившись под козырьком парадного входа, чтобы осмотреться и разведать обстановку.

Там, в дальнем конце подъездной дорожки, стоял «Линкольн Навигатор» с тонированными окнами, повернутый в сторону Риверсайд-Драйв. Его ближайшая задняя дверь была открыта. Рядом с ней стояла Констанс Грин со связанными за спиной руками. Она отчаянно боролась, но не могла совладать с путами. Пусть Проктор и не мог видеть ее лицо – она смотрела в другую сторону – он ни с чем не смог спутать ее старомодную стрижку «боб» и ее оливковое пальто «Барберри»[4]. Мужчина – также даже не взглянувший в сторону Проктора – ухватил ее за голову и тут же с силой затолкал на заднее сиденье, захлопнув за ней дверь.

Проктор поднял пистолет и выстрелил, но мужчина перепрыгнул через капот автомобиля и скрылся за водительской дверью, сумев таким образом уклониться от пули. Вторая пуля Проктора срикошетила от пуленепробиваемого стекла, в то время как автомобиль рванул с места и с облаком дыма из-под жженых покрышек устремился вперед по Риверсайд-Драйв. Сквозь заднее тонированное окно все еще можно было рассмотреть изо всех сил сопротивляющуюся фигуру Констанс.

Машина пронеслась по дороге и вскоре скрылась из зоны видимости.

Незадолго до того, как нападавший запрыгнул в машину, он все же повернулся к Проктору, и их глаза встретились. Невозможно было ни с чем спутать черты лица этого мужчины: его странные глаза разных цветов, бледное, аристократическое лицо, ухоженную бороду, рыжие волосы и взгляд полный ледяной жестокости… Сколь бы невозможным это ни казалось, это Диоген, брат Пендергаста и его непримиримый враг, которого все они считали мертвым – убитым Констанс более трех лет назад.

Теперь он снова возник из небытия. *И похитил Констанс.*

Взгляд, застывший в глазах Диогена – свирепый, мрачный и извращенный блеск торжества – был настолько ужасен, что в течение нескольких коротких мгновений даже стоический Проктор чувствовал, что им овладел шок. Но его паралич продлился всего лишь миллисекунду. Стряхнув страх и оцепенение, он рванул за машиной, пробежал по подъездной дорожке и одним прыжком перепрыгнул через подстриженную живую изгородь.

2

В молодости Проктор был профессиональным бегуном – он установил рекорд на курсе выносливости OSUT[5], и никто все еще не побил его в Форт-Беннинге[6]. С тех пор поддерживал себя в отменной физической форме. Однако сейчас он преследовал «Навигатор» на пределе своей

возможной скорости. В данный момент машина простаивала на красном сигнале светофора в полутора кварталах впереди него. Проктор преодолел это расстояние менее чем за пятнадцать секунд. Как только он приблизился к автомобилю, свет сменился на зелёный, и «Навигатор» рванул вперед.

Приняв боевую стойку, Проктор навел прицел своего «Глока» на задние шины автомобиля и выстрелил дважды: сначала в левое колесо, а затем в правое. Пули попали в цель, резина обоих шин содрогнулась от удара, но прямо под его взглядом, они с громким шипением снова вернули себе первоначальную форму.

«*Самонадувание*[7]!»

«Навигатор» с Диогеном за рулем обогнул едущий перед ним автомобиль и рванул по Риверсайд, лавируя сквозь поток.

Теперь Проктор развернулся и помчался обратно к особняку, на ходу убирая пистолет за пояс и доставая свой мобильный телефон. К несчастью, он располагал ограниченным набором контактов Пендергаста в ФБР и в других федеральных агентствах. Кроме того, в этой ситуации вызов ФБР только усугубил бы ситуацию. Текущий случай попадает под юрисдикцию местной полиции. Проктор набрал «911».

– Служба спасения девять-один-один, – ответил прохладный женский голос. – Что у вас случилось?

Очутившись в особняке, Проктор промчался через комнаты общего пользования и устремился в заднюю часть здания. Для обеспечения безопасности и конфиденциальности его мобильный телефон был зарегистрирован на фальшивое имя и адрес, и он знал, что эта информация уже появилась на экране терминала оператора.

– Это Кеннет Ломакс, – представился Проктор, используя поддельное имя, а тем временем в задней части коридора он открыл потайную панель в стене и достал специальную дорожную сумку, которая была заранее приготовлена и собрана на случай чрезвычайной ситуации, – я только что стал свидетелем похищения.

– Адрес, пожалуйста.

Проктор продиктовал адрес, пока убирал в сумку «Глок» и несколько дополнительных обойм.

– Я видел, как какой-то мужчина выволок женщину из дома за волосы, и она очень громко звала на помощь. А потом он затолкал ее в машину и уехал.

– Сможете дать описание машины?

– Черный «Навигатор» с тонированными стеклами, направился на север по Риверсайд-Драйв.

Он продиктовал ей номерной знак машины, затем схватил сумку и, миновав кухню, помчался к гаражу, где стоял «Роллс-ройс Серебряный Призрак» '59, принадлежащий Пендергасту. После инцидента с отравлением эликсиром Иезекииля Пендергаст собирался продать этот автомобиль, однако покупатель в последний момент отказался приобретать его. Сейчас Проктор отчего-то счел это счастливым стечением обстоятельств.

– Пожалуйста, оставайтесь на линии, сэр. Я отправляю подразделение на его перехват.

Запустив двигатель, Проктор выехал с подъездной дорожки и свернул на север по Риверсайд-Драйв, поддавая газ и вгрызаясь в асфальт десятифутовой резиной. Он пролетел первый, а затем и второй красные сигналы светофора. Поток был неплотным, и его дальность обзора составляла около полумили. Вглядываясь сквозь неплотную утреннюю дымку, он попытался разглядеть «Навигатор» и ему показалось, что он засек его в десяти кварталах впереди себя.

Ускорившись, он обогнал такси, а затем проскочил еще один красный свет под яростные вопли клаксонов других водителей. Он знал, что, поскольку это было возможное похищение, оператор службы спасения после звонка специальным подразделениям уведомит Детективное бюро о происшествии. А затем ей, вероятно, захочется получить от него дополнительную информацию. Он бросил мобильный телефон на пассажирское сиденье, оставаясь все еще на связи с оператором, и включил полицейское радио, установленное под приборной панелью.

Пробираясь сквозь дымку из пыли и тумана, Проктор еще больше утопил педаль газа в пол. Он больше не наблюдал впереди себя «Навигатор», даже на прямом участке дороги перед Вашингтонскими высотками. Самым логичным отходным путем для Диогена было шоссе Вест-Сайд, но на этом участке северного Риверсайд-Драйв не наличествовало никаких съездов.

Проктор расслышал сирены – полиция отреагировала быстро.

Внезапно в зеркале заднего вида он увидел, как «Навигатор» выехал на Риверсайд-Драйв с 147-й улицы, направившись на *юг*. Диоген – как понял Проктор – нырнул на улицу с односторонним движением во встречном направлении и развернулся.

Поджав губы, Проктор быстро оценил поток машин вокруг себя, после чего резко выкрутил руль влево. В то же время он использовал ручной тормоз, чтобы застопорить колеса, вращая автомобиль силой инерции

скольжения. Этот маневр был встречен новым взрывом воплей протестующих клаксонов и визгом тормозов окружающего потока машин. Когда «Роллс» совершил скользящий разворот, Проктор отпустил ручной тормоз и тут же дал двигателю полный газ. Большая машина рванула вперед. Теперь вдалеке он увидел мигающие огни, сопровождаемые воплями сирен.

В пяти кварталах впереди он увидел, как «Навигатор» свернул направо, выруливая на западную часть 145-ой улицы. Это не имело никакого смысла: 145-я резко обрывалась автостоянкой государственного парка «Ривербанк» – зеленого пространства, которое – по иронии судьбы – было построено на станции очистки сточных вод, и было зажато между рекой Гудзон и шоссе Уэст-Сайд. Может быть, у Диогена был скоростной катер, ожидавший его на реке?

Меньше чем за полминуты Проктор сумел уклониться от потока и, резко развернув «Роллс», направить его на запад 145-ой. Он осознавал, что первым делом должен понять, что *именно* задумал Диоген, прежде чем продолжать погоню. Резко затормозив, Проктор выхватил из сумки небольшой, но очень мощный бинокль и принялся осматривать местность, раскинувшуюся перед ним: дорогу, автостоянку и прилегающие к ней подъездные пути. Никакого черного «Навигатора» в пределах видимости и в помине не было. Каким же путем, черт возьми, ушел Диоген?

Проктор заменил бинокль на другой – более мощный – и тут же периферийным зрением заметил справа от себя колыхание кустарника. Здесь обочина резко уходила вниз, к раскинувшейся с севера на юг ленте шоссе Уэст-Сайд. Листва и саженцы выглядели только что ободранными, а в воздухе еще висела тонкая, рассеивающаяся пелена пыли, а на земле остались свежие отпечатки следов шин.

Проктор снова поднес к глазам бинокль. Там, вдалеке, мчался «Навигатор», уходя на высокой скорости на север по шоссе. Проктор выругался. Этот комплекс маневров снова дал Диогену фору в полмили.

Еще раз дав двигателю полный газ, он свернул «Роллс» с дороги и, сделав рывок, съехал к набережной и выехал на шоссе, где жестоко слился со встречным потоком, тут же схватив сотовый телефон с пассажирского сиденья.

– Это Кеннет Ломакс. Автомобиль подозреваемого движется теперь на север по шоссе Уэст-Сайд, направляясь к Мосту Джорджа Вашингтона.

– Сэр, – спросил оператор, – как вы можете быть в этом уверены?

– Потому что я его преследую.

– Не гонитесь за ним самостоятельно, сэр. Предоставьте это дело полиции.

Видит Бог, за всю свою жизнь Проктор крайне редко повышал голос, однако в этой ситуации его хваленая выдержка дала трещину:

– Тогда направьте ваш чертов полицейский перехват сюда и остановите похитителя *сейчас же*!

Он швырнул телефон обратно на пассажирское сиденье, игнорируя ответную болтовню оператора, и рванул по шоссе Уэст-Сайд, огибавшее реку Гудзон, поднимаясь и опускаясь вслед за рельефом местности. Проктор гнал «Роллс» со скоростью более ста миль в час, но он не был уверен, что сумеет добраться до Диогена, потому что знал: «Навигатор» будет двигаться с не меньшей скоростью при наличии форы.

Далее путь пролегал по длинному узкому промежутку автомагистрали I-95, которая уходила на мост Джорджа Вашингтона. «Навигатор» к этому моменту уже пропал из поля зрения. Неужели Диоген свернул на съезд и направился в Нью-Джерси, на Лонг-Айленд или в Коннектикут? Или же он остался на шоссе, направляясь в последний небольшой район Манхэттена, а дальше держал путь на север, в Вестчестер?

Проктор снова выругался. Он сканировал полицейские частоты, слушая болтовню специальных подразделений, ответивших на вызов, и надеялся услышать сообщение об обнаружении черного «Линкольна Навигатора» с тонированными стеклами, направляющегося на север по шоссе Уэст-Сайд. Однако, судя по всему, на шоссе Уэст-Сайд «Навигатора» уже не было.

Погоня провалилась.

3

«Навигатору» удалось скрыться.

В самый последний момент, прислушавшись к своему чутью, Проктор свернул на съезд, ведущий на мост. Он пересек три полосы движения и, едва удержав «Роллс» под контролем, когда его резко швырнуло на обнесенную стеной рампу, продолжил движение. Он выбрал более низкий уровень моста, так как по нему двигалось меньше грузовиков и, следовательно, там было больше возможностей для маневров и набора большой скорости. Тревожные сообщения на полицейской частоте сообщали о бесплодных попытках перехвата. На пассажирском сидении рядом с ним голос оператора «911», доносившийся из телефона, начал зазвучал почти истерично. Проктор знал, что, как только полицейские переключат свое внимание с неудавшейся погони, следующим человеком, представляющим для них интерес, станет он сам. У него не было времени на нежелательные вопросы или – что еще хуже – на

потенциальное задержание. Потянувшись к сотовому телефону, он схватил его и, опустив окно, выбросил. В его дорожной сумке были и другие одноразовые телефоны.

Достигнув противоположной стороны моста и оказавшись в Нью-Джерси, он сбросил скорость до семидесяти миль в час, когда проезжал мимо восточного пункта оплаты проезда. Проктор не хотел, чтобы его остановили за превышение скорости в такой критический момент. Он разобрался в хитросплетении развязок автострады и устремился к западной автомагистрали I-80. Пятнадцать минут спустя он свернул на 65-ый съезд с шоссе, направившись в аэропорт Тетерборо.

Проктор предположил, что у Диогена есть только два возможных пути отхода: залечь на дно в некоем ближайшем убежище, заранее подготовленном для этой цели, или увезти Констанс на частном транспорте. Если Диоген уже залег на дно, было слишком поздно что-либо предпринимать. Если же он спланировал увезти Констанс, то он бы не рискнул продолжать путь в «Навигаторе». Также для него было бы невозможно затащить жертву похищения на коммерческий рейс или на какой-нибудь другой вид общественного транспорта – так как его номерной знак был известен полиции. Поэтому логично было предположить, что конечным пунктом назначения являлся Тетерборо: ближайший аэропорт, обслуживающий международные частные самолеты.

Он повернул на Индастриал-авеню и припарковал «Роллс» у бордюра рядом с ближайшим входом в аэропорт. Проктор изучил линию соседних сооружений: вышку, пожарную часть и остальные здания FBO[8]. Нигде не было никаких признаков «Навигатора», но это еще ничего не значило: его могли бросить где-то в отдалении или оставить внутри любого из полудюжины ангаров.

Открыв дверь машины, Проктор вышел и быстро осмотрел взлетно-посадочные полосы в поисках выруливающих на взлет самолетов – их не было. А затем он перевел взгляд в небо и увидел уже взлетевший авиалайнер. Самолет успел убрать шасси, пока Проктор наблюдал за ним. Однако трудно было сказать наверняка, находится ли Диоген на борту: в воздушном пространстве над Нью-Йорком и соседними штатами всегда было много самолетов. Этот – мог и вовсе не иметь никакого отношения к делу Проктора. Итак, отследить Диогена было невозможно…

Во всяком случае, *пока*.

Вернувшись в «Роллс», Проктор взял лэптоп, подключился к Интернету и раскрыл диаграмму для Тетерборо. Затем он зашел на сайт «AirNav»[9] в поисках сводной информации об аэропорте: его широте и долготе, оперативной статистике, длине взлетно-посадочных полос. Две из них в

Тетерборо были длиной около семи тысяч футов, и были способны принимать самолеты практически любых размеров. Проктор отметил, что за день в аэропорту обслуживалось в среднем около 450 самолетов, 60 процентов из которых принадлежали гражданской авиации. Далее он прокрутил страницу до информации оператора FBO: данных о наземном обслуживании, службе авионики[10] и чартерных рейсах. Он зафиксировал всю эту информацию у себя в памяти.

Переключив коробку передач «Роллса», он заехал на территорию самого аэропорта и направился вдоль ряда зданий, пока не достиг одного из них в самом начале взлетно-посадочной полосы № 1. Строение представляло собой полостной ангар с большой надписью «ЛЕТНАЯ ШКОЛА СЕВЕРНОГО ДЖЕРСИ». Схватив сумку, он выскочил из машины и побежал к зданию. Проктор мельком заглянул внутрь и направился дальше к взлетно-посадочной полосе. В летной школе стояло полдюжины потрепанных «Сессна-152»[11], припаркованных прямо на асфальте. Он заметил, что в ближайшем из них сидели два человека: очевидно, пилот и студент, обговаривавшие план полета на предстоящий урок.

Изобразив на лице обеспокоенное выражение, Проктор подбежал к самолету и знаками попросил их открыть окно. Находящиеся в кабине люди с интересом взглянули на него, и по выражениям их лиц сразу стало понятно, кто был летчиком, а кто учеником.

– Простите, вы можете мне помочь? – громко спросил Проктор. – Вы случайно не видели, как здесь недавно мужчина и женщина садились в самолет?

Люди в «Сессне» переглянулись, пока Проктор продолжил свой монолог:

– Молодая женщина чуть старше двадцати лет с темными волосами. И высокий мужчина с небольшой бородой и шрамом на одной щеке.

– Мистер, вам не следует здесь находиться без разрешения, – заметил пилот.

Проктор обратил внимание на ученика: парень был немного старше коллеги, и явно был взволнован одним тем, что просто сидел в самолете.

– Это был мой босс, – пояснил Проктор, изображая сбившееся дыхание, и размахивая сумкой. – Он забыл это. Я никак не могу связаться с ним по телефону. Это жизненно важно, ему очень нужны документы и информация, находящиеся здесь.

– Да, я их видел, – наконец-то ответил студент, – примерно пять минут назад они сели в самолет, который ждал их прямо там, на взлетной

полосе. Женщина выглядела больной. Мне показалось, что она с трудом стояла на ногах.

– Какой именно самолет? – спросил Проктор.

Пилот нахмурился.

– Сэр, мы не можем разглашать…

Но ученик с явным энтузиазмом перебил его.

– Это был самолет с двумя двигателями. «Лирджет»[12]. Но не могу сказать какой именно модели.

– Так и есть, – сказал Проктор. – «Лирджет». Это он, все правильно. Огромное вам спасибо, я попытаюсь найти способ связаться с ним.

Пилот открыл рот, чтобы снова возмутиться, но прежде чем он начал, Проктор развернулся и исчез за ангаром летной школы.

Вернувшись в «Роллс» он загрузил сайт «FlightAware»[13] и ввел в поисковый запрос «KTEB»: код ИКАО[14], утвержденный для этого аэропорта. На экране появилась покрытая призрачными белыми фигурками самолетов, направляющихся в разные стороны, пограничная область трех штатов, в центре которой находился Тетерборо. Ниже карты находились два списка: «Прибытие» и «Вылет».

Проктор быстро просмотрел список «Вылетов». Он состоял из нескольких строк данных, перечисленных в обратном хронологическом порядке. Каждая строка относилась к самолету, покинувшему Тетерборо в течение последних нескольких часов, и включала в себя бортовой номер самолета, тип воздушного судна, пункт назначения, время отправления и расчетное время прибытия.

Сейчас было 12:45 дня. Информация на экране сообщала, что последние вылеты из Тетерборо были произведены в 12:41, 12:32 и 12:29. Таким образом, за последние пять минут только один самолет покинул аэропорт.

Проктор проверил тип самолета, который улетел в двенадцать сорок одну. Как и следовало ожидать, он был указан как «LJ45» – «Лирджет 45», и направлялся он в «KOMA». Быстрый поиск определил этот код ИКАО, как принадлежащий аэродрому Эппли Эйрфилд в Омахе, штат Небраска.

На сайте самолет обозначался как «Ident» с бортовым номером «ЛН303П». Проктор кликнул на него, и открылось новое окно: карта, показывающая запланированный маршрут полета из Нью-Джерси в Небраску. От символа самолета тянулся небольшой хвостик, начинавшийся от Тетерборо. Впереди него уходила на запад пунктирная

линия, соединявшая два аэропорта. Ряд данных на одной стороне экрана дал Проктору понять, что у самолета была расчетная скорость полета в 420 узлов[15] и что сейчас он находился на высоте шесть тысяч футов, поднимаясь на девятнадцать тысяч футов.

Одним кликом Проктор закрыл окно карты полета. Теперь он знал две важные вещи: Диоген и Констанс находились в этом «Лирджете», и Диоген подал план полета с кодом FAA[16] в диспетчерскую службу в Небраске. Составление подобного плана полета по ППП[17] требовалось для всех вылетов, попытка лететь без него породила бы немедленное и нежелательное внимание.

Просматривая список «Прибытия», он увидел, что «Лирджет» с бортовым номером «ЛН303П» приземлился в Тетерборо всего полчаса назад. Так что это не был местный чартер – Диоген использовал «репозиционированный» чартер из другого аэропорта, чтобы замести свои следы.

*«Умн**о**. Но не достаточно»,* – подумал Проктор. И все потому, что Диоген не подумал или забыл скрыть свой бортовой номер от системы слежения за гражданскими самолетами «FlightAware». Теперь Проктор точно знал, куда направляется похититель.

Но это знание несло мало пользы, потому что с каждой минутой Диоген удалялся в сторону Небраски со скоростью сотни миль в час.

4

Согласно сайту «AirNav,» который он посещал ранее, «Дебон-Эйр Авиэйшн Сервис» была единственной авиационной чартерной компанией, действующей непосредственно на территории Тетерборо. Проезжая мимо ряда зданий FBO, Проктор, наконец, заметил знак чартера. Он припарковался на площадке около входной двери из матового стекла, а затем, заглушив двигатель и схватив свою сумку и ноутбук, быстро вышел из «Роллса».

Местный интерьер ничем не отличался от интерьеров других чартерных компаний, которых Проктору доводилось не единожды видеть раньше. Все здесь было организовано в соответствии с соображениями высшей степени удобства и функциональности. Большинство чартерных операторов являлись либо бывшими коммерческими пилотами, либо бывшими военными. В помещении располагалось три стола, и лишь один из них был занят. На стенах висели авиационные плакаты в рамках. Открытая дверь в задней части офиса вела к картотеке.

Проктор окинул мужчину, сидящего за столом, оценивающим взглядом. Ему было около пятидесяти, он обладал мускулистым телосложением, его короткие седые волосы отливали сталью. Именная табличка на столе гласила «БОУМАН». Он взглянул на Проктора, очевидно, оценивая потенциального клиента.

Проктор рассмотрел все возможности. То, что он собирался запросить, не считалось рядовой просьбой и обычно требовало времени – гораздо больше времени, чем у него сейчас было в наличии. Он быстро, но методично взвесил все свои варианты, следуя за каждой ветвью дерева решений вплоть до его логического завершения. Затем он сел на свободный стул, стоящий перед столом, поставил ноутбук на пол и оставил дорожную сумку лежать на коленях, в качестве некоего барьера.

– Мне нужен срочный чартер, – сказал он.

Мужчина моргнул и повторил:

– Срочный:

Проктор кивнул.

– Позвольте полюбопытствовать, к чему такая спешка? – спросил мужчина. Выражение его лица, внезапно окрасившееся подозрительностью, буквально задавало немой вопрос: «Что-то н*елегальное*?»

– Ничего незаконного, – ответил Проктор. Он уже понял, что максимальная степень честности, скорее всего, обеспечит успешный результат. А дальше честность, можно будет подкрепить и другими стимулами. – Я преследую человека.

Услышав это, Боуман тут же оживился. Теперь он смотрел на Проктора совсем иначе – то был взгляд одного военного, адресованный другому.

– Рейнджер? – спросил он.

Проктор неопределенно махнул рукой:

– Член спецподразделения, – в свою очередь он взглянул на каркасную рамку, висящую на стене позади Боумана. – А вы? ВВС?

Боуман кивнул. Подозрительность в его взгляде немного рассеялась.

– Почему бы вам не обратиться в полицию?

– Боюсь, речь идет о похищении человека, и любое участие в этом деле полиции может привести к смерти заложника. Похититель умен, чрезвычайно жесток и крайне опасен. Помимо того, имеет место весьма щекотливый личный вопрос, и время играет решающую роль. Я знаю

бортовой номер самолета и пункт назначения, и мне необходимо добраться до этого места, прежде чем цель исчезнет из поля зрения.

Боуман снова кивнул, но на этот раз медленнее.

– Место назначения?

– Эппли Эйрфилд, Омаха.

– Омаха, – повторил Боуман, – это потянет на большое количество авиационного топлива, мой друг. Как долго будем там стоять?

– Для меня это не имеет значения. Это полет в одну сторону.

– Мне все равно нужно будет взять с вас оплату за возвращение. Даже без пассажиров.

– Понимаю.

– Что ж. Количество пассажиров?

– Один. И вы смотрите на него.

Повисла пауза.

– Вы понимаете, что подобный срочный чартер – с учетом лишней волокиты и накладных расходов – будет стоить вам значительной суммы.

– Нет проблем.

Некоторое время Боуман размышлял над услышанным. Затем повернулся к компьютеру на своем столе и бегло застучал по клавишам. Проктор использовал образовавшуюся паузу, чтобы открыть свой собственный ноутбук и проверить статус самолета Диогена. Значок «ЛН303П» со стрелкой все еще указывал на запад. Он находился на высоте двенадцать тысяч футов, придерживаясь заявленной скорости полета.

– Вам повезло, – наконец отозвался Боуман, – у нас есть самолет «Пилатус PC-12»[18]. И у нас в аэропорту сейчас присутствует лицензированный пилот, он уже пообедал, – мужчина выставил вперед калькулятор. – С топливом, арендой трапа, платой за посадку, комиссионными сборами, суточными, односторонней пошлиной и пятнадцатью процентами надбавки за использование самолета, которая составляет одну тысячу двести долларов…

– Он не подойдет, – прервал его Проктор.

Боуман взглянул на него:

– Почему нет?

– PC-12 – одномоторный турбовинтовой борт, а мне нужен реактивный самолет.

– Реактивный самолет?

– Я преследую «Лирджет-45». Мне нужно что-то настолько же быстрое, или еще быстрее.

На мгновение взгляд Боумана снова сделался подозрительным, но почти сразу смягчился, и мужчина снова переключился на монитор компьютера.

– У нас есть один такой самолет – «Гольфстрим IV»[19]. Но в ближайшее время он не сможет взлететь.

– Почему нет?

– Я сказал, что у нас есть *один* пилот. Я ничего не говорил о *двух* пилотах. Невозможно управлять подобным самолетом в одиночку, – еще несколько нажатий клавиш. – У меня есть пилот в резерве, и я могу срочно вызвать его сюда завтра утром. Конечно, если дополнительная стоимость «Гольфстрима» не станет проблемой…

– Неприемлемо.

Боуман замолчал, внимательно посмотрев на Проктора.

– Мне нужно вылететь немедленно, – продолжил тот ровным голосом.

– Я же говорю, до утра я не смогу найти помощника пилота.

Проктор снова пересмотрел все свои варианты. Среди них частенько возникал тот, в котором необходимо было прибегнуть к насилию, и Проктор не отбрасывал такие варианты в сторону. Тем не менее, в сложившихся обстоятельствах это было нецелесообразно: в игре присутствовало слишком много переменных, и слишком много служб безопасности располагалось вокруг него. Кроме того, чтобы добиться успеха, он нуждался в добровольном сотрудничестве.

– Какова обычная плата за поездку в Омаху в оба конца на «Гольфстрим IV»?

Мужчина еще раз обратился к своему калькулятору.

– Три тысячи восемьсот в час.

– Поэтому я предполагаю, что с продолжительностью полета в один конец около трех часов, мы приходим к сумме в районе двадцати пяти тысяч долларов.

– Звучит правильно… – начал Боуман, но снова прервался, когда Проктор потянулся к сумке, достал несколько пачек стодолларовых купюр и положил их на стол.

– Тридцать тысяч. Полетели.

Мужчина взглянул на аккуратные стопки наличных денег.

– Я ведь сказал, что у меня нет…

– Но *вы* ведь лицензированный пилот, не так ли? – спросил Проктор, указав подбородком на одну из рамок на стене.

– Да, но…

Без слов Проктор полез в сумку, вынул еще пять тысяч долларов и добавил их к уже лежавшей на столе внушительной сумме. Он осмотрительно оставил сумку открытой, тем самым демонстрируя еще много стопок стодолларовых купюр – в общей сложности, почти полмиллиона долларов – вместе с «Глоком».

Боуман перевел взгляд со стопки денег на столе на сумку, а затем снова вернулся к купюрам на столе. Наконец, он поднял трубку и набрал номер.

– Рэй? У нас срочный вылет. Да прямо сейчас. Омаха. Нет, это порожний рейс. Я сам полечу на левом сиденье. Вернись сюда. Сейчас же, – он еще с минуту слушал болтовню на другом конце провода. – Ну, скажи ей подождать до завтра, черт возьми!

Во время этого диалога Проктор снова воспользовался возможностью проследить за полетом Диогена через «FlightAware». К его удивлению и ужасу, он увидел, что всего несколько минут назад самолет изменил свой первоначальный курс и теперь находился на отметке 0:0000. Взгляд на окно информации о полете в правой части экрана показывал новый пункт назначения: теперь вместо «KOMA» значился «CYQX». Проверив его, Проктор узнал, что этот код принадлежит международному аэродрому Гандер, Ньюфаундленд, Канада.

Таким образом, получается, что Диоген не ограничился тем, что нанял репозиционированный чартер для своего побега из Тетерборо. Похоже, он сделал запрос в FAA прямо в воздухе и заполучил новый план полета, изменив пункт назначения своего самолета с Омахи на Гандер. Просто чтобы убедиться, что его не будут преследовать.

Пока Проктор изучал свой лэптоп, Боуман сделал короткую серию звонков.

– О’кей, – наконец-то сказал он, забирая пачки наличных, – мой пилот в пути, и мы уже заправляем самолет. Как только я получу план полета, согласованный с DUATS[20], мы сможем немедленно вылететь…

– Произошло изменение пункта назначения, – прервал его Проктор, – это уже не Омаха, а Гандер, Ньюфаундленд.

– Ньюфаундленд? – Боуман нахмурился, – минуточку. Теперь мы говорим о международном рейсе, и…

– Это не имеет значения. Дальность полета короче. Я заплачу столько, сколько необходимо, – Проктор вынул еще пять тысяч долларов из своей сумки, взмахнул ими перед лицом Боумана и положил обратно. – Просто сделайте то, что я прошу, и давайте, наконец, вылетим, на хрен, отсюда.

Это неожиданное ругательство, произнесенное обычным для Проктора невыразительным голосом, оказалось самым эффективным доводом из всех. Боуман выдохнул и медленно кивнул.

– Дайте мне несколько минут на подготовку, – сказал он смешанным тоном, который прозвучал наполовину довольным, наполовину опустошенным, – мы взлетим в течение десяти минут.

5

План полета из Тетерборо до Международного аэропорта Гандера покрывал одиннадцать сотен морских миль непрерывного пути над мысом Энн, штат Массачусетс, Новой Шотландией и Ньюфаундлендом. С учетом времени, необходимого на руление, взлет и заход на посадку, расчетное время полета составляло один час и пятьдесят одну минуту. Лишь по прошествии полутора часов полета Проктор сумел поговорить с авиадиспетчерами Гандера.

Во время этого разговора Проктор лишь убедился, что Гандер действительно стал пунктом назначения Диогена. Никаких отклонений в дальнейшем не предвиделось, судя по тому, что самолет Диогена уже заходил на посадку. Поначалу Диоген существенно опережал Проктора, но последнему удалось сократить фору до получаса, так как два самолета летели примерно с одинаковой скоростью, а беглецам при этом пришлось выполнять обманный маневр в сторону Омахи. Между тем, пилоты «Гольфстрима» – Боуман и второй парень по имени Рэй Крисп – были приверженцами протокола. Впрочем, таковыми, насколько знал Проктор, было большинство первоклассных пилотов. К примеру, они отказывались позволить своему пассажиру воспользоваться средствами радиосвязи вне зависимости от того, сколько денег он им за это предлагал.

Наконец, когда самолет начал заходить на посадку, Боуман поднял радио, чтобы связаться с авиадиспетчерами Гандера.

– Гандер, говорит Ноябрь-Три-Девять-Семь-Браво, высота четыре тысячи пятьсот футов, прошу разрешения на посадку, – отчеканил он.

Послышался треск статических помех.

– Три-Девять-Семь-Браво, говорит диспетчер 4-4-5-2. Следуйте на ВПП-3. Держите связь через наземный пункт наблюдения номер девять.

– Принято следовать на ВПП-3, Три-Девять-Семь-Браво, – ответил Боуман и отключил микрофон. Как только он вернул его на место, рука Проктора молниеносно вылетела вперед и схватила радио; далее он отошел от пилотов, чтобы они не смогли помешать ему, и нажал кнопку «ПЕРЕДАЧА».

– Авиадиспетчерская Служба Гандера, – обратился он, – «LJ45», повторяю «Лирджет-45», бортовой номер «ЛН303П», садится на взлетно-посадочную полосу три. Задержите этот самолет на рулежной дорожке.

Несколько секунд на том конце провода царило молчание.

– Авиадиспетчер Гандера, – послышался, наконец, голос. – Повторите запрос.

– Задержите «Лирджет-45», бортовой номер «ЛН303П», – повторил Проктор. – Не позволяйте пассажирам покинуть салон, на борту заложник.

Боуман и Крисп в это время отстегивали ремни безопасности.

– С кем я говорю? – строго спросил диспетчер. – Эта частота не предназначена для служб охраны и правопорядка.

– Повторяю: *на борту того самолета заложник*. Сообщите об этом властям.

– Любой подобный запрос должен быть подан на частоте служб охраны и правопорядка. Три-Девять-Семь-Браво, как поняли?

Боуман возник перед Проктором, и лицо его подернулось тенью суровости. Не говоря ни слова, он протянул руку, тем самым требуя вернуть радио.

Проктор хотел передать сообщение снова, но, даже не произнеся ни слова, он понял, что его маневр уже потерпел неудачу. Как и следовало ожидать, на пути погони встала канадская бюрократия.

– Отдайте мне радио, – произнес Боуман приказным тоном.

Одновременно с пилотом из динамиков донесся новый треск помех:

– Три-Девять-Семь-Браво, как поняли?

– Вы добьетесь лишь того, что задержат *этот* самолет, – процедил сквозь зубы Боуман, – а не тот, который вы преследуете. Из-за вас нас всех будут допрашивать.

Проктор застыл в нерешительности. Его взгляд перебегал от пилота к своей дорожной сумке, оставленной на пассажирском сидении, и обратно.

– И что вы собираетесь сделать? Застрелите нас? – спросил Боуман. – Это ничем вам не поможет, без нас вы разобьетесь на этом самолете. А теперь: отдайте мне радио.

Не говоря ни слова, Проктор повиновался.

Боуман быстро поднес радио к губам.

– Говорит Три-Девять-Семь-Браво. Игнорируйте последнее сообщение. Пассажир пробрался в кабину пилотов.

Голос авиадиспетчера ответил:

– Принято. Вам потребуется помощь при посадке?

Боуман пристально смотрел на Проктора, когда вновь заговорил:

– Нет. Не потребуется. Пассажир просто немного… выпил. Его уже вернули на место. Ситуация урегулирована, и кабина пилотов в безопасности – Боуман так и не отвел взгляд от Проктора. Наконец, он вернул радио на место и снова занял пилотское кресло. – Этот разговор стоил вам сорок тысяч долларов, приятель, – хмыкнул он, – иначе мы сдадим вас копам за эту выходку.

Проктор с вызовом взглянул на пилота, но затем отвернулся и направился обратно на свое место. Он сделал все, что мог, но последний маневр явно вышел ему боком. Его сообщение не приняли всерьез. Он не был ни полицейским, ни федеральным агентом, поэтому не мог заставить власти действовать – особенно если речь шла о властях другой страны. Лишь теперь он осознал, насколько глупо выглядела его попытка со стороны. Придется иметь дело с Диогеном самому – там, на твердой земле.

Проктор знал, что способен с ним справиться. Он и так зашел уже слишком далеко. Гандер был самым восточным крупным аэропортом на североамериканском континенте и располагался на самом берегу Атлантики. Теперь оставалось понять, действительно ли Ньюфаундленд был конечным пунктом назначения Диогена? Или он всего лишь

являлся местом пересадки? По большей части, Проктор склонялся к первому варианту. Это было идеальное место, чтобы залечь на дно – на краю земли в окружении обширных и пустынных земель. Ограниченная дальность полета «LJ45» делала трансатлантический перелет на нем весьма опасным, и лежащим почти за гранью возможного.

Проктор знал, что предпримет, как только окажется на земле. Он сделает то, что умеет лучше всего – начнет выслеживать свою добычу. Это может занять некоторое время, но теперь Диогену некуда бежать, и у него больше не получится застать своего преследователя врасплох. Нет, Проктор знал, что бросит все силы на эту погоню. Положение Диогена осложнялось еще и тем, что его заложница – человек непростой и очень опасный. Нет, погоня, определенно, не должна занять слишком много времени – вопрос состоял лишь в том, *как* она будет разворачиваться дальше.

Разумеется, Проктор понимал, что у него нет весомых доказательств того, что Диоген и Констанс находятся на борту того «Лирджета», кроме слов свидетеля из лётной школы в Тетерборо. Однако отсутствие альтернативных путей отступления, и чартер, изменивший пункт назначения прямо в воздухе – все это указывало на Диогена, если верить тому, что Проктор о нем знал, а знал он немало. Кроме того… других зацепок у него не было.

Подобные мысли занимали Проктора, пока самолет снижался над взлетно-посадочной полосой номер три аэропорта Гандера. Из окна он наблюдал, как мрачные серо-зелёные поля уступают место широкой полосе асфальта. Как только шасси коснулись покрытия, раздался пронзительный короткий визг, за которым последовал рев двигателей самолета, работающих в реверсном режиме. В то время как пилоты замедляли ход самолета, продвигаясь по взлетно-посадочной полосе, Проктор прильнул к окну, пытаясь обнаружить «Лирджет» на одной из рулежных дорожек. Его нигде не было видно.

Но затем он кое-что увидел. Прямо на другом конце асфальтовых дорожек, пересекающих взлетно-посадочную полосу, по которой двигался его самолет, Проктор заметил две небольшие фигурки, вышедшие из ангара и направившиеся к припаркованному джету: судя по внешнему виду, это был «Бомбардир Челленджер»[21]. На нем запросто можно было пересечь океан, и преследовать его на нынешнем самолете Проктор был не в состоянии.

Первой шла молодая женщина с темными короткими волосами в оливковом пальто. Голова ее была опущена. *Констанс*. Сразу позади нее, держа одну руку на ее плече, а другую прижимая к спине, шел мужчина. Он повернулся, посмотрел по сторонам… и даже на

расстоянии Проктор безошибочно узнал эту высокую тонкокостную фигуру, аккуратно постриженную бородку и рыжие волосы Диогена.

Констанс шла странно, неохотно: ее словно подталкивали. Без сомнения, в спину ей упирался ствол пистолета.

По телу Проктора пробежала волна адреналина. Он отвернулся от окна. Его самолет все еще находился в процессе торможения – пройдет несколько невыносимо долгих минут, прежде чем откроются аварийные выходы.

Проктор снова повернулся к окну. Теперь две фигуры поднимались по трапу, направляясь в пассажирский отсек «Бомбардира». В последний момент, когда Констанс уже исчезала внутри темного салона самолета, Проктор заметил, что она начала сопротивляться. Он увидел, как Диоген быстрым, молниеносным движением сунул руку в карман своего пальто, извлек оттуда небольшой холщовый мешок, и накинул его на голову Констанс… а дальше они оба исчезли в салоне, за закрывшейся дверью.

К моменту, когда его самолет остановился, Проктор знал, что «Бомбардир» уже взлетел.

6

Часть времени полета из Тетерборо Проктор использовал, чтобы изучить территорию аэропорта Гандера и сам город. В 1940-х годах Международный аэропорт Гандера был важнейшим пунктом дозаправки для рейсов, следовавших до Британских островов и на более дальние расстояния. Однако теперь современные самолеты обладали куда большей дальностью полетов, и эта его роль стала более не актуальна. В настоящее время аэропорт Гандера часто использовался для аварийной посадки: трансатлантические самолеты, на борту которых происходили какие-либо технические неполадки, либо кому-то из пассажиров требовалась медицинская помощь, запрашивали посадку в Гандере. 11 сентября, когда воздушное пространство США после падения Башен-Близнецов было закрыто, Гандер сыграл важную роль в операции «Желтая Лента»[22] – в тот день ему пришлось принять более трех дюжин перенаправленных рейсов. Но, если не брать в расчет этот случай, аэропорт Гандера был тихим и спокойным местом – разве что иногда здесь проводились военные операции, и через него иногда осуществлялась срочная доставка грузов в Исландию. Близлежащий город был блеклым, промозглым и унылым: открытый всем ветрам и лишенный растительности; ко всему прочему, над ним почти всегда нависало серое небо, щедро сыпавшее снег.

Раздумывая, что делать дальше, Проктор предположил еще кое-что о Гандере: из-за своего отдаленного местоположения, но относительной близости к международным рейсам, он, наверняка, был местом, где

обитали невостребованные пилоты всевозможных категорий: летчики военно-воздушных сил, пилоты авиакомпаний или транзитных рейсов. То есть, *те самые* летчики, которые за достойную плату, скорее всего, согласятся оказать необычную или даже сомнительную услугу.

Вскоре Проктор уже сидел за столом в баре «Боковой Ветер» – хлипком помещении, притаившемся прямо за терминалами – откуда открывался вид на взлетно-посадочные полосы и здания FBO Гандера. Заведение пустовало: за исключением Проктора и бармена внутри больше никого не было. Проктор взглянул на часы: почти половина пятого. Диоген взлетел чуть более получаса назад. Проктор старался не думать о нем, и вместо этого он сделал еще один глоток «Хайникена» и стал ждать. Последние полчаса он сновал туда-сюда по территории аэропорта и его окрестностей, стараясь осторожно расспросить о пилоте, который мог бы оказать необходимую ему услугу, и, в конце концов, его направили в этот бар.

И снова Диоген оказался на шаг – или два – впереди. Он ожидал, что Проктор проследует за ним до самого Гандера, поэтому озаботился тем, чтобы его ждал свежий, заранее заправленный самолет, на этот раз способный совершить трансатлантический перелет. Видимо, именно поэтому он и не попытался скрыть бортовой номер своего «Лирджета» на сайте слежения за гражданской авиацией – скорее всего, он был настолько уверен в своем успешном побеге, что преследование Проктора его попросту не беспокоило. Или, возможно, он *наслаждался* погоней: это было вполне в духе Диогена – навязать своему противнику сложную игру, требующую решительных и рискованных действий. А иначе, зачем еще он позволил Проктору остаться в живых? Безопаснее всего было бы убить его смертельной дозой тиопентала натрия, но, видимо – как решил Проктор – это показалось Диогену не столь занимательным. И наверняка к настоящему времени Диоген *точно* знал, что его преследуют. Возможно, в этом его окончательно убедила глупая попытка Проктора передать то сообщение с борта самолета авиадиспетчеру Гандера – теперь он целиком и полностью осознавал абсурдность своего поступка. Реакция Проктора на похищение Констанс стала катастрофическим провалом. Возможно, худшим провалом в его жизни. Но сейчас он должен был отогнать от себя эти мысли, подавить эмоции и ярость, которые искажали его восприятие, и продолжить действовать с холодным расчетом.

Открыв свой ноутбук, Проктор увидел, что «Бомбардир» следуя полетному плану, направляется в Шеннон, Ирландия. Учитывая, что самолет сейчас находился уже далеко над Атлантическим океаном и до сих пор не отклонился от первоначального курса, Проктор сделал вывод, что Шеннон и является конечным пунктом назначения. Два пилота Проктора из «Дебон-Эйр Авиэйшн Сервис» не смогли бы доставить его

настолько далеко – неудивительно, учитывая, что их самолет не предназначен для трансатлантических перелетов. Плюс ко всему те пилоты практически вышвырнули его, угрожая сообщить обо всем властям, если он не расплатится и немедленно не сойдет с самолета.

Проктору требовался другой пилот для продолжения погони – кто-то с более легким отношением к правилам и протоколам, если он все же собирался поймать Диогена. Ему дали имя только одного такого пилота, который должен был появиться в баре «Боковой Ветер» с минуты на минуту.

Образ Констанс – то, как она сильно вертела головой из стороны в сторону, в тот момент, когда на нее накидывали холщовый мешок – снова всплыл в его памяти. Он сделал еще глоток пива, отгоняя от себя эту жуткую картину.

В этот момент входная дверь распахнулась, и вошел мужчина. Он был относительно невысоким – около пяти футов и семи дюймов роста – но нес себя с уверенностью человека, который сорвал большой куш. Ему было около сорока, на голове блестела копна черных волос, и он был одет в темную кожаную куртку-бомбер, чуть потертую от долгих лет носки. Тонкий шрам шел от внешнего края его левого глаза до виска. Он поздоровался с барменом и сел за стойку.

Проктор внимательно изучил его. Похоже, это тот самый человек, о котором ему говорили.

Забрав свой бокал «Хайникена», ноутбук и сумку, он подошел и сел рядом с незнакомцем. Как только скотч со льдом возник перед пилотом, Проктор протянул бармену двадцать долларов.

– За мой счет, – пояснил он.

Бармен кивнул и ушел, забрав плату. Мужчина в кожаной куртке окинул оценивающим взглядом своего благодетеля.

– Спасибо, приятель, – сказал он с акцентом, который был характерен для английского рабочего класса.

– Роджер Шейпли? – поинтересовался Проктор, допивая пиво.

– Так точно. А вы?

– Проктор, – бармен вернулся, и Проктор указал на свой пустой стакан. – Мне сказали, что вы человек, который может доставить людей, куда они попросят.

Взгляд пилота стал более пристальным.

– Зависит от обстоятельств.

– Каких?

– Например, от того, кого именно я беру на борт, и куда их необходимо доставить.

– Вам предстоит взять на борт *меня*. И доставить в Ирландию.

Мужчина по фамилии Шейпли удивленно приподнял брови:

– Ирландия?

Подали свежее пиво. Проктор кивнул и сделал глоток.

– Хотел бы я вам помочь, но у меня «Сессна Сайтейшен Ай/СП»[23]. Этот самолет не оборудован для трансатлантических перелетов, – Шейпли хитро улыбнулся.

– Мне известно *все* о вашем самолете. Он оснащен двумя турбодвигателями «Пратт» и «Уитни ДжейТи-15д». Также в нем была произведена модификация: в отличие от стандартной модели, рассчитанной на двух пилотов, ваш самолет может управляться одним летчиком. А есть еще одно изменение, которое непосредственно внесли вы сами: это то, что ваша модель самолета может перевозить меньшее число пассажиров, но при этом брать дополнительный запас топлива – достаточный для того, чтобы пролететь почти четыре тысячи миль без дозаправки.

Шейпли подозрительно прищурился.

– Похоже, у кого-то слишком длинный язык…

Проктор пожал плечами.

– Все эти сведения не уйдут дальше меня.

На какое-то время повисло молчание. Шейпли сделал глоток скотча. Внутри него явно шла борьба между опасением и любопытством, и он, по-видимому, взвешивал и оценивал предложение Проктора. В конце концов, он хмуро уточнил:

– А в чем *именно* заключается работа?

– Кое-кто покинул этот аэропорт сорок минут назад, направившись в Шеннон. У этого человека при себе то, что мне нужно. И я должен отправиться за ним.

– Вы имеете в виду, *преследовать* его?

– Да.

– Звучит довольно забавно, не находите? Если дело в наркотиках, я – пас.

– Нет. Дело не в них.

Шейпли снова задумался.

– И какую именно пташку будем ловить?

– «Бомбардир Челленджер 300».

Пилот качнул головой.

– Плохо. Его крейсерская скорость более чем на пятьдесят миль в час больше, чем у моей «Сайтейшен».

– Тем более нужно вылетать немедленно.

– Я не смогу доставить вас в Шеннон, – сказал Шейпли. Проктор отвел взгляд от своего пива и уже собирался использовать силу своего убеждения, но тут увидел на лице пилота лукавую ухмылку. – Но я могу доставить вас довольно близко к нему. Разумеется, при условии, что мы поймаем попутный ветер – то есть, избежим всех встречных ветров до самого побережья Ирландии. Сколько вы весите?

– Сто семьдесят пять фунтов.

– Вы с багажом?

Проктор жестом указал на свой ноутбук и сумку.

– Отлично, больше ничего взять и не получится. Нам понадобится максимально облегчить самолет, чтобы совершить то, что мы задумали, – Шейпли почесал затылок, производя мысленные подсчеты. После этого, он наклонился и взглянул через окно на взлетно-посадочные полосы. – Похоже, ветер нам благоприятствует. Теперь вопрос только в *цене*.

– Мне нужно, чтобы вы нигде не регистрировали наш полетный план. Это на случай, если Ирландия не будет последней остановкой.

– Собрались облететь вокруг света за восемьдесят дней? Тогда это не просто вопрос *цены*, это вопрос *очень высокой* цены.

– Восемь долларов за милю. Столько же – за обратный путь, если вылетим прямо сейчас.

Шейпли помедлил, снова производя расчеты.

– Черт, если вы – полицейский под прикрытием, это очень захватывающая история. Но вы это и без меня знаете, не так ли? Простой историей вы бы меня не заманили.

– Я не полицейский. Я просто человек, которому нужно нанять самолет. И пилота, который не задавал бы лишних вопросов.

Шейпли допил свой напиток.

– Двадцать тысяч. Деньги вперед. И еще десять после того, как мы приземлимся.

Проктор заметил, что бармен стоит спиной к ним. Он открыл сумку и извлек оттуда несколько пачек сотенных купюр, тут же вручив их пилоту.

– Здесь тридцать.

Шейпли быстро пролистал их и, не медля, сунул в карман куртки.

– Полагаю, вы предпочтете избежать регистрационного и таможенного контроля.

– Правильно полагаете.

Шейпли кивнул и похлопал по карману, в котором лежали деньги.

– Позвольте мне спрятать их в укромном местечке, сделать пару звонков, чтобы уладить все на месте прибытия, и ждите меня у стойки «Норт-Гандер-Авиэйшн» через пятнадцать минут. Это рядом с четвертым ангаром.

После этого он встал, поднял большой палец вверх, показывая Проктору, что все схвачено, и быстро покинул пустой бар.

7

Шейпли не преувеличивал насчет веса. Все приборы с места второго пилота, были убраны, авионика была упрощена, а в пассажирский отсек были встроены дополнительные баки с АВГАЗом[24]. Пренебрегая правилами FAA, Шейпли мог позволить себе сделать свои рейсы менее дорогостоящими, чем, к примеру, любой рейс компании «Дебон-Эйр», но это, к сожалению, делало их и намного менее удобными.

«Сайтейшен» взлетел в начале шестого, Шейпли зарегистрировал полет как проходящую по ПВП[25] обзорную экскурсию до Твиллингейта[26], что позволило ему не подавать запрос на официальный план полета. Стоило ему вывести самолет за пределы аэропорта, как он тут же повернул на восток, и уже через пятнадцать минут увлек его в полет над Атлантикой. Здесь Шейпли предпочел опуститься на критическую высоту и держался низко, всего в нескольких сотнях футов над волнами. Несмотря на подобный риск, он уверено вел самолет и, по-видимому, знал, что делает. Он, без сомнения, собирался доставить своего пассажира до конечной точки маршрута без приключений – особенно за такие хорошие деньги.

Проктор не мог даже представить себе, что за необычные деловые аферы побудили Шейпли произвести столь интересные модификации самолета. Это был небольшой и относительно старый летательный аппарат, один из ранних турбовентиляторных бизнес-джетов с плотно заставленной и неудобной кабиной пилота.

Как только Шейпли пролетел несколько миль над океаном, тем самым миновав локальный радиолокационный диапазон, он увеличил высоту до тридцати трех тысяч футов.

– Чтобы сэкономить топливо, – пояснил он, после чего последовала еще дюжина непонятных Проктору слов о тонкостях изменения атмосферного давления. Небо тем временем приобрело цвет индиго, а после и вовсе почернело, когда они влетели в тень, накрывавшую вторую половину земли.

Проктор произвел в уме несколько расчетов. Их самолет мог развивать крейсерскую скорость примерно 450 миль в час, а «Бомбардир» Диогена, как отметил Шейпли, был способен ускориться до 500. Впрочем, благодаря модификациям и пилотажным манипуляциям Шейпли «Сайтейшен» ненамного отставал от «Бомбардира». Учитывая незначительную разницу в скорости, Проктор рассчитал, что Диоген доберется до аэропорта Шеннона за семь часов полета. «Сайтейшен» же, чтобы достичь ирландского побережья понадобится около восьми с половиной. Шейпли так и не объяснил, почему они не смогут сесть в Шенноне. Проктор предположил, что это связано с партизанским характером их полета и с необходимостью избежать формальностей. Впрочем, это не имело значения. Проктор понимал, что Диоген, так или иначе, опережает его, по крайней мере, на два с половиной часа.

Проктор вновь проверил траекторию полета «Бомбардира» на своем лэптопе, затем закрыл его, постарался устроиться как можно удобнее на пассажирском месте, закрыл глаза и попытался – применив всю свою военную выдержку – отключиться от кельтской музыки, которая непрерывно играла в самолете с самого начала полета. Он старался не думать о том, что в десятках тысяч футах под ним шумит беспокойная Атлантика, пытался отогнать от себя тот последний образ Констанс, когда Диоген силой затаскивал ее в реактивный самолет. А больше всего он силился не занимать свой разум предположениями о том, *что именно* Диоген приготовил для нее, поскольку Проктор был целиком и полностью уверен, что бы это ни было, ничего хорошего от этого ждать не приходилось.

На часах было примерно пять утра по местному времени, когда самолет снова коснулся земли. Через несколько минут Проктор высадился на аэродроме Коннашир. Это был частный аэропорт на одном из островов Аран со взлетно-посадочной полосой, достаточно длинной, чтобы

«Сайтейшен» мог совершить здесь посадку. Пока Проктор в очередной раз сверялся со своим ноутбуком, Шейпли вышел из самолета и отправился к стоящему в одиночестве зданию FBO, где его встретил оператор – вполне возможно, что *единственный* на весь аэропорт. Пилот и оператор заключили друг друга в объятия и, судя по тому, с какой душевностью они это сделали, похоже, они были хорошими друзьями. Через несколько минут Шейпли вернулся в самолет, на губах его играла широкая улыбка.

– Брат моего друга владеет службой такси на Инишморе, – возвестил он. – Так что если успеете на паром до Россавила, сможете добраться до Шеннона через...

– Я не еду в Шеннон, – перебил его Проктор. – Уже нет.

Шейпли замолчал. Проктор кивнул на экран своего лэптопа:

– «Бомбардир» заправился в Шенноне и снова взлетел.

– И куда он теперь направляется?

Проктор немного помедлил с ответом.

– В Мавританию. Вроде бы...

Шейпли нахмурился, застыв неподвижно и опираясь на полуоткрытую дверь кабины пилота.

– Мавритания? Боже, приятель, это... это же в Западной Африке, так?

– Западный регион Центральной Африки. Две тысячи двести миль.

Шейпли нервным жестом взъерошил волосы.

– И вы, что же, хотите, чтобы я... – его кустистые брови в изумлении поползли вверх. Проктор кивнул.

– Да.

– Ну, не знаю, приятель. Чертова Африка... Пару раз мне доводилось туда летать, и встретили меня там весьма недружелюбно, так что повторять эти полеты я не горю желанием.

– Полагаю, что там мы тоже просто заправимся и снова взлетим. Скорее всего, Мавритания – также не конечная точка маршрута «Бомбардира», а лишь очередной пункт дозаправки.

Шейпли все еще хмурился.

– И в какой нам нужно аэропорт?

– Акжужт. Это крошечный аэропорт, расположенный вдали от регулярных коммерческих рейсов. И там явно не привыкли задавать много лишних вопросов, – Проктор вздохнул. – Послушайте… это еще пять с половиной часов в полете. Плюс-минус.

Шейпли промолчал, а Проктор полез в сумку и извлек оттуда очередную пачку купюр.

– Я дал вам тридцать тысяч за перелет сюда из Гандера, – он поводил пачкой денег перед носом Шейпли. – Вот еще тридцать пять тысяч. Это более чем покроет путь отсюда до Мавритании. И я дам еще больше, если придется продолжить путь.

Шейпли с жадным блеском уставился на деньги. Шестьдесят пять тысяч долларов – как догадывался Проктор – было больше, чем Шейпли мог заработать в год, перевозя любую контрабанду.

Минуту спустя пилот глубоко вздохнул.

– Твою мать, – буркнул он, протягивая руку за пачкой денег. – Ладно. Хорошо. Дайте мне пару минут, чтобы проверить двигатели и свериться с картами.

Через двадцать минут они снова поднялись в воздух и направились на юг, пролетая над нейтральными водами, до этого обогнув западное побережье Ирландии. Шейпли достал из пластиковой баночки пару небольших белых таблеток, бегло проглотил их и запил гигантской кружкой кофе.

Проктор снова сверился со своим ноутбуком. Несмотря ни на что, он считал, что им повезло в двух моментах: во-первых, посадка в Шенноне стоила Диогену значительной потери времени – его могли задержать на таможне, во время дозаправки в большом аэропорту и, вероятно, он мог потратить время на то, чтобы сменить экипаж. Это позволило сократить временн***у***ю разницу между ними еще минут на тридцать, и теперь она составляла около двух часов. Во-вторых, маршрут в Мавританию практически полностью пролегал над водой. Прямой рейс в Акжужт означал, что они заденут лишь самую западную границу Португалии, минуя всю остальную Европу, с которой в полете могут возникнуть потенциальные осложнения. Единственная суша, над которой они полетят, будет Западная Сахара – спорная территория, слишком занятая своими собственными проблемами, чтобы уделять внимание случайному самолету. Проктор лишь надеялся, что у «Сайтейшен» не случится никаких неполадок с двигателями или других механических проблем, которые вынудили бы Шейпли совершить вынужденную посадку.

О Мавритании как таковой Проктор практически ничего не знал, за исключением того, что эта страна состояла практически полностью из постоянно расширяющейся пустыни Сахара. Эту землю мучила нищета, рабский детский труд был здесь в порядке вещей – причем, слово «рабство» здесь использовалось не в переносном смысле. Проктор не мог придумать ни одной причины, по которой Диоген отправился бы в подобное место, кроме одной – это действительно был очередной пункт дозаправки. Таким же пунктом был Шеннон: у «Бомбардира» кончилось топливо после того, как он пересек Атлантический океан. Очевидно, что Диоген не мог так просто достичь своего конечного пункта назначения, каким бы тот ни был, и технические характеристики самолета – *любого* самолета – вынуждали его делать остановки.

Через приложение Проктор продолжал отслеживать «Бомбардир Челленджер 300», код которого значился на экране как «CL30» по маршруту из Ирландии в Акжужт. От плана полета воздушное судно не отклонялось.

Однако, как только Шейпли посадил самолет в Акжужте, Проктор понял, что полагаться на интернет, для отслеживания передвижений Диогена, больше не сможет. Такие формальности, как предоставление плана полета в столь маленьком городке, где никто не задавал лишних вопросов, просто отсутствовали. Проктору придется использовать другие методы, чтобы определить, куда дальше направился Диоген – а он нутром чуял, что Акжужт не станет его конечной остановкой. После очередной дозаправки «Бомбардир» мог отправиться в любую точку мира. Как и «Сайтейшен». Разница была лишь в том, что Диоген уже начал третью фазу своего перелета.

* * *

Итак, вскоре после одиннадцати часов дня Проктор добрался до Акжужта – равнинного, жаркого пустынного городка, высушенного, как мумия, и от края до края опаленного солнцем, висевшим в небе, как раскаленная лампочка накаливания. Он быстро нашел офицера FBO, который, к счастью, говорил на приличном английском языке и – за соответствующее вознаграждение – охотно решился рассказать о сверкающем огромном «Бомбардире», который недавно здесь приземлялся.

Да, самолет снова заправился. И да, он уже взлетел. Офицер сказал, что прилетевший на «Бомбардире» человек знал свой конечный пункт назначения: он слышал, как об этом упоминал один из пилотов. Самолет направлялся в международный аэропорт Хосея Кутако в Виндхуке, Намибия.

Проктор прикинул, что, учитывая целеустремленность Диогена и его более быстрый самолет, их теперь разделяло примерно три часа… если

не брать в расчет обстоятельство, о котором теперь рассказывал офицер FBO. «Бомбардир» задержал вылет из аэродрома Акжужта. Офицер не знал, в чем причина, но знал лишь то, что задержка была связана с одним из пассажиров. В конечном итоге, самолет Диогена все же поднялся в воздух примерно полтора часа назад.

Проктор предположил, что Диоген запросто мог подкупить этого человека, чтобы тот сообщил неверный пункт назначения. Но другого способа отследить дальнейший маршрут, по которому увозили Констанс, не представлялось возможным. К тому же, нутро – которому Проктор всегда доверял – подсказывало ему, что офицер FBO не врет. Кроме того, если Диоген *уже* заплатил этому человеку, офицер не стал бы брать у Проктора *такую* большую сумму за столь скудную информацию.

Проктор вернулся на борт самолета.

– Мы направляемся в Намибию, – возвестил он.

Шейпли уставился на него покрасневшими от усталости глазами, в которых, однако, легко читалось изумление и испуг.

– Вы же шутите, да?

– Нет.

– Вы представляете, насколько это далеко отсюда?

– Да. Три тысячи шестьсот миль.

Устало почесав щеку, пилот ответил:

– Это еще девять часов в полете. Я усну и разобьюсь.

– Это наш последний перелет. После – сможете спать хоть целую неделю, но сначала мы должны добраться туда.

– Вы хоть представляете, *сколько* часов назад я должен был убрать руки от штурвала, следуя правилам FAA?

– Не думаю, что обыкновенно вас заботят такие мелочи, как регламент FAA, – и Проктор провел у него перед носом новой пачкой денег.

– Черт подери, – Шейпли недоверчиво качнул головой. – Ну ладно, это ваши похороны. Учтите, я вымотан настолько, что могу запросто не заметить гору и влететь прямо в нее.

С этими словами он закинул в рот еще несколько белых таблеток.

* * *

Международный аэропорт Хосея Кутако был довольно большим и – в четверть одиннадцатого вечера по местному времени – на удивление,

загруженным. В отличие от других пунктов, где «Сайтейшен» запрашивал посадки, в Намибии диспетчеры оказались крайне недовольны отсутствием плана полета, и Шейпли был вынужден выдумать странную историю, связанную с разгерметизацией топливного бака, проблемами с коммуникационным оборудованием и едва не случившимся столкновением с одним из дозаправщиков. Проктор искренне подивился тому, что пилот все еще был способен на столь искусную игру воображения и столь легкую ложь – он провел за штурвалом практически сутки, и вся оживленность должна было давно покинуть его.

– Я труп, брат, – душевно сообщил он Проктору, когда они вырулили на взлетно-посадочную полосу номер 26 и направились к одному из терминалов аэропорта. – Если хотите лететь дальше, вам придется отрастить крылья.

– Вы отлично справились, – ответил Проктор, осматривая местность сквозь лобовое стекло. И вдруг он застыл. Там, припаркованный на асфальте, стоял «Бомбардир» Диогена.

– Стойте! – скомандовал Проктор Шейпли.

– Но...

– Просто *остановите самолет!*

Проктор полез в сумку, вытащил несколько стопок стодолларовых банкнот, быстро отсчитал сорок тысяч и практически швырнул их летчику, поспешно отблагодарив его. Затем он открыл пассажирскую дверь и помчался к припаркованному «Бомбардиру», как только «Сайтейшен» остановился.

«*Три часа*», – думал он на бегу. – «*Он опережал меня на три часа!*»

Это была изнурительная игра в «кошки-мышки» – от самолета к самолету, через океаны и континенты. Проктор сидел на хвосте Диогена, несмотря на все обманные маневры этого страшного человека. «Бомбардир» не двигался с места, хотя один из его двигателей вращался. Дверь в пассажирский отсек была открыта, и к ней уже был подведен трап. Диоген и Констанс не могли уйти далеко. Так или иначе, они должны были все еще быть в Виндхуке.

Проктор подумал, что если ему еще немного улыбнется удача, он сумеет перехватить Констанс и Диогена прямо в аэропорту.

Достигнув «Бомбардира», Проктор буквально взлетел по трапу в салон. Он оказался пуст, но дверь в кабину пилота была приоткрыта. Внутри нее на сидении слева сидел мужчина, одетый в капитанскую униформу. Он был занят заполнением каких-то документов.

Проктор проскользнул в кабину, ухватил мужчину за лацканы пиджака и рванул его вверх.

– Вы пилот из Шеннона? – прорычал он.

Мужчина удивленно моргнул.

– Что? Что происходит, черт побери?

Проктор еще крепче ухватил его за воротник, тем самым создавая давление на шею.

– Отвечайте на вопрос!

– Я… я один из них… – пролепетал он.

– Где второй?

– Покинул аэропорт час назад. Он уже написал свой отчет. Я свой тоже отдал.

– Отчет?

– О трагедии, – пилот постепенно возвращал себе самообладание. Очевидно, он был американцем. – Так кто вы такой?

– Здесь *я* задаю вопросы, – рявкнул Проктор. – Что за трагедия? И кто был вашими пассажирами?

– Их было двое. Мужчина и женщина.

– Имена?

– Они не называли нам своих имен.

– Тогда опишите их мне.

– Мужчина… примерно вашего роста. Стройный. Ухоженная бородка. Странные глаза – они… были разного цвета, – он немного помолчал, вспоминая. – А еще у него был шрам на щеке.

– А женщина?

– Молодая… лет… примерно двадцати, может, чуть больше. Темные волосы. Довольно красивая. Но я не особенно смотрел на нее, она была пьяна.

– И больше никого не было? Только эти двое?

– Да… по крайней мере, сначала.

Проктор плотнее сжал ворот пиджака пилота.

– Что вы имеет в виду под «*сначала*»? И что за трагедия?

Пилот поколебался.

– Ну… дело… в этой молодой женщине.

– Что с ней? – прорычал Проктор. – Что случилось с *этой женщиной*?

Пилот опустил глаза и некоторое время смотрел в пол, словно собираясь с силами, чтобы снова взглянуть на своего незваного гостя.

– Она умерла в середине полета.

8

– Умерла? – ошеломленно переспросил Проктор. – *Умерла*?!

На мгновение его взор затуманила красная пелена. То было концентрированное желание мстить и убивать, чистая злоба, незамутненная ярость. Он чувствовал нечто подобное только один или два раза за всю свою жизнь – во времена сильной опасности и физической боли. Титаническим усилием воли он заставил себя подавить этот порыв и не убить треклятого пилота прямо на месте.

Ему это удалось.

В конце концов – думал он – этот пилот был лишь мальчиком на побегушках. Вместо того чтобы убивать его, стоило выудить из него всю возможную информацию. Это принесет больше пользы.

– Расскажите мне, что случилось, – тихо потребовал Проктор.

Пилот с трудом сглотнул. Лицо его побелело и приобрело оттенок пепла, на висках и лбу выступили мелкие бисеринки пота, словно он почувствовал, какой опасности подвергся пару секунд назад.

– Мне мало что известно, – пролепетал он. – Я хотел бы рассказать вам больше… правда…

– Расскажите, *все* что знаете.

– Он не выпускал нас из кабины.

– Кто не выпускал?

– Тот человек. Мужчина, который арендовал самолет.

– Мужчина со шрамом?

Пилот боязливо кивнул.

– Ясно. Что еще можете сказать?

Пилот еще раз нервно сглотнул.

– Проблемы начались после того, как мы приземлились в Акжужте. Я уснул в кабине. Марк – второй пилот – разбудил меня. Я увидел на борту еще одну девушку. Блондинку. После этого до меня донеслись крики и звук сильного удара. Тогда тот мужчина... – пилот помедлил, собираясь с мыслями, – он вошел, приказал нам взлетать и не выходить из кабины, пока не приземлимся здесь, в Намибии. Он даже где-то раздобыл медицинские судна, которые оставил нам и сказал, чтобы нужду мы справляли в них...

Пилот наверно что-то заметил в глазах Проктора, потому что следующие его слова прозвучали почти скороговоркой:

– Послушайте, я ничего не видел. Она поднялась на борт в Шенноне и вполне держалась на своих ногах. А когда мы добрались сюда, она уже была мертва, ее вынесли на носилках, – он прервался. – Пока мы готовились к посадке, тот мужчина... он... *натаскивал* нас. Объяснял, что нужно сказать чиновникам и сотрудникам аэропорта. Он сказал, что у девушки было какое-то сердечнососудистое заболевание. С такими людьми... на большой высоте иногда случаются приступы... приводящие к летальному исходу.

– А блондинка? С ней – что? Кто она?

– Я не знаю, – пилот начал вращать головой, пытаясь освободиться. – Прошу вас, успокойтесь и не давите так сильно...

Проктор подумал, что и впрямь стоит взять себя в руки. Он отпустил воротник пилота. Тот облегченно вздохнул и кивнул в сторону взлетно-посадочной полосы, раскинувшейся за лобовым стеклом самолета.

– Вон тот сотрудник. Он опрашивал нашего пассажира.

Проктор разглядел невысокого человека в форме, на вид ему было около шестидесяти. Он стоял у входной двери в терминал, и мимо него проходило множество людей.

– Он знает больше всех о случившемся, – настаивал пилот.

Проктор пристально воззрился на него долгим суровым взглядом, после чего молча развернулся и покинул самолет.

* * *

Когда Проктор подошел к людному терминалу, сотрудник аэропорта тут же вопросительно взглянул на него. У этого мужчины были усталые, но добрые глаза, волосы он стриг очень коротко и они уже успели поседеть добела.

Завидев Проктора, большинство людей предпочло обойти его стороной, словно ощущая исходящую от него угрозу.

– Goeienaand[27], – поздоровался мужчина.

– Goeienaand, – отозвался Проктор, тут же представившись. Он знал, что официально в Намибии говорили по-английски, но большинство местных жителей свободно владело африкаанс[28]. В прошлом Проктору доводилось участвовать во множестве спецопераций, в которых был задействован этот язык, и благодаря этому он слегка поднаторел в нем.

– Praat Meneer Afrikaans[29]?

– Ja,'n bietjie. Praat Meneer Engels[30]?

– Да, – ответил мужчина, мгновенно переключившись на английский, в котором все же слышался местный акцент.

– Baie dankie[31] – Проктор оглянулся через плечо и взглянул на «Бомбардир». – Я хотел спросить вас о молодой женщине, которую… сняли с того самолета.

– Меня зовут Мазози Шона. И я здесь главный управляющий, – мужчина покачал головой. – Грустно. Очень грустно.

– Что произошло? – спросил Проктор.

Шона внимательно взглянул на него.

– Простите, а что у вас за интерес в этом вопросе?

Проктор на секунду задумался.

– Моя дочь. Это моя дочь… была на том самолете.

Лицо мужчины – и без того печальное – помрачнело окончательно.

– Мне очень жаль. Соболезную. Она умерла. Умерла в полете.

Проктор почувствовал, что что-то в нем надломилось. Он не спал уже почти тридцать шесть часов – с того самого момента, как выбежал из особняка на Риверсайд-Драйв. Почти все это время он находился в состоянии повышенной боевой готовности и под воздействием постоянного груза тревоги не чувствовал усталости. Но теперь она навалилась на него. Он не плакал с шестилетнего возраста, но, заговорив, он услышал, как его голос предательски дрогнул, и почувствовал, как глаза увлажнились от подступивших слез. Догадавшись, что сейчас эта сцена лишь сыграет на руку его спектаклю, он позволил слезам сбежать по щекам.

– Пожалуйста, – пролепетал он. – Пожалуйста, вы должны мне помочь! Я… я старался угнаться за ними… но прилетел слишком поздно. Asseblief[32], мне нужно знать, что там произошло. Вы понимаете? Мне *нужно* это знать!..

Мужчина по имени Шона взял его за руку.

– Мне очень жаль. Я расскажу вам все, что знаю, то есть почти ничего.

– Что… что сделали с ее телом?

– Ее увезли, сэр. На частном транспорте.

– А что насчет дознания? Медицинской экспертизы? Почему ее не отвезли в больницу… я хотел сказать, в морг?

Мужчина покачал головой.

– Все было организовано еще до посадки. Врача вызвали встречать самолет. Там он и провел первичный осмотр, подписал документы.

Проктор прикусил губу и опустил голову. Его собеседник сочувственно передернул плечами.

– Вы должны понимать. Я главный управляющий… но я не несу ответственности за… это.

Проктор понял. Это была не Америка. Здесь вполне возможно было обойти протоколы, если к делу примешивалась солидная сумма денег.

– Но моя дочь, – покачал головой Проктор. – Моя маленькая девочка… вы абсолютно уверены, что она была мертва? Как я могу знать наверняка, что это действительно была она? Может, это был кто-то другой…

Услышав это, мужчина слегка оживился.

– О, я могу помочь вам удостовериться…

– Я на все готов!

Управляющий поколебался.

– Вам может быть нелегко.

Проктор лишь отмахнулся от его слов. Шона кивнул.

– Тогда следуйте за мной.

Управляющий провел Проктора в терминал, после чего они миновали целый ряд распахнутых дверей и прошли по весьма потрепанному служебному коридору. В конце Шона открыл еще одну дверь и жестом

пригласил Проктора войти внутрь. В комнате находилось несколько столов и с полдюжины видеомониторов с процессорами. Двое мужчин в рубашках с короткими рукавами взглянули на вошедших. Перемолвившись с Шоной несколькими словами на африкаанс, эти двое безропотно покинули помещение.

Шона смущенно взглянул на Проктора.

– А теперь, боюсь, я должен просить вас… о некоторой… *компенсации*. Поймите, это не для меня, а… – и он опустил голову, не в силах продолжить, лишь жестом указав в ту сторону, куда удалились сотрудники безопасности.

– Разумеется, – Проктор опустил руку в сумку и извлек оттуда небольшую пачку купюр.

Шона забрал деньги и так же смущенно кивнул в сторону одного из мониторов.

– Информации немного, но…

Шона сел за стол, а Проктор стал позади него. Несмотря на небольшой размер и потрепанное состояние этой комнаты, система видеонаблюдения аэропорта пребывала в отличном состоянии и была относительно современной. Шона придвинул к себе клавиатуру, набрал несколько команд, вытащил DVD-диск из ближайшего компьютера, сверился с записями – на диске была сделана пометка красным маркером – и вставил его в дисковод.

Он набрал еще несколько запросов, после чего на экране монитора появилось зернистое изображение с временн***о***й меткой. На видео показался «Бомбардир» Диогена. Дверь пассажирского отсека была открыта, трап был уже подан. Проктор наблюдал, как человек в льняном костюме поднимается в самолет по его ступенькам – очевидно, это был врач. За ним следовало двое санитаров в униформе. Прошло еще немного времени. Шона ускорил воспроизведение – не было никакого смысла смотреть на просто стоящий самолет. Затем появился доктор, держа в руке бумаги. За ним следовала молодая блондинка, которую Проктор не узнал. Даже на столь некачественном видео он сумел разглядеть ее четко очерченные скулы и светлые глаза. За нею шли два санитара, с некоторым трудом несущие носилки. На носилках находилось чье-то тело, накрытое тканью. Проктор, едва не задыхаясь, наблюдал, как санитары бережно спускали носилки из пассажирского отсека самолета. Как только они достигли нижних ступенек, один из санитаров оступился, из-за чего носилки дернулись и тело, лежащее на них, сдвинулось. Ткань сползла с лица.

– Остановите! – выкрикнул Проктор.

Изображение застыло. Проктор наклонился, едва ли в состоянии осознать то, что видел перед собой. Казалось, что весь его мир рухнул. Он не хотел верить собственным глазам, но трудно было спорить с этой записью. Изображение было слишком четким, чтобы ошибиться: темные волосы, полные губы, широко раскрытые фиалковые глаза, некогда красивое лицо, застывшее в смертельном покое…

Проктор опустился на ближайший стул. Он больше не мог обманывать себя. Констанс была мертва. Она никогда не страдала сердечнососудистыми заболеваниями, поэтому было ясно как день, что причина ее смерти в самолете была не естественной – ее *убили*. И сделать это мог только Диоген.

Глухо, как будто издали, сквозь вату, Проктор, наконец, услышал, что Шона разговаривает с ним.

– Мне очень жаль, – снова произнес он, убрав руки от клавиатуры. – *Очень* жаль. Но… вы хотели убедиться.

– Да… хотел, – бесцветно произнес Проктор, не в силах взглянуть на управляющего. – Спасибо. Я… мне… нужно найти их, забрать тело моей дочери. Это очень плохие люди. Вы… не знаете, куда они увезли его?

Мужчина колебался.

– Они не покинули аэропорт вместе с доктором. Это мне известно, потому что я лично видел, как врач уезжал отсюда. Обстоятельства были необычными, вы это сами видели… здесь, на этой пленке. Они направились в фирму по аренде автомобилей. Знаете, там есть джипы, грузовики… и прочие машины, которые хорошо подходят для путешествий по пустыне. Эта контора находится недалеко от аэропорта рядом с бизнес-парком «Миллениум». Это единственное место, открытое после наступления темноты. Они погрузили носилки в ожидающий их фургон и уехали в том направлении.

Проктор вскочил на ноги.

– Уже очень поздно! – попытался остановить его Шона. – И, наверняка, та контора уже закрыта…

Но его слова остались висеть в пустой комнате. Проктор ушел.

9

Автомобильное агентство «Виндхук-Детмонк» – по крайней мере, так оно называлось, судя по двум вывескам, одна из которых была написана на африкаанс, а другая на английском рядом с именем владельца Лазруса Керонды – представляло собой участок в два акра земли, расположенный среди печально выглядящей бизнес-зоны на главном

шоссе, ведущем с востока на запад к югу от аэропорта. Несмотря на неприглядность вывески, территория агентства по прокату была окружена дорогими натриевыми лампами, которые разгоняли темноту ночи, и защитной оградой, за которой можно было рассмотреть с десяток стоящих автомобилей.

Это оказалась единственная фирма, которая все еще была открыта, но когда Проктор быстро пересекал четырехполосное шоссе – пустое в столь поздний час – ее внешние огни начали гаснуть один за другим.

Температура остановилась на отметке примерно в 100 градусов по Фаренгейту[33], а Оосвейер[34] – горячий ветер, который часто дул с побережья в это время года – осыпал его мелким песком, пока он шел. Низкие холмы Прогресса с трудом можно было рассмотреть с этого расстояния: то были лишь призрачные блики огней далекого города. Проктор взглянул на часы: всего лишь десять вечера.

Низкий, пухлый мужчина в помятых шортах и рубашке-хаки с застегнутыми карманами протянул за собой цепь перед главным входом в салон. Проктор слегка коснулся его плеча, и мужчина повернулся, заморгав от слепящего песка.

– *Hoe gaan dit met jou*?[35] – обратился он, окидывая посетителя взглядом сверху донизу, как это делают все продавцы по всему миру.

– *Baie goed, dankie.*[36] – ответил Проктор, – но давайте говорить по-английски.

Проктор гордился тем, что был экспертом по части чтения людских характеров. Даже сейчас – смертельно уставший, находящийся в глубоком потрясении, пораженный в самое сердце горем и истязавший сам себя за провал – он мог сказать, что с этим мужчиной было что-то не так. Он нервным жестом снова и снова пробегал рукой по волосам, в то время как ветер трепал их, и старался не встречаться с посетителем глазами. Все это вкупе с тембром голоса продавца говорило Проктору, что этот человек «не чист на руку» и от него не приходилось ждать правды.

Теперь продавец нахмурился.

– *Ek vertaan nie.*[37] – сказал он.

– О, вы меня прекрасно понимаете, мистер Керонда, – Проктор открыл свою дорожную сумку, и, как бы невзначай, сверкнул кучей денег.

– Мы закрыты, – отозвался мужчина, резко переключившись на английский без акцента.

– Давайте поговорим там, – и Проктор указал на небольшой, тускло освещенный сарай в середине площадки, который внешне выглядел, как офис.

– Мы… – начал снова Керонда, но Проктор толкнул его так, что вынудил руку мужчины отпустить створку ворот, а самого его заставил поспешить в сторону офиса.

Внутри здания Проктор мягко, но настойчиво направил владельца агентства к стулу, стоявшему за потрепанным столом, усадил его, а затем и сам устроился напротив.

– Я скажу вам только один раз, – начал он, – никаких игр. У меня нет на них ни времени, ни терпения. У вас есть информация, которая мне нужна. Сообщите ее мне, и вы получите вознаграждение.

Мужчина снова провел рукой по волосам и следом стряхнул песок со лба.

– Я ничего не знаю.

– Около полутора часов назад, – продолжил Проктор, – у вас был клиент.

Мужчина покачал головой:

– Никого здесь не было.

Проктор глубоко вздохнул.

– Пока я спрашиваю вежливо, но в следующий раз я буду вынужден применить силу.

– Мы закрылись несколько часов назад, – настаивал мужчина, – я задержался здесь допоздна, только потому что занимался оформлением документов…

Буря эмоций, которая медленно копилась в Прокторе – разочарование в том, что абсурдные действия Диогена ввели его в заблуждение, ненависть к самому себе за неудачу в деле обеспечения благополучия Констанс, ошеломляющее горе от известия о ее смерти – объединилась в раскаленный добела взрыв гнева. Но внешне он остался совершенно спокойным – за исключением внезапного, быстрого движения, подобного броску змеи. Схватив со стола большой нож для вскрытия писем, он глубоко погрузил его в левую руку мужчины, пронзив трапециевидную кость и вогнав лезвие наполовину его длины в деревянную столешницу.

Мужчина вытаращил глаза и открыл рот, чтобы кричать, но Проктор следующим молниеносным движением схватил с пола промасленную

тряпку и засунул ее в рот Керонды. Он сильно зажал рукой челюсти мужчины, не позволив ему закричать.

Керонда извивался и стонал сквозь тряпку. Кровь начала просачиваться по граням ножа и стекать по пальцам на стол. Проктор держал мужчину в таком положении больше минуты, прежде чем снова заговорил.

– Когда я выну тряпку, – сказал он, – вы ответите на все мои вопросы. Если вы солжете снова, вам не поздоровится еще больше, это я вам обещаю.

Мужчина кивнул, и Проктор извлек кляп.

– Пусть Бог будет мне судьей, – запричитал мужчина, – я никого не видел…

Проктор взял с соседнего верстака с инструментами ржавое четырехдюймовое шило, схватил правую, все еще свободную, руку мужчины, с силой вытянул ее вперед, прижал к поверхности и пронзил шилом, тем самым пришпилив ее к столу, так же, как и левую.

В агонии Керонда закричал:

– *Laat my met rus! Polisie!*[38]

– Никто вас не услышит, – покачал головой Проктор. Коротким резким броском прямо с места, на котором сидел, он выбил стул из-под Керонды. Тот буквально рухнул с него, и прибитые к столу руки сделали это падение еще более болезненным. Колени его ударились об пол, а руки резко вытянулись, что заставило Керонду громко завопить от боли.

Из своей сумки Проктор извлек нож «KA-Bar»[39] с черным зазубренным лезвием. Двумя быстрыми взмахами клинка он перерезал пояс мужчины и рассек молнию, а затем взял с верстака тяжелый набор плоскогубцев для обжимных хомутов.

– Последний шанс, – заметил он, демонстрируя плоскогубцы, – или твои яйца окажутся следующими.

– *Нет!* – закричал мужчина, когда плоскогубцы направились к нему, и тут же начал рыдать.

«*Наконец-то!*» – подумал Проктор и снова повторил вопрос:

– Кто приходил сюда сегодня?

Керонда невнятно забормотал, почти задыхаясь от паники и с трудом выговаривая слова:

– Мужчина. И… женщина.

– Опишите мне их.

– Мужчина… высокий и с бородой. С глазами… разного цвета.

– А женщина?

– Молодая. Светлые волосы, – мужчина всхлипнул, – пожалуйста, мне больно!

– Блондинка? Не темноволосая?

– Нет, нет. *Ааа!* – на поверхности стола под его ладонями скопилась лужа крови.

– Больше никого не было?

– Нет. Только эти двое. И… и их груз.

– Какой груз?

– Это был… – мужчина ахнул, – гроб.

– Гроб?

Мужчина отчаянно закивал:

– Большой гроб. С системой охлаждения.

«Изотермический гроб».

– Чего они хотели?

– Они арендовали «Ровер». «Лэнд-Ровер».

– Что еще?

– Они попросили крепежные ремни. Чтобы привязать гроб к кузову «Ровера».

– Что-нибудь еще?

По лбу мужчины тек пот, капал с носа и смешивался с кровью на столе.

– Нет. Но вместе с гробом они погрузили и свои припасы.

– Какие припасы?

– Вода. Бензин. Вещи для кемпинга.

– Сколько бензина?

Керонда сглотнул.

– Дюжина канистр, может быть, больше.

– Откуда они достали такие запасы?

Мужчина в отчаянии затряс головой.

– Они были в фургоне, в котором они приехали.

– *Фургон*. Шона тоже упоминал ожидавший их фургон. В нем, должно быть, находился не только бензин и вода, но и изотермический гроб. Диоген спланировал все – во время полета на самолете или даже раньше. При этой мысли Проктор почувствовал, как дрожь пробежала по его телу.

Но фургон, видимо, не был хорошо оборудован для путешествия по пустыне. А «Лэнд-Ровер» был.

– Вы видели, куда они направились?

Продавец кинул головой:

– На восток. Они направились на восток, по B6[40].

Восток. В направлении Ботсваны и пустыни Калахари.

Проктор крепко ухватился за нож для писем и резко выдернул его из столешницы – и из руки Керонды. В следующий миг то же самое он проделал с шилом. Затем, разорвав промасленную тряпку зубами, он быстро изготовил жгуты и закрепил их на руках пострадавшего.

– Мне нужен вездеход, – наконец заговорил Проктор и взглянул в сторону площадки, где в оставшемся натриевом свете мерцало множество автомобилей, но среди них возвышался единственный «Лэнд-Крузер», подходящий для путешествий по пустыне, – этот «Лэнд-Крузер». Сколько?

– Возьмите, – сказал мужчина, плача и баюкая свои искалеченные, кровоточащие руки, – забирайте!

– Нет, я заплачу за его аренду, – Проктор не хотел, чтобы его объявили в розыск из-за украденного автомобиля, – сколько?

– Девять тысяч намибийских долларов за неделю. Человек нашел в себе силы опуститься в кресло, где тут же начал покачиваться взад-вперед с прижатыми к груди руками, тихо стеная и всхлипывая.

Проктор отсчитал полторы тысячи американских долларов и бросил их на окровавленный стол.

– Это должно покрыть его аренду за два дня. Выдайте мне документы и квитанцию и удостоверьтесь, что все в порядке, – он бросил мужчине еще сто долларов. – А это вам на лечение, и уберите здесь все. Держите язык за зубами. Я не хочу, чтобы кто-то знал, что я приходил к вам. Если

меня побеспокоят – полиция или военные – я разыщу вас и тогда… – вместо того, чтобы закончить предложение, Проктор перевел взгляд на плоскогубцы.

– Нет, – захныкал Керонда.

Проктор посмотрел на кулер с водой, стоящий в офисе.

– Я возьму эту бутыль. У вас есть еще?

– … в шкафу.

– Карты?

– На полке.

– Запасные канистры с бензином?

Мужчина снял ключ со своей шеи.

– В сарае. В задней части площадки.

Десять минут спустя Проктор уже мчался на высокой скорости на восток по шоссе B6, направляясь к границе, везя с собой пятнадцать литров воды, пять дополнительных галлонов бензина и полный набор карт южной Африки: от Намибии до Ботсваны.

10

Проктор продолжал следовать на восток по автомагистрали B6. Он проехал через Уитвлеи[41] и миновал Гобабис[42], преодолев расстояние более двухсот миль до контрольно-пропускного пункта с Ботсваной за три часа. На пограничном посту Мамуно немного денег, предусмотрительно обменянных в нужный момент, помогли подтвердить, что автомобиль с изотермическим гробом проезжал здесь менее двух часов назад. За дополнительную плату Проктор прямо на месте сумел получить визу Ботсваны. Вся процедура заняла совсем немного времени: менее чем через десять минут он снова был в пути.

Именно на этом этапе погоня значительно замедлилась. Менее ощутимыми Проктор считал и свои достижения после пересечения пограничного поста.

Магистраль B6 закончилась на шоссе под названием A3, идущем с севера на юг. На краю пустыни Калахари располагался магазин – пустой и без какого-либо придорожного сервиса. Здесь Проктор остановился, поняв, что не может точно определить, куда именно направился Диоген. Проктор выбрал северное направление, ведущее к городу под названием Ганзи[43], прежде всего основываясь на том наблюдении, что эта дорога являлась менее загруженной. Он чувствовал, что Диоген не повернул бы

на юг по А3. Этот человек не рискнул бы провезти гроб за взятку через Южноафриканский Пограничный Контроль: это была более строгая, менее коррумпированная страна, известная тем, что соблюдала все правила. Учитывая это обстоятельство, Диоген, скорее всего, направился *в* пустыню Калахари, а не прочь от нее.

Но с какой целью он это делал, Проктор понятия не имел.

Когда он добрался до Ганзи – оживленного пустынного городка, он сразу ощутил, что что-то не так. Потребовалось задать много вопросов – при условии, что он не говорил на сетсвану[44] – прежде чем он, наконец, сумел выяснить, что «Лэнд-Ровер» не проезжал этим маршрутом. Проктор вернулся, и теперь медленно и вдумчиво ехал назад по А3, попутно размышляя, где он допустил ошибку. Он оставался уверенным в том, что Диоген и девушка повернули на север, а не на юг, а это означало, что по дороге беглецы съехали с шоссе на одну из редких пустынных трасс, которые уводили вглубь Калахари. Но на какую именно?

Возвращаясь на юг, он обследовал одно ответвление дороги за другим, и ни на одном из них не обнаружилось свежих следов шин. Наконец, он снова свернул с шоссе, чтобы свериться с картами. Хотя после заката прошло уже много часов, асфальт все еще щедро излучал тепло. На востоке раскинулось огромное, первозданное пространство Калахари, населенное только скудным числом бушменов, а также рассеянными и изолированными развлекательными лагерями для туристов. На 250 000 квадратных километров пустыни не было больше ничего – ни дорог с твердым покрытием, ни городов.

Проктор поднял глаза от карты, чтобы взглянуть на бесконечные равнины песка, усеянные кустарником и редкими деревьями акаций, едва различимых в лунном свете.

Мысли Проктора занял еще один так называемый город, отмеченный на карте. Некое поселение под названием Нью-Ксейд[45], располагавшееся примерно в шестидесяти милях к востоку отсюда, связанное с шоссе грунтовой дорогой. Проктор почувствовал, что это была именно та дорога, которую мог выбрать Диоген. Все остальные, которые он миновал, не были нанесены на карту и выглядели самодельными и ненадежными.

Он вернулся к повороту на Нью-Ксейд. Впрочем, поворотом это можно было назвать лишь с большой натяжкой: всего лишь след на песке, без каких-либо опознавательных знаков, напоминавший стрелу, уходящую в темноту. Прежде чем повернуть, Проктор снова припарковал «Лэнд-Крузер» на обочине и вышел. Взяв фонарик, он осмотрел шины своего внедорожника – новые «Мишлен XPSs» – отметив при этом своеобразный рисунок протектора. Затем он подошел к повороту и при

включенных фарах осмотрел песок. Там он увидел следы схожего протектора, уходящие на восток. Протектор выглядел свежим – с тех пор, как он здесь проехал, больше ни один автомобиль не сворачивал на эту дорогу.

Мягко включив двигатель, Проктор направился на восток по прямой грунтовой дороге, ведущей к городу Нью-Ксейд. Являлся ли он конечным пунктом назначения Диогена, или его путь пролегал дальше, в нетронутую пустыню? Проктор не мог знать этого наверняка. Но, судя по количеству воды и бензина, которое захватил с собой Диоген, он – по неизвестным причинам – намеревался отправиться в многодневное путешествие вглубь пустыни Калахари… с телом Констанс.

С телом Констанс.

От этой мысли на Проктора снова накатила волна гнева и непонимания. Он мог понять, почему Диоген *убил* Констанс – в конце концов, она пыталась убить его и почти преуспела. Покончив с Констанс, Диоген поставил бы окончательную жирную точку в мести своему ненавистному брату Алоизию. Но что Диоген хотел сделать с ее телом? Зачем предпринимать такие сложные и запутанные шаги, чтобы похитить его, хранить в холодильнике и везти практически на край земли? Краски таинственности сгущало еще и то, что многие – хотя, вероятно, и не все – сопутствующие приготовления были детально проработаны заранее. Зачем? У Диогена была некая болезненная любовь к сложным и жестоким играм разума, но нынешняя его игра казалась абсолютно непостижимой.

Проктор продвигался вперед, а «Лэнд-Крузер» тем временем поднимал позади себя гигантский вихрь пыли. Тьма только помогла бы ему заметить на расстоянии удаляющуюся машину. Кроме того, Диоген не съезжал с дороги, Проктор был в этом уверен. По крайней мере, можно было с уверенностью сказать, что Диоген придерживался дороги до самого Нью-Ксейда. Если он продолжит путь в сердце Калахари, что ж… Проктор к этому подготовился. Он мысленно перечислил содержимое своей сумки, чтобы убедиться, что у него было все необходимое:

Два девятимиллиметровых «Глока» с дополнительными обоймами;

Нож «KA-Bar»;

Тактический Мультитул[46] *Лизермана;*

$300,000 из оставшихся денег;

Компас;

GPS с миниатюрной солнечной панелью;

Фонарик;

Бинокль;

Одноразовый телефон;

Радиоприемник кривошипного типа;

Различные паспорта;

Термозащитное одеяло с пластиковым покрытием;

Водонепроницаемый спальный мешок;

Ферроцерийный[47] огневой ударник;

Усовершенствованная аптечка первой помощи;

Очищающие таблетки для воды;

Сухие пайки;

Рыболовная леска и крючок;

Сигнальное зеркало;

Светодиодный индикатор со вспышками;

Игла и нитки;

Паракорд-550[48];

Походная печь с горючим топливом.

С этими запасами он мог бы выживать в этой суровой среде в течение недели или даже дольше. А с дополнительным бензином дальность хода его транспортного средства превысила бы тысячу миль. Диоген не сможет скрыться от него. Проктор в любом случае собирался его найти. И тогда он получит ответы на все свои вопросы. На *каждый* из них.

11

В пылающем аду Калахари Проктор снова остановился, чтобы свериться с картой. Несмотря на свой многолетний опыт работы в пустынных операциях, он был шокирован обширностью этой местности. При этом нельзя было сказать, что жизнь здесь полностью отсутствовала: по пути сюда он встретил множество животных, включая орикса[49], гну и семью жирафов. По дороге ему попадались рыхлокустовые травы, низкий кустарник и даже редкое дерево. Все это было по-своему захватывающим и красивым зрелищем. Раздражала только бесконечная

пустынная необъятность: бескрайнее море песка, раскинувшееся от горизонта до горизонта.

Проктор вышел из машины и развернул карту прямо на раскаленной земле, прижав ее углы камнями. Воздух буквально дрожал от жары, и пустыня не могла расщедриться даже на слабое дуновение ветерка.

Проктор достал свой GPS, включил его, положил на карту и стал наблюдать, как тот медленно связывался со спутниками. Спустя некоторое время приемник, наконец-то, выдал Проктору его местоположение. Он нашел координаты на карте, размышляя, что бы это значило.

Нью-Ксейд находился почти в 150 милях позади него, а перед ним раскинулись еще 250 миль пустыни. Но он знал, что держится *правильного* пути – и на этот раз, чтобы это подтвердить, не потребовалось много времени: «Лэнд-Ровер» Диогена прогрохотал на высокой скорости через Нью-Ксейд, и это запомнила вся деревня. На дальней окраине поселения, где грунтовая дорога окончательно исчезала, следы шин все еще оставались четкими и ясными. Продолжая погоню – даже с учетом тех редких остановок, которые были необходимы для сверки с картой – Проктор все больше убеждался, что вскоре настигнет свою цель. Он предположил, что Диоген существенно теряет в скорости, потому что вынужден везти с собой тяжелый изотермический гроб.

Там, где грунтовая дорога обрывалась, следы Диогена виднелись на дорожках мигрирующего крупного рогатого скота, охотничьих тропах и рядах сухих русел рек. После – они снова показывались на пустынной почве. Песчаный пустынный настил прекрасно зафиксировал чистую нить следов от шин, чему способствовало полное отсутствие ветра и утренний свет, лившийся под углом к земле. Автомобиль Диогена медленно продвигался на северо-восток, направляясь – как подозревал Проктор – в самое сердце пустыни. Сейчас беглец и его преследователь пересекали официальную границу обширного заповедника «Калахари», раскинувшегося далеко от зоны, где обычно проходили сафари. Земля здесь была плоской и высушенной, какие-либо опознавательные знаки на ней отсутствовали.

Теперь, взглянув на карту, Проктор попытался предположить, куда именно может направляться Диоген. Судя по следам, он уверенно двигался к месту, обозначенному как «Долина обмана»[50] – длинное, нечетко очерченное, неглубокое ущелье с высохшим руслом реки в центре, заканчивающееся в «Чаше обмана», которая представляла собой огромное мертвое озеро. Что такое «обман» и что именно это слово означило на самом деле, Проктор мог только догадываться. При этом мысли его все еще занимало предположение о том, что Диоген убил

Констанс из мести. Но оставался вопрос: зачем тогда он решил перевозить ее тело в изотермическом гробу? И к чему везти его в это невероятно удаленное место? Неужели Констанс сопротивлялась и во время борьбы была убита совершенно случайно? Такой вариант развития событий не был лишен смысла, учитывая ее ненависть к Диогену и ее вспышки неконтролируемой ярости. Возможно, именно такая вспышка послужила непредвиденной задержкой в аэропорту Акжужта?

Долина Обмана находилась всего в 20 милях к северо-востоку. Солнце высоко висело над горизонтом, но Проктора это не беспокоило: климат-контроль в «Лэнд Крузере» работал отменно.

Он снова вернулся в машину, переключил передачу, а затем медленно и осторожно отправился по следу. Через час он увидел вдоль линии горизонта силуэт полосы акаций. Подъехав к ней, он заметил, что через окружающую деревья местность проходит мелкий, извилистый ручей: он достиг Долины обмана. Следы беглеца пересекали русло реки и продолжались на песке: ровные и четко видимые в свете утреннего солнца. Проктор быстро развил на внедорожники максимально возможную скорость, следуя за отпечатками шин под аккомпанемент грубых скачков и заносов.

Русло расширилось, и внезапно Проктор выехал на твердую глинистую поверхность дна высохшего озера: Чаша обмана. Пустынная и ровная, она напоминала автомобильную парковку, раскинувшуюся на сотню миль.

Следы шин полностью исчезли.

Крепко выругавшись, Проктор резко нажал на тормоз и вышел из машины. Он осмотрел землю и едва смог различить, где именно проехал «Ровер» Диогена. На твердой поверхности дна озера отпечатки шин неожиданно стали почти невидимыми, и теперь Проктор понимал, что ему придется вести погоню с еще б***о***льшим вниманием и усердием. И с б***о***льшими временн***ы***ми затратами.

Теперь было очевидно, что вся погоня была тщательно спланированным мероприятием.

Проктор вернулся в «Лэнд-Крузер» и тронулся с места, внимательно присматриваясь ко дну озера сквозь лобовое стекло. Он с трудом мог различить слабые следы шин, поэтому продвигался со скоростью не более пяти миль в час. Не раз ему приходилось останавливаться и выходить, чтобы провести разведку. «Ровер» больше не ехал по прямой линии. Иногда он двигался зигзагообразно, иногда делал резкий поворот, или даже петлял, пересекая свои собственные следы.

Незадолго до наступления темноты Проктор снова остановился, чтобы свериться с картой. В очередной раз он разложил ее и достал свой GPS, чтобы обнаружить, что теперь находится в самом центре Чаши обмана. Итак, Диоген заманил его именно в это сумасшедшее скопление петель и зигзагов.

Внезапно он услышал странный звук в дуле двигателя своего «Лэнд-Крузера», который он оставил работающим: тот «чихнул», еще раз «чихнул», а затем и вовсе заглох.

Проктора охватило внезапное сильное нехорошее предчувствие. Двигатель точно не перегрелся – он следил за ним, как ястреб – да и зной уже значительно спал.

Проктор сел в машину и повернул ключ. Соленоид щелкнул, но больше ничего не произошло.

Нехорошее предчувствие быстро переросло в настоящую тревогу, но Проктор приказал себе успокоиться. Из-за всей этой окружающей жары и пыли, возможно, понадобится чистка клемм аккумулятора.

Он поднял капот и заглянул под него – клеммы были запылены, но не слишком. Быстро очистив их, а также разъемы и основание двигателя, Проктор с помощью отвертки проворно проверил аккумулятор и получил солидную искру. Он явно был все еще в хорошем состоянии.

Тем не менее, двигатель «Лэнд-Крузера» так и не завелся.

На включенной нейтральной передаче Проктор использовал отвертку, чтобы проверить напрямую втягивающее реле стартера и сам стартер.

Бесполезно.

Но это же сущая бессмыслица! Как, черт возьми, стартер мог сдохнуть в то же самое время, что и двигатель?

Проктор посветил фонарем вокруг моторного отсека. Все выглядело нормально, никаких утечек, торчащих проводов или признаков саботажа.

Саботаж. Проктор взглянул на часы. Машина заглохла ровно в 6 часов вечера. Совпадение? Вероятно: но, тем не менее, подобное совпадение нервировало.

У внезапно заглохшего двигателя найдется объяснение. Проктор хорошо разбирался в машинах, поэтому не сомневался, что найдет его.

* * *

Через четыре часа, измученный и обезумевший, Проктор сел рядом с машиной, прислонившись к ее колесу, пытаясь успокоиться и подвести

итоги. Его тщательная и детальная проверка выявила только одно: каким-то образом основной компьютер автомобиля был перепрограммирован и настроен на то, чтобы «Лэнд-Крузер» полностью вышел из строя в шесть часов вечера – то есть, с наступлением ночи. Это было тем единственным, что он был не в силах исправить. Для этого потребуется не только сложный диагностический компьютер, но и исходный код движка, который являлся собственностью и тщательно охраняемым секретом компании-учредителя.

Проктор оценил свое затруднительное положение, и на него снизошло настоящее откровение: теперь не было никаких сомнений в том, что все это было тщательно спланированный, абсурдно сложный план, чтобы заманить его на край земли – в самое Богом забытое место на планете… и оставить его там.

Автомобиль стал бесполезен. Дальше придется идти пешком до Нью-Ксейда, который располагался в 175 милях отсюда. У Проктора была еда и много воды. Он мог идти по ночам. Произведя в уме быстрые расчеты, он осознал, что у него осталось ни дать ни взять пятьдесят шесть фунтов воды! Его потребность в ней составляла галлон в день, или восемь фунтов. Нынешний запас обеспечил бы ему семидневный рацион. Двадцать пять миль ходьбы в день, чтобы добраться до Нью-Ксейда. Итак, у него был незначительный шанс пережить все это и выйти из пустыни живым. Без сомнения, Диоген тоже это знал.

Главный вопрос заключался в том, для чего Диоген организовал эту сложную уловку с участием нескольких зафрахтованных самолетов, иллюзий, двойных слепых методов[51] и долгой автомобильной погони. При этом в схеме Диогена участвовали и люди – некоторые из них были обмануты, другие – Проктор это чувствовал – оказали беглецу платную «помощь». И сейчас нельзя было с уверенностью сказать, кто из них говорил правду, а кто лгал. При этом пилот «Бомбардира» и продавец «Лэнд-Ровера» – сейчас Проктор был в этом почти уверен – врали напропалую. Они точно являлись частью плана. Они оба солгали, глядя прямо в лицо Проктору, хотя они, без сомнения, осознавали ту чрезвычайную опасность, в которой находились. Остальные лишь изображали то, что хотел от них Диоген, и, возможно, даже не подозревали об этом. Напрашивался еще один вопрос: неужели Диоген просчитал даже то, что продавец машин пострадает в результате разговора с Проктором? А возможно ли, что продавец получил *такую плату*, что даже после полученных травм продолжал действовать по сценарию Диогена?

Не оставляли Проктора мысли и о Констанс. Он только один раз непосредственно увидел ее лицо: на видеозаписи службы безопасности в аэропорту Намибии. Если Диоген был способен на такой тщательно продуманный обман с использованием всех этих трюков, то он, конечно

же, и этот маневр мог использовать, чтобы ввести Проктора в заблуждение. Конечно, это было маловероятно… но возможно. Так погибла ли Констанс, на самом деле? Или же она была еще жива?

Зачем? *Зачем*?

Непостижимость всего этого заговора наполняла Проктора бесполезной яростью. Глубоко вздохнув, он понял, что устал до крайности и находился почти на грани психоза. Он не спал уже больше шестидесяти часов, и сейчас понимал, что без отдыха далее будет ни на что не годен.

Лежа на земле, погрузившись в прохладу ночи, он услышал донесшийся издалека звук пульсирующего крещендо: то был рев большого самца льва. К этому реву присоединился другой, а затем и еще один: зов и отклик. Это была коалиция молодых, агрессивных самцов, не достаточно старых, чтобы иметь свои собственные прайды, и поэтому ревущих вместе, чтобы установить связь в рамках подготовки к охоте.

Совместной охоте.

Что ж, с этим Проктор разберется позже.

Он закрыл глаза и сразу погрузился в глубокий сон без сновидений.

12

Несмотря на то, что солнце поздней осени золотило обращенные на запад фасады Манхэттена с видом на реку Гудзон, библиотека в доме 891 по Риверсайд была, как всегда, погружена в вечный сумрак. Высокие окна с железными рамами были закрыты, заперты и прикрыты богато вышитыми тяжелыми гобеленами. Но сейчас в большом камине как обычно не потрескивал огонь, и лампа Тиффани, изготовленная из антикварного стекла, не была зажжена, чтобы разгонять сумрак.

Полдень сменился вечером, вечер – ночью, а особняк все еще оставался совершенно безмолвным и погруженным в полный покой. Ничьи шаги не раздавались по мраморному полу приемного зала, ничьи пальцы не касались клавиш фламандского вирджинала. Более того, во всем доме не было ни намека на движение – по крайней мере, не над поверхностью земли.

В библиотеке за двумя книжными шкафами располагался служебный лифт, спускавшийся в подвал. Здесь лабиринт коридоров, обильно покрытых и пропахших пылью, проходил мимо ряда комнат с каменной кладкой – в том числе мимо той, которая давала все основания полагать, что ранее использовалась в качестве операционной – ныне заброшенной. Проходы заканчивались в небольшом помещении с низким сводчатым потолком. На одной из стен был вырезан семейный герб Пендергастов: недремлющее око над парой лун – полумесяцем и

полной луной – с лежащим под ними львом. Ниже был выбит девиз семьи – «LUCRUM, SANGUINEM»: «*Кровь – залог чести*».

Нажатие на пластину герба правильным движением заставляло каменную стену сдвинуться и открыть винтовую лестницу, вырезанную в природной скале и уходящую вниз, в еще более густую темноту. Там, в свою очередь, находился подвал почти неописуемых масштабов. Идущая по центру глиняного пола кирпичная дорожка вилась под романскими арками мимо комнат и замурованных камер: погребальных склепов, кладовых и коллекций мыслимого и немыслимого содержания. В старинных стеклянных бутылках стояли ряды химических веществ, редчайшие минералы, насекомые – как большие, так и маленькие – с радужными брюшками и высушенными усиками, картины старинных мастеров и средневековые гобелены, освещенные рукописи и инкунабулы[52], военная униформа и оружие, и огромный набор пыточных инструментов. Эта, казалось бы, бесконечная и почти несистематизированная тропа являлась кабинетом диковин, который собирался на протяжении многих лет и с большими затратами Антуаном Пендергастом, великим дядей агента Пендергаста, более известного под псевдонимом Енох Ленг.

Примерно в середине этого центрального прохода, чуть в стороне, находилась изолированная комната, по размерам чуть больше ниши, хранившая бесценную коллекцию японского искусства «*Укиёэ*»[53]: гравюры, выполненные на дереве и изображающие морские пейзажи, гора Фудзи, покрытая облаками, куртизанки, играющие в кото[54]. Задняя стенка комнаты была прикрыта большой рисовой бумагой с изображением моста Окадзаки из серии Хирошиге[55] «Пятьдесят три станции дороги Токайдо». За полотном шла цельная каменная стена, которая являлась частью основного фундамента здания.

Однако почти невидимый упорный рычаг, замаскированный под камень действовал так же, как и пластина герба: когда он становился в определенное положение, то выпускал пружину, из-за которой часть стены, образовывающая небольшую дверь, отъезжала назад. За ней открывался узкий проход, ведущий к круглой комнате, слабо освещенной свечами, от которой отходили по траектории клеверного листа еще три помещения. Одно из них была небольшой библиотекой, в которой стоял письменный стол, окруженный старыми дубовыми шкафами, заставленными книгами в кожаных переплетах. Вторая комната была посвящена размышлениям и медитации, в ней наличествовал только стул, который помещался перед каким-либо произведением искусства. Проем, находящийся в дальнем конце круглой комнаты, вел в третье помещение: спальню с ванной комнатой. Весь этот комплекс комнат глубоко под землей составлял небольшие

апартаменты, меблированные в спартанском, но, тем не менее, изысканном стиле.

Спальня внешне походила на две другие комнаты: она выглядела сдержано, но, тем не менее, не была лишена изящества в своем аскетизме. На большой кровати лежало атласное одеяло с сочетающимися малиновыми подушками. На одной тумбочке стоял фарфоровый умывальник времен Людовика XIV, Короля-Солнца, на другой был установлен раструб, вставленный в оловянный подсвечник Шеффилд[56].

Эта группа комнат была такой же тихой и неподвижной, как и дом, возвышающийся над ними, за исключением мягкого, почти неслышного дыхания человека, дремавшего под атласным одеялом.

Этим человеком была Констанс Грин.

Сейчас Констанс проснулась. Легкий подъем был для нее делом привычки, поэтому она сразу же пришла в себя. Включив электрический фонарь и задув прикроватную свечу, она взглянула на свои часы: пять минут девятого. Было странно ощущать, насколько по-другому здесь, под землей, ниже ритма города, раскинувшегося выше, текло время: если бы Констанс не была внимательной, дни слились бы для нее в одну субстанцию так быстро, что она могла бы потерять их смену.

Опустив ноги с кровати и поднявшись, она потянулась к шелковому халату, который висел на стоящей рядом вешалке, и аккуратно надела его. Затем она на мгновение застыла совершенно неподвижно, что отражало – следуя традиции монахов монастыря Гзалриг Чонгг в Тибете, где она обучалась – процесс осознания и восприятия ею бытия и души после пробуждения.

В первую очередь она ощутила присутствие пустоты – той самой пустоты, которая, как она знала, никогда не покинет ее и никогда не сможет заполниться. Алоизий Пендергаст был мертв, и она наконец-то признала этот факт. Ее решение вернуться в эти подземные апартаменты и тем самым на какое-то время покинуть мир живых было ее способом принять его смерть. Во времена стресса, опасности или великой скорби она всегда отступала в это тихое подземное убежище, о котором почти никто не знал. Пендергаст, по-своему незаметно и аккуратно, вылечил ее от этой привычки, научил ее видеть красоту мира за пределами особняка на Риверсайд-Драйв, научил ее относиться терпимо к общению с другими людьми. Но теперь рядом с ней больше не было Пендергаста. Когда она приняла это, то оказалась перед двумя возможными вариантами действий: отступить под землю или воспользоваться флаконом таблеток цианида, которые она держала в качестве страховки на крайний случай. Она выбрала первый вариант. Не потому, что она боялась смерти – совсем наоборот, а потому, что она

знала, что Алоизий был бы безоговорочно разочарован в ней, если бы она лишила себя жизни.

Констанс вышла из спальни и отправилась в небольшую личную библиотеку. Набор блюд, оставшийся прошлым вечером от ужина – ее первого с тех пор, как несколько дней назад она спустилась в подвал – все еще стоял на углу письменного стола. Так как ужин был помещен в лифт, стало ясно, что миссис Траск наконец-то вернулась. Раньше еда миссис Траск почти всегда была простой и свежей. Но ужин, который она оставила в лифте для Констанс вчера, в первый вечер после своего возвращения, можно было назвать каким угодно, только не простым: седло теленка с лисичками, на ложе из жареной белой спаржи в трюфельном соусе. Десерт оказался сочным кусочком «*clafoutis aux cerises*»[57]. Хотя миссис Траск могла быть отличным поваром, когда этого требовала ситуация, Констанс была удивлена подобной роскошной едой. Это не соответствовало причинам, по которым она устроила себе уединенную жизнь здесь, под землей – полную боли, одиночества… и аскетизма. Разумеется, миссис Траск должна была понимать это. Такая еда для гурманов, граничащая с декадентской, в подобной ситуации казалась неуместной. Возможно, это был просто некий способ экономки объявить о своем возвращении. Это немного озадачило Констанс, но в то же время она наслаждалась едой, несмотря на свои личные мотивы.

Собрав посуду и взяв в руки фонарь, Констанс вышла из своих частных апартаментов, и, пройдя по узкому коридору через секретный дверной проем, вышла в подвал. Далее она изящно и уверенно миновала ряд комнат, зная каждый дюйм коллекций и нуждаясь для передвижения в очень незначительном освещении.

Теперь – более медленно – она прошла через последний ряд комнат к лестнице. Достигнув ее вершины, она оказалась в слабо освещенном коридоре, заканчивающимся лифтом. Она собиралась открыть его, вернуть тарелки от прошлой трапезы и забрать в свои комнаты еду, которую, как она знала, миссис Траск уже приготовила для нее.

Констанс отодвинула латунные ворота, открыла дверь лифта, поставила вчерашние тарелки и обратила, наконец, свое внимание на новый обед, стоящий на серебряном подносе, покрытом хрустящей льняной скатертью, с элегантной серебряной сервировкой. Содержимое было скрыто под серебряным колпаком для блюд. Подобное было неудивительно и часто использовалось миссис Траск, как способ сохранить тепло. Удивительным же было то, что рядом с ним на подносе стояла бутылка вина и элегантный хрустальный бокал.

Когда Констанс присмотрелась к бутылке – это оказался Пойяк[58], а именно «Шато Линч-Баж» 2006 года – она тут же вспомнила, когда в последний раз дегустировала вино. Это было в комнате Пендергаста в

гостинице «Капитан Халл» в Эксмуте. Память заставила ее покраснеть буквально до кончиков ушей. Могла ли миссис Траск каким-то образом узнать о том досадном и неловком случае?..

Нет, это было невозможно. Тем не менее, вслед за эпикурейским[59] подношением прошлым вечером, это дорогое вино озадачивало Констанс. Нечто подобное было не в характере миссис Траск, которая сама никогда не принимала решение в выборе вин из обширного подвала Пендергаста и, скорее всего, подала бы ужин в сопровождении бутылки минеральной воды или чая с плодами шиповника. Может, это был некий способ экономки попытаться уговорить ее вернуться наверх?

Констанс не была готова к этому – по крайней мере, пока. Миссис Траск могла подобным образом выказать свое беспокойство, но так она уже слегка перегибала палку, и если это продолжится и дальше, то Констанс, возможно, придется написать экономке записку.

Подняв серебряный поднос, она направилась вниз, в обратный путь мимо молчаливых галерей, в свои покои.

Войдя в свою маленькую библиотеку, она поставила вино и бокал и сняла колпак с тарелки. Она присмотрелась и заметила, что ужин этим вечером был проще, чем предыдущий, но, тем не менее, гораздо более экстравагантным: слабо обжаренная фуа-гра с белыми трюфелями, покрывающими промасленную печень в виде тончайшей, ароматной стружки. Блюдо шло в сопровождении двух целых крошечных морковок вместе с ботвой и присыпкой из свежей петрушки – получалась богатая кулинарная расцветка, которая была далека от обычной щедрой порции овощей миссис Траск.

Констанс долго смотрела на блюдо, а затем она подняла бутылку вина и еще раз ее внимательно изучила.

Когда она снова вернула ее на стол, то поняла: что-то не так. Ранее, сегодня же, прежде чем удалиться в спальню, она сделала запись в своем журнале – привычка, которую она выработала много лет назад, и от которой она никогда не отклонялась. Сейчас, однако, она увидела, что на своеобразной яркой оранжевой крышке ее ноутбука «Rhodia» лежала какая-то книга.

Это было явно преднамеренное, рассчитанное действие. Она не могла упасть с рядом стоящей полки, и, более того, эта книга не принадлежала ее небольшой личной библиотеке, которая была любовно собрана ею собственноручно.

Констанс повертела ее в руках. Оттиснутая позолоченная надпись на тонком корешке книги поведала ей, что это была копия стихов Катулла[60] на оригинальной латыни.

Затем она заметила кое-что еще. Между двумя страницами зажатое, как закладка, лежало перо. Она открыла книгу на отмеченном месте и взяла перо в руку, внимательно изучив его. Это оказалось не простое перо, а одно из самых особенных и узнаваемых. Если она не ошибалась, оно принадлежало норфолкскому каку: большому попугаю, сейчас уже вымершему и последний раз наблюдавшемуся в дикой природе в начале девятнадцатого века. Его среда обитания была ограничена деревьями и скалами Норфолка и островов Филиппа – двух крошечных внешних территорий Австралии, затерянных в обширном Тихом океане. Восхитительно радужное перо с шеи птицы, отливающее всеми оттенками корицы, которое сейчас она держала в руке, было характерно только для разновидностей, обитавших на острове Норфолк.

Она сразу поняла, откуда взялось это перо. Чучела особей норфолкского кака можно найти всего в дюжине мест, включая Амстердамский зоологический музей и Академию естественных наук в Филадельфии. Но в этом самом подвале в кабинете диковин Еноха Ленга находился свой собственный экземпляр такой птицы, самец необычайного красноватого окраса. Набитое чучело птицы было опрокинуто и повреждено в конфликте, случившемся в подвале два года назад. Она отреставрировала его, как только смогла, но несколько перьев пропали без вести.

Вновь захватив электрический фонарик, она оставила свои покои и, выбрав центральный коридор – отправилась в противоположную им сторону, пока не дошла до комнаты, посвященной чучелам. Там она быстро нашла норфолкского кака, стоящего на подставке из красного дерева под рифленой стеклянной коробкой.

Перо идеально подошло к его шее.

Вернувшись в свою библиотеку, Констанс взглянула на открытую книгу. Пером оказался отмечен 50-ый стих:

«Hesterno, Licini, die otiosi

multum lusimus в meis tabellis…»

Она мысленно перевела эти строки:

«На досуге вчера, Лициний, долго

На табличках моих мы забавлялись….» [61]

Затем она заметила, что в самом низу страницы изящным подчерком и фиолетовыми чернилами была сделана небольшая надпись. Чернила выглядели поразительно свежими:

«Возлюбленная, я предлагаю твоему вниманию это стихотворение».

Она решила, что это вольный перевод 50-ой строки того же стихотворения:

«*Hoc, iucunde, tibi poema feci*»[62].

Констанс закрыла книгу – изумленная и встревоженная. Откуда она могла здесь взяться? Может, Проктор принес ее ей? Но нет – он никогда бы не позволил себе нечто подобное, даже если бы он предположил, что это облегчит ее страдания. Кроме того, она была уверена, что Проктор за всю свою жизнь никогда не читал ни слова поэзии – латинской или какой-либо другой. И, в любом случае, он не знал об этих потайных комнатах, в которых она жила.

Со смертью Пендергаста больше никто о них не знал…

Она покачала головой. Кто-то определенно оставил ей эту книгу. Или она начала терять рассудок? Может быть, так оно и есть – временами горе казалось ей невыносимым.

Она открыла бутылку вина, наполнила бокал и сделала глоток. Даже для нее, небольшого знатока, оно оказалось удивительно сложным и интересным. Констанс сделала еще один глоток и приступила к еде. Но прежде чем начать, она снова обратилась к стихотворению. Конечно, она читала его и раньше, но с тех пор минуло уже много лет. И теперь, когда она снова мысленно переводила эти строки, поэма казалась ей гораздо более красивой и провокационной, чем она ее запомнила. Констанс прочитала ее от начала до конца – медленно, вдумчиво и с удовольствием.

13

Констанс очнулась под звуки музыки. Она села и откинула в сторону покрывала. Похоже, ей снилась музыка. Но что это была за партия? В ней звучало целое море тоски, печали и безответной страсти…

Решив, что пора сбрасывать с себя оковы поздней дремоты, Констанс встала и вышла из спальни, тут же очутившись в небольшой библиотеке. Ей вовсе не хотелось привыкать к столь долгому сну, который, как она считала, был лишь одним из проявлений испытываемого ею горя. И все

же на данный момент она чувствовала не горе… вернее сказать, *не совсем* горе. Констанс прислушивалась к себе и осознавала, что не может точно понять, какая смесь эмоций наполняет ее, кроме того, что все они были весьма ненавязчивы и противоречивы.

Она собиралась провести утро за своим дневником. Но она вдруг обнаружила в нем сделанный не ее рукой перевод нескольких стихов Катулла. Здесь же – по необъяснимой причине – обнаружилось и несколько переведенных стихотворений из сборника Малларме[63] «Poésies». Слог Малларме, как известно, очень трудно воспроизвести на любом другом языке, в том числе и на английском, и Констанс долго изучала это странное послание, гадая, кто мог оставить его. Вдобавок ее мысли занимала музыка.

С момента своего «ухода в подполье» – так для себя она называла свой спуск в подземелья – она слушала струнные квартеты Шостаковича, в особенности, третий. Окончание партии всегда напоминало ей о Мэдилейн Ашер и той странной каталептической смерти-при-жизни, которая постигла ее в рассказе По[64]. В некотором смысле Констанс отождествляла себя с леди Мэдилейн, живя в добровольной ссылке под улицами Манхэттена. Беспокойные, тревожные диссонансы Шостаковича соответствовали ее настроению – их печаль служила отзвуками ее собственного горя.

Но сегодня днем она потянулась к произведениям Брамса – к фортепианному трио, если быть точнее. Оно также было насыщено философски сложными и пышными чувствами, однако тревожная печаль и горечь Шостаковича в нем отсутствовали.

Пока она слушала эту партию, ее одолела странная сонливость, и Констанс направилась в спальню, намереваясь всего на несколько минут коснуться головой подушки. Однако вместо этого проспала три часа: время перевалило за восемь. Вероятно, миссис Траск уже давно оставила для нее ужин в библиотечном лифте. Изрядно проголодавшись, Констанс теперь не намеревалась упрекать миссис Траск за излишнюю роскошность приготавливаемых ею блюд – ей стало любопытно, что будет ожидать ее на подносе сегодня.

Она собрала посуду после вчерашнего ужина и, захватив с собой электрический фонарь и полупустую бутылку вина, прошла по коридору к секретному входу в ее апартаменты. После нажатия упорного рычага потайная каменная дверь, ведущая в комнату, заполненную японскими деревянными гравюрами и пергаментами, открылась… и Констанс застыла в шоке.

Там, на полу, прямо перед скрытым входом в ее подземелья, в хрустальной вазе стоял цветок.

Констанс отпустила руки, позволив серебряному подносу с посудой и бутылке вина со звоном упасть на пол. Но это движение не было последствием шока – оно лишь являлось самым быстрым способом освободить руки, чтобы выхватить из складок платья старинный итальянский стилет, который она носила при себе все время. Плотно сжимая рукоять, она повела лучом фонаря слева направо. С оружием наготове она внимательно всматривалась в темноту.

Никого.

Констанс стояла, ожидая, пока ощущение шока уступит место тревожным раздумьям. *Кто-то* проник сюда, в ее святая святых. Кто это мог быть? Кто знал достаточно, чтобы добраться сюда, в этот укромный тайник, недоступный для большей части человечества? А самое главное – какой смысл скрывало в себе послание в виде цветка?

Какой-то импульс внутри нее подталкивал ее сорваться с места и побежать к лестнице так быстро, как она только могла, оставив позади себя эти мрачные подвалы с их бесконечными темными комнатами, пугающими коллекциями диковин и бесчисленными тайниками, броситься обратно в библиотеку, к камину, к Проктору и миссис Траск – в мир живых. Но этот импульс быстро угас. За всю свою жизнь Констанс никогда ни от чего не убегала. Кроме того, она чувствовала, что в сложившихся обстоятельствах непосредственной угрозы ее жизни нет: книга стихов, перо, цветок – все это никак не могло быть работой злодея. Если бы проникший сюда человек хотел убить ее, он мог бы легко сделать это, пока она спала. Или отравить ее еду. Или заколоть ее, спрятавшись в одной из темных комнат, пока она пересекала коридор на пути к лифту.

Разум вернул ее к перу, которым было отмечено любовное стихотворение, и к свежей надписи на форзаце незнакомой книги. Это не было капризом ее воображения. Становилось ясно, что проникший в особняк человек уже нашел путь в ее секретные комнаты. Книга, перо, цветок – все это, казалось, являлось кусочками одного послания. Эксцентричного, без сомнения, но *послания*, которое, как она чувствовала, не несло в себе угрозы.

Констанс стояла неподвижно около десяти минут. Шок прошел, затем притупилось и чувство страха, но потребовалось гораздо больше времени, чтобы угасло ощущение дискомфорта из-за того, что ее уединение грубо нарушили. В конце концов, и оно угасло, пусть и не до конца.

Оставив разбитые тарелки и бутылку на полу и взяв запасной фонарь, Констанс вышла из комнаты японских гравюр и пергаментов и начала тщательно обыскивать подвал – коллекцию за коллекцией, комнату за комнатой. Она проводила обыск в совершенной тишине, готовая

бдительно отреагировать на любой проблеск света или любой, даже самый слабый звук.

Она ничего не нашла. Пол целиком состоял из камня и утрамбованной земли, на которых по определению никакая обувь не могла оставить следы. Слой многолетней пыли, как ни странно, не был нарушен. Ничто в этих подземельях не казалось Констанс лежащим не на своем месте, все было в порядке – по крайней мере, она так и не смогла приметить ничего подобного. Огромные галереи с покоившимися в них призраками прошлого провожали ее торжественным безмолвием.

Достигнув лестницы, ведущей наверх, Констанс остановилась. Человек – *или люди* – которые проникли сюда, уже явно ушли, и поэтому не было смысла продолжать поиск.

Констанс вернулась ко входу в свое потайное убежище и к цветку в хрустальной вазе. Это была орхидея редчайшей красоты, но она не смогла определить ее разновидность. Внешняя часть лабеллума[65] была чистейшего белого цвета, и имела вытянутую форму, а внутренняя часть лепестка переливалась розовыми оттенками, которые становились почти красными ближе к тычинке.

Констанс несколько минут рассматривала цветок, ее разум анализировал различные варианты развития событий и ни один из них не казался ей вероятным или даже возможным…

Покачав головой, она собрала разбитую посуду, сложила ее на серебряный поднос и направилась к лифту, чтобы отдать этот беспорядок миссис Траск. Там она забрала новый поднос с накрытым блюдом, от которого исходил божественный аромат. Рядом с едой в серебряном ведерке с измельченным льдом стояла накрытая льняным полотенцем бутылка «Перье-Жуэ Флёр де Шампань». Констанс отнесла угощения в подвал. Но вместо того, чтобы вернуться в свои секретные покои, она остановилась в комнате, где хранилась обширная коллекция высушенных цветов и других растений доктора Еноха Ленга. Здесь, поставив поднос и ведерко на антикварный стол, она постаралась идентифицировать полученный подарок, для этого она проконсультировалась на эту тему с несколькими энциклопедиями, включая пару штук, посвященных исключительно орхидеям. Работая, она то и дело переводила взгляд на бутылку шампанского и, в конце концов, поддавшись импульсу, она достала ее изо льда, вынула пробку и налила себе бокал.

Несмотря на тщательный поиск в пыльных томах, Констанс так и не смогла найти совпадение с цветком, который ей оставили. С другой стороны, этим книгам было уже почти столетие, и, наверняка, они попросту не содержали всех образцов орхидей – некоторые могли быть

выведены совсем недавно или обнаружены уже после выхода этих томов.

Констанс направилась в свои покои, закрыв за собой каменную дверь. Войдя в маленькую библиотеку, она села за стол, налила себе еще бокал шампанского и загрузила ноутбук, который – благодаря установленному в подвале ретранслятору Wi-Fi – имел доступ к интернету.

На то, чтобы найти совпадение, ушло пятнадцать минут. Этот вид Орхидных был недавно обнаружен в Гималаях близ тибетско-индийской границы. Он носил название *Cattleya Constanciana*…

Констанс застыла. Это было безумие. Не может быть, чтобы этот цветок назвали в ее честь? Невозможно, нет, должно быть, это просто совпадение. И все же, то место, где нашли эту орхидею… неужели *оно* тоже было простым совпадением? А ведь это было совсем недалеко от тибетского монастыря, где в настоящее время скрывался ее сын. Орхидея была обнаружена и названа около шести месяцев назад, но нигде не было указано, *кто* именно ее обнаружил.

Констанс продолжила свои исследования и, наконец, наткнулась на статью «Обзор Орхидей», опубликованную Королевским Садоводческим Обществом. Первооткрыватель, судя по этой статье, решил остаться *инкогнито*.

Этот цветок назвали в *ее* честь. Слишком много совпадений! Другого объяснения просто не могло быть.

Констанс выключила ноутбук и застыла. Она должна сообщить об этом вторжении Проктору. Но, подумав об этом, она вдруг, к собственному удивлению, поняла, что не хочет этого делать. Проктор, разумеется, не отреагирует на это вторжение сколько-нибудь положительно – он лишь сочтет это прорывом периметра в его смену. Если сравнивать Проктора с инструментом, то он был тупым прибором, предназначенным для грубой работы. Сложившаяся же ситуация – какова бы ни была ее истинная природа – по мнению Констанс, требовала определенной утонченности. Она была уверена в своей способности справиться с тем, что могло произойти дальше. Ей хватало средств самообороны: она встречалась с достаточным количеством опасностей, чтобы знать это наверняка. К тому же, ее собственные вспышки гнева и склонность к внезапному, но эффективному насильственному поведению, были ее лучшей защитой. Ах, если бы только Алоизий был здесь! Он бы знал, что происходит.

Алоизий. Она осознала, что за последний час ни разу не подумала о своем опекуне. И сейчас, мысли о нем не вызвали, как прежде, ставшей уже привычной волны горя. Может быть, она, наконец, свыклась с мыслью о его гибели?

Нет. Она не расскажет Проктору о случившемся. По крайней мере, *пока* не расскажет. Констанс сейчас находилась в своей стихии: она знала множество мест в этих обширных подземельях, где можно было затаиться и спрятаться. К тому же некое шестое чувство подсказывало ей, что прятаться нет никакой необходимости. То, что произошло, безусловно, было вторжением, но оно не ощущалось, как насилие или грубость. Констанс чувствовала, что здесь замешано… *что-то другое*. Она не знала, что именно. Не могла даже сказать, почему была так в этом уверена, но была не в силах переубедить себя в том, что человек, проникший сюда в минуты ее томительного уединения и одиночества, был ее родственной душой.

В ту ночь, когда она, наконец-то, вернулась в свою спальню, она тщательно закрыла на стальной засов каменную дверь, ведущую из комнаты японских гравюр. Она также очень тщательно заперла и свою спальню, при этом неотрывно держа при себе стилет Маниаго[66]. Но перед всем этим она забрала прекрасную орхидею в столь же чудесной вазе с собой, чтобы поставить ее на свой письменный стол.

14

Констанс оторвала взгляд от своего дневника.

Что могло так внезапно привлечь ее внимание? Какой-то шум? Она прислушалась, но в подвале было тихо, как в склепе. Может, это просто сквозняк? Нет, сама мысль об этом – абсурдна. В этом древнем замурованном подземелье не могло быть никаких сквозняков, они не проникали сюда с улиц Манхэттена.

Констанс вздохнула.

Ничего не произошло, она просто ощутила беспокойство и отвлеклась. Она взглянула на часы: десять минут третьего ночи. Невольно Констанс с грустью подумала, что ее часы были подарком Пендергаста на прошлое Рождество – женской моделью «Ролекса» с платиновым циферблатом. Они были так похожи на те часы, которые он носил на собственном запястье…

Констанс резко захлопнула дневник. Невозможно было избежать воспоминаний об Алоизии: все вокруг напоминало о нем.

Она проснулась полчаса назад. В последнее время – что было весьма нехарактерно для нее – она нарушила режим сна и могла запросто проснуться посреди ночи, только затем, чтобы обнаружить, что не может заснуть снова. Возможно, это объяснялось тем, что в последнее время после обеда она частенько впадала в дремоту, которая неизбежно превращалась в почти летаргические несколько часов сна. Но, по крайней мере, Констанс осознала, что не может винить в бессоннице

недавние события, смерть Алоизия или признаки явного вторжения в ее убежище. Она начала просыпаться в неожиданные для нее часы начиная с того самого момента, как они с Алоизием отправились в Эксмут, штата Массачусетс. В то время ее ночная бдительность помогла сделать существенный прорыв в расследовании. Теперь же… она лишь раздражала Констанс.

Поэтому, проснувшись сегодня, она поднялась с постели и направилась в свою библиотеку, чтобы заняться дневником. Обычно это успокаивающее занятие помогало ей привести мысли в порядок, но сейчас и оно принесло ей одно лишь разочарование – слова просто не шли к ней.

Ее взгляд переместился с закрытого дневника к посуде, оставшейся с прошлого вечера и сложенной на серебряном подносе. Весь преподнесенный обед оказался охлажденным – как будто миссис Траск знала, что Констанс будет слишком взволнованна, чтобы есть горячее. Поэтому она приготовила порцию холодных омаров в соусе *rémoulade*[67], перепелиные яйца *au diable*[68] и, конечно же, добавила бутылку шампанского, которую Констанс уже почти осушила. Сейчас она корила себя за это, чувствуя пульсирующую боль в висках.

Ее вдруг посетила странная мысль: а действительно ли именно миссис Траск приготовила для нее все эти блюда? Впрочем, а кто же еще мог это сделать? Никто в этом доме в отсутствие Алоизия не мог нанять другого повара. Да и к тому же экономка довольно ревностно относилась к своей вотчине, всегда исполняла свои обязанности исправно и не позволяла кому-либо другому хозяйничать на кухне.

Констанс положила авторучку на стол. Она явно была не в духе. Вероятно, это было связано с выпитой накануне бутылкой шампанского наряду с обильной и изысканной едой. В конце концов, стоило пресечь это. И – хотя Констанс до сих пор считала это плохой идеей – пожалуй, все-таки стоило поговорить с Проктором об этих недавних проникновениях в подвал.

Снова взяв авторучку, Констанс открыла один из ящиков стола, достала лист глянцевой бумаги и написала каллиграфическим почерком:

«Дорогая миссис Траск,

Благодарю вас за столь любезное внимание к моей персоне в последнее время. Я весьма ценю вашу заботу о моем благополучии. Однако я хотела бы попросить вас готовить для меня более простые обеды и не приносить больше спиртного. Блюда, которые вы готовили с

момента вашего возвращения из Олбани, были восхитительными, но, боюсь, они слишком сложны для моего упрощенного вкуса.

Если бы вы могли также оказать мне услугу и сообщить Проктору, что я хотела бы поговорить с ним, я была бы вам премного благодарна. Он может оставить для меня записку в лифте, предложив удобное для него время.

С наилучшими пожеланиями,

Констанс».

Сложив записку пополам, она поднялась из-за стола, надела шелковый халат, включила фонарь, подняла поднос с посудой и бутылкой и, положив записку поверх них, миновала короткий коридор.

Она открыла дверь и остановилась. На этот раз Констанс не выпустила поднос из рук и не стала извлекать стилет. Вместо этого она осторожно отставила поднос в сторону, пригладила халат, убеждаясь, что клинок все еще с ней, а затем направила луч фонаря на вещи, оставленные перед дверью.

Это был грязный, пожелтевший от времени кусок свернутой шелковой ткани с тибетскими письменами и красным отпечатком руки. Она сразу же узнала тхангку[69] – разновидность тибетской буддийской живописи.

Констанс подняла подарок и отнесла в библиотеку, где развернула его. И тут же ахнула. Это была самая великолепная работа, какую только можно было вообразить, изобилующая яркими красками: рубиновыми, солнечно-золотистыми, красными, лазурными с изысканно тонкими оттенками и совершенством деталей. Констанс признала в этом рисунке элементы религиозной живописи. Здесь был изображен Авалокитешвара[70], Бодхисаттва[71] Сострадания, сидящий на престоле лотоса, который, в свою очередь, покоился на лунном диске. Авалокитешвара являлся наиболее почитаемым божеством на Тибете. Он жертвовал собой, чтобы вновь и вновь возрождаться на земле и приносить просветление всем живым страдающим существам мира.

За исключением того, что здесь Авалокитешвара был изображен не мужчиной, а молодым мальчиком. И черты ребенка – столь изящно нарисованные – были так похожи – вплоть до тонких завитков волос и характерно опущенных век – на… на ее сына.

Констанс не видела своего сына – ребенка Диогена Пендергаста – уже больше года. Тибетцы называли его Ринпоче, девятнадцатой реинкарнацией почитаемого тибетского монаха. Сейчас сын Констанс скрывался за стенами монастыря Дхарамсала, в Индии, где ему не могли

навредить китайцы. На этой картине ребенок был старше, чем когда Констанс видела его в последний раз. Этот рисунок не мог быть сделан более нескольких месяцев назад...

Стоя совершенно неподвижно, она вгляделась в изображенные черты. Несмотря на то, кем был отец мальчика, она не могла не чувствовать горячую материнскую любовь к своему сыну. И любовь эта обжигала ей сердце, потому что она не могла навещать его так часто, как хотела бы. «*Так вот, как он выглядит сейчас*», – думала Констанс, с восторгом глядя на картину.

«Кто бы ни оставил это», – стала размышлять она дальше, – *«он знает мои самые потаенные секреты. Само существование моего ребенка, и его личность, – это тайна, о которой мало кто мог знать»*. Намек, который содержался в месте произрастания недавно открытой орхидеи, Cattleya Constanciana, теперь стал очевиден.

И теперь кое-что еще стало для нее очевидным. Кто бы ни был этот человек, он, без сомнения, *ухаживал* за ней. Но кто же это мог быть? Кто мог так много знать о ней? И знал ли он о других ее секретах, к примеру, о ее истинном возрасте? А о ее отношениях с Енохом Ленгом?

Отчего-то Констанс была уверена, что он обо всем этом знал.

На секунду она задумалась о том, что стоит провести еще один тщательный обыск подвала, но быстро отказалась от этой идеи: несомненно, он окажется столь же бесполезным, как и предыдущий.

Она опустилась на колени, подняла записку, адресованную миссис Траск, разорвала ее на две части и убрала в карман халата. Теперь не было смысла отправлять ее, потому что Констанс была уверена, это не экономка готовила для нее все эти изысканные блюда и преподносила столь дорогие вина.

Но кто?

Диоген.

Она мгновенно отвергла эту мысль как самое смелое умозаключение, которое только можно было себе представить. Да, столь причудливое и замысловатое ухаживание было вполне типичным для Диогена Пендергаста. Но он был мертв.

Разве нет?

Констанс покачала головой. Конечно же, он мертв. Он упал в ужасную Сциара-дель-Фуоко вулкана Стромболи. Она знала это, потому что боролась с ним на самом краю этой бездны. Она сама столкнула его туда и наблюдала своими собственными глазами – сквозь ревущие потоки

воздуха, поднимающиеся от реки дымящейся лавы – за тем, как он падал. Она была уверена, что на этом ее месть свершилась.

Кроме того, брат Алоизия и при жизни не испытывал к Констанс Грин ничего, кроме презрения – он совершенно ясно дал ей это понять в прощальном письме. Она до сих пор дословно помнила те строки: *«Ты была для меня всего лишь игрушкой. Загадкой, которую я разгадал слишком быстро. Коробкой, в которой ничего не оказалось»*.

Руки Констанс сжались в кулаки даже от этого простого воспоминания.

Это не Диоген. Это невозможно. Это был кто-то другой, кто-то, кто так же хорошо знал все ее самые потаенные секреты. Но только не Диоген.

Невероятная мысль поразила ее, словно молния. «*Он жив!*» – подумала она. – «*В конце концов, он не утонул! Он вернулся ко мне*».

На нее обрушилась волна эмоций. Констанс ощутила почти лихорадочную, безумную надежду, смешанную с предвкушением, а ее сердце забилось с бешеной скоростью, словно вот-вот было готово выпрыгнуть из груди.

– Алоизий? – закричала она в темноту. Голос ее прозвучал надтреснуто, в нем одновременно звенели слезы и смех, и даже она сама не могла сказать, чего именно в нем было больше. – Алоизий, выйди и покажись мне! Я не знаю, отчего ты решил столь застенчиво скрываться, но, ради Бога, *пожалуйста*, позволь мне тебя увидеть!

Но единственным ответом ей стало лишь эхо, отразившееся от каменных стен подземелья.

15

Рокки Филипов, капитан рыболовецкого судна «Маниболл» – переоборудованного шестидесятипятифутового траулера – повернул голову и сплюнул на палубу табачно-коричневую слюну, которая тут же расплылась по липкому слою, покрывавшему доски и состоящему из смеси жира, дизельного топлива и отвратительной рыбьей слизи.

– Все просто, – заговорил один из членов команды Мартин де’Хесус. – Мы тратим на него слишком много времени. Давайте просто прострелим его гребаную башку к чертовой матери, запихнем в мешок из-под рыбы, привяжем к нему груз и сбросим за борт.

Холодный ветер гулял по палубе «Маниболла». Стояла глубокая пасмурная беззвездная ночь, и судно стояло на якоре близ Бейли-Хол, недалеко от границы с Канадой. На палубе темного корабля собралась небольшая группа людей, и со своего места Филипов прекрасно видел, что каждый из них дымил сигаретой. Другого света на палубе не было –

«Маниболл» выключил все ходовые огни, бросив якорь, и погрузился во тьму. Даже красная подсветка рулевой рубки была погашена.

– Согласен с Мартином, – раздался голос Карла Миллера, после чего его сигарета ярче засияла в темноте, и последовал громкий выдох. – Я не хочу и дальше держать его на борту. Они просто тянут время. К черту сделку! Это слишком рискованно.

– Это *не* рискованно, – возразил кок. – Мы можем меньше, чем за час, добраться до нейтральных вод. Следующая партия будет только через несколько недель! Арсено – наш друг, он стоит того, чтобы за него поторговаться.

– Да… может быть. Но почему тогда федералы не хотят сотрудничать?

Капитан Филипов внимательно слушал этот обмен мнениями. Экипажу необходимо было обговорить всю эту ситуацию. В последние дни напряжение на судне резко возросло. Собравшиеся на палубе члены команды – за исключением вперед смотрящего – постепенно сгрудились у рулевой рубки, словно собирались разнести ее в пух и прах. Капитан поежился от озноба под порывом холодного ветра и прижался к стальному дверному косяку, скрестив руки на груди.

– Я думаю, они пытаются нас выследить, – буркнул Хуан Абреу, корабельный механик.

– Неважно, – качнул головой кок. – Если увидим хоть дуновение чего-то подозрительного с южной стороны, снимемся с якоря, а парня сбросим за борт. К тому же, мы все еще можем продать его часы.

Спор все продолжался и продолжался. В конце концов, каждый член команды по несколько раз высказал свое мнение на счет происходящего.

Поняв, что пришло его время, Филипов оттолкнулся от стены, снова сплюнул на палубу и заговорил:

– Этот ублюдок у нас на борту почти три недели. Мы пытаемся сторговаться только несколько дней. План был хорош, и я намереваюсь и дальше его придерживаться. До конца срока еще три дня – таков был уговор. Если через три дня сделка так и не состоится, мы поступим, как говорит де’Хесус, и сбросим его за борт.

Он закончил говорить и замер в ожидании реакции экипажа. На тесном судне, промышлявшем контрабандой наркотиков, вопреки всем этим дешевым фильмам и телешоу, при работе с командой нельзя было полагаться только на свой авторитет – необходимо было приходить с ними к консенсусу. Нельзя было просто сказать свое веское слово и решить, что оно сработает.

– Справедливо, – высказался, наконец, кок.

– Карл? – обратился Филипов.

– Хорошо. Еще три дня.

– Мартин?

– Черт, да я уже через пару дней повешусь! Но так и быть.

Спор, наконец, прекратился, и собравшаяся группа начала разбредаться по своим делам. Капитан Филипов перехватил кока, когда тот направился обратно на камбуз.

– Мне надо постараться сохранить этого ублюдка в живых, – решительно проговорил он. – У тебя еще осталась говядина с ужина?

– Еще бы.

Филипов направился в столовую, набрал миску тушеного мяса, прихватил с собой бутылку воды и понес еду и питье вниз, в кормовой лазарет. Люк оставили открытым, чтобы внутрь поступал воздух, но задраили решетку, чтобы «пациент» не смог выбраться наружу.

Капитан зажег фонарь, висящий на стене у двери, и сквозь решетку уставился на обитателя помещения – он находился все в том же положении, в каком Филипов видел его в последний раз: прикованный за руку наручниками к кровати. На нем был все тот же рваный грязный черный костюм, в котором его подобрали, и создавалось впечатление, будто эти клочья одежды надели на живой скелет. Лицо пленника покрывали ссадины и ушибы, а белокурые волосы слиплись и сальной паутиной облегали череп.

Филипов открыл решетку и спустился в трюм, поставил перед изможденным пленником бутылку воды, затем присел на корточки пристально посмотрел на него. Мужчина лежал с закрытыми глазами, но веки его сразу же поднялись, как только капитан замер рядом с ним. Казалось, что в серебристых глазах сверкал какой-то скрытый внутренний свет.

– Я принес тебе немного еды, – сказал Филипов, указывая кивком головы на миску в своей руке.

Пленник не ответил.

– Что так задерживает твоих друзей, а? – в сотый раз спросил его Филипов. – Они продолжают упорствовать.

К его удивлению, глаза мужчины, наконец, встретились с его, и взгляд пленника невольно вызвал в нем беспокойство.

– Вы изволите *жаловаться* на молчание моих друзей?

– Именно так.

– В таком случае я приношу извинения от их имени. Но позвольте мне заверить вас, что, когда настанет время, они будут искренне рады встретиться с вами. Хотя я боюсь, что вы – если вам, конечно, удастся пережить эту встречу – о ней пожалеете.

Филипов в шоке уставился на пленника. Ему потребовалось мгновение на то, чтобы осмыслить услышанное.

– Надо же, какие громкие слова я слышу от какого-то куска дерьма, который мы подобрали в море, когда он едва не пошел на корм рыбам.

Светловолосый мужчина улыбнулся, и эта его улыбка – нет, скорее она напоминала призрачную невеселую ухмылку – вышла презрительной и пугающей.

– О’кей, – Филипов поставил миску рядом с пленником. – Вот твой ужин, – он уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг замер. – А это твой десерт.

После этих слов он развернулся и со всей силы ударил пленника в живот, после чего, наконец, покинул трюм и захлопнул за собой решетку.

16

Девятнадцатью днями ранее.

25 октября

Рокки Филипов стоял у руля рыболовецкого судна «Маниболл», бороздившего море. В восточной части горизонта восходящее солнце прорывалось сквозь нагромождения серых облаков, разгоняя остатки бури, бушевавшей прошлой ночью. По левому борту от корабля лежал низкий темный берег острова Кроу, проплывающий мимо, а впереди Филипов видел возвышающийся маяк Эксмута, стоявший на утесе рядом с домиком смотрителя. Казалось, золотистое солнце восставало прямо над маяком – то было зрелище непередаваемой красоты. Сейчас никто из экипажа не заступил в дозор – все дремали внизу, в каютах. Мартин де’Хесус стоял неподалеку в рулевой рубке, попивая кофе и доедая черствый пончик, одновременно играя в какую-то игру на своем мобильном.

Филипов пребывал в прескверном настроении. Они только что доставили груз своему контактному лицу в штате Мэн. Дорога из Канады прошла без сучка и задоринки, и сейчас экипаж вез с собой семь чемоданов набитых наличными и запертых в трюме. Теперь до

следующей поставки оставался месяц, в течение которого они могли прожигать свой заработок. Это путешествие было почти триумфальным… если не брать в расчет проблему с Арсено.

Федералы поймали его неделю назад с чемоданом денег после Канадского дела. Сто тысяч долларов оказались достаточной суммой, чтобы привлечь их интерес. Никаких наркотиков, ничего противозаконного, просто деньги. Теперь Арсено держали под стражей, и Филипов не сомневался, что над ним хорошенько работают. Он пока не сломался, это точно – в противном случае «Маниболл» уже накрыли бы. Но стойкость Арсено не будет длиться вечно. Филипов знал это, потому что у Арсено была жена и двое детей, а этот фактор всегда становился удобным рычагом, с помощью которого можно было надавить на человека. Кроме того он был глупцом. Ему стоило отмыть свою долю денег по разным каналам, которые Филипов тщательно разработал, вместо того, чтобы попадаться федералам с чемоданом, полным наличности!

Была и другая проблема: экипаж проголосовал за то, чтобы направить судно в Бостон, засесть там на месяц и вдоволь насладиться плодами своей работы. Филипову не нравился этот план, ему не нравилось решение, к которому пришла команда. Как это будет выглядеть? Несколько внезапно разбогатевших человек ворвется в город, начнет напиваться, снимать шлюх и, возможно, у кого-то из них слишком развяжется язык. В конце концов, разве то, что случилось с Арсено, который решил покинуть корабль раньше времени, не послужило уроком? И все же капитану пришлось согласиться. Он не мог просто сказать «нет» своему экипажу – особенно после того, как сильно его ребятам довелось попотеть во время последней доставки. Всем им пришлось рискнуть, всем пришлось потрястись от страха быть пойманными, и все же они сработали отлично. Теперь Филипов просто обязан был довериться им, чтобы не вызвать недовольство.

Что до него самого – он собирался провести месяц, спокойно отмывая столько денег с продажи наркотиков, сколько сможет, через успешную галерею антиквариата, которой он владел на Ньюбери-Стрит. Он намеревался тихо поужинать в прекрасных ресторанах с несколькими своими подругами, посетить несколько казино и добавить пару редких бутылок вина в свой винный погреб.

– Эй! – внезапно воскликнул Филипов, обратившись к де’Хесусу и вглядываясь в изменчивые волны. – Ты видишь это?

Он чуть подался вперед, чтобы рассмотреть получше.

– Твою мать, это жмурик!

Филипов быстро замедлил ход судна и пригляделся. Тело лежало лицом вверх, его руки были раскинуты в стороны, а лицо казалось бледным, как сама Смерть.

– Ну-ка, зацепим его, – скомандовал он де’Хесусу.

Тот вышел из рулевой рубки, схватил лодочный крюк и подошел к борту судна, пока Филипов маневрировал и пытался подвести корабль ближе к телу. Поняв, что де’Хесусу удалось зацепить труп, он оставил судно дрейфовать и присоединился к своему подчиненному, помогая ему втащить мертвеца на борт.

Филипов уставился на болтающееся на крюке тело. Это был мужчина, на вид – около сорока лет. Светлые волосы, облепившие череп, черный костюм, бледная, почти серая кожа. На левом запястье блестели часы.

– Втащи его на корму, – велел Филипов де’Хесусу.

– Шутишь, что ли? Ты его оставить собрался? Если мы с ним к берегу причалим, нам не избежать уголовщины!

– Не паникуй ты. Кто сказал, что мы собираемся с ним причаливать? Видишь часы? Похоже, это «Ролекс».

Де’Хесус тихо усмехнулся.

– Черт, Рокки, а ты *всегда* смотришь на вещи под правильным углом.

– Затащи его на корму и обыщи. А после можешь снова сбросить за борт.

Траулер, сбавив ход, принялся подпрыгивать на накатывающих волнах, но де’Хесус привык к качке и легко справился с тем, чтобы затащить тело на корму. Отцепив крюк, державший «жмурика» за пояс, де’Хесус уставился на свою находку. Тело легко перевалилось через кормовую рампу и оказалось на палубе, на которую с него тут же потекли струи воды. Филипов опустился на колени рядом с телом, развернул запястье с часами и крепко ухватился за него.

– Посмотри на это! Платиновый «Ролекс», модель «Сен-Блан». Стоит тысяч сорок, не меньше! – он отстегнул ремешок и повертел часы в руке, чтобы де’Хесус мог как следует их рассмотреть.

Тот взял часы и внимательно изучил их.

– Чтоб я сдох, кэп! И ведь они все еще работают.

– Давай-ка глянем, что у него еще есть.

Филипов бегло обыскал тело. Ни кошелька, ни ключей, ни чего б то ни было в карманах. Только странный медальон на шее, который казался пустяковой безделушкой, и золотое кольцо с выгравированным на нем

гербом и каким-то символом. Капитан попытался снять его, но оно не поддавалось – пришлось сломать сустав на пальце трупа, чтобы у него это получилось.

Он отпустил руку жмурика, рассматривая кольцо. Золотое и, пожалуй, довольно ценное. Стоить может где-то три-четыре сотни баксов.

– Что теперь? – спросил де’Хесус. – Сбросим его? Нам ни к чему, чтобы нас поймали с трупом на борту.

Филипов уставился на тело. Он потянулся к нему и снова обхватил запястье. Черт, оно было вовсе не таким холодным, как должно было быть. На самом деле, оно даже казалось теплым. Филипов надавил на него большим пальцем, пытаясь прощупать пульс, но не сумел ничего обнаружить. Он коснулся шеи, чтобы проверить сонную артерию и снова поразился тому, что кожа была слишком теплой для трупа. Когда капитан нажал средним и указательным пальцами на сонную артерию, то ощутил слабую пульсацию. Теперь он заметил, что тот, кого они считали трупом, на самом деле дышит – очень медленно, почти незаметно, но дышит. Филипов прислонил ухо к груди и услышал булькающие хрипы вместе со слабыми ударами сердца.

– Он жив, – упавшим голосом сообщил капитан.

– Тем более стоит выбросить его отсюда к чертовой матери!

– Вот уж нет.

Филипов заметил, что де’Хесус смотрит на него непонимающим взглядом. Его пушок седых волос, окружавших почти лысую макушку, встал дыбом, а рука, державшая часы, чуть задрожала. Воистину, де’Хесус был надежным человеком, но он был глуп, как осел.

– Мартин, смотри. У нас тут парень с часами за сорок тысяч долларов. И мы только что спасли ему жизнь. Итак… не думаешь ли ты, что в этой ситуации есть расклад, при котором мы можем хорошенько заработать?

– Например?

– Иди, разбуди остальных.

Де’Хесус отправился вниз, качая головой, а Филипов достал из шкафчика тяжелое шерстяное одеяло. Он огляделся, убедившись, что поблизости нет других лодок, затем оттащил человека чуть дальше на корму, положил одеяло и завернул в него пострадавшего. Ему нужно было отогреть этого парня и быстро, иначе он все равно погибнет от переохлаждения. Температура воды составляла около пятидесяти градусов по Фаренгейту, а, согласно таблицам, которые помнил Филипов, здоровый человек мог продержаться в такой воде примерно

часа полтора до потери сознания и еще час до смерти, если предположить, конечно, что он не утонет в течение этого часа.

Этот парень – кем бы он ни был – и куска собачьего дерьма не стоил мертвым. Но вот живым он мог стоить очень дорого.

Как только капитан завернул пострадавшего, он задумался о том, что с ним делать дальше. Если он придет в себя, то точно будет растерян. Могут возникнуть проблемы. Лучше всего запереть его в одном из отсеков трюма. В кормовом лазарете, например – это самый большой отсек на «Маниболле». Там есть освещение и несколько розеток, в которые можно было включить обогреватель.

Команда, недовольная тем, что кто-то потревожил ее сон, постепенно выползала на палубу. Члены экипажа бессознательно сбились в кучу вокруг капитана. Филипов поднялся и, взглянув на собравшихся, обратился к де'Хесусу.

– Мартин, покажи им, – сказал он. – Покажи часы.

Часы прошли по кругу, и экипаж разразился тихим удовлетворенным бормотанием.

– На деньги, вырученные с этих часов, можно «Кадиллак» купить, – возвестил Филипов. – Итак, мы оставляем этого парня на борту, – он оглядел свою команду. – Это значит, что придется отказаться от наших бостонских каникул, но, думаю, оно того стоит. Нас могут ждать серьезные деньги.

– Деньги? – переспросил Дуэйн Смит, первый помощник. – Награда, что ли?

– Награда? К черту. Никакая награда и рядом не лежала с тем, что мы получим благодаря этому парню, если мы пойдем другим путем.

– Что ты имеешь в виду, Рокки? – спросил Смит.

– Выкуп.

17

Филипов стоял у кормового лазарета на дне трюма и внимательно изучал таинственного мужчину, прикованного к кровати. Он находился с ними уже десять дней, но они знали о нем ровно столько же, сколько и в тот момент, когда затащили его на борт. То есть, *ничего*. Человек, похоже, спал, но Филипов не был в этом уверен. В первые несколько дней после того, как они выловили его из воды, он был погружен в своеобразное глубокое беспамятство. Впрочем, этого следовало ожидать: он ведь едва не умер от гипотермии. Экипаж хорошо заботился о нем: содержал его в тепле и кормил бульоном, когда он смог, наконец,

принимать пищу. Незнакомцу перевязали раны и сломанные пальцы и создали комфортные условия – насколько это было возможно на «Маниболле». Затем три дня несостоявшийся покойник метался в лихорадке. В этом также не было ничего удивительного, но экипаж начал заметно нервничать, опасаясь, что, если судно остановит Береговая охрана и заявится на борт, у всей команды возникнут серьезные неприятности.

Чтобы свести к минимуму эту возможность, Филипов направил «Маниболл» за пределы полуострова Скудик[72], а оттуда еще дальше – к самой дикой части побережья Соединенных Штатов: к штату Мэн – штату «попутного ветра»[73] – с его тысячами необитаемых островов, бухт и эстуариев[74]. Филипов хорошо знал побережье, а также знал привычки Береговой охраны. В течение нескольких дней «Маниболл» блуждал от одной мелководной бухточки до другой, держась подальше от круизных и судоходных путей и перемещаясь только по ночам. Но атмосфера на корабле продолжала накаляться, особенно после того, как лихорадка загадочного человека стихла, и он, казалось, находясь на пути к выздоровлению, все еще не произнес ни единого слова. Создавалось впечатление, что у него серьезно поврежден мозг – что было вполне возможно, после того, как он чуть не утонул. Но в те несколько раз, когда у него была возможность заглянуть в серебристые глаза мужчины, Филипов успел рассмотреть в них бдительный интеллект. Он интуитивно чувствовал, что парень все осознает. Так почему же он ничего не говорит? Как он оказался в море? И как он получил такие ранения? Похоже, что его терзал медведь, на это указывали длинные страшные царапины, рваные раны и следы укусов.

Вся эта ситуация была чертовски неудобной для всех находящихся на борту.

Сейчас молчаливый пассажир лежал выделенном ему месте с закрытыми глазами. Филипов пристально смотрел на него, положив руку в карман, в котором покоилось золотое кольцо мужчины. Он был уверен, что ответ или, по крайней мере, *один* из ответов, был заключен в гербе и символе, выгравированных на этом кольце. Это была странная эмблема, изображающая причудливое вертикальное облако с пятиконечной звездой внутри него. Зигзаг молнии был устремлен в кошачий глаз, внутри которого вместо зрачка находилась цифра девять. Филипов отчего-то решил, что эта символика имеет какое-то отношение к вооруженным силам. Смит, его первый помощник и местный компьютерный гуру, провел много часов в Интернете, безуспешно ища совпадение. Медальон, висевший на шее мужчины, оказался не менее загадочным. Украшение имело не столь официальный вид, сколь кольцо, и больше напоминало старую семейную реликвию – возможно, уходящую корнями в средние века.

Отчаявшись найти совпадение по украшениям, Смит решил попытать счастье и отыскать самого их пассажира – возможно, о нем было что-то известно в сети? Но снова – ничего. Проблема заключалась в том, что их гость едва не умер, и его лицо было настолько изможденным и осунувшимся, что он, вероятно, не выглядел достаточно похожим на свое бывшее «Я», чтобы программное обеспечение нашло совпадение.

Ключом к личности этого человека было кольцо – Филипов был в этом уверен.

Он пристально смотрел на мужчину, а гнев его тем временем усиливался. Сукин сын что-то скрывал от них. Почему?

Капитан вошел в трюм и подошел к мужчине. Тот все так же лежал, закрыв глаза, прикованный к кроватной раме. Похоже, он спал. Вернее, *притворялся* спящим. Некоторое время ничего не происходило, но вскоре глаза незнакомца медленно открылись и уставились на Филипова своим проникновенным серебристым взглядом. Воистину, их таинственный пассажир больше походил на призрак, чем на человека.

Филипов склонился над ним и спросил:

– Кто ты?

Глаза мужчины спокойно выдержали взгляд капитана, и Филипов буквально почувствовал дерзость, исходящую от их странного пассажира. Когда его поднимали на борт, он едва ли был не при смерти, однако сейчас… сейчас он, похоже, восстановился куда больше, чем казалось на первый взгляд.

– Всё молчишь? А как тебе понравится, если я сброшу твою задницу обратно в океан?

К его удивлению, мужчина впервые заговорил, и его голос прозвучал не громче шепота.

– Повторение подобной угрозы становится утомительным.

Филипов был потрясен спокойной гладкостью голоса, южным акцентом и явно высокомерным тоном.

– Значит, ты *можешь* говорить! Я знал, что ты притворяешься. Хорошо, теперь, когда ты снова обрел дар речи, отвечай: кто ты?

– Я бы сказал, что вопрос, кто *вы* такой – более интересен. Впрочем, интерес этот быстро сходит на нет, ибо я уже знаю ответ.

– Да неужели? Так кто же я тогда, ты, мелкий ублюдок?

– Вы – самый несчастный человек среди живых.

В приступе слепой злости Филипов нанес пленнику удар по ребрам, однако тот перенес удар стоически: выражение его лица не изменилось, и даже взгляд так и не переместился в сторону. Кто бы ни был этот человек, в ту минуту казалось, будто «Маниболл» принял на борт самого дьявола.

18

Капитан Филипов стоял у штурманского столика слева от руля, глядя через плечо Смита, пока тот работал на своем лэптопе. Он объяснял свою последнюю неудачную попытку сопоставить гравировку с кольца загадочного мужчины хоть с чем-то похожим в Интернете.

– Как бы то ни было, – сказал Смит, – думаю, что это невозможно найти ни в видимой, ни в скрытой части сети. Я использовал лучший софт для нахождения дубликатов изображений. Но ни хера не сработало.

Филипов кивнул, глядя на экран, где находилась фотография, которую они сделали с кольца. Корабль стоял на приколе у бухты Банкер, к югу от большого острова Спрус. Это была защищенная якорная стоянка для подобной ненастной ночи: волны шли с северо-востока, а дождь щедро забрызгивал окна рулевой рубки.

– Хочешь пива? – спросил Смит.

– Не сейчас.

Смит передернул плечами, отодвинул стул и вышел. Через пару секунд он вернулся с пивом в руке и сделал большой глоток.

– Кто же такой этот мудак? – спросил Филипов, садясь за компьютер. – Он хочет остаться неизвестным. Почему, черт побери? Что ему стоит назвать нам свое имя?

– Да. Странно.

Капитан уставился на рисунок. Необычное облако, молнии, кошачий глаз, цифра девять… что все это могло значить?

И внезапно на него снизошло озарение. Мысль показалась настолько простой и очевидной, что заставила его вздрогнуть.

– У кошки девять жизней.

– И что?

– Значит, эта группа, независимо от того, что она собой представляет, связана с выживанием. Девять жизней.

– О’кей, – Смит глотнул еще пива.

– И это облако. Ты когда-нибудь видел подобное облако?

– Оно странное и похоже на грозовую тучу.

– Возможно, что это совсем не облако.

– А что же это тогда?

– Призрак.

Смит, прищурившись, внимательно всмотрелся в изображение на экране и нахмурился:

– Может быть.

Филипов вытащил из кармана кольцо и еще раз вживую изучил гравировку, поворачивая его и так, и эдак в тусклом свете рулевой рубки, параллельно молча размышляя: «*Призрак. Звезда. Девять жизней. Молния. О'кей. Пусть в Интернете не находится изображение кольца, но, возможно, что найдется его описание»*.

Филипов напечатал в поисковой строке слова «призрак», «звезда», «девять жизней» и «молния» и почти сразу же получил совпадение. Это была небольшая статья в информационном бюллетене Зала Славы ФБР, посвященном агентам, погибшим при исполнении служебных обязанностей. Он был датирован тремя или четырьмя годами ранее, и в нем говорилось о похоронах специального агента Майкла Декера, который был убит «При исполнении служебных обязанностей в результате противоправных действий». В статье было дано описание самих похорон, а также были отмечены некоторые из присутствующих. Филипов прочитал все, а затем остановился на одном отрывке:

«Помимо американского флага на гроб нанесли эмблему элитной команды „Призрак", в которой состоял Декер: призрак на синем фоне, украшенный звездой, мечущий молнию в кошачий глаз с цифрой девять вместо зрачка, символизирующей девять жизней, которыми, как утверждалось, обладали все члены команды „Призрак" в силу их профессиональной подготовки, стойкости и опыта. Команда „Призрак" являлась абсолютно секретным, сплоченным, специализированным потомком ныне несуществующего подразделения армии США „Голубой свет" и была создана специально для проведения операций в секретных, крайне опасных и порой несанкционированных театрах боевых действий. Период существования команды „Призрак" оказался относительно недолгим. В общем и целом „Голубой свет" в конце концов, перерос в первый оперативный отряд специального назначения США – отряд „Дельта". Специальный агент Декер был одним из небольшой, награжденной

знаками отличия группы агентов, которые присоединились к ФБР после несения службы в команде „Призрак“».

– Наш загадочный парень внизу, – сказал Филипов, – служил в армии. А если быть точным, то в спецназе.

Смит, тяжело дыша, заглянул через плечо капитана.

– Чтоб я сдох! – сказал он, указывая на что-то на экране – Взгляни лучше на это!

В статье была размещена небольшая фотография группы агентов, сделанная на могиле. И среди них находился высокий бледный мужчина в черном костюме, стоящий со скрещенными руками чуть в стороне от остальных. Хотя его лицо было расплывчатым и нечетким, все, что касалось внешних признаков, соответствовало человеку в трюме – бледность кожи, светлые волосы, светлые глаза и худощавое телосложение.

Подпись гласила, что это специальный агент А. К. Л. Пендергаст.

– Господи, – выдохнул Филипов, – он *федерал*.

Повисла тишина, нарушаемая только стуком капель дождя по окнам.

– Ну, вот и все, – сказал Смит, – выбрасываем ублюдка за борт.

– Ты действительно собираешься убить его? – спросил Филипов.

– Мы не убиваем его. Мы просто возвращаем его туда же, где мы его и нашли. Природа сделает все остальное. Кто об этом узнает? Через несколько недель он где-нибудь всплывет, и ничто не свяжет его с нами. Черт возьми, не можем же мы держать *федерала* на борту!

Филипов ничего не ответил. Идея казалась весьма соблазнительной. Сукин сын из трюма действительно уже сидел у него в печенках. Капитан открыл небольшой шкаф под штурманским столиком, достал бутылку скотча, отвинтил крышку и сделал большой глоток. Он почувствовал, как жидкость прокладывает огненную дорогу вниз по его горлу. Огонь этот быстро перерос в приятное тепло, побудившее Филипова сделать второй глоток.

– Я думаю, что нам стоит вернуться к побережью близ острова Кроу, – продолжал меж тем Смит, – сбросим его там. Недалеко оттуда он, должно быть, и исчез. Никто нас с ним не свяжет, – он помолчал, а затем схватил бутылку скотча. – Как думаешь?

– Должен предупредить, что это довольно крепкое пойло для мормонов, – заметил Филипов.

– Уже поздно, – с усмешкой отозвался Смит, и набрал полный рот скотча. – Мы вернем ему часы. И кольцо. И тем самым не оставим никаких доказательств.

Когда от скотча его нутро охватил огонь, сознанием Филипова овладела предельная ясность. Он подождал, когда Смит выговорится.

– К черту часы, – продолжал Смит, – мы не можем рисковать. С Арсено, который может заговорить, мы вообще не должны рисковать!

– Арсено, – тихо произнес Филипов.

– Да, Арсено. Я имею в виду, что если он заговорит, то они рванут за нами со всех ног. И если они найдут на борту похищенного федерала, обвинения в распространении наркотиков станут наименьшими из наших забот…

– *Арсено*, – повторил Филипов.

Смит, наконец, прервал свою тираду:

– Ну? Арсено, да. Что ты пытаешься сказать?

– Он же у федералов.

– Так и я о том же *говорю*.

– Так… у нас же есть федерал.

Молчание в ответ.

Филипов неотрывно смотрел на Смита.

– Мы совершим обмен. Этого человека, Пендергаста, на Арсено.

– Ты, на хрен, совсем спятил? Ты хочешь вылить это дерьмо на федералов? После этого мы умрем так быстро, что ты даже не успеешь отлить с кормы.

– Нет, если мы сойдем на землю. И я знаю одно такое место. Слушай. Федералы понятия не имеют, где он. В газетах об этом ничего нет. Они не знают, что он на судне, и, кроме того, это будет последним местом, где они будут искать. В качестве доказательства, что он находится у нас, мы отправим им кольцо и медальон.

– Это безумие.

– Если Арсено расколется, все кончено. Мы проведем всю оставшуюся жизнь в тюрьме.

– Ты действительно думаешь, что он может расколоться?

– Я думаю, это возможно. Он находится у них… сколько уже? Почти месяц?

– Но чтобы использовать федерала в качестве заложника для обмена… – Смит замолчал.

– Красота именно в простоте. Работа уже сделана: федерал у нас, и никто не знает, где именно мы находимся. Мы высадим на берег кого-нибудь из экипажа с кольцом и медальоном. Он отправит их федералам, ну, скажем, в Нью-Йорк. Наше требование будет простым: выпустите Арсено и дайте ему билет в Венесуэлу в один конец. Когда мы получим от него подтверждение, мы освободим этого Пендергаста. Если нет, Пендергаст умрет.

– Освободим его? Он же видел наши лица.

– Верно подмечено. Поэтому, когда Арсено окажется на свободе, мы вернем федерала обратно в воду. Где мы его и нашли, – эта идея принесла Филипову чувство истинного удовлетворения.

– Сукин сын, – Смит нахмурился, – я не знаю. Если мы убьем федерала, они после этого выследят нас даже на краю земли. Этот парень из элиты. У него есть друзья.

– А у нас есть деньги. И корабль. Некоторое время им понадобится на то, чтобы разобраться в случившемся. Но когда они это сделают – *если* они это сделают – мы уже будем далеко. Если Арсено проговорится, нам все равно придется уходить отсюда, – капитан сделал паузу и, наконец, привел решающий довод. – Настоящее чудо, что этот парень просто свалился к нам в руки. Мы были бы сумасшедшими, если бы не воспользовались этим.

Смит покачал головой.

– Это может сработать.

– Это *точно* сработает. Поднимай команду. Я договорюсь о встрече.

19

Филипов стоял на передней палубе, вдыхая аромат, доносившийся от пышных веток раскидистых елей, растущих на утесе чуть выше и впереди корабля. Наступило спокойное, холодное и солнечное осеннее утро. Все шло точно по плану.

Капитан обнаружил Бейли-Хол, когда был еще подростком и перевозил «травку» из Канады в Соединенные Штаты на шестнадцатифутовом «Бостонском китобое». Он никогда никому не рассказывал об этой дыре – ни разу. Даже когда он начал перевозить «Чарли»[75] из бухты Финей, Новая Шотландия в Фейри-Хэд, штат Мэн, на череде лодок для ловли

лобстеров и драггеров[76]. Это было идеальное место для укрытия, но Филипов решил приберечь его до того времени, когда оно действительно будет ему жизненно необходимо.

И это время настало.

Бейли-Хол находилась на диком участке побережья между Катлером и Любеком, недалеко от канадской границы. Это была глубокая выемка в гранитной береговой линии с отвесными скалами, возвышающимися с трех сторон, и с гигантскими еловыми деревьями, чьи лохматые ветви служили прикрытием с высоты. Северная стена дыры фактически представляла собой выступ – гранитная скала образовывала своего рода застывшую каменную волну, под которой лодка могла укрыться целиком и стать полностью невидимой. Те немногие ловцы лобстеров, которые работали в этом районе, избегали дыры из-за ее опасных пятнадцатифутовых приливов и зазубренных подводных рифов, которые ломали их ловушки для лобстеров и разрезали крепившие их веревки.

Задача была не из простых: осторожно завести «Маниболл» в Бейли-Хол. Филипов сделал это при слабом отливе ночью, когда теченье отсутствовало, а поверхность моря была спокойной. Не было возможности даже бросить якорь: рифы могли «откусить» его так же легко, как и ловушку для лобстеров, и в любом случае в дыре было недостаточно пространства, чтобы разместить дрейфующее в пределах якоря судно. Вместо этого Филипов натянул канаты с корабля к обоим берегам, обвязав их вокруг стволов елей, но оставив достаточно слабины, чтобы позволить «Маниболлу» подниматься и опускаться вместе с приливами и отливами.

Это была сложная операция, которая заняла полн*о*чи, но Филипов остался доволен результатом. Теперь он и команда укрылись в безопасности на диком берегу, ближайший городок находился в двенадцати милях от них, а ближайший дом – по меньшей мере, в восьми. Поблизости не было ни дорог, ни троп. Берег являлся частью большого лесного массива, принадлежащего бумажной фабрике «Монтроуз», в Любеке. Единственные люди, которые когда-либо приходили сюда, были лесорубами… но в это время года лесозаготовка не производилась.

По пути в Бейли-Хол они высадили на берег одного из самых надежных и находчивых членов своей команды – Дальку – с кольцом, медальоном и кучей денег. Его миссия состояла в том, чтобы отправиться в Нью-Йорк и послать по почте две эти вещи и фотографию Пендергаста вместе с их требованиями и инструкциями в Нью-Йоркское региональное отделение ФБР. После этого Далька должен будет затеряться в городе, залечь на дно и дождаться результата.

Оставив Дальку на уединенном участке побережья, Филипов повел «Маниболл» на север, к Бейли-Хол.

Он принял меры предосторожности. Задолго до того, как он добрался до впадины, Филипов приказал выключить GPS-навигатор и все сотовые телефоны, а их батареи извлечь. Отключили все, что можно было использовать, чтобы отследить их.

Его озадачивала проблема общения с ФБР. Должен был быть способ поддерживать связь, не выдавая своего местоположения. К счастью, Смит – первый помощник и компьютерный гуру – знал, как создать неотслеживаемую, зашифрованную электронную почту. Филипов и сам хорошо разбирался в компьютерах, поэтому совместными усилиями они со Смитом выполнили эту задачу. Они использовали программу, похожую на «TOR», но более современную. Она называлась «BLUNT» и была способна четыре раза зашифровывать все интернет соединения с помощью PGP[77] и перенаправлять их через множество компьютеров по всему миру, что делало почти невозможным отслеживание сигнала до его первоначального IP-адреса. Через «BLUNT» он и Смит установили временный одноразовый почтовый сервис под названием «Insurgent Mail» в скрытой части сети, которая, как они полагали, была неприступна даже для АНБ[78].

Со всеми программными установками возникла только одна небольшая проблема: в Бейли-Хол невозможно было подключиться к Интернету.

Это означало, что Смит должен был периодически наведываться с лэптопом в место, где наличествовало интернет-соединение, чтобы отправлять и получать сообщения. Этим местом, как они решили, стал городок Катлер, расположенный в десяти милях отсюда, вдоль линии побережья. Мотель в Катлере, носивший название «Рыбацкая шхуна Годерры», предлагал бесплатный Wi-Fi. Сюда-то Смит и отправится.

На «Маниболле» была моторная лодка, которая исполняла роль спасательного плота. Это был почти новый надувной «Зодиак»: девять футов в длину, шесть дюймов в ширину, с четырехтактным двигателем «Тохацу» мощностью 9,8 л.с. В спокойном море с одним пассажиром лодка могла идти на полных двадцати узлах. Но море между Бейли-Хол и Катлером было, каким угодно, только не спокойным, поэтому двенадцать узлов были максимумом, который мог выжать пассажир, не боясь превратиться в чертову отбивную – и то, только в хорошую погоду. В шторм можно было забыть и об этом.

Они должны были быть осторожны. Прибытие и отбытие небольшого «Зодиака» в гавань не привлечет к себе повторных любопытных взглядов. Но движение подобного судна в открытой воде вдоль линии побережья определенно *будет* замечено – особенно рыбаками, которые подумают, что это чистой воды безумие вести небольшую лодку поздней

осенью вдоль скалистой береговой линии, известной своими эпическими бурями, течениями и приливами. Если бы они увидели нечто подобное, то наверняка захотели бы узнать, кто, черт возьми, этот сумасшедший ублюдок. Рыбаки, как Филипов хорошо знал, были печально известными сплетниками.

По всем этим причинам Смит должен был приплыть в Катлер и уплыть оттуда ночью, значительно увеличив риск несчастного случая. Но другого пути не было.

Несмотря на принятые трудоемкие меры по созданию защищенной электронной почты, Филипов понимал, что, вполне вероятно, им также понадобятся и сотовые телефоны. Например, возможно, Смиту в какой-то момент может понадобиться переговорить с Далькой в Нью-Йорке. И он знал достаточно много о федералах, чтобы ожидать, что они рано или поздно будут настаивать на голосовом общении.

У капитана всё было схвачено. На борту «Маниболла» находилось несколько десятков сотовых GSM-телефонов с уже включенными предоплаченными минутами, которые были куплены за наличные в разных странах мира – что было весьма полезно для ведения их бизнеса. Филипов дал два Дальке и четыре Смиту с исчерпывающими личными инструкциями для последнего: при разговорах с ФБР использовать для каждого отдельного вызова новый телефон и говорить кратко: сотовый телефон можно отследить всего за тридцать секунд. Смит, а не ФБР, должен быть инициатором звонков. По завершении вызова батарея должна быть немедленно извлечена, а телефон отключен, чтобы он не смог отправлять ответное сообщение «Heartbeat»[79] для связи с сотовой сетью.

Филипов снова вдохнул аромат хвои. Смит этой ночью отправился в Катлер, свой лэптоп и одноразовые телефоны он надежно завернул в несколько слоев пластика для защиты от соленых брызг океана. Смит не был моряком, который мог бы желать совершить опасное морское ночное путешествие, поэтому Филипов тщательно его проинструктировал: первый помощник должен был продвигаться вдоль побережья, держась близко к берегу вне зоны серфинга. Ему может понадобиться мощный прожектор, который он отключит, прежде чем войдет в гавань.

Филипов наблюдал за его отплытием и слушал гул двигателя, пока тот не затих в темноте. Это был риск, но, опять же, необходимый. План был приведен в исполнение, и его уже не возможно было прервать. Они ничего не услышат в течение трех дней – может быть, четырех – не дольше.

Но это был хороший план. Филипов много раз пересматривал его у себя в голове, и экипаж обсуждал его до тошноты. Смит заселился бы в

«Годерру» под маской мормонского миссионера. Он выглядел достаточно молодо, чтобы ему поверили. К тому же, у него – как и у всех членов экипажа – были при себе строгие классические костюмы: хрустящий, дорогой костюм был незаменимым аксессуаром в некоторых ситуациях при контрабанде наркотиков. А лучшим обстоятельством стало то, что Смит действительно *был* мормоном, или, по крайней мере, являлся им раньше. Так или иначе, он почти целый год отработал на миссионерской работе. Он знал, как использовать необходимый сленг при разговоре.

Три дня молчания. Будучи в Катлере, Смит, конечно же, не сможет с ними связаться. Но Филипов дал ему четкие инструкции о том, как реагировать на самые разнообразные ситуации в переговорах с ФБР. Он должен был придерживаться основного требования: если Арсено не будет в Венесуэле через неделю, то агент ФБР умрет. Легко и просто.

Филипов знал, что в подобных переговорах СОП[80] заставят власти настаивать на большем количестве времени и просить о мелочах, постепенно накапливая требования и просьбы, затягивая ситуацию и устанавливая господство над похитителями. Он не собирался попадать в подобную ловушку. Одна неделя. К тому времени, если они не увидят через «Skype» Арсено, стоящего перед статуей Симона Боливара на площади Боливара в Каракасе, Венесуэла – место, которое невозможно было подделать – тогда они вывезут в открытое море этого федерального сукиного сына, сбросят его за борт и покинут страну. Конечно же, если они все-таки получат подобное сообщение от Арсено, то они все равно выбросят его за борт.

Капитан верил, что блеф ФБР на этот раз не сработает. Он должен был строго следовать своему первоначально разработанному плану: быть решительным, последовательным, не сомневаться и, что бы ни случилось, окончательно и бесповоротно идти до конца. Переговорщики ФБР являлись отменными экспертами и чувствовали блеф. Если бы он проявил малейшую слабость, мельчайшие колебания, малейшую уступку к одному из их требований, все было бы кончено.

Опять же, Смит был тщательно проинформирован обо всем этом. У него были строгие приказы, и Филипов был в нем уверен. Возможно, в том, что Смит не мог связаться с командой, даже были свои преимущества: при связи с ФБР у него не было иного выбора, кроме как твердо стоять на своем. Между тем было крайне важно сохранить Пендергаста живым и здоровым в течение следующих семи дней, если ФБР потребует доказательства того, что он жив, перед тем, как выпустить Арсено.

Пока Филипов стоял в свете раннего утра, и звуки ветра, проносящегося сквозь еловые ветви над его кораблем, смешивались с обычным пульсом моря, бьющегося о скалы, он решил, что нет причин рассказывать

пленнику о том, что они делали и что они *еще* собирались сделать. В любом случае, через неделю он будет мертв.

У Филипова был еще один источник беспокойства. Двое из членов экипажа – де'Хесус и Миллер – питали особенную ненависть к ФБР. Ни один из них не одобрил план. На собрании они оба настаивали на том, чтобы сразу же сбросить агента ФБР в море. Они проголосовали против плана обмена и разозлились. В ту же ночь Филипов поймал их обоих в трюме, пьяных в хлам, мочащихся на Пендергаста и очень громко смеющихся, после того, как они достаточно сильно его избили. Филипов был раздосадован, но ничего не мог сделать, чтобы наказать их. Разве что запереть выпивку. Фактически – и он должен был это признать – часть его радовалась, видя, как с высокомерного ублюдка сбивали спесь. И сбили ее достаточно сильно: от тяжких побоев он потерял сознание. Но капитану необходимо было сохранять мир и держать всех в узде еще семь дней.

Филипов был обеспокоен расшатанной дисциплиной. Но было кое-что еще, что беспокоило его еще больше: выражение глаз федерала, когда эти два пьяных идиота, проклиная и смеясь, осушали на него свои «шланги», перед тем, как де’Хесус окончательно вырубил его швартовным гаком. Отчего-то то, что капитан прочел во взгляде агента, внушало страх.

20

Старший специальный агент Руди Спанн провел рукой по своим растрепанным волосам и уставился на пакет с уликами, лежащий на его столе, внутри которого вместе с письмом и конвертом поблескивало чуть потертое золотое кольцо и странный, расплавленный с одной стороны медальон. У него были смешанные чувства по поводу этой посылки, которая, внезапно попав на порог Нью-Йоркского отделения ФБР, наделала много шума. Был похищен агент! Тем более, это оказался не простой агент, а А. К. Л. Пендергаст.

Спанн, которого только недавно назначили старшим специальным агентом в Нью-Йорке, не знал Пендергаста. Но он, конечно же, слышал о нем всевозможные истории. У этого Пендергаста было какое-то особое разрешение. По большому счету, он был агентом, который брал и выбирал себе дела сам. Видимо, он был чрезвычайно богат, раз получал официальную годовую зарплату в размере одного доллара – далекую от зарплаты, обычно получаемой гражданскими служащими категории GS-15, 10 ступени[81]. Ходили слухи, что Пендергаст был бунтарем, даже кем-то вроде агента-изгоя, который пренебрегал правилами, но имел хорошую защиту наверху. По правде говоря, он был не в почете среди молодых агентов: их возмущала его свобода, его богатство, его элитарные манеры. С другой стороны, старожилы офиса буквально

благоговели перед ним и даже выказывали некое подобие уважения. Но, по сути дела, никто не любил его: он не был общительным человеком и не был тем, кто мог после работы вместе со всеми отправиться выпить пива. Легче было заметить его на стрельбище в выходной день, нежели в компании кого-то из коллег в непринужденной обстановке. По этим причинам Спанн имел с ним мало точек соприкосновения, разве что оказание базовой поддержки на местах. Агент редко появлялся на Федерал-Плаза.

Но, так или иначе, он был федеральным агентом. Если в ФБР и имелось нечто общее, являющееся негласным и бесспорным, так это дух лояльности и товарищества, который связывал их всех вместе. Если агент был убит или ему угрожала опасность, Бюро переворачивало небо и землю, чтобы добраться до преступников.

По этой причине похищение Пендергаста вызвало незамедлительный и масштабный переполох, и Спанн с этим делом мог, как выиграть, так и проиграть.

Он взглянул на свой мобильный телефон, лежащий на столе. Первичный контакт с похитителями произойдет через несколько минут, и агент был настроен решительно с этим справиться. Это дело могло построить всю его карьеру. Спанна одолевали противоречивые чувства: с одной стороны он опасался неудачи, но в то же время его распирало от радости. Он знал, что является чертовски хорошим агентом, так как окончил свой курс обучения в Куантико среди первых, и его карьера с тех пор была звездной и постоянно шла в гору. В свои сорок лет он был одним из самых молодых старших агентов ФБР, да еще и в самом важном региональном отделении страны. А этот случай представлял собой возможность, которая стучала в дверь только раз в жизни. Если он провернет это дело – а он был уверен, что сможет это сделать – то перед ним откроются все двери.

Так как пакет прибыл этим утром, Спанн, бросив все остальные дела, тут же перешел к конкретным действиям. Первым делом он созвал небольшую, но мощную ударную группу, которая вот-вот явится к нему на совещание.

Статус дела «*Агент под угрозой*» являлся приоритетным. Независимо от того, что могло потребоваться во время расследования – ордера, лабораторная работа, судебная экспертиза, анализы, IT – все это выполняли мгновенно, присвоив запросу первостепенную важность по сравнению с остальными делами. Спанн уже дал указание всем своим лабораториям, чтобы они были готовы в любой момент.

Его секретарь объявил о прибытии ударной группы. Спанн поднялся и вышел во внешний кабинет, забрав с собой пакет с уликами. Все оперативники сразу появились в поле его зрения: трое мужчин и одна

женщина – все агенты высшего класса, самая настоящая элита. Они вошли в дверь – молчаливые и мрачные – и устроились в небольшой зоне для совещаний. Спанн кивнул им в знак приветствия и попросил своего секретаря принести кофе, а сам отправился к дальней стене комнаты и поместил пакет с уликами на демонстрационный стол, стоящий под доской для записей.

Как только он заговорил, дверь снова открылась. Все с молчаливым удивлением уставились на вошедшего. Спанн не знал вновь прибывшего лично, но этот человек слыл настоящей легендой ФБР: Говард Лонгстрит, занимавший довольно загадочную должность заместителя исполнительного директора по вопросам разведки. Деятельность управления разведки, которую контролировал Лонгстрит, не имела ничего общего с вотчиной самого Спанна. Хотя он и был выше Спанна по званию, но фактически не имел над ним официальной власти. Что было, конечно же, очень хорошо.

Лонгстрит представлял собой личность почти такую же эксцентричную, как и агент Пендергаст, пусть и несколько иначе: он обладал несколько хищным орлиным профилем, носил длинные седые волосы, а костюмы его вечно были слегка помяты. Темные глаза блестели из-под большого, нависающего лба. Голос Лонгстрита напоминал рычание, и он был необычайно высокого роста: шесть футов, семь дюймов[82]. Вероятно, именно из-за столь высокого роста он почти постоянно сутулился. Его осанка сильно отличалась от военной выправки, широко распространенной в Бюро. У Лонгстрита был спокойный, самоуничижительный способ работы, который сделал его очень популярным среди подчиненных. И, конечно же, ходили передаваемые шепотом слухи о временах, когда он служил в легендарной – некоторые даже утверждали, что в мифической – команде «Призрак». *«Это»*, – внезапно понял Спанн, – *«должно быть, и стало причиной того, что он пришел сюда»*. Кольцо в пакете с уликами подтверждало, что Пендергаст являлся членом того же элитного подразделения.

Спанн немного растерялся.

– Директор Лонгстрит, какая неожиданность.

Гость повернулся к агенту и кивнул на пустое место.

– Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

– Вовсе нет.

Лонгстрит расположился позади, за спинами остальных присутствующих. Его внезапный приход выбил Спанна из колеи, но он быстро собрался.

– Спасибо всем, что пришли, – начал он, – кольцо и медальон идентифицированы как настоящие. На них также обнаружены отпечатки пальцев специального агента Пендергаста: кажется, что они были умышленно нанесены на эти предметы для того, чтобы не оставить нам ни малейшего сомнения, что он находится у похитителей. Исчерпывающие тесты по четырем предметам – кольцу, медальону, письму и конверту – не обнаружили больше ничьих отпечатков, кроме его собственных. Ни ДНК, ни волокон, ни волос – ничего.

Нажатием клавиши он запустил презентацию PowerPoint. На экране появился конверт.

– Он был промаркирован в Главном почтовом отделении, 10001[83], вчера в три часа дня. Далее он был доставлен в почтовый ящик, расположенный за углом, и извлечен этим утром. Поскольку сегодня вторник, то его могли бросить в почтовый ящик в любое время с воскресенья до трех часов дня понедельника, так как первый забор почты из этого ящика в начале недели происходит именно в это время. Само письмо датировано понедельником, но это еще ничего не значит. На самом почтовом ящике нет камер, но их много вдоль проспектов и улиц, ведущих к нему – все записи с них в данный момент пересматриваются.

Он продемонстрировал следующее изображение: обширный продуваемый всеми ветрами пляж.

– Это место, где последний раз шестнадцать дней назад на рассвете видели агента Пендергаста. Он находился в длительном отпуске, работая над частным расследованием. Я не буду вдаваться в подробности того дела, потому что они почти наверняка не имеют к нынешней ситуации никакого отношения. Скажу лишь кратко, что на том пляже он дрался с безумным убийцей, после чего они оба были унесены в море и пропали без вести. Организованные масштабные поиски ничего не дали. Вода была примерно пятьдесят пять градусов по Фаренгейту[84], при такой температуре человек может продержаться около часа. Мы считали, что он погиб, пока не получили этот пакет. Поэтому его либо подобрал корабль, либо в каком-то месте выбросило на пляж. В любом случае, те, кто его обнаружил, как только установили его личность, решили использовать агента в качестве наживки при обмене на заключенного. Мы проводим обширный анализ всех кораблей, которые могли находиться в тот момент в том районе, а также проверяем динамику изменения высоты приливных и отливных течений.

Последовало следующее нажатие кнопки, и на экране появилась отсканированная копия письма.

– Письмо было напечатано на компьютере с использованием шрифта стандартного тона, а затем, видимо, его несколько раз перекопировали, чтобы размыть любые контрольные характеристики. Вот оно:

«Старшему специальному агенту Спанну:

1. У нас в плену находится специальный агент Пендергаст.

2. Вложенные предметы, снятые с него лично, являются доказательствами первого пункта.

3. Мы предлагаем сделку: ФБР держит у себя человека по имени Арсено, он содержится под стражей; вы освобождаете его, мы отпускаем Пендергаста.

4. Мы предполагаем, что вам понадобится доказательство того, что Пендергаст все еще жив. Мы предоставим вам его по электронной почте – см. пункт 5.

5. Мы создали для связи защищенный адрес электронной почты. Письмо, которое вы получите, будет содержать в строке темы следующую случайную последовательность, как доказательство того, что оно пришло от нас: Lv5C#C&49!8u.

6. Вы освобождаете Арсено из Синг-Синг[85], где он находится в заключении в настоящее время, выдаете ему паспорт и деньги на покрытие путевых расходов и сажаете на самолет, летящий в Каракас, Венесуэла.

7. Мы должны связаться с Арсено в полдень на седьмой день после получения вами этого письма. К тому времени Арсено должен позвонить нам по „Skype“ с Плаза-Боливар, Каракас, и стоять при этом перед статуей Боливара, чтобы подтвердить, что он больше не под арестом и является свободным человеком.

8. После этого звонка по „Skype“ мы отпустим Пендергаста.

9. Если звонка по „Skype“ не будет, или если Арсено сообщит, что он находится под давлением, подвергается пыткам или насилию в любом виде – Пендергаст умрет.

10. Любое отклонение от девяти пунктов этого письма приведет к немедленной смерти Пендергаста. Семидневный срок является абсолютным и обсуждению не подлежит».

– А вот e-mail, которое мы получили сегодня.

Спанн нажал клавишу, и появился еще один слайд: фотография мужчины – Пендергаста – выглядящего ужасно истощенным, но явно живым. Он лежал на грязном куске полотна. Рядом с ним находился развернутый номер газеты «USA Today», датированный вчерашним числом.

– Мы подключили все наши лучшие IT-ресурсы для отслеживания адреса этой электронной почты, но, похоже, что там настроено двойное шифрование и, скорее всего, ее невозможно будет отследить.

Далее Спанн прошелся по плану, который он разработал для переговоров с похитителями. Он был классическим, основанным на многолетнем опыте работы Бюро с ситуациями, связанными с похищением людей с целью получения выкупа и удержанием заложников. Не соглашаться, первым делом сбивать цену, непрерывно держать преступников на связи, выигрывать время небольшими уступками. Измотать их, медленно забрать у них контроль – на протяжении всего этого времени поручить всем своим лучшим агентам выследить их.

Он прошелся с группой по всему этому списку, назначив на каждый определенный аспект расследования своего ответственного агента. За собой он оставил сами фактические переговоры с похитителями.

– И, в конце концов, – сказал он, – у нас есть запасной вариант: если эта стратегия не сработает, мы исполним их требования – освободим Арсено и вернем Пендергаста.

Он сделал паузу и осмотрелся, ожидая комментариев.

– Конечно, вы знаете, что они в любом случае собираются убить Пендергаста, – тихо заметил Лонгстрит.

– Убийство федерального агента вынесет им всем смертный приговор, – сказал Спанн, – как только их человек будет освобожден, зачем идти на такой крайний шаг?

– Потому что Пендергаст станет свидетелем, который засадит их в тюрьму на всю жизнь.

Повисло молчание. Спанн размышлял, как лучше ответить.

– Мистер Лонгстрит, эти люди явно не глупы.

Тем временем директор весьма легко поднялся со своего кресла и направился в переднюю часть комнаты.

– Простите за резкость, агент Спанн, но я считаю, что этот ваш план в значительной степени гарантирует смерть Пендергаста.

Спанн уставился на Лонгстрита.

– Я категорически с вами не согласен. Это классическая, всесторонне изученная и испытанная стандартная процедура проведения подобной операции.

– Именно *поэтому* она и потерпит неудачу, – Лонгстрит легко развернулся к группе и продолжил, – Пендергаст находится на судне. Его почти наверняка удерживают контрабандисты наркотиков. Они вытащили его из воды и каким-то образом догадались, кем он был, а затем придумали эту схему. Это *очень* глупая схема, и это *очень* глупые люди, хотя они явно считают, что они очень умные. Вот почему Пендергаст находится в крайней опасности. Если бы они были умны, как вы считаете, ваш план мог бы сработать. Но это не так. Что бы мы ни делали, они собираются избавиться от трупа и сбежать.

– Контрабандисты наркотиков? – спросил Спанн. Как, черт возьми, он это узнал?

– Арсено промышлял контрабандой наркотиков. Нет сомнений, что похитители – его коллеги, и они отчаянно хотят освободить его, пока он не «запел».

Лонгстрит прохаживался вперед-назад, продолжая говорить.

– Итак, что мы будем делать? – он поднял тонкий палец. – Вариант «А»: мы инсценируем панику и немедленно выполняем все их требования. Мы, выглядим так, как будто делаем все возможное, чтобы спасти нашего драгоценного агента. Все это время мы с ними разговариваем, и это дает гарантию, что Пендергаст не умрет, – он поднял второй палец. – Вариант «В»: мы надавим на Арсено по принципу молота и наковальни, но очень осторожно. Может быть, он их выдаст. Вариант «С»: они прячутся где-то на судне, поэтому мы прочешем Атлантическое побережье. Вариант «D», и он же самый важный: мы их выкурим. Как? Переправив Арсено из Синг-Синг в Нью-Йорк. Я должен добавить, что вся эта операция должна пройти абсолютно секретно не только от прессы, но и от нью-йоркской полиции, и даже частично от ФБР – ограничимся этой командой и несколькими начальниками.

Старший агент Спанн так и остался стоять на месте, переводя взгляд с Лонгстрита на свою ударную группу. И с уязвленной гордостью заметил, что они сосредоточили все свое внимание на директоре. Каким-то совершенно непостижимым образом Лонгстрит запросто взял на себя командование операцией. Спанн почувствовал, как медленно закипает от унижения и гнева.

В запутанных подземельях особняка 891 по Риверсайд-Драйв Констанс Грин сидела за рабочим столом в своей маленькой библиотеке, нахмурив брови над сосредоточенными фиалковыми глазами. Все ее внимание было нацелено на предмет, стоящий перед ней на столе. Это была старинная японская ваза с простой выжженной на ней идеограммой: три ветви миниатюрного дерева айвы, увитые цветами, бутоны которых были выполнены так искусно, что, казалось, дрожали, пока Констанс работала.

Обеспокоившись собственным психическим состоянием, Констанс сорок восемь часов назад приступила к духовным и интеллектуальным упражнениям, которые – как она знала – были способны возвратить ей душевное равновесие. Эти умения вкупе с воспитанным годами безразличием к внешнему миру являлись одновременно ее гордостью и ее лучшим способом защиты. Она стала подниматься в четыре часа утра и тут же приступала к медитации, рассматривая трансцендентный узел на шнурке из серого шелка, который подарил ей Церинг – англоговорящий монах монастыря Гзалриг Чонгг, где Констанс обучалась тонкостям тибетской духовной практики, известной как Чонгг Ран. Благодаря большому количеству тренировок, она в течение часа могла достичь состояния «стонг-па-ньюид», «состояния Чистой Пустоты». Вновь обратившись к медитативным практикам, она старалась поддерживать это похожее на некий транс медитативное состояние в течение часа каждое утро. Как она и ожидала, принеся с собой желанное облегчение, эта практика и впрямь помогла ей восстановить душевное равновесие. Она больше не чувствовала сонливости во второй половине дня и не просыпалась посреди ночи.

Кое в чем другом это тоже помогло.

Ее невидимый собеседник... или ухажер – она толком не знала, как его называть – за последние сорок восемь часов более не объявлялся. Если бы не реальность оставленных им подарков, Констанс и вовсе сочла бы его плодом своего больного воображения. Ее обеды также стали проще. Хотя сервировались они по-прежнему изысканно, что было нехарактерно для миссис Траск. Последняя трапеза Констанс состояла из диких лисичек, куриной грудки и равиоли. При этом ни один из двух последних ужинов не сопровождался вином.

Констанс, как могла, старалась отвлечься от мыслей о таинственном компаньоне.

Теперь, приспособившись к своему необычному положению и постепенно смиряясь со смертью опекуна, она вернулась к одному из своих любимых занятий – икебане, японскому искусству цветочной композиции. Икебана увлекала ее не только своей древностью и историей, но и своей красотой и тонкостью. Годом ранее в одном из

альковов кабинета диковин Эноха Ленга она установила люминофор на четыре сотни ватт и под ним выращивала миниатюрные деревья: апельсин, абрикос и хурму. Ей нравился стиль шуши[86], которому она следовала в каждой композиции: три ветви растения символизировали небо, землю и бытие – буддийскую философию, которая так гармонично сочеталась в сознании Констанс с дисциплиной Чонгг Ран.

Она предпочитала работать с ветвями фруктовых деревьев не только ввиду их красоты и непостоянства, но и потому, что их деликатность и необычные формы затрудняли творческий процесс. Она работала кропотливо, с изысканной заботой, тем самым отдавая дань хрупкой природе растений. Если б она осталась довольна результатом своей работы, она разместила бы эту икебану в комнате с деревянными гравюрами – возможно, в пустой нише рядом с тхангкой ее сына…

Внезапно Констанс остановилась. Откуда-то из глубин лабиринта коридоров, за пределами ее апартаментов, послышались звуки клавесина.

Констанс опустилась на стул. Эта музыка не мерещилась ей, теперь она понимала, от чего просыпалась по ночам. Она доносилась из подвала – скорее всего, из старой музыкальной комнаты.

Констанс сидела, прислушиваясь, и ее хрупкая невозмутимость разбивалась вдребезги накатившей волной эмоций. Музыка была лирической, душераздирающей, с тонкой, почти эфирной чувственностью. На вкус Констанс, она была непревзойденно, удивительно прекрасна.

Бросив свое занятие, она сняла белые шелковые перчатки и поднялась, держа в одной руке стилет, а в другой – фонарик. Чтобы двигаться максимально бесшумно, она сняла туфли и миновала центральный коридор. Остановившись у двери, Констанс внимательно прислушалась. Удивительно, но она толком не ощущала ничьего присутствия здесь, в подвале: не было ни посторонних запахов, ни движения воздуха, которое показалось бы ей неуместным. Ничто, кроме этой отдаленной музыки, эхом отражавшейся от стен, не возвещало о том, что в подземелья пожаловал гость. Но это точно был не Алоизий – Алоизий не умел играть на клавесине. Да и Констанс почти сразу поняла, что ее краткая надежда на то, что ее опекуну удалось выжить, была самонадеянной глупостью.

При этом Констанс не чувствовала никакого страха перед незваным гостем. Она уже уверилась, что этот человек – кем бы он ни был – действительно ухаживал и соблазнял ее в своей собственной эксцентричной манере. Он совершенно точно не желал причинить ей вред.

Она повернула направо, в сторону музыкальной комнаты, стараясь двигаться так быстро, как только могла, но сохраняя при этом максимальную тишину. Пока она передвигалась по коридору, позволяя фонарю освещать свой путь только на пару шагов вперед, музыка становилась все громче. Констанс миновала полдюжины арок, за каждой из которых располагались огромные комнаты, хранившие одну из многих коллекций Еноха Ленга. Наконец, она остановилась и повернула налево, замерев перед двумя средневековыми гобеленами, отделявшими коридор от очередной каменной комнаты. Звуки доносились оттуда.

Вдруг музыка смолкла.

Забыв об осторожности, Констанс развела гобелены и осветила фонариком темную комнату, водя его лучом из стороны в сторону. Рука, сжимавшая стилет, в любой момент была готова нанести удар.

Никого. В комнате было пусто. Малиновый клавесин, стоящий посреди комнаты, молчал.

Она бросилась к нему, дико вращая лучом фонаря вокруг себя, зондируя каждый темный угол и дверной проем. Но музыкант исчез. Она положила руку на подушку табуретки, и ощутила на ней тепло.

– Кто здесь? – воскликнула Констанс. – Кто это играл?

Ее голос поглотила тишина. Она склонилась к инструменту, сердце ее тяжело и часто билось в груди. Клавесин являлся одним из лучших элементов коллекции, и когда-то принадлежал венгерской графине Елизавете Батори[87], социопатической серийной убийце, которая, согласно легенде, купалась в крови девственниц, чтобы сохранить собственную молодость. Чем именно был покрашен ее клавесин и какую краску покоил под собой его лак, никогда не объяснялось, но у Констанс были свои теории на этот счет.

Она опустилась на сидение, продолжая рассеивать темноту лучом фонаря, и опять заговорила:

– Кем бы вы ни были, прошу вас немедленно раскрыть себя!

Никакого ответа. Пока она ждала ответа, ее пальцы рассеянно блуждали по клавишам. Музыкальная коллекция кабинета диковин Еноха Ленга была для нее одной из самых занимательных, хотя сам по себе Ленг не интересовался музыкой и тем, какого качества звук может воспроизвести тот или иной инструмент. Но каждый находившийся здесь экспонат был, так или иначе, связан с проявлениями насильственной жестокости и с убийствами. Например, скрипка Страдивари, хранящаяся в стеклянном футляре на дальней стене, принадлежала Габриэлю Антониони, печально известному убийце

Сиены, который в 1790-х годах перерез***а***л своим жертвам горло, а потом пел им серенады, пока те умирали. Рядом покоилась серебряная труба, покрытая царапинами и вмятинами, которая использовалась маршалом войск Ричарда III в битве при Босворте[88].

Глаза Констанс обратились к пюпитру клавесина. На нем стояли рукописные ноты – партитура неизвестного композитора. Не сдержав любопытства, Констанс занесла руки над клавишами и сыграла легкое арпеджио[89]. Насколько она знала, на этом инструменте никто не играл вот уже много лет. И все же, когда ее пальцы скользнули по клавишам, она обнаружила, что ноты звучат удивительно чисто, а струны не дребезжат.

Констанс обратила свое внимание на музыку. Это оказалось переложение концерта для фортепиано с оркестром, адаптированное для соло на клавесине. В верхней части первой страницы она вдруг заметила строку посвящения, которая была написана той же рукой, что послание в книге стихов. Эта надпись заставила ее ахнуть: «ДЛЯ КОНСТАНС ГРИН».

Лишь теперь она поняла, что почерк был ей знаком.

Понимая, что пока она не сыграет партитуру, ее тайный обожатель не покажет себя, она приступила к игре, которая не потребовала от нее особенного труда. К тому же она хорошо запомнила эту мелодию – именно она нарушала ее сон, именно она недавно доносилась сквозь хитросплетения подземных коридоров. Эта музыка была удивительно прекрасной, и при этом в ней не было ни грамма сентиментальности. Задумчивое, напряженное чувство, которое пробуждала эта мелодия, напоминала Констанс о давно забытых фортепианных концертах Игнаца Брюлля[90], Адольфа фон Гензельта[91], Фридриха Киля[92] и других композиторов эпохи романтизма.

Добравшись до первой каденции, она остановилась. А затем, когда звуки струн смолкли, она услышала голос, донесшийся из древних теней подвала. Этот голос произнес одно единственное слово:

– Констанс.

22

Констанс мгновенно узнала этот голос. Выхватив стилет, она вскочила с табурета клавесина, с грохотом отодвинув его. Откуда он донесся? Внутри Констанс взрыв унижения, возмущения и обманутых ожиданий смешался с потрясением и жаждой убийства.

«*Он выжил!*» – думала она, стоя в центре музыкальной комнаты и водя лучом фонаря из угла в угол, в поисках его укрытия. – «*Каким-то образом он сумел выжить!*»

– Покажись, – тихо прошипела она.

Но в комнате по-прежнему царила тишина. Констанс стояла, дрожа. Так вот, *кто* придумал все эти искусные способы ухаживаний. А ведь она позволила себе наслаждаться ими! Подумать только, она ведь так восхищалась орхидеей, которую – она теперь знала – открыл именно *он* и привез сюда, к ее тайным апартаментам. Она наслаждалась пищей, приготовленной *им*! Волна злости и отвращения прокатилась через все ее тело, дрожавшее не от страха, но от ярости. Он шпионил за ней! Преследовал ее! Наблюдал за тем, как она спит…

Луч фонаря ясно показывал: комната пуста. Однако в ней находилось несколько дверей и гобеленов, за которыми можно было спрятаться. Он был где-то здесь и, надо думать, тихо посмеивался над ее замешательством.

Что ж, если он хочет поиграть с ней, она согласна вступить с игру, но только на своих правилах. Констанс выключила фонарь, погрузив музыкальную комнату в непроглядную темноту. Похоже, он знал эти помещения довольно неплохо, и все же он не мог знать их настолько хорошо, как она.

В темноте у Констанс было преимущество.

Она выжидала, крепко держа стилет. Ждала, пока он снова заговорит и выдаст свое укрытие, чтобы сделать выпад в его сторону. Стыд и ужас того, как он играл с ней, все еще сжигал ее изнутри. Все эти изысканные приемы: блюда эпохи декаданса… превосходные вина… стихотворение с пером исчезнувшей птицы… его собственные переводы редкой книги… новый вид орхидеи, названный в ее честь… Не говоря уже о том, что он обнаружил, где скрывается ее сын – *его* сын – и сделал тхангку с его изображением!

«Мой сын»…

Тревога охватила Констанс, отодвинув на второй план даже ярость. Что Диоген делал – или, хуже того – *уже сделал* с ее сыном?

Она убьет его. Однажды она потерпела неудачу, но на этот раз она этого не допустит. Коллекции подвалов Ленга полнились оружием и ядами, которые могли поспособствовать ее намерениям. У нее есть масса возможностей вооружиться. Но в данный момент ее устраивал и стилет – чрезвычайно острый. При умелом обращении он был по-настоящему смертоносным оружием.

– Констанс, – снова послышался голос из темноты.

Он удивительным образом разнесся эхом по комнате и исказился ее каменными сводами, но в то же время оказался приглушен гобеленами.

Сам звук его голоса наполнил ее смесью горечи и желчи – он также всколыхнул внутреннюю ярость, которая захватила ее не только эмоционально, но и физически.

Констанс метнулась вперед, в темноту, в сторону предположительного источника звука. Она вонзила лезвие сначала в один гобелен, затем в другой, чувствуя, что оно рвет и кромсает только ткань, но не тело. Снова и снова клинок вонзался в камень, лишая ее чувства удовлетворения ощутить, как он погружается в его плоть. Она продолжила метаться по темной комнате, натыкаясь на инструменты и спотыкаясь о витрины, уничтожая гобелен за гобеленом в тщетных попытках отыскать и убить Диогена.

Наконец, жар ее ярости поутих. Она поняла, что действовала, как сумасшедшая. То есть, отреагировала *именно* так, как и ожидал Диоген.

Констанс вернулась в центр комнаты, стараясь восстановить дыхание. Это помещение, как и большинство в этих подземельях, было оборудовано каменными воздуховодами для того, чтобы выводить отсюда вредоносные испарения. Должно быть, именно их он использовал, чтобы сбить ее с толку. Он мог находиться где угодно.

– Fils a putain![93] – прошипела она в темноту. – Del glouton souriant![94]

– Констанс, – снова прозвучало одновременно отовсюду и из ниоткуда. На этот раз тон Диогена был преисполнен нежности и печали.

– Я бы сказала, как сильно ненавижу тебя, – тихо произнесла она. – Но ведь никто не снисходит до того, чтобы ненавидеть лошадиный навоз под ногами. Его просто сбрасывают с туфель и идут дальше. Я думала, что сбросила тебя. Какая жалость, что ты спасся! И, тем не менее, я испытываю определенное утешение от мысли, что ты не сгорел дотла в вулкане Стромболи.

– Вот как? – послышалось со всех сторон.

– Теперь ты можешь встретить свою смерть *от моей руки*. И на этот раз я прослежу, чтобы ты умер в еще *большей* агонии.

Пока она говорила, голос ее звучал то выше, то ниже, то громче, то тише. Но теперь красная пелена окончательно спала с ее глаз, и на ее место пришло ледяное спокойствие. Она не доставит ему удовольствия услышать в ее голосе, насколько сильно она его ненавидит. Воистину, он был достоин лишь одного усилия – удара ее клинка. Она решила, что будет целиться в глаза: сначала один, потом второй. И будет наблюдать, как из них вытекает мерзкое желе! После этого она сполна сможет насладиться местью. Но сначала ей нужно было дождаться момента, чтобы ударить.

– Что скажешь о моей композиции? – спросил Диоген. – Между прочим, ты сыграла ее очень красиво. Надеюсь, мне удалось передать контрапунктный огонь, свойственный Алькану[95] в одном из его наиболее консервативных настроений?

– Не зли меня сравнением себя с Альканом, – отозвалась Констанс. – Это сделает твою кончину лишь более мучительной.

На какой-то миг в комнате повисло молчание. А затем:

– Ты права. Это сравнение, должно быть, показалось… впрочем, нет, оно и *было* неуместным. Это не было моей целью. Во мне говорило мое прошлое «я». Прими мои извинения.

В глубине души Констанс не могла поверить – просто не могла понять, как такое возможно – что она *разговаривает* с человеком, который обманул, соблазнил ее ради своих извращенных целей, а после бросил с таким торжествующим цинизмом и презрением. Что он здесь делает и какова его цель? Без сомнения, он желает еще больше ее унизить.

Диоген ничего не говорил. Молчание затягивалось, но, тем не менее, Констанс продолжала выжидать.

– Так Алоизий был прав, – наконец сказала она. – Он предупреждал, что мне следует готовиться к противостоянию. Значит, это был ты в туннелях под Олдхэмом? И это тебя видел Алоизий на дюнах Эксмута? Ты наблюдал за нами!

Тишина.

– Что ж, можешь считать свою месть завершенной. Прими поздравления. Алоизий мертв – благодаря тому существу, которое ты выпустил на свободу. И теперь ты явился сюда, чтобы снова со мной поиграть? Ты думаешь, тебе удастся снова соблазнить меня своими стихами, эффектной эстетикой блюд и интеллектуальными подарками, чтобы, когда настанет нужный для тебя момент, воткнуть мне нож в спину – *снова*?

– Нет, Констанс.

Она продолжала, не обратив внимания на его ответ.

– О, нет, *connard*[96], на этот раз это я собираюсь вонзить в тебя нож. Не могу дождаться момента, когда увижу после этого выражение твоего лица. Я уже наблюдала нечто подобное, когда столкнула тебя в жерло вулкана, и мне оно очень понравилось. То был удивленный взгляд человека, терявшего все свое превосходство!

Во время этой речи она почувствовала, что гнев ее снова начинает расти. Она заставила себя умолкнуть, чтобы вернуть хладнокровное спокойствие и не упустить тот самый момент, которого она так ждала.

Наконец, Диоген вновь заговорил с ней:

– Прости, Констанс, но ты ошибаешься. Ошибаешься в причине моих поступков и – что совершенно точно – ошибаешься в моих намерениях.

Констанс не ответила. Спокойствие возвращалось к ней. Рука, сжимавшая стилет, все еще была готова ринуться вперед и вонзить смертельный клинок в грудь врага при малейших признаках звука или движения. Годы, проведенные в темных подвалах этого особняка, отточили ее восприятие, поэтому сейчас она обладала чувствительностью кошки. При этом для ее глаз было странно *так долго* адаптироваться к темноте, она явно слишком много времени провела наверху, при свете дня.

– Позволь заверить тебя в одном. Я здесь не для того, чтобы отомстить своему брату или кому бы то ни было еще. Больше нет. Теперь у меня другая цель. Твоя ненависть изменила меня. Та твоя невероятная погоня изменила меня. Вулкан изменил меня. Я теперь совершенно другой человек – исправленный и трансформированный. Преображенный, если хочешь. И причина, по которой я здесь, заключается лишь в том, что здесь находишься *ты*.

Констанс ничего не сказала. Его голос звучал все громче. Казалось, что он приближается. Еще несколько шагов… затем еще…

– Я буду честен с тобой. Это наименьшее, что я могу дать тебе. Наименьшее, что ты заслуживаешь. Кроме того, я не сомневаюсь, что твой высокий интеллект распознал бы любой обман. Но, поверь, когда я закончу, ты удостоверишься, что я говорю правду. Это я тебе обещаю.

Повисла краткая пауза.

– Так вот, правда заключается в том, что было время, когда я отчаянно хотел видеть страдания своего брата. Я мечтал, чтобы ему воздалось сполна за то, как я пострадал от него в детстве. В то время я считал тебя – прости мою грубость – всего лишь неким орудием, с помощью которого я мог бы уничтожить Алоизия. Видишь ли, Констанс, *тогда я совсем не знал тебя*.

В абсолютной темноте, с босыми ногами, одетыми в одни чулки, она сделала тихий шаг в направлении его голоса. Затем еще один.

– Я действительно был сильно ранен после падения в вулкан. И пока проходили месяцы реабилитации, у меня было много времени на то, чтобы обдумать случившееся. Поначалу я планировал отомстить вам

обоим. Но затем – и, Констанс, это произошло так внезапно, что было похоже на упавшие шоры – все переменилось. Я осознал, что внутри моего гнева покоятся еще несколько эмоций. Мои *истинные* чувства.

Она молчала. Диоген уже и раньше использовал с ней подобные слова. Тогда, в прошлом, они возымели необходимый ему эффект. Она же выпила те слова, как иссушенный сад выпивает нечаянно пролитую воду.

– Позволь мне объяснить, почему я чувствую – и я не могу подобрать слова лучше – *почтение* к тебе. Во-первых, ты единственный человек из всех, кого я знаю, кто может соперничать со мной по уровню интеллекта. Возможно, я даже завидовал тебе в этом. Во-вторых, ты победила меня. Я не могу не уважать этого. Я совершил ошибку, поступив с тобой подобным образом, но потом меня поразила твоя неудержимая целеустремленность и сила духа, когда ты отправилась за мной в погоню. Это привело меня в восторг.

Еще один шаг вперед.

– Я испытываю к тебе благоговение. И уважение. На этой земле мало людей, которых бы я уважал – как среди живых, так и среди мертвых. Ты – одна из них. И благодаря моему предку, доктору Еноху Ленгу, ты прожила долгую и насыщенную жизнь. Его эликсир сохранял твою молодость более ста лет. Лишь после его смерти ты начала нормально стареть. И результатом всего этого стало то, что ты могла обучаться в шесть раз дольше и больше, чем любой другой человек.

Диоген посмеялся над этим своим наблюдением. Однако в этом смехе не слышалось злобы или сарказма. Нет, скорее, это был легкий, добросердечный смех.

– Есть кое-что еще, что кажется мне весьма привлекательным в твоей долгой жизни. То, *как* ты жила. Ты единственный человек, чья жажда знаний, мести и – не побоюсь этого слова – страсти поразила меня своей свирепостью. Констанс, я не просто восхищаюсь тобой, но я даже *боюсь* тебя. Я понял это, когда лежал и набирался сил после ранений в небольшой хижине близ Джиностры на склоне вулкана и слушал рокот Стромболи. Это было унизительное открытие, потому что до этого я никогда не боялся ни мужчин, ни женщин. Теперь я боюсь одной-единственной *женщины*.

Совершенно бесшумно она сделала следующий шаг, и почувствовала, что он стоял там, прямо перед ней. Еще один шаг, и она сможет…

– И это подводит меня к следующему моменту, который я считаю жизненно важным для понимания нашей с тобой связи: *ты мать моего сына*.

В полной тишине Констанс совершила выпад и пронзила стилетом всего лишь воздух.

– Ах, Констанс. Это меня огорчает. Но я не виню тебя.

Неподвижно застыв, она снова прислушалась к темноте. Источник звука переместился. Каким-то образом он предвидел ее действие и ушел от удара. Или же он был не насколько близко, как ей в тот момент показалось? Эхо, отражающееся от каменных стен комнаты и искажающееся бесчисленными дверями и воздуховодами в сочетании с тихим, мягким голосом Диогена, было для нее плохим союзником.

– Понимаешь ли, Констанс, я убежден, что ты – единственный человек, кто в глубине своей души способен разделить мой особенный взгляд на жизнь. Давай взглянем правде в глаза – мы отбросы. Мы мизантропы, скроенные из одного материала.

Потребовалось некоторое время, чтобы понять то, что имел в виду Диоген. И когда Констанс осознала услышанное, ее рука еще крепче сжала стилет.

– В этом суть, – продолжал Диоген. – Я был слеп. Я не видел, но теперь я *прозрел*. Мы похожи друг на друга гораздо больше, чем нам изначально казалось. А в некоторых областях ты существенно меня превосходишь. Что ж, неудивительно, что мое почтение к тебе настолько возросло.

Констанс на мгновение показалось, что Диоген собирается сказать что-то еще, но теперь мрак вокруг нее заполнился тишиной – тишиной, которая тянулась и продолжалась. Наконец, она сама нарушила молчание.

– Что ты сделал с миссис Траск?

– Ничего. Она осталась в Олбани подле своей сестры, которой потребовалось несколько больше времени на выздоровление, чем ожидалось первоначально. Не беспокойся, это не серьезно. И миссис Траск не волнуется о тебе после того, как получила письмо, где я сообщил, что о тебе хорошо заботятся.

– Заботятся обо мне? Если только Проктор. Которого ты, я полагаю, убил.

– Проктор? О, нет, он не умер. В настоящий момент он несколько занят неожиданным путешествием по пустыне Калахари.

Пустыня? Говорил ли он правду? Проктор никогда бы не оставил дом без защиты, пока она находилась здесь. Так что многое из слов Диогена казалось попросту невозможным.

– Так значит, тебе нужен мой сын?

– Констанс, – укоризненно прозвучало в ответ, – как ты можешь так говорить? Да, у меня были кое-какие проблемы с моим братом. Но с чего бы мне хотеть навредить *нашему* ребенку?

– Ты ему не отец.

– Я и вправду плох в роли отца. Но, надеюсь, это изменится. Ты ведь видела картину, которую я сделал? Кстати, я направился в Индию, чтобы убедиться, что о нашем мальчике хорошо заботятся. Он самый замечательный ребенок на свете, – Диоген на пару мгновений замолчал. – Впрочем, этого следовало ожидать, учитывая, что он – наше с тобой потомство.

– Наше потомство. Ты не мог найти более оскорбительного слова для своего собственного ребенка.

Вновь повисло молчание.

– Ах, я довольно ясно осознаю свое непростительное поведение. В знак моих истинных чувств прими то, что лежит в отсеке под табуретом клавесина.

Констанс немного поколебалась. А затем она вновь включила свой фонарь и огляделась. Несмотря на то, что голос Диогена, казалось, раздавался совсем близко, его нигде не было видно.

– Табурет, моя дорогая.

Решив подчиниться, она приподняла верхнюю часть сидения. Внутри лежала фотография, прикрепленная к каким-то бумагам. Она отсоединила фото и внимательно к нему присмотрелась.

– Снимок был сделан пять недель назад, – вновь прозвучало из ниоткуда. – Он казался очень счастливым.

Пока Констанс смотрела на фотографию, рука, сжимавшая фонарь, задрожала от волнения, отчего его луч начал немного колебаться. Несомненно, на этом фото был ее сын – он стоял, одетый в шелковый халат ученика, а Церинг держал его за руку. Они находились под аркой, обрамленной пробковыми деревьями. Мальчик смотрел прямо перед собой, и в его глазах светился интеллект, который был присущ далеко не всем трехлетним детям. Сердце Констанс внезапно преисполнилось щемящим чувством одиночества и тоски.

Далее она обратила внимание на прикрепленные бумаги. Это была записка от опекунов ее сына в монастыре, адресованная ей и подтверждающая, что мальчик в безопасности, крепок здоровьем и уже демонстрирует блестящие способности. На записке стояла особая печать, которая подтверждала доподлинно, что Диоген действительно

был там, и письмо не было подделкой. Констанс не могла себе представить, как Диогену удалось проникнуть туда и заключить договор со столь консервативными монахами.

Она положила фотографию и письмо на клавесин и вновь погасила фонарь, погрузив комнату во тьму. Она знала, что не может позволить этому отвратительному человеку снова воздействовать на свои чувства.

– Ты был там, – произнесла Констанс. – В Эксмуте. Ты шпионил за нами.

– Да, – ответил Диоген. – Это правда. Я прибыл туда вместе с Флавией. За неимением более подходящего слова ее можно назвать моей ассистенткой. Ты, несомненно, видела ее: молодая официантка в ресторане гостиницы «Капитан Халл», которая также работала на полставки в магазине «Вкус Эксмута».

– Та девушка? Флавия? Работала на тебя?

– Должен признать, с ней возникли определенные сложности. Она слишком увлеклась исполнением своих обязанностей.

– Могу вообразить себе, *что* это были за обязанности, – обличительно бросила Констанс. Ответа не последовало, и она продолжила. – Ты освободил Моракса! Именно ты запустил ту цепочку насилия, ты привел ее в движение!

– И ты снова права. Я помог тому бедному существу, с которым так жестоко обращались, сбежать от его мучителей. Я понятия не имел, что он отреагирует именно *так*. Все, чего я хотел, это немного позабавиться. Отвлечь своего братца. И таким образом добиться более близкой встречи с *тобой*.

Констанс покачала головой, чувствуя, что вновь теряет самообладание. Гнев снова стал прорываться наружу.

– *Отвлечь* своего брата?! Ты *убил* своего брата!

– Нет, – снова прозвучал голос, в котором она расслышала скорбные нотки. – Здесь ты ошибаешься. Похоже, мой брат действительно мертв, но это не было моим намерением. Я знаю о том, что между вами вспыхнули некоторые чувства. Прости мне мою корысть, но я искренне наслаждался этой конкуренцией. Мне грустно говорить об этом сейчас, но тогда я воспринял это как легкое братское соперничество.

– Ты… – Констанс замолчала. Тишина вновь заполнила темную комнату. Все обвинения, все возражения, все возмущения, которые копились у нее в сознании, вдруг улетучились. Она поняла, что

совершенно запуталась. – Так… почему ты здесь? *Что тебе надо*? – пробормотала она, наконец.

– Неужели ты все еще не поняла? – раздался голос из бархатной темноты. – А ведь моя цель пребывания здесь довольно очевидна. *Я влюблен в тебя, Констанс.*

23

В мотеле «Рыбацкая шхуна Годерры» в Катлере, штат Мэн, Дуэйн Смит сидел на кровати и рассматривал четыре одноразовых телефона, лежавших на покрывале. Несмотря на то, что окно в комнате было открыто, и помещение хорошо проветривалось, первый помощник сильно вспотел. Его мучила тревога. Далька связался с ФБР по электронной почте. Их реакция была неожиданной и, пожалуй, даже приятной. Все оказалось в точности так, как и предсказывал Филипов: ФБР, казалось, было согласно удовлетворить их требования, выдвинув лишь символические угрозы и сопротивляясь только для вида, но де-факто они были готовы пойти на что угодно, чтобы сохранить своего человека в живых. Похоже, этот специальный агент являлся довольно ценным кадром.

Так же Филипов предугадал, что ФБР будет настаивать на непосредственном разговоре с кем-нибудь из них. Так и случилось. И связным должен был выступить Смит. Итак, все было устроено: через пять минут по одному из одноразовых телефонов ему предстоит набрать номер некоего человека по фамилии Лонгстрит из штаб-квартиры ФБР в Нью-Йорке. И эта часть нервировала Смита больше всего. ФБР, если верить словам Филипова, могло воспользоваться методом триангуляции и отследить звонок всего за тридцать секунд. У первого помощника было двадцать секунд на то, чтобы провести этот разговор, а после этого ему необходимо будет прервать вызов, отключить и уничтожить телефон. Четыре телефона: четыре разговора продолжительностью по двадцать секунд.

Он выставил на часах таймер. Как только прозвенит будильник, Смит отключит телефон, вынув из него аккумулятор. Сейчас он взял в руки одну из трубок – ему уже заранее было жалко уничтожать столь хороший аппарат. Впрочем, они все были хорошими, выбирать не приходилось. Вздохнув, он снял заднюю панель и открыл себе доступ к аккумулятору. Даже задержка в несколько секунд в процессе уничтожения телефона может привести к тому, что все пойдет прахом.

Итак, назначенное время пришло. Он набрал номер, одновременно запустив таймер. На звонок ответили сразу.

– Лонгстрит, – раздался строгий голос, и прежде чем Смит успел ответить, агент продолжил говорить, произнося речь, видимо

специально заготовленную для подобных сценариев. – Мы сделаем все, что вы хотите. Но нам потребуется несколько дней, чтобы вызволить и перевезти Арсено из Синг-Синга в столичный исправительный центр, откуда мы доставим его в аэропорт Кеннеди и посадим на рейс до Каракаса.

Столичный исправительный центр. Осталось всего десять гребаных секунд. Черт!

– Когда вы его перевезете?

– Вас это не касается.

– Нет, это, черт возьми, меня еще как касается! Вы сами настаивали на этом разговоре. Теперь и я кое-что потребую взамен. *Когда* именно вы его перевезете? *Точное время*. Мне нужны подробности, иначе мы убьем Пендергаста прямо сейчас.

Небольшое затишье. Осталось пять секунд.

– Завтра в… – пауза, – полчетвертого дня. Транспортный фургон из Синг-Синга отправится в СИЦ[97] по проезду около площади Кардинал-Хайес.

– Подведите Арсено к правому окну.

– Взамен я хочу…

Прозвенел будильник. Смит резко вытащил аккумулятор из телефона, воткнул в аппарат нож и отбросил батарею в сторону. Затем, работая методично и дотошно, он открыл слот для сим-карты, извлек карту и, держа над пепельницей, стал плавить ее зажигалкой до тех пор, пока она не превратилась в несколько капель жидкого пластика и пару металлических контактов. В комнате стоял очаровательный кирпичный камин, где чуть позже вечером Смит сожжет остатки самого телефона. Это станет гарантом его безопасности.

Он пребывал в приподнятом настроении. Этот парень – Лонгстрит – пошел на уступки. И быстро. Филипов был прав: они действительно взяли ФБР за яйца. Удивительно, как легко они подчиняются, когда у кого-то в руках находится один из их лучших агентов. Было бы это какое-то другое ничтожество, они бы и ухом не повели. Что ж, повезло, что Пендергаст так для них ценен.

Завтра, отправившись на Манхэттен, его подельник Далька своими глазами сможет убедиться, насколько серьезно ФБР относится к предстоящей сделке.

Мягкое эхо от признания Диогена медленно затихло, оставив комнату в тишине.

Констанс на мгновение потеряла дар речи. Сказанное им казалось искренним: и выглядело, как чистосердечное признание в любви. Но она быстро стряхнула с себя это обманчивое наваждение. Однажды Диоген уже унизил ее, использовав на ней свою мастерскую способность лгать. Сейчас, должно быть, происходила реприза. Второе исполнение все той же пьесы.

Но даже когда эта мысль заняла главенствующее положение в ее сознании, она спросила себя: с чего он взял, что снова добьется успеха на этом же поприще? Она не понаслышке знала, что Диоген не способен на любовь.

...Констанс, я не просто восхищаюсь тобой, но я боюсь тебя.

... Мы похожи друг на друга гораздо больше, чем нам изначально казалось. И в некоторых областях ты существенно меня превосходишь. Что ж, неудивительно, что мое почтение к тебе настолько выросло.

– Если то, что ты говоришь – правда, то твое чувство придаст тебе смелости выйти ко мне. Покажись.

Эта просьба была встречена мгновением тишины. Затем Констанс услышала, как позади нее чиркнула спичка. Она обернулась. И *он* был там – стоял перед завешенным гобеленами входом в музыкальную комнату. Он коснулся спичкой висевшего на стене факела, масляный конец которого моментально занялся пламенем, распространяя свет, после чего, Диоген, не сводя с нее глаз, слегка поклонился и скрестил руки на груди.

Он выглядел почти так же, как помнила Констанс: тонкие черты, столь похожие на черты его брата, но все же существенно отличающиеся. Благородный подбородок, красиво очерченные бледные губы, обрамленные аккуратной рыжеватой бородкой и странные двуцветные глаза – ореховый и голубой. Единственное отличие от образа, запомнившегося Констанс, заключалось в уродливом шраме, ныне омрачавшем изысканное совершенство его левой щеки, проходя по ней от линии роста волос до самой челюсти. Бутоньерка в виде орхидеи явно неслучайно была заправлена в карман его пиджака – та самая Cattleya Constanciana, бело-розовый цветок, названный в ее честь.

Констанс уставилась на гостя, ошеломленная внезапным воскрешением этого призрака из своего прошлого. И тут же она сорвалась с места и, подобно летучей мыши, метнулась в его сторону, держа стилет в поднятой руке и целясь ему в глаза.

Но Диоген ожидал этого. Ловким движением он уклонился от удара, и лезвие промелькнуло мимо него. Далее молниеносным выпадом он перехватил стальной хваткой ее запястье и дернул девушку на себя, попутно прижимая вооруженную руку к ее телу, чтобы обезопасить себя от клинка и одновременно схватить второе запястье. В конце концов, Констанс оказалась окончательно обездвижена и заключена в его тесные объятия так, что на мгновение действительно почувствовала себя его возлюбленной. Но тут он резко надавил на сустав ее руки, и стилет со звоном упал на пол, рассеивая иллюзию.

Она и забыла, насколько он быстр и силен.

Девушка попыталась извернуться и вновь атаковать его, приложив к этому всю свою силу. Но тщетно.

– Я отпущу тебя, – пообещал он спокойным, ровным голосом, – если ты меня выслушаешь. Это все, о чем я прошу: чтобы ты меня выслушала. И тогда, если ты все равно захочешь убить меня, так тому и быть.

Напряженное ожидание заполнило комнату. Наконец, совладав с волной гнева, Констанс кивнула.

Отпустив одну ее руку, Диоген нагнулся, чтобы поднять стилет. На мгновение Констанс ощутила порыв ударить его коленом по лицу, но она отринула эту мысль как нецелесообразную: физически он во много крат превосходил ее. Возможно, вместо этого стоило позволить ему высказаться.

Диоген снова поднялся. Он отпустил вторую руку Констанс и отступил от нее на шаг. Она застыла, тяжело дыша. Щеки ее залил предательский румянец. Напротив нее в свете настенного факела неподвижно стоял Диоген Пендергаст, словно ожидая ее реакции.

– Итак, ты сказал, что влюблен в меня, – вымолвила она мгновение спустя. – Неужели ты самоуверенно полагаешь, будто я способна в это поверить?

– Но это правда, – сказал он. – И более того, я полагаю, что ты это уже знаешь, даже если пока не можешь признаться в этом даже себе самой.

– И ты действительно думаешь, что после того, что ты сделал, я отвечу тебе взаимностью?

Диоген развел руками.

– Влюбленные люди полны иррациональных надежд.

– Ты упомянул о чувствах, которые я испытываю к Алоизию. С чего бы мне в этом случае интересоваться его младшим братом – особенно после того, какую ненависть ты сумел пробудить во мне?

Это было произнесено презрительно, ядовито, саркастично. Она не скрывала своего намерения ранить его. Но Диоген ответил на этот едкий вопрос мягким размеренным тоном, каким говорил с нею и до этого.

– Мне нет оправдания. Как я уже сказал, мое поведение по отношению к тебе было непростительно.

– Тогда к чему искать прощения?

– Я и не ищу твоего прощения. Я ищу твоей любви. Тогда я был другим человеком, Констанс. И своими стараниями я заплатил за свои грехи, – он небрежным жестом указал на шрам на своей щеке. – Что касается того, насколько я уступаю Алоизию, я могу сказать только одно: вы никогда не были бы счастливы вместе. Неужели ты этого не понимаешь? После Хелен он уже не был способен никого полюбить.

– А ты, судя по всему, был бы идеальным партнером.

– Для тебя – *да*.

– Благодарю, но я не заинтересована в союзе с психопатом, мизантропом и безнадежным социопатом, и к тому же с серийным убийцей.

Услышав это, он едва заметно ухмыльнулся.

– Мы оба убийцы, Констанс. А что касается мизантропии... разве и в этом мы не схожи? К тому же, ты не находишь, что нас *обоих* можно назвать социопатами? Возможно, было бы лучше, если б я просто описал тебе будущее, которое представляю себе для нас? Тогда ты сможешь вынести свое решение.

Констанс набрала в грудь воздуха, чтобы выплюнуть в его адрес очередное обличительно-резкое замечание, но подавила этот порыв, чувствуя, что ее ответы напоминают истерические капризы.

– Ты – существо из другой эпохи.

– Да. *Урод*, как ты уже назвал меня однажды.

Диоген задумчиво улыбнулся, махнул рукой, словно бы отметая это ее замечание, и продолжил:

– Давай примем во внимание простой факт: ты не принадлежишь нынешнему времени. О, ты приложила воистину героические усилия, чтобы интегрироваться в XXI столетие, в сегодняшнее обывательское, пустое общество. Я знаю, потому что наблюдал с расстояния за некоторыми твоими усилиями. И это далось тебе нелегко, не так ли? В глубине души ты, должно быть, уже начала задаваться вопросом, стоит ли игра свеч, – он сделал паузу. – Я тоже не принадлежу этому времени,

но совершенно по иной причине. Ты не могла противостоять тому, как сложилась твоя судьба, ибо Енох Ленг вмешался в нее: убил твою сестру и взял тебя под свою… *опеку*. Как ты уже упоминала, я тоже совершенно социопатичен. Мы – две горошины одного стручка.

Констанс нахмурилась.

Пока Диоген говорил, он поигрывал со стилетом, небрежно перекатывая его в руках. Теперь же он положил его на клавесин и отступил от него, сделав шаг к ней.

– Мне принадлежит остров, Констанс. Частный остров, входящий в архипелаг Флорида-Кис[98]. Он находится к западу от Но-Нейм-Ки и к северо-востоку от Ки-Уэст[99]. Это небольшой остров, но он – настоящее сокровище. И он называется Халсион. Там у меня есть дом: просторный особняк с обширной библиотекой, мастерской и галереей, из его окон открывается чудесный вид на восход и закат. В нем я содержу коллекцию редких вин, шампанских и деликатесов – клянусь, ничего вкуснее ты никогда не пробовала. Я много лет подготавливал эту идиллию с кропотливой, чрезмерной осторожностью и заботой. Это был мой бастион, мой последний оплот, где бы я мог скрыться от всего мира. Но пока я оправлялся от ран в хижине Джиностры, я понял, что такое место, каким бы идеальным оно ни было, будет невыносимо одиноким без другого человека – того, единственного с кем бы действительно хотелось разделить его, – он немного помедлил. – Разве нужно мне снова говорить, какого человека я подразумеваю?

Констанс попыталась что-то сказать в ответ, но слова не шли к ней. Она чувствовала запах легкого парфюма. Уникальный и таинственный запах заставлял ее воспоминания обращаться к той единственной ночи…

Он сделал к ней еще один шаг.

– Халсион станет нашим убежищем от всего мира, который не заинтересован в нас и недостоин нас. Мы могли бы прожить сорок или пятьдесят лет, уготованных нам, вместе, во взаимных открытиях, наслаждениях и… интеллектуальных занятиях. Есть некоторые теории, которые с течением веков так и не нашли своего доказательства. К примеру, в теоретической математике – гипотеза Римана[100] о распределении простых чисел. Вдобавок я всегда мечтал расшифровать Фестский диск[101] или разработать полный перевод всех надписей этрусского языка[102]. Разумеется, я отдаю себе отчет, что это трудные загадки, на которые могут потребоваться десятилетия, если решения к ним вообще можно найти. Но для меня, Констанс, вся суть в путешествии, а не в пункте назначения. Это путешествие, которое мы совершим вместе. То самое, что мы просто *обязаны* совершить вместе.

Он замолчал. Констанс ничего не ответила. Все сказанное и все случившееся нахлынуло на нее слишком быстро и слишком сильно: признание в любви, видение интеллектуальной утопии, привлекательность убежища и уединение от всего мира… вопреки ее воле, нечто из того, что он сказал, глубоко затронуло ее.

– И у тебя, Констанс, будет все время мира на эту интеллектуальную Одиссею. Только вообрази себе те проекты, которые мы могли бы вести *вместе*! Ты могла бы заниматься письмом и живописью. Или обучиться игре на новом инструменте. У меня есть чудесная скрипка Гварнери[103], которую я с радостью подарю тебе. Подумай об этом, Констанс. Мы могли бы совершенно освободиться от этого скучного, погрязшего в коррупции мира, посвятить наше время занятиям, милым нашим сердцам. И осуществить самые потаенные свои желания.

Он вновь замолчал. В тишине разум Констанс лихорадочно работал, ища подвох.

Многое из того, что он сказал ей, было правдой. После того, как он жестоко обидел ее, Констанс перестала считать Диогена Пендергаста человеком. В нем был сосредоточен очаг ее ненависти, да и в целом он стал для нее монохроматическим существом, и мог заинтересовать ее только одним способом: он должен был умереть. Но что было ей известно о его прошлом – о его детстве? Очень мало. Алоизий упоминал, что он был любознательным, очень умным и болезненным мальчиком, начинающим капитаном Немо, который уже в детстве имел свою личную библиотеку и тяготел ко всему загадочному и непостижимому. Алоизий также очень завуалированно ссылался на некое Событие, которое трагически повлияло на Диогена, но объяснить подробно, в чем именно заключалась суть той истории, он напрочь отказался.

Все это сейчас слишком сильно надавило на Констанс…

Диоген тихонько прочистил горло, отрывая ее от размышлений:

– Я должен упомянуть еще кое о чем. Это, конечно, прозвучит болезненно, но все же данная новость имеет ключевое значение для твоего будущего, – он снова немного помолчал. – Я знаю о твоей истории. Знаю, что мой предок Енох Ленг разработал эликсир, лекарство, которое продлевало продолжительность его жизни. Изначально, он проверил этот препарат на тебе, и эксперимент прошел успешно. После чего Енох Ленг стал твоим первым опекуном. И как ты знаешь, создание того эликсира требовало убийств. Он похищал людей и собирал их cauda equina – «конские хвосты», пучки нервов в крестцовом отделе позвоночника. Много лет спустя наука и химия продвинулись так далеко, что Ленг разработал второй эликсир. Этот – был полностью синтетическим и больше не требовал человеческих жертвоприношений.

Он прервался и снова шагнул к ней. Констанс осталась стоять на месте, не двигаясь и внимательно слушая.

– Вот, что я должен был сказать тебе: этот второй эликсир, который он давал тебе на протяжении десятилетий, был неверно синтезирован.

Констанс невольно поднесла руку ко рту. Ее губы зашевелились, но с них не слетало ни звука.

– Какое-то время он и вправду работал. И ты – живое тому доказательство. Но мои исследования показывают, что через определенное количество лет – особенно, если перестать принимать эликсир, как это сделала ты – возникнет обратный эффект. Человек начнет стремительно стареть.

– Это смехотворно, – резко ответила Констанс, снова обретя дар речи. – Я не принимала эликсир с момента смерти Еноха Ленга. Это было пять лет назад. Естественно, я постарела, но только на те же самые пять лет.

– Констанс, прошу, не обманывай себя. Ты, должно быть, уже начала замечать эффекты преждевременного старения. Особенно... *ментальные* эффекты.

– Ты лжешь! – воскликнула Констанс, но произнеся это, она вспомнила все те незначительные изменения, которые она стала замечать в себе недавно. Небольшие проблемы со сном, которые начались еще с поездки в Эксмут... или даже раньше. Бессонница, периодическая усталость, снижение остроты чувств и восприятия. Но более того она почти постоянно ощущала растущее чувство рассеянности и беспокойства, с которым она не могла справиться. Она списывала все это на стресс от смерти Алоизия. Но, похоже, дело было не только в этом. И еще, если Диоген прав: ужаснее всего будет тихо сидеть в подвалах особняка и чувствовать, что рассудок покидает ее.

Но нет! Это лишь очередная вычурная ложь Диогена!

И снова его тихий голос прервал ее размышления.

– Вот, в чем суть дела. Благодаря большому количеству времени и усилий мне удалось сделать две вещи. Во-первых, я раздобыл формулу Ленга, чтобы воссоздать *первичный* эликсир. Мой брат считал, что уничтожил единственный оставшийся рецепт, но он ошибался. Сохранился еще один, и я нашел его. Это заняло больше времени, чем я рассчитывал, к тому же, потребовалось хорошенько изучить уникальное строение этого дома, но мне, в конце концов, удалось. Я сделал это для тебя. Во-вторых, я смог синтезировать и усовершенствовать формулу, которая не потребует больше человеческих жертвоприношений. И я отдам ее тебе, моя дорогая.

Повисла короткая пауза. У Констанс голова шла кругом: для нее это было уже слишком. Она чувствовала, что силы покидают ее, а ноги предательски подгибаются. Рассеянно поискав взглядом место, чтобы сесть, Констанс лишь теперь вспомнила, кто стоит перед ней, и, собрав всю силу воли, она снова сосредоточила на нем свое внимание.

– Конечно же, для этого мне потребовалась лаборатория, ученые и деньги, но результат того стоил. Моя работа закончена. У меня есть новая синтетическая формула. Тебе не придется преждевременно стареть. Не придется чувствовать, как разум постепенно покидает тебя. После краткого курса лечения моим эликсиром твое тело придет в норму. Ты сможешь прожить оставшуюся жизнь без каких-либо побочных эффектов. Мы оба будем стареть, как обычные люди. И все, чего я хочу взамен от тебя, это простое слово: «да».

Но Констанс ничего не ответила.

Глядя на нее, Диоген многозначительно прищурился – даже выложив все свои доводы, он все еще опасался, что она отвергнет его предложение. Не выдержав молчания, он вновь заговорил:

– Какая жизнь ожидает тебя в этом огромном доме без моего брата? Даже если ты выйдешь из этой добровольной изоляции, какую компанию тебе, по-твоему, смогут составить Проктор и миссис Траск? Вообрази: только они – из года в год. Смогут ли они помочь тебе во время твоего одинокого упадка, от которого ты будешь вынуждена страдать не по своей вине?

Он замолчал. Если то, что он говорил, было *правдой*, то Констанс могла ясно представить себе свое будущее: пустота, непрерывная скука, сидение сутками напролет в мрачной библиотеке, перемещение между книгами и клавесином, благонамеренный Проктор, несущий службу у двери, и миссис Траск, которая подавала бы ей переваренные макароны. А при этом она будет день ото дня терять рассудок, а двое верных слуг Пендергаста станут тихими стражами ее смерти. Мысль о потере умственных способностей вызвала у нее всепоглощающий страх – этого она не могла перенести.

– Все эти годы, – произнес Диоген, словно читая ее мысли, – все эти годы, которые ты провела под опекой моего великого прапрадяди Ленга… неужели они стоят того, чтобы позорно позволить столь могучему разуму и столь большой сокровищнице знаний попросту сгинуть?

Он ожидал, внимательно глядя на нее и желая узнать, что она ему ответит. Но она промолчала. Наконец, он вздохнул:

– Мне очень жаль. Пожалуйста, поверь, что я понимаю твою нерешительность, и никогда бы не стал принуждать тебя к чему-то против твоей воли. Как только курс лечения будет завершен, если ты обнаружишь, что действительно несчастлива со мной на Халсионе, я не стану стоять у тебя на пути. Хотя я надеюсь… нет, я *уверен*, что там нас с тобой ждет прекрасная жизнь. Но если ты не сумеешь усмирить свою ненависть ко мне, взращенную моими же ужасными поступками, если не сможешь поверить, что любовь преобразовала даже такого человека, как я… мне придется лишь смириться с твоим решением.

После этого он отвернулся от нее.

Когда он произнес последние слова, Констанс испытала странное прозрение, которое посетило ее во время этого его последнего монолога. Диоген раньше относился к ней с отвращением. Она ненавидела его с почти нечеловеческой яростью. Но правда также заключалась в том… – она содрогнулась от почти запретной мысли, – что в Диогене находилась *частичка Алоизия*. Он приходился Алоизию родственником и, ко всему прочему – как бы она ни отрицала это – действительно был близок ей по духу. Возможно, что он понимал ее даже лучше, чем его брат когда-либо смог бы понять. И если Диоген действительно изменился…

Он снял свои перчатки. Констанс взглянула на клавесин, на крышку которого Диоген положил стилет. И он все еще находился там. Это был лишь вопрос пары мгновений – схватить клинок и вонзить его ему в грудь. Но, разумеется, он распознал эту возможность еще раньше, чем она.

– Я, – начала Констанс, но запнулась. Почему она не могла выразить свою мысль? Собравшись с силами, она произнесла лишь, – мне нужно время…

Диоген взглянул на нее, и на его лице вдруг расцвела надежда, которую – как внезапно поняла Констанс – просто невозможно было подделать.

– Конечно, – произнес он. – Сейчас я оставлю тебя. Ты, должно быть, очень устала. Думай столько, сколько тебе потребуется.

И он потянулся к ее руке.

Медленно, но при этом сознательно, она позволила ему коснуться себя.

Диоген взял ее за руку, медленным, ласковым движением перевернул ее ладонью вверх и поцеловал ее. Затем, немного отстранившись, он взял и на долю секунды зажал между губами кончик ее пальца, и тут же по всему ее телу словно пробежал электрический разряд.

Затем, улыбнувшись и быстро кивнув, Диоген Пендергаст растворился в темноте.

25

В закоулке одного из худших деловых районов Катутура, Намибия – в пригороде Виндхука, название которого переводилось как «место, где люди не хотят жить» – стояло трехэтажное жилое здание, зажатое между радиостанцией и швейной фабрикой. Здание выглядело захудалым и находилось в запущенном состоянии: штукатурка на стенах растрескалась и пошла пузырями, а крошечные, однобокие балконы сильно проржавели. Все этажи были выкрашены в разные цвета – бирюзовый, желтый, серый – что наряду с окнами разного размера и неуместными архитектурными деталями придавало строению странный и тревожный вид.

Было два часа дня, и все окна были открыты в тщетной попытке поймать хотя бы легкий ветерок.

Лазрус Керонда сидел у окна двухкомнатной скудно меблированной квартиры на втором этаже. Спрятавшись за проемом, он стратегически расположился так, чтобы видеть все происходящее на шумной улице, раскинувшейся внизу, оставаясь при этом незаметным. Ресторан, находившийся этажом ниже, специализировался на чипсах из мопановых червей[104] тушенных в рагу из томатов, обжаренного лука, куркумы и зеленых чили. Резкий дым от вонючих червей поднимался вверх, заставляя его глаза слезиться. Но даже это не заставило Керонду оторвать взгляд от окна.

Он потянулся за бутылкой Тафеля Лагера, придержав ее только слегка, чтобы его раненная рука не запротестовала, и сделал большой глоток. Свежий горький вкус пива немного помог притупить тревогу и боль. Может, он и был чересчур осторожен, но все же не хотел рисковать. Еще три дня – может быть два – и тогда покинуть город будет безопасно. У него был сводный брат в Йоханнесбурге. Керонда мог затаиться на пару месяцев под крышей его семьи. С наличными деньгами, которые он получил, у него было достаточно средств, чтобы начать новое предприятие. Местный автосалон погряз в долгах, поэтому бросить его сейчас, как крыса бросает тонущий корабль, было не столь большой потерей.

Вдруг за спиной раздался тихий звук – одинокий скрип половицы – и он обернулся.

– Вы! – воскликнул он. Пивная бутылка выпала из его руки и покатилась по полу, разбрызгивая янтарную пену.

– Я, – раздался мягкий голос.

Из тени выступила молодая женщина. На вид ей было чуть больше двадцати лет. У нее были светлые волосы, голубые глаза и четко

очерченные скулы. Гостья была одета в черные лосины и джинсовую рубашку с хвостами, крест-накрест опоясывавшими ее талию и открывающие плоский мускулистый живот и проколотый пупок с пирсингом в виде кольца с бриллиантом. Несмотря на жару, на ее руках были надеты латексные перчатки.

Керонда вскочил на ноги. Он сразу же осознал всю безысходность своего положения. На ум пришла сотня оправданий, сотня всевозможных вариантов лжи, отвлекающих маневров, извинений. Вместо этого он пролепетал:

– Как вы меня нашли?

– Это было нелегко.

Он заметил, что ее поясная сумка сидела низко, почти на бедрах, и когда она сделала еще шаг по направлению к нему – движение вышло гладким и гибким, как у пантеры – сумка немного приподнялась, а затем опустилась.

Во рту Керонды мгновенно пересохло. Что было не так с этой девушкой с этим дурацким пирсингом, и почему она вызывала в нем такой страх? Она была не выше пяти футов и трех дюймов, а Керонда весил, по крайней мере, вдвое больше, чем она. И все же его накрыла паника. Было нечто холодное в ее голубых глазах и в хитрой жестокой улыбка. Он приметил эти особенности с первой их встречи – и с тех пор они так и не стерлись из его памяти.

– Вы забросили автосалон, – произнесла она.

– Мне пришлось, – стал оправдываться он. – Меня *вынудили*!

– Вам заплатили, чтобы вы остались. Вместо этого вы оставили ворота открытыми, а офис незапертым. Вдобавок ко всему вы не убрали лужу крови со своего рабочего стола. Теперь этим делом заинтересовалась полиция.

– Он ранил меня и угрожал мне, – Керонда с мольбой протянул к ней руку.

– И вам щедро возместили это материально. Вам заплатили, чтобы вы *стоически вытерпели* боль, которую он *неизбежно* причинил бы вам. Чтобы *снесли* все его угрозы, а после – продолжали придерживаться нашего сценария.

Керонда начал лепетать, почти плача:

– Я так и делал. Я придерживался его! И сказал ему именно то, что вы хотели, в точности *так*, как вы мне сказали. Я отдал ему «Лэнд-Крузер» и проследил, чтобы он уехал на нем.

– Тогда почему вы сбежали, как испуганный кролик?

И снова он поднял перевязанную руку.

– Посмотрите, что он со мной сделал!

Пока ее холодные голубые глаза блуждали по его окровавленной одежде, ее улыбка становилась все шире:

– Почти как стигматы. Но это все никак не объясняет, почему вы отклонились от плана. За то, чтобы вы *строго* ему следовали, вам заплатили большие деньги, – она прервалась, как будто специально позволяя этим словам усвоиться в его сознании. – Что мы вам сказали? Убрать за собой весь беспорядок. Пройти курс лечения. Остаться на работе и торговать как обычно. Но что вы сделали вместо этого? Оставили после себя беспорядок и сбежали.

– *Посмотрите, что он со мной сделал!* – повторил Керонда, на это раз демонстрируя ей обе раненые руки.

– Как вы думаете, мы теперь поступим? – раздался ее шелковый голос.

Когда вместо ответа последовало только хныканье, девушка печально покачала головой.

– Мы предупредили вас, что он вернется только через неделю. А может быть, не вернется никогда. Вы должны были нас слушать.

– Я… – начал он, и тут же осекся. Движением, которое внешне выглядело таким обычным – можно даже сказать, бессознательным – и все же ужасающе быстрым, девушка потянулась к своей поясной сумке и извлекла из нее нож. Он оказался не похож ни на один нож, который раньше видел Керонда: зазубрены на его лезвии напоминали четыре идущих в ряд изогнутых наконечника стрелы, а его узкая рукоятка была неоново-зеленого цвета.

Увидев испуганный взгляд Керонды, направленный на оружие, девушка улыбнулась еще шире.

– Понравился ножик? – спросила она. – Он называется «Зомби Киллер». Мне он тоже очень нравится. Особенно зубья. Он как член кота – больнее выходит, чем входит. По крайней мере, они так утверждают.

– Член? – невнятно переспросил Керонда.

– Впрочем, это не важно.

Затем – еще более быстрым движением – ее рука метнулась вперед и вогнала нож меж его ребер. Лезвие оказалось настолько острым, что он

едва ощутил толчок, но, опустив взгляд, увидел, что нож вошел в его тело по самую рукоять.

– Я довольно хорошо разбираюсь в анатомии, – сказала она, – почти настолько же хорошо, насколько и управляюсь с клинками.

Она кивнула на ручку.

– Если я не ошибаюсь, он только что разорвал вашу диафрагмальную артерию. Это конечно не одна из главных артерий, – но вы все равно истечете кровью в течение пяти минут, плюс-минус.

Она замолчала, любуясь свою работу.

– Конечно, вы в любой момент можете вытащить нож, зажать рану – кстати, удачи вам с этим, – и вызвать скорую помощь. Если бы вы сделали это прямо сейчас, именно в этот момент, я бы дала вам пятьдесят на пятьдесят шансов на спасение. Но я не думаю, что вы это сделаете. Как я уже сказала: больнее выходит, чем входит.

Единственный ответ Керонды заключался в том, чтобы он снова опустился на стул. Девушка кивнула.

– Я так и думала. Еще один приятный факт о «Зомби Киллере»: он дешевый, и его можно оставить вам в подарок без сожаления, – она застегнула поясную сумку и дерзко подтянула свои перчатки. – Не будет прощальных слов? В таком случае: хорошего дня.

Сказав это, она развернулась на каблуках и вышла из квартиры, оставив входную дверь распахнутой настежь.

26

Диоген Пендергаст проводил свое ожидание в небольшой комнате, сидя на маленьком кресле с прямой спинкой перед ступенями, ведущими в подвал особняка 891 по Риверсайд-Драйв. Дверь, за которой начиналась лестница, была открыта. Он установил свечу в настенный подсвечник, и она бросала мерцающий, дружелюбный свет на старую каменную кладку. По крайней мере, Диоген надеялся, что он выглядел дружелюбно, хотя он очень мало знал о подобных вещах.

Он постарался не ставить кресло прямо перед дверью, потому что не хотел казаться Цербером – угрожающей фигурой, охраняющей вход в преисподнюю. Он всячески старался обустроить все так, чтобы его окружение казалось дружественным и безобидным, насколько это вообще было возможно. Одет он был весьма просто: в черные шерстяные брюки и черно-серый твидовый пиджак… или эти вещи ему только казались простыми? Ему не нравился твид – грубая ткань, вызывающая зуд – но в ней он словно бы больше излучал искренность,

доброжелательность и приветливость. По крайней мере, он, опять же, *надеялся* на это.

«*Эти осколки я удерживаю напротив своих руин*»[105]...

Усилием воли он затолкал этот голос – голос прежнего Диогена, который время от времени неожиданно всплывал в его мыслях, как метан в смоляной яме – обратно туда, откуда он пришел. Все это в прошлом. Он стал другим человеком, он изменился!.. И все же Старый Голос продолжал возвращаться к нему в моменты крайнего волнения, как сейчас… или когда по какой-то причине его кровь начинала бурлить…

Он попытался сосредоточиться на твиде.

Диоген слишком долго гордился своей изысканностью и отсутствием духовных привязанностей, как и тем, что презирал чужое мнение. Ему доводилось лишь несколько раз на короткое время представить себе, как видят его окружающие – то было необходимостью во время изучения социальной инженерии[106]. Когда-то давно, идя на поводу у скуки или раздражения, он обманывал, унижал или разыгрывал других ради своего личного развлечения. Ему было трудно показать Констанс чувства уязвимости и привязанности, которые он искренне к ней испытывал. Он был похож на человека, который соблюдал обет молчания половину своей жизни, и вдруг попытался заставить свой голос петь.

Диоген поудобнее устроился в кресле. Ему пришлось вытащить его из кладовки одного из подвальных хранилищ. Старые шелково-бархатные подушки оказались покрыты плотным слоем пыли. Когда скрип кресла стих, Диоген снова прислушался, его чувства были готовы распознать самый слабый звук, минимальное изменение давления воздуха, что означало бы ее приближение к лестнице, ведущей в подвал.

Он взглянул на часы: четверть одиннадцатого утра. Он попрощался с Констанс за несколько минут до полуночи. И с тех пор он сидел здесь и ждал ее появления… и ее ответа.

Масштабы планирования, затраты денег и времени, необходимые для успешного проведения вчерашней встречи – встречи, на которой он мог обнажить свою душу, не опасаясь быть прерванным – были огромными. Но все это стоило того – если она ответит «да».

В другой раз, в другой жизни, он мог бы найти забаву в том, как хорошо он это все это провернул. Например, манипуляция Проктором прошла идеально: вплоть до аэродрома Гандера, где он срежиссировал события так, чтобы преданный телохранитель приземлился как раз вовремя и увидел, как Диоген затаскивает «Констанс» – замаскированную Флавию

– в ожидающий их самолет. Проктор, разумеется, сразу же отправился за ними в погоню, в Ирландию… в то время как сам режиссер немедленно вышел из бомбардира, сел на другой самолет и отправился в Нью-Йорк. Он вернулся в город за семь часов, всего лишь через шесть часов после того, как он оставил «Навигатор». Отправка этого бдительного, умного человека по ложному следу на край земли прошла без сучка и задоринки.

Изотермический гроб также стал вдохновляющей находкой. Проктор не мог понять, что это значит – не то, чтобы он в действительности что-то значил – но этот предмет, наверняка, заставил его воображение работать… и вдохновил на принятие самых крайних мер.

Диоген напомнил себе, что неприлично гордиться тем, что для Проктора, должно быть, стало самым унизительным опытом в жизни. Заставив волну удовольствия и самодовольства чуть схлынуть, он вознаградил себя лишь осознанием того, что опасного препятствия на пути в виде Проктора более не было, и при этом – что немаловажно – Проктор оставался жив, пусть и находился в незавидном положении. Диоген знал, что Констанс никогда бы не простила его, примени он более радикальные меры.

Дальше по коридору, недалеко от того места, где он сидел, располагалась комната, ранее служившая Еноху Ленгу операционной. Со своей точки обзора Диоген запросто мог разглядеть угол операционного стола, изготовленного из раннего сплава мартенситной нержавеющей стали[107]. Его поверхность все еще была отполирована до зеркального блеска, и Диоген видел там свое отражение. Воистину, он обладал прекрасными чертами. Даже шрам добавлял его выточенному лицу и двухцветным глазам толику определенной зрелищности, которая могла повергнуть в трепет. По крайней мере, он надеялся, что именно такой будет реакция Констанс.

«Ты упомянул о чувствах, которые я испытываю к Алоизию. С чего бы мне в этом случае интересоваться его младшим братом – особенно после того, какую ненависть ты сумел пробудить во мне?»

…Почему же эти слова, брошенные ею в гневе прошлой ночью, вернулись только сейчас, чтобы терзать его? Так или иначе, Диоген умел стоически переносить мучения и изводил себя не меньше, чем других. Самоистязание – это умение, которому его научил Алоизий. Алоизий, который – хотя и не был умнее – был старше настолько, чтобы всегда на шаг опережать брата: на одну решенную математическую задачу, на один прочтенный роман, на один дюйм роста, на силу одного удара. С его осуждающим ханжеством и снисходительностью, это был Алоизий, который придавался своим интересам и забавам, потакая своим потаенным – извращенным и пагубным – желаниям. Именно Алоизий

был тем, кто спровоцировал Событие, положившее конец надеждам брата на нормальную жизнь.

Диоген резко подавил внутренний поток брани. Дыхание его участилось, а сердце быстрее заколотилось в груди. Он заставил себя успокоиться. Его ненависть к брату была справедливой и праведной ненавистью, и он знал, что никогда не сможет погасить ее, а Алоизий никогда не сможет ее искупить…

Но случилось непредвиденное: с кончиной его брата разум Диогена очистился. Он почувствовал твердую уверенность, что во всем мире существовал только один человек, который действительно мог принести в его жизнь смысл, завершенность и радость.

И этим человеком была Констанс Грин.

Неожиданно и незвано в его голове возникла цитата из старого фильма: *«Возможность заполучить тебя сначала казалась мне совсем невероятной, но, вероятно, в этом и была причина. Ты невероятный человек, так же, как и я»*[108]. Именно благодаря этому в первые дни после того, как он едва смог избежать ярости вулкана Стромболи и его бурлящей лавы… он по-другому взглянул на свою собственную зарождающуюся страсть к Констанс.

Даже сейчас это воспоминание вернулся к нему с ясностью вчерашнего дня: та борьба на страшном, склоненном под 45 градусов обрыве Сциара-дель-Фуоко. То был не просто лавовый поток, текущий среди разжиженных камней, как на Гавайских островах, а настоящий лавовый склон, адская расселина в земле шириной почти в милю, в которой неуклонно проносились раскаленные красно-коричневые куски лавы размером с дом. Жар, исходящий от Огненной Лавины, создал восходящий поток воздуха, серы и золы: именно этот демонический ветер и спас его жизнь. После того, как Констанс столкнула его с края расселины, он упал, но не угодил в этот ад. В конечном итоге, он стал подниматься в восходящих горячих потоках, пока его не швырнуло на край раскаленной пропасти, где он провалился в щель, и тут же почувствовал ожог, на той стороне лица, которая соприкасалась с перегретой скалой. В шоке он сумел вырваться, ухватиться за выступ и на четвереньках добраться до тропы, по которой Констанс преследовала его, обойти сам конус вулкана и, в конце концов, добраться до склона, уходящего к Джиностре. Джиностра – деревенька с населением около сорока жителей – до которой можно добраться только с моря: крошечный самородок сицилийского прошлого. И именно здесь его – потерявшего сознание от боли – подобрала бездетная вдова, жившая в коттедже за городом. Она не спрашивала его, как он получил травмы, не возражала против его просьбы о сохранении полной тайны. Она, похоже, была просто рада тому, что могла помочь ему теми средствами,

которыми располагала – мазями и настойками, изготовленными по старинным рецептам. Только в день своего ухода, он обнаружил истинную причину ее помощи – она смертельно боялась его «*maloccio*»[109], злых двуцветных глаз, которые, если верить местной легенде, погубили бы ее, если бы она не сделала все, что было в ее силах, чтобы помочь их обладателю.

Он был прикован к постели несколько недель. Боль от ожогов – которая переживалась бы крайне тяжело даже при применении современных медикаментов – иногда погружала его в беспамятство. И все же, пока он лежал там, охваченный вселенной боли, все, о чем он мог думать, была, не ненавистью к Констанс, но столь невообразимое удовольствие, которое он разделил с ней… всего на одну ночь.

В то время он едва мог осознавать это. Происходящее казалось ему необъяснимым, как будто он находился в плену страстей некоего незнакомца. Но, в конце концов, он понял, что его потребность в ней не была недостижимой. На самом деле, это было даже неизбежно – по многим причинам, которые он уже перечислил ей накануне. Ее неприятие испорченного и раболепного мира и общества. Ее уникальная глубина знаний. Ее замечательная красота. Ее понимание нравов, манер и вежливости более ранних эпох, которое наиболее удачно сочеталось с присущим ей темпераментом, очищенным – как лучшая сталь – огнем насилия. Она была тигрицей, изысканно одетой в шелка.

Констанс была тигрицей и в других сферах жизни… Его мучило то, что он был настолько ослеплен ненавистью к брату, что воспринял ее успешное соблазнение лишь как некий триумф над Алоизием. Только позже, на том ложе боли, он понял, что ночь, проведенная с нею, была самой удивительной, захватывающей, чистой, возвышенной и приятной в его жизни. Его обуревала жажда наслаждений, как грешника, желающего ради искупления грехов припасть к власянице. Ничто в его жизни не шло ни в какое сравнение с тем, что он испытывал, когда разжигал страсть, сдерживаемую на протяжении более сотни лет, в этой женщине и воспламенял ее гибкое и голодное тело… Каким же дураком он был, позабыв об этом!

Примитивные, старые лекарства женщины, которая ухаживала за ним, мало помогали от боли, но сотворили чудеса с тем, чтобы свести к минимуму рубцы. И через два месяца он покинул Джиностру с новой жизненной целью…

Он неожиданно осознал, что Констанс уже стоит перед ним. Диоген настолько погрузился в свои мысли, что не услышал, как она появилась.

Он быстро поднялся с кресла, прежде чем вспомнил, что намеревался остаться сидеть.

– Констанс, – выдохнул он.

Она была одета в простое, но элегантное платье цвета слоновой кости. Полумесяц кружевной вышивки под самое горло целомудренно прикрывал, но не мог скрыть, самое восхитительное декольте. Силуэт платья – мерцающего, словно паутина, в дрожащем пламени свечей – доходил до пола, где прятал ее ноги в полупрозрачной сборке ткани. Констанс всматривалась в его глаза, изучая его явное нетерпение с выражением, которое он так и не смог прочесть: сложная смесь интереса, осмотрительности, и – как он думал и надеялся – сдерживаемой нежности.

– Да, – сказала она тихим голосом.

Диоген поднял руку к узлу своего галстука, попытавшись ослабить его, действуя бессознательно и безрезультатно. Его разум находился в таком смятении, что он не смог ответить.

– Да, – повторила она, – я отдалюсь от этого мира с тобой. И... Я приму эликсир.

Она замолчала, ожидая ответа. Шок от облегчения и восторга, который обрушился на Диогена, был настолько силен, что только в этот момент он понял, насколько боялся, что она скажет «нет».

– Констанс, – выдохнул он снова, и это было единственным, что он оказался в силах произнести.

– Но ты должен заверить меня в одном, – продолжила она своим тихим, шелковистым голосом, и он весь обратился во внимание. – Мне нужно знать, что этот эликсир действительно работает, и что его изготовление не принесло вред ни одному человеку.

– Он работает, и никто не пострадал, я клянусь, – сказал он, и его голос от волнения прозвучал хрипло.

Она долго смотрела ему в глаза, а он, почти не осознавая, что делает, взял ее руку в свою.

– Спасибо, Констанс, – полушепотом произнес он, – спасибо. Ты даже представить себе не можешь, как это меня радует, – он был потрясен, когда обнаружил, что буквально ослеплен слезами радости. – И скоро ты узнаешь, какой счастливой я могу тебя сделать. Халсион действительно такой, как я тебе и обещал, и даже лучше.

Констанс ничего не ответила. Она просто продолжала смотреть на него в манере, свойственной лишь ей одной – оценивающе, выжидающе, загадочно. Диоген чувствовал, что от этого ее взгляда земля уходит у

него из-под ног, что – как ни парадоксально – подействовало на него возбуждающе и опьяняюще.

Он поцеловал ей руку.

– Я должен объяснить тебе одну вещь. Как ты можешь себе представить, я был вынужден создать и поддерживать множество личностей. Личность, под которой я приобрел Халсион, носит имя «Петру Люпей». Это румынский граф из Карпатских гор Трансильвании, куда вся его семья бежала в советское время. Большинство из них были пойманы и убиты, но его отец сумел вывезти семейное богатство, которое Петру – он предпочитает звать себя Питером – унаследовал, будучи единственным сыном и последним выжившим из Дома Люпей. Поговаривают, что их разрушающийся фамильный замок находится рядом с поместьем графа Дракулы, – он улыбнулся. – Мне нравится это перевоплощение. Я сделал его человеком безупречных манер и вкусов, красивым модником, остроумным и обаятельным.

– Увлекательно. Но зачем ты мне все это рассказываешь?

– Потому что по дороге в аэропорт мне придется надеть на себя личность и внешний вид Петру Люпея и поддерживать этот образ, пока мы не доберемся до Халсиона. Пожалуйста, не удивляйся моей временной смене внешности. Конечно, на Халсионе я снова стану самим собой. Но во время путешествия я попросил бы тебя думать обо мне, как о Петру Люпее, и обращаться ко мне «Питер» – тем самым подтверждая мою личность и обеспечивая безопасный проезд.

– Я понимаю.

– Я знал, что ты поймешь. А теперь, пожалуйста, извини, но у меня еще много дел, прежде чем мы уедем – что, – если ты только этого пожелаешь – может случиться уже сегодня.

– Завтра, если ты не возражаешь, – ответила Констанс. – Мне нужно время, чтобы собрать вещи и… попрощаться с этой жизнью.

– Собрать вещи, – повторил Диоген, как будто эта мысль раньше не приходила к нему в голову. – Конечно.

Он отвернулся, намереваясь уйти, замешкался, а затем снова повернулся к ней.

– Ах, Констанс, ты такая красивая! И я так счастлив!

А затем он исчез во мраке коридора.

Проктор попытался встать, но сумел лишь подняться на колени. Собрав остатки сил, он попытался проверить расположение солнца и убедился, что оно находится в зените, напоминая раскаленный белый диск. Проктор понял, что около часа был без сознания. В нос ударил запах львиной крови. Он лениво потряс головой в попытке избавиться от этой вони, и мир мгновенно сделал перед глазами несколько крутых оборотов. *Плохая идея, очень плохая.*

Обретя, наконец, равновесие, Проктор сделал несколько глубоких вдохов и огляделся. Его рюкзак со снаряжением валялся на песке в сотне ярдов от него, в том месте, куда он отшвырнул его во время нападения льва. Рядом с ним лежал первый мертвый лев, развалившись бесформенной кучей рыжеватого меха. Второй лев находился совсем рядом с Проктором – достаточно близко, чтобы его можно было коснуться, просто протянув руку. Оскаленную открытую пасть, глаза и язык трупа разъяренного хищника уже облепили мухи. Липкая, высыхающая лужа крови пропитала песок вокруг его груди.

Его нож «KABar», покрытый засохшей кровью, лежал рядом с Проктором. Он очистил его, несколько раз воткнув в песок, после чего вернул обратно в ножны на поясе. Он снова попытался подняться, но попытка вновь оказалась неудачной – у него просто не осталось сил. Стиснув зубы от боли, Проктор почувствовал на них хруст песка. Он попытался сплюнуть его и тут же – сквозь пелену жажды и боли – осознал, насколько сильно обезвожен: губы потрескались, язык распух, а глаза нещадно саднили. В рюкзаке была вода, оставалась последняя трудность – дотянуться до него.

Медленно и осторожно, Проктор начал продвигаться к рюкзаку и, в конце концов, протянув руку и схватив его, со вздохом рухнул на землю, из последних сил подтащив его к себе. Он извлек флягу и, не заботясь о том, чтобы не пролить ни капли своими трясущимися руками, отвинтил крышку и припал к горлышку, жадно глотая живительную влагу. Вода оказалась почти невыносимо горячей. Он заставил себя остановиться и подождать, делая длинные вдохи, позволяя первой порции воды усвоиться. По прошествии пяти минут он еще раз отпил из фляги, и уже стал ощущать небольшой прилив энергии. Сознание его прояснялось. Третья доза, и все. Если он не оставит запас, то умрет через двадцать четыре часа.

Запах разлагающегося на солнце трупа льва теперь был совершенно невыносим. Проктор огляделся и увидел недалеко от себя свой пистолет.45 калибра. Едва потянувшись к нему и ухватив, Проктор тут же отбросил его: солнце раскалило оружие настолько, что к нему невозможно было прикоснуться. Он смотрел на него несколько секунд, пытаясь очистить голову и что-нибудь придумать. Наконец, Проктор полез в рюкзак и достал ручной фонарик, на конце которого был

крючок. Зацепив им спусковой механизм пистолета, Проктор убрал оружие в боковой карман, тут же застегнув его.

Мимо пронеслась чья-то тень, и Проктор поднял глаза, чтобы рассмотреть ее носителя. В небе парила целая стая стервятников, лениво облетая место битвы и дожидаясь ухода или смерти человека, чтобы приступить к своему пиршеству.

Что ж, приятного аппетита и добро пожаловать на львов, но меня вы не получите, – со злостью подумал Проктор.

Итак, осталось шесть часов до захода солнца. Путешествие в разгар дня стало бы самоубийством. Придется остаться на этом месте, пока не стемнеет. Примерно в полумиле отсюда Проктор смог рассмотреть одиноко стоящее дерево акации. Он понял, что ему *нужна* эта тень! Оставалось только добраться до нее... если его на это хватит.

Вода ненадолго придала ему сил, и, решив не упускать момент, Проктор снова схватил рюкзак. Он быстро просмотрел его содержимое и – оставив в приоритете воду – выбросил все лишнее, оставив только нож, пистолет, компас, карты и пару энергетических батончиков. Желудок недовольно заурчал, но Проктор знал, что не должен сейчас есть – это лишь усилит жажду.

С огромным усилием приняв сидячее положение, он натянул лямки рюкзака на плечи. Следующий трюк состоял в том, чтобы подняться на ноги. Сделав несколько глубоких вдохов, он собрал всю свою силу воли в кулак, а затем с криком поднялся. Несколько секунд ноги норовили предать его и подкоситься, но, в конце концов, он сумел устоять.

«Шаг за шагом, шаг за шагом...» – думал он.

Два льва отделились от остальной стаи и преследовали его на протяжении почти трех дней, уводя его таким образом с запланированного маршрута. В последний день он был вынужден так много раз отступать и ходить кругами, что потерял свое точное местоположение. К счастью, львы, будучи самцами, да еще и незрелыми, не были хорошими охотниками. Если бы это были самки и зрелы самцы, Проктор бы не пережил атаки. Даже на то, чтобы убить одного льва, ему пришлось истратить весь магазин своего пистолета! От второго хищника – атаковавшего так быстро, что Проктор не успел перезарядить пистолет – пришлось отбиваться ножом.

Обойтись без травм не удалось: левое плечо было растерзано, а голень прокушена, однако сознание Проктор потерял не от этих повреждений: дух из него выбил последний прыжок умирающего хищника, раненого в самое сердце. Проктор помнил, как из груди животного рекой лилась кровь, перед тем, как погрузиться в забытье. Некоторое время спустя он

очнулся придавленный горячей вонючей тушей льва, лежа в луже его же свернувшейся крови. Ему удалось выбраться из-под зверя, а затем снова провалиться в бессознательное состояние.

Наконец, достигнув тени дерева, он снял рюкзак и опустился на песок, прислонившись спиной к стволу и попытавшись справиться с сильным головокружением. Может, сделать еще глоток воды? Проктор достал флягу, и немного ее встряхнул. Нет, ему придется подождать до захода солнца, прежде чем сделать еще один глоток, который, как он надеялся, даст ему силы, чтобы идти ночью. Если бы только он смог добраться до дороги Мопипи, то, в конце концов, его бы подобрала какая-нибудь попутная машина.

Скрепя сердце он достал клинок «KABar» и разрезал им свою разорванную штанину, чтобы осмотреть рану от укуса. Ряд колотых следов от зубов сочился темной кровью. Он выбросил аптечку, так что первую помощь оказать не получится, пока он не выберется отсюда. По крайней мере, кровотечение почти прекратилось. Рана на его плече находилась в таком же плачевном состоянии. Ничего хорошего это не предвещало... впрочем, как и ничего смертельного... пока что. Беспокоиться об инфекции было пока рано – она станет основной опасностью часов через двенадцать-двадцать.

Но много сильнее боли в ранах была невыносимая агония неудачи, которая постоянно всплывала в сознании. Было нечеловечески трудно признать свою ошибку и свою глупость...

«Перестань думать» – приказал Проктор сам себе.

Наконец, измученный, он прислонился к грубой коре дерева и закрыл глаза.

Ему придется пережить это. По правде говоря, он действительно собирался выжить. Он знал это по одной очень веской причине: он был должен кое-что сделать. Где бы ни находился Диоген Пендергаст и каким бы ни был его план, Проктор собирался его найти.

И убить.

28

Руди Спанн сидел в небольшом офисе на пятом этаже Митрополитского Исправительного Центра, который они ассигновали для операции по спасению Пендергаста. К его уху была прикреплена беспроводная гарнитура. Тем временем его люди устроили в офисе небольшой тактический штаб и занимались настройкой всевозможных видеокамер и аудиоканалов. Спанн прохаживался позади них, иногда останавливаясь у окна, чтобы выглянуть на улицу, раскинувшуюся за его пределами.

Организовать полицейское оцепление стало делом пары пустяков. Им даже не понадобился специальный фургон или спецгруппа, которой бы пришлось занимать позиции на крышах и в помещениях. Улица, по которой повезут Арсено, проходила позади здания стоящего на площади Кардинал-Хайес-Плейс. Это была узкая дорога, хорошо просматриваемая с правительственного здания, и куда никто не мог заехать без специального допуска. Поэтому тот, кто явится, чтобы убедиться, что доставка Арсено произошла, будет идти пешком по улице.

Это было идеальным местом для проведения операции – возможно, даже слишком идеальным, поскольку его расположение могло отпугнуть подельника, которого похитители отправили, чтобы непосредственно пронаблюдать за доставкой. Но ударный штаб все же надеялся на глупость похитителей, и, в конце концов, поразмыслив над ситуацией, Спанн пришел к таким же выводам, что и Лонгстрит. Тот, кто похитил федерального агента, с самого начала шел на большой риск. Они вели себя слишком самоуверенно, и в будущем это станет их крахом. Настоящая опасность заключалась в том, что они могут запаниковать, и убить Пендергаста.

Ловушка Лонгстрита – Спанну пришлось это признать – была организована чрезвычайно умно. И чем лучше Спанн это осознавал, тем больше его беспокоило, что этот эксцентричный тип может испортить *его* триумфальное дело. Здесь, при доставке заключенного, у них была возможность арестовать одного из похитителей – если он появится. Но приказы Лонгстрита были однозначными: просто опознать его и позволить ему заняться своим делом. Это противоречило всем правилам ареста, которые Спанн изучал в Куантико и во время своей службы в ФБР. Просто позволить парню уйти – что, черт возьми, и это все? Арсено доказал, что является крепким орешком. Если бы все зависело от Спанна, он бы прижал этого ублюдка и, использовав первоначальное смятение и страх, напугал бы его до смерти и заставил расколоться. Похищение федерального агента? Он получил бы пожизненный срок без права на условно-досрочное освобождение – и то, это если бы ему повезло. Спанн был уверен, чтобы отмазаться, парень был бы готов пойти на все. Он раскололся бы через двадцать минут, рассказал бы им, где находится Пендергаст, и это дело было бы завершено к концу дня. Но нет – Лонгстрит хотел просто опознать похитителя и позволить ему уйти.

И, кроме того, самого Лонгстрита не было на месте операции – он исчез, как делал это и раньше. Он и прежде грешил тем, что пропадал на несколько часов и отдавал приказы по телефону или даже присылал зашифрованные письма из неизвестных мест. Кем он себя возомнил, чертовым вице-президентом?

Ребята, работавшие за консолями, бормотали в свои гарнитуры, поддерживая связь с остальной частью команды, которая следила за обоими концами Кардинал-Хайес, наблюдая и снимая на видео всех, кто приходит и уходит. Он слушал их краткие, четкие фразы. Эти ребята были профессионалами, Спанн гордился ими.

Он взглянул на часы. Три пятнадцать. Цель или вот-вот появится или не появится совсем. Стоял погожий день, и примерно через полчаса первые правительственные учреждения выпустят своих служащих. Люди сновали туда-сюда, впрочем, как и всегда на Манхэттене, но с его точки обзора – и обзора уличной камеры видеонаблюдения, находящейся перед ним – было видно, что они явно не являлись их объектами.

В связи с отсутствием Лонгстрита Спанн решил внести в план небольшую корректировку. Он не собирался позволить парню просто уйти – он собирался отправить за ним «хвост». Проследить, куда он пойдет, и обнаружить его тайное убежище. В конце концов, это же не противоречило напрямую приказам Лонгстрита.

Он поднял микрофон и отдал приказ:

– Пешая слежка за подозреваемым. Только двое. Отстать, если он сядет в машину или возьмет такси.

Машину или такси можно проследить и другим способом, поэтому не было необходимости следовать за преступником. И если сообщник подберет его на машине, тем лучше – они могли пробить их номерной знак и отследить в течение пяти минут.

Три двадцать пять. В этот момент Спанн увидел, как из-за угла в конце Перл-Стрит показался мужчина и зашагал по улице. Он был одет в красивый костюм, его волосы были зачесаны назад, отливали бронзой и были уложены волосок к волоску. В целом он выглядел как биржевой брокер с Уолл-стрит или как придурок из хедж-фонда[110]. Проведя б***о***льшую часть своей жизни в центре города, Спанн хорошо изучил этих ребят: они шли быстро, очень быстро. Они знали, куда они идут, и являлись теми самыми, кто планировал каждый свой день, ел киноа и капусту и пробегал двадцать миль в неделю.

Но этот парень шел медленно – слишком медленно. Он притворялся, что хочет прогуляться и понюхать цветочки. И это на дальней-то стороне тротуара.

Это явно был *их* парень, слонявшийся тут без дела, чтобы удостовериться, что Арсено доставили в СИЦ, как и было обещано. Спанну даже не пришлось ничего говорить, другие тоже его заметили – он услышал по гарнитуре их переговоры.

– Ты видишь этого парня?

– Бинго.

– Навожу объектив. Улыбнись, придурок, тебя снимает скрытая камера.

И в это время, строго по графику, на Перл-Стрит повернула тюремная будка, продвигаясь плавно и медленно. Когда она приблизилась, мужчина, все еще делая вид, что просто прогуливается, поднял глаза, пытаясь выдать этот взгляд за случайный и при этом не выказать эмоций, но не смог. Он буквально уставился на машину.

О, да. Он увидел своего подельника: Спанн смог прочесть это по выражению его лица – было похоже, что этот парень получил подарок богов.

Транспортный фургон проехал мимо и сделал медленный и легкий поворот, направляясь на подземный пандус, ведущий в охраняемый внутренний двор, а затем остановился, пока проверяли водителя и документы. Наконец, большие ворота распахнулись, и фургон исчез за ними.

Отлично.

Двое агентов пришли в движение. Тот, что сидел на скамейке и ел шашлык из рядом стоящей тележки с едой, бросил пустую палку в мусор и направился вдоль по улице.

– «Дог-Один» взял след, – пробормотал первый мужчина в свой скрытый микрофон.

На ближайшем углу, когда подозреваемый миновал его, второй человек Спанна, который притворялся, что у него возникли проблемы с парковкой, выбрался на улицу.

– «Дог-Два» взял след, – сказал он.

Мужчина повернул направо к площади Сент-Эндрюс, прогулялся мимо здания суда и исчез из поля зрения Спанна. Вскоре скрылись и двое его парней. Канал остался открытым.

– Подозреваемый пересекает площадь Фоли и направляется к Дуэйн-Стрит, – раздался голос «Дог-Один».

Пару минут спустя:

– Свернул налево на Элк-стрит.

Это был весьма странный маршрут. Что происходит?

Минуту спустя снова смена направления:

– Повернул налево на Рид-стрит. Он достал телефон и, похоже, что что-то пишет.

Парень обходит квартал по периметру. *Сукин сын.*

– «Дог-Один» – сказал Спанн в гарнитуру, – возможно, он засек тебя. Следуй по Элк. «Дог-Два», сверни налево на Сентер-Стрит прямо перед ним, иди в его сторону.

– Черт. Он бежит на юг по Сентер в сторону Чемберс.

– *Черт*. Каким-то образом он засек слежку.

– Схватить его, – закричал Спанн в гарнитуру, – в*зять его!* Все группы сходитесь!

Весь район был тут же оцеплен полицейскими, и менее чем через пятнадцать секунд все было кончено: мужчина лежал лицом вниз, валяясь на тротуаре перед Полис-Плаза.

– Держите его, я спускаюсь, – приказал Спанн.

Слежка облажалась, но, возможно, это было и к лучшему. Впрочем, не было сомнений, что это к лучшему! Он получил именно тот результат, на который рассчитывал все это время. Они повязали их человека, и теперь Спанн сам лично допросит сукиного сына. К тому времени, когда появится Лонгстрит, у них будет вся необходимая информация, и уже будет разработана операция по спасению заложника.

29

Филипов услышал шум «Зодиака» и вышел на палубу в тот самый момент, когда Смит ворвался в Бейли-Хол. На часах было пять вечера, солнце еще даже не начало клониться к горизонту.

Смит двигался слишком быстро и не успел вовремя дать задний ход, отчего «Зодиак» врезался в транец.

– Какого черта?! – воскликнул Филипов. – Еще ведь день!

– Они взяли Дальку, – отозвался Смит, возясь с носовым фалинем[111], растягивая его и перекидывая через фальшборт[112]. Филипов открыл транцевую дверь и, ухватив первого помощника за руку, затянул его на корабль.

– Взяли Дальку? Откуда ты знаешь?

Остальная часть экипажа спешно вышла к ним на кормовую палубу и теперь толпилась здесь же.

Смит отдышался.

– Они схватили его. Это была подстава. Он отправился проследить, что Арсено действительно переведут, но они окружили его на улице и схватили.

– Стой, *ты-то* откуда это знаешь?

– Он написал мне сообщение. Сказал, что его взяли.

– *Написал* тебе? То есть, при нем был телефон?

– Да, одна из его разовых трубок. Я уничтожил тот телефон, на который он мне написал, и почти уверен, что уложился в двадцатисекундный лимит.

Филипов покачал головой. *Что за дерьмо?* Теперь все было кончено.

Он заговорил, и в его голосе прозвучало спокойствие, которого он не чувствовал.

– Я так и не понял, что значит, «подстава»?

– Ты сказал нам не доверять ФБР, так? Ты так и сказал: *«Не верить им на слово»*. Поэтому Далька отправился засвидетельствовать процесс доставки Арсено в Нью-Йорк. Этот федерал – Лонгстрит – сказал, что Арсено переводят в Столичный Исправительный Центр, чтобы подготовить его к вылету в Венесуэлу. Лонгстрит назвал мне точное время его приезда, а я сообщил его Дальке.

– И?

– Далька отправился в центр города, одетый, как парень с Уолл-Стрит. Он собирался просто пройти мимо фургона и убедиться, что Арсено внутри, – Смит развел руками, – вот и все.

Палуба погрузилась в тишину, Филипов уставился на Смита. Впервые он понял, какую огромную ошибку совершил, доверив таким людям, как Смит и Далька, подобное рискованное дело. Они ведь были контрабандистами! Как они умудрились угодить в столь явную ловушку? Очевидно, что Далька расколется – это лишь вопрос времени. Возможно, не сразу, но достаточно быстро. А с помощью Дальки федералы могут заставить говорить и Арсено, используя двух подельников друг против друга – для них это обычная практика.

Итак, они по уши в дерьме. Филипов глубоко вздохнул, стараясь сделать все возможное, чтобы подавить растущую в душе ярость. Не было никакого смысла распаляться: урон уже нанесен, и ему нужно было подготовить своих людей к тому, что должно было произойти дальше. Единственной надеждой для них сейчас было покинуть страну – и как можно быстрее.

Филипов внимательно взглянул на каждого члена экипажа. По выражениям их лиц он понял, что все они в той или иной степени осознавали, что их ждет. А также он заметил, что своими растерянными взглядами члены команды уже начали подыскивать виноватого.

– Все кончено, – сказал Филипов, прилагая огромные усилия, чтобы его голос звучал уверено и ровно. Он старался этим своим тоном немного успокоить команду и помочь им переварить новость. – Нам нужно держаться вместе и вместе разгрести это дерьмо.

– Что за херня! – выкрикнул де'Хесус. – Ты *обещал*, что все сработает!

Эта обличительная реплика была подхвачена низким ропотом голосов.

– Мы выпутывались из дерьма и похуже, – спокойно ответил Филипов. – В любом случае Арсено бы заговорил со дня на день. Так что давайте сосредоточимся на том, что нам теперь делать.

– Ага, а чьей идеей было похитить федерального агента?! *Вот*, почему мы по уши в дерьме!

– Успокойтесь. Прямо под боком – Канада. У нас есть деньги и паспорта. Через сутки мы будем уже в самолете. Можем направиться куда угодно, – он огляделся. – Погода стоит ясная, уже почти стемнело. Мы пересечем залив Мэн. Я знаю одну безопасную бухту недалеко от Ярмута, там мы сможем бросить корабль. И к тому же в Ярмуте есть международный аэропорт, так что завтра мы покинем страну.

– Мне что-то в это не верится, – сказал де'Хесус и, выйдя вперед, обличительно ткнул пальцем в Филипова и сплюнул на палубу. – Это *ты* хотел вытащить тело. *Ты* придумал эту схему. *Ты* наобещал нам всякого! И чем все кончилось? Я не собираюсь больше слушать это твое дерьмо!

– И каков *твой* план?

– Я беру «Зодиак» и сваливаю. Любой, кто захочет пойти со мной, может это сделать, – он начал поворачиваться.

– «Зодиак» останется с кораблем, – возразил Филипов. Он слышал по голосам членов команды и видел по их глазам, что они дошли до точки невозврата. И если он прямо сейчас не сделает что-нибудь, то может окончательно потерять над ними контроль.

Филипов потянулся и ухватил де'Хесуса за плечо. Тот развернулся, в ярости раскрыв рот, собираясь бросить в адрес капитана новый поток ругательств. Филипов этого ожидал. Правая его рука уже потянулась к пистолету.45 калибра, который торчал из-за пояса его штанов. Он моментально выхватил оружие и сунул его в раскрытый рот де'Хесуса.

Тот начал сопротивляться, но Филипов рванул его ближе к себе и прошипел:

– С *этим* тоже собираешься спорить?

Де’Хесус рассерженно промямлил в ответ что-то невнятное.

– Просто кивни головой или качни – да или нет. Не думай, что я блефую, – Филипов надавил пальцем на спусковой курок. Он знал, что выстрелит, если придется.

Де’Хесус увидел решимость во взгляде капитана и прекратил сопротивление. Через мгновение он слегка склонил голову в знак согласия. Филипов расслабился и убрал пистолет, тут же бросив взгляд на остальных собравшихся.

– Кто-нибудь еще хочет поспорить?

Никто не хотел.

– Что сделано, то сделано. Если сейчас мы все разругаемся, то влипнем в еще большее дерьмо. Ты понял, де’Хесус?

Де’Хесус мрачно кивнул, но не проронил ни слова.

– Как только доберемся до Канады, можем разойтись. *Но не раньше*. И никто не останется в США, здесь любого из нас сразу же арестуют. У нас у всех есть деньги и паспорта. Они еще не успели установить наши личности. Есть множество стран, в которых нет экстрадиции, и где мы можем на некоторое время залечь на дно – Куба, Венесуэла, Хорватия, Черногория, Камбоджа…

Он снова проанализировал выражение лиц экипажа и понял, что они приняли его план. Удовлетворившись исходом, он спрятал оружие за пояс.

– А что насчет федерала?

– Он – наименьшая из наших проблем. Как только окажемся в нейтральных водах, убьем его и сбросим тело за борт, – Филипов бросил последний взгляд на собрание. – Ладно, снимаемся с места. Я за штурвал. Давайте убираться отсюда.

30

Диоген нашел Констанс в одной из ее комнат на втором этаже особняка на Риверсайд-Драйв. Рядом с ее кроватью стоял небольшой чемодан марки «Луи Виттон» и дорожный кофр. Чемодан, насколько он успел заметить, был набит книгами, журналами, инкунабулами и свернутыми

в рулоны старыми художественными полотнами. Кофр был заполнен платьями, юбками, несколькими блузами и бельем.

Лицо Констанс было обращено в противоположную от Диогена сторону. Она стояла совершенно неподвижно, словно статуя, сделанная из мрамора. Одна ее рука была вытянута по направлению к открытому шкафу, но бледные тонкие пальцы сжимали лишь воздух. Констанс Грин являла собой прекраснейшую картину нерешительности.

Сердцебиение Диогена участилось, и что-то сдавило горло, мешая заговорить. Это оказалось еще труднее, чем он предполагал.

В конце концов, прочистив горло, он объявил о своем присутствии. Констанс тут же повернулась к нему. В ее глазах вспыхнула мимолетная искра эмоций, но девушка спешно подавила ее.

– Прошу прощения за вторжение, – учтиво произнес он. – Я лишь хотел сообщить тебе, что все готово. Я завершил все необходимые приготовления для нашей поездки. Пожалуйста, скажи мне, в котором часу завтра утром ты будешь готова.

Констанс выдержала паузу, в то время как ее взгляд замер на открытом кофре.

– В восемь часов, я полагаю, будет в самый раз.

– Как скажешь, Констанс, – он замешкался. – Прежде чем я уйду, я хотел бы, чтобы ты услышала одну историю. Это правдивая история об одном очень злом человеке.

Констанс наполовину скептически, наполовину выжидающе изогнула бровь, но в ответ не произнесла ни слова. Диоген продолжил.

– Его зовут Люциус Гарей. Шесть лет назад в канун Рождества он ворвался в дом одного доктора из Джексонвилля, прервав пение рождественских гимнов – вся семья пела песни, собравшись вокруг ели. У доктора было две дочери подросткового возраста. Гарей изнасиловал их обеих, заставив родителей смотреть на это под дулом пистолета. После этого он повторил сей акт насилия с матерью семейства, опять же, оставив остальных домочадцев живыми свидетелями. Наконец, позабавившись всласть, он застрелил родителей, а двум их дочерям перерезал глотки.

Констанс резко втянула воздух:

– Зачем, во имя всего святого, ты мне об этом рассказываешь?

– Прошу, дослушай. Итак, властям потребовался месяц на то, чтобы поймать Гарея. В результате сопротивления при аресте им был убит полицейский. Гарея признали виновным в пяти убийствах и

приговорили к смертной казни. До того, как его поместили в камеру смертников, он умудрился голыми руками задушить другого заключенного.

Диоген сделал осторожный шаг вперед, продолжая:

– Я рассказал тебе о Халсионе. И думаю, ты найдешь его еще более изумительным, чем в моем описании – особенно после того, как восстановится вся сила и энергия твоей молодости. Я также рассказал тебе об эликсире. Задействовав огромное количество времени, денег и кадров, я сумел синтезировать его первичный вариант, и для этого у меня почти не было необходимости использовать человеческий материал.

– Почти?..

– Существует одно-единственное… осложнение. Видишь ли, чтобы завершить работу, мне все же придется использовать оригинальную формулу. Всего *один раз*, но это действительно необходимо сделать.

– Почему?

– Объяснить будет весьма непросто.

– Ты ведь понимаешь, что такой ответ меня совершенно не устраивает? Стало быть, тебе *придется* извлечь «конский хвост» из человека?

– Да.

– Тогда, думаю, его можно извлечь из мертвого тела.

Диоген покачал головой.

– Боюсь, это не сработает. Видишь ли, cauda equina должна быть свежей. *Очень* свежей, то есть, полученной непосредственно в момент смерти. Медицинские исследователи, которых я нанял, пришли к точно таким же выводам.

На лице Констанс отразилась вспышка ярости. Она заговорила тихо, но в голосе ее звучала сталь.

– Ты солгал мне.

– Я же уверил тебя, что никому не причинил вреда, и это правда – ни один человек *не пострадал*. Взять хотя бы то, что мои исследования были бы намного проще и дешевле, если б я отнимал человеческие жизни. Но я знал, что ты будешь против этого. И… я больше не убийца.

– Ты пришел сказать мне, что *еще* не отнял человеческую жизнь, а лишь собираешься это сделать? Какая мерзость.

– Просто позволь мне все объяснить, Констанс. Пожалуйста.

Констанс строго посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Это жизнь, которая, так или иначе, будет отнята. Видишь ли, через три дня Люциус Гарей будет казнен путем введения смертельной инъекции в тюрьме южной Флориды. Он исчерпал все возможности обжалования приговора, и губернатор приговорил его к казни. Гарей – социопат, который не испытывал никаких угрызений совести касательно того, что совершил. Хм, даже напротив, он хвастался тем, насколько ему это понравилось. Этот человек, этот убийца, садист и насильник умрет в любом случае – даже если я палец о палец не ударю.

Он замолчал, пристально глядя на Констанс. Она не отвечала, и на ее непроницаемом мраморном лице невозможно было прочесть, какие именно мысли ее обуревают.

– Попытайся понять, – Диоген заговорил быстрее. – Мне нужна cauda equina, одна-единственная *свежая* cauda equina, потому что необходимо произвести химический синтез первичной формулы, дабы улучшить новую. Препарат невозможно синтезировать из ничего. Ты же должна помнить его примерный химический состав. Так вот мне необходимо проанализировать его и определить химическое строение его отдельных компонентов. Мы говорим о сложных белках и других биохимических веществах, которые содержат внутри одной своей молекулы миллионы атомов, соединенных при этом наисложнейшими связями. На протяжении восемнадцати месяцев я анализировал проблему эликсира с точки зрения биохимии и многое выяснил. И как только я получу образец первичной формулы, то смогу, наконец, завершить работу.

Констанс не спешила отвечать. Непроницаемость ее лица искренне удручала Диогена и почти выводила его из себя.

– Констанс, я умоляю тебя подумать об этом! Это разовая необходимость. После этого синтез эликсира станет прост и ясен. И никто не пострадает. Гарей – считай, живой мертвец.

– И как же ты планируешь получить свежую cauda equina этого человека? – ее голос прозвучал холодно и ровно.

– После казни патологоанатом должен произвести вскрытие. Этим патологоанатомом буду я. Как только cauda equina будет у меня, я извлеку из нее то, что мне необходимо, и привезу полученный экстракт на Халсион, где и синтезирую формулу в лаборатории, которая у меня там оборудована. Все приготовления завершены, работу тормозит лишь отсутствие последнего ингредиента. Поверь, больше не будет жертв – только эта. И ты, моя дорогая Констанс, вернешь свою молодость, свое

здоровье… и полностью восстановишься. Пожалуйста, Констанс, пожалуйста, *соглашайся*. Молю тебя.

Он замолчал, внимательно наблюдая за ее реакцией. Похоже, внутри нее шла ожесточенная борьба. Затем – коротко, почти неслышно, – она произнесла:

– Хорошо.

Диоген предпочел не скрывать своего облегчения.

– Спасибо, – выдохнул он. – Спасибо, что сумела понять мои мотивы. Итак, я оставляю тебя наедине с твоими сборами. Увидимся завтра утром.

Со счастливой улыбкой на лице он развернулся и покинул комнату.

31

Полуночное море напоминало стеклянную поверхность, по которой проходила легкая рябь. В темной, немного тревожной водной глади отражался серп луны, низко висящий над горизонтом. Это была идеальная ночь для дела, которое предстояло провернуть экипажу «Маниболла». Стоявший у рулевого колеса Филипов бросил взгляд на картплоттер[113]. Он направил судно к югу от Бейли-Хол, миновал южную оконечность острова Мачайас-Сил[114], и по широкой дуге обогнул берега Гран-Манана[115] с его флотилиями рыболовецких лодок. Он искал б***о***льшую глубину, чем та, на которой обыкновенно ходили траулеры и – если верить диаграммам – путь «Маниболла» лежал в котловину Джордана. Сейчас корабль находился в пятидесяти милях от берега, все еще оставаясь в территориальных водах США, но далеко за пределами двенадцатимильной зоны[116]. Судя по радару, рыболовецких лодок поблизости не было, впрочем, как и других судов – «Маниболл», насколько это возможно, отдалился ото всех, остановившись в самой глубокой части континентального шельфа, где, как известно, рыболовам было нечего делать. Здесь тело может уйти на дно так, чтобы никогда больше не всплыть и не попасться в сети какого-нибудь траулера.

Филипов сбавил скорость, заложив судном круг, а затем и вовсе заглушил двигатель. «Маниболл» находился в пределах Лабрадорского течения – вялого потока очень холодной воды, спускающейся от побережья Лабрадора. Погода стояла безветренная и поверхность воды была настолько спокойной, что не имело смысла бросать якорь – лодка могла просто спокойно дрейфовать.

Экипаж собрался в рулевой рубке, и темно-красный свет с мостика освещал их напряженные лица. Филипов взглянул на Миллера – тот питал особую ненависть к ФБР, и капитан решил доверить именно ему честь избавиться от агента. Ему и Абреу – инженеру, крепкому, как

кирпичный дом. Филипов был уверен, что эти двое будут счастливы взяться за эту задачу. А как только федерал отправится кормить рыб, «Маниболл» сорвется с места и отправится в Канаду, где Филипов сумеет, наконец, отделаться от этих неудачников и податься в Македонию. Его семья была родом оттуда, и там у него остались родственники. Вдобавок ко всему, у него с собой было предостаточно денег, так что он мог спокойно залечь на дно и из своего укрытия проследить за развитием событий. Он хотел убедиться лишь в том, что все члены его команды покинут Канаду, и никто из них не решит снова попытать удачу в Штатах.

– Миллер, Абреу, – обратился он. – Вы двое, спускайтесь вниз, и поднимите сюда этого федерала. Только осторожно, он опасен. Так что проверьте свое оружие.

– Почему бы нам просто не застрелить этого ублюдка в трюме? – спросил Миллер.

– Чтобы он забрызгал нам там все своей кровью и оставил образцы ДНК, а нам потом за ним все это еще и убирать? Нет. Мы разложим на палубе брезент, пристрелим гада, а после сбросим его тело за борт. Всю грязь с палубы мы смоем в море при помощи шланга.

Миллер и Абреу проверили свое оружие, после чего развернулись и скрылись в темноте.

Филипов повернулся к Смиту.

– Дуэйн, отрежь двадцать футов полудюймовой цепи и растяни на палубе кусок брезента. Остальные – держите ухо востро. Я не хочу давать этому парню ни единого шанса. Он выглядит, как кусок дерьма, но внешность может быть обманчивой. Так что ружья наизготовку!

Он потянулся к панели с рубильниками и включил все ходовые огни, окутав лодку потоками яркого света. Затем, распахнув дверь, он вышел из рулевой рубки. Смит уже расстилал брезент, прижимая его цепями. Тем временем люк лазарета открылся, и наверху появился Абреу, тащивший Пендергаста за скованные наручниками руки. Миллер же подталкивал его со спины. Агент с трудом передвигался, он *уже* выглядел, как мертвец. Тем не менее, Филипов не собирался рисковать. Он помнил огонь, который пылал в глазах этого федерала.

– Все держите оружие наготове. Вы двое, киньте его на брезент.

Абреу поволок агента туда, где был расстелено полотно, и грубо швырнул его. Пленник выглядел отвратительно: лицо распухло от побоев, глаза превратились в тонкие щели, веки опухли и напоминали сливы, запеченные в желтоватом куске теста. Под носом запеклась

кровь. Агент рухнул на брезент, а его скованные руки оказались вытянуты у него над головой.

– Давайте покончим с этим, – холодно сказал Филипов. – Миллер, *ты* это сделаешь.

– С удовольствием, – осклабился Миллер, становясь прямо над агентом и поднимая свой пистолет.45 калибра. – Жри свинец, ублюдок.

В этот момент глаза федерала распахнулись, показавшись неестественно большими на его опухшем лице. Миллер, вздрогнув, нажал на курок, но не попал, потому что дернулся и упал. Все случившееся после этого момента Филипов видел, словно в замедленной съемке: федерал подсек рукой лодыжку Миллера, заставив его потерять равновесие на скользком брезенте. Когда Миллер упал, пленник плавным движением поднялся, и на его лице отразилась почти демоническая сила. Он выхватил оружие у Миллера и выстрелил в него, а в следующий миг развернулся и выстрелил в Абреу. Все произошло невероятно быстро, но для Филипова время словно замедлилось, и он ошеломленно продолжал наблюдать за этим убийственным танцем. Пендергаст вращался, как машина для убийства. Следующая его пуля настигла кока, и тот, следом за Абреу, свалился замертво. В следующее мгновение агент уже стремительно разворачивался по направлению к Смиту.

Филипов, заставив себя сбросить оцепенение и начать соображать, открыл огонь из своего оружия одновременно с де’Хесусом. Первоначально, они были застигнуты врасплох и позволили панике охватить себя, и это стало их роковой ошибкой. Теперь, стараясь наверстать упущенное, они стреляли слишком быстро и лихорадочно, поэтому федералу удалось уйти от выстрелов – он бросился в сторону и укрылся за рулевой рубкой. Смит тоже начал отстреливаться, но его выстрелы – как и выстрелы остальных оставшихся в живых членов экипажа, замерших бесполезными истуканами – настигали лишь пустое пространство, где мгновение назад находился Пендергаст.

Осознавая опасность своего положения, Филипов бросился назад, укрывшись с другой стороны рулевой рубки. К нему немедленно присоединились Смит и де’Хесус. Они затаились за стальной стеной и прислушались к воцарившейся тишине.

– Он с другой стороны рулевой рубки, – прошептал де’Хесус. – Я могу попытаться его…

– Нет, – тяжело дыша, отрезал Филипов. – Нам нужен план.

– У меня *есть* план. Я перелезу через крышу, прежде чем он успеет среагировать. Этот ублюдок убил моего друга! Скоро у него кончатся

боеприпасы – в пистолете Миллера было семь патронов. Три федерал потратил. А сейчас я собираюсь выкурить его задницу из укрытия.

– Он слишком быстр. Об этом я и говорил: он только притворялся немощным. Дай мне секунду, мне нужно подумать.

– К черту раздумья! Я бывший спецназовец и знаю, что делаю. Ты и Смит – продвигайтесь вперед и смотрите в оба. Мы зажмем его в клещи. Вынудите его начать стрельбу. Он поведется на это и окажется по уши в дерьме.

Филипову этот план показался весьма недурным, поэтому он прекратил спорить. Далее капитан увидел, как де'Хесус схватился за поручень рулевой рубки, подтянулся на ее крышу и пополз по ней на животе.

«Де'Хесус прав», – думал капитан. – *«Надо занять более выигрышную позицию сверху»*.

Он кивнул Смиту, и они медленно двинулись вперед, перемещаясь как можно тише. Там, где начинались стекла рулевой рубки, Филипов остановился и прислушался. Кругом стояла мертвая тишина. Без сомнения федерал находился со стороны левого борта. Возможно, он укрылся за привязанным «Зодиаком». Что ж, он один против троих. Так или иначе, ему не хватит патронов. У них же много запасных обойм.

Подкравшись к углу, Филипов подал знак Смиту продвигаться дальше. Куда делся де'Хесус? Странно, что так тихо. Должен же быть хоть какой-то звук.

И тогда все случилось: внезапный грохот стрельбы. Две группы выстрелов. Затем пауза – и снова выстрелы. «*Де'Хесус, это должен быть он»*. Филипов слышал, как пули ударяют в «Зодиак», и слышал хлопки воздуха, когда они насквозь прошили его понтоны. «Зодиак» для пули.45 калибра был подобен куску сливочного масла, через который проходит горячий нож. Если агент укрылся за «Зодиаком», он, считай, остался без прикрытия, и де'Хесус изрешетит его. По крайней мере, Филипов очень на это надеялся.

Новая череда выстрелов. Де'Хесус использовал третью обойму.

Затем вновь опустилась тишина. Филипов продвинулся вперед. Федерал должно быть уже мертв, иначе и быть не могло.

Как только он достиг дальнего угла рубки, то присел на корточки, замерев в нерешительности. В этот момент он услышал одинокий выстрел, за которым последовал крик и всплеск.

И снова – тишина.

Филипову показалось, что температура вокруг резко упала, потому что голос, издавший крик, был слишком похож на де’Хесуса.
Один-единственный выстрел?

Он вдруг почувствовал толчок сзади и обернулся к Смиту. Тот подал знак, что пора разворачиваться, и они вместе отступили к противоположной стороне рулевой рубки, где, тяжело дыша, присели. Филипов понял, что никогда прежде в жизни не был так напуган. Смит тоже выглядел объятый ужасом.

– Что, черт побери, нам делать? – прошептал дрожащим голосом Смит.

Разум Филипова работал на пределе возможного. Они должны были что-то предпринять – и немедленно. Но, к несчастью для них обоих, капитан не мог придумать, что именно.

32

«Ну, давай же…», – приказывал сам себе Филипов, – *«Думай. Думай!»*.

И вдруг он понял, что ему нужно делать. Он должен просто застать сукиного сына врасплох.

Затопить лодку. Температура воды составляла примерно сорок градусов по Фаренгейту[117]. Ублюдок потеряет сознание и утонет в течение пятнадцати минут. Если бы они смогли добраться до каюты, то заполучили бы гидрокостюмы, а затем могли бы сбежать. Корпус лодки стальной, поэтому она очень быстро затонет.

И когда корабль пойдет ко дну, система EPIRB[118], аварийный радиобуй, указывающий место бедствия, всплывет и тем самым выполнит свое непосредственное предназначение в случае кораблекрушения – пошлет сигнал бедствия. Береговая Охрана прибудет сюда в течение пары часов. Они будут спасены. Пендергаст будет мертв, «Маниболл» и все инкриминирующие его доказательства окажутся на дне океана – не останется ничего, за что их можно было бы осудить. Труп Пендергаста, если он вообще всплывет, унесет течением со скоростью в четверть узла[119]. Всего лишь нелепое кораблекрушение.

Луна уже клонилась к горизонту. Скоро наступит непроглядная тьма.

Он схватил Смита за плечо.

– Мы идем в рулевую рубку, а затем спустимся в каюту.

Смит кивнул, не в состоянии говорить: он до сих пор был парализован страхом.

– Просто следуй за мной.

Еще один кивок. Филипов поднял свой пистолет и дважды выстрелил в окно из оргстекла рулевой рубки, разнося его на осколки.

– В яблочко!

Смит влез через оконную раму, и Филипов последовал вслед за ним, буквально рухнув в рубку, после чего тут же вскочил и бросился по коридору к каюте. Когда Филипов уже закрывал ее стальную дверь, то увидел черную тень, преследующую их, и как только федерал рванул по направлению к ним, капитан успел задраить вход в каюту.

Они все-таки *застали* его врасплох.

Он услышал, как агент попытался открыть дверь, и ему это не удалось. Филипов предположил, что перво-наперво агент попробует добраться до УКВ-радиостанции и начнет передавать сигнал «SOS» – нежелательный для него сигнал «SOS». Кроме того, они все еще были уязвимы через иллюминаторы, которые, конечно, были слишком малы, чтобы через них мог протиснуться человек, но вполне годились для того, чтобы вести через них стрельбу.

– Задраить иллюминаторы! – рявкнул он Смиту.

А сам тем временем рванул вперед, открыл распределительный электрощиток и, схватив связку проводов, выдернул их, оказавшись под посыпавшимся каскадом искр. Затем он открыл батарейный отсек, где находились четыре специальных аккумулятора, рассчитанные для моря: два основных и два резервных. Он извлек ящик для инструментов, достал оттуда пару ножниц по металлу с прорезиненными ручками и под аккомпанемент громких щелчков электричества перерезал по порядку все положительные кабели – один, два, три, четыре.

Судно погрузилось в темноту. Вот ему и УКВ-радиостанция.

Аварийный радиобуй. Догадается ли этот ублюдок, что ему нужно всего лишь бросить его в воду, чтобы он активировался, и тем самым заполучить так необходимый ему сигнал «SOS»? Если бы он был матросом, то знал бы о подобной возможности. Филипов же очень рассчитывал на неосведомленность агента.

Он направился к аварийному шкафу, распахнул его и вытащил два костюма для погружения, спешно натянул один, а другой бросил Смиту. Но внезапно услышал вопль помощника, и то, как он дважды выстрелил в один из потолочных люков.

– Одевайся, я прикрою, – сказал капитан.

Смит схватил гидрокостюм и принялся втискиваться в него, а Филипов отступил к корпусу корабля. Люки были задраены, но воздушные

шлюзы все еще оставались открытыми. Было темно, но Филипов заметил тень, быстро скользящую по потолочному люку, и тут же выстрелил, разбив его. В следующий миг капитана осенило, что существовал второй путь, ведущий в каюту – через люк форпика[120] и якорный ящик. Это был единственный люк, достаточно большой для человека. Если бы федерал знал об этой лазейке, то у них были бы проблемы. И еще на самом форпике находилась пара люков поменьше.

Он поспешил к форпику и стал наблюдать за двумя темнеющими в потолке воздушными шлюзами. Оттуда федерал не мог рассмотреть их здесь, в темноте каюты, но снаружи было достаточно рассеянного лунного света, чтобы Филипов смог увидеть человека, если бы тот попытался через них заглянуть внутрь. Он замер в ожидании и тут же услышал тихие шаги агента, направлявшегося вдоль борта лодки к носу. Наконец, у них над головой, на крыше каюты послышался первый легкий шорох, затем следующий и еще один – федерал приближался. Капитан увидел, как на люк находит тень, и он тут же навел пистолет и выстрелил.

Люк разбился, взорвавшись брызгами осколков. Филипов продолжал выжидать, контролируя свое дыхание, сердце его колотилось так громко, что он едва мог слышать. Был ли агент мертв? Филипов нутром чувствовал, что нет. Этого следовало ожидать: учитывая то, как быстро федерал восстановился, после того, как находился буквально на пороге смерти, в нем явно было нечто демоническое. Вдобавок эти его пронизывающие серебристые глаза, и то, что он, как машина, за несколько секунд убил трех человек, устрашало и вызывало дрожь.

Неожиданно в разбитом люке возникло лицо федерала все с той же презрительной ухмылкой, и до капитана донесся его саркастичный комментарий:

– Как я погляжу, самый несчастный человек на земле все еще жив.

С яростным ревом Филипов выпустил ряд пуль в иллюминатор, где мгновение назад был мужчина, но неожиданно раздавшиеся щелчки сообщили ему, что обойма уже пуста.

«*Сукин сын*» – подумал капитан, сообразив, что поддался на провокацию агента и только зря потратил патроны.

Рядом с ним возник Смит, наконец-то сумевший надеть оранжевый костюм.

– Что дальше? – спросил он. Сейчас он походил на беспомощного ребенка, ожидавшего указаний всезнающего родителя. Похоже, он, парализованный ужасом, не хотел даже думать о том, что Филипов мог утратить контроль над ситуацией.

Капитан попытался взять себя в руки.

– Возьми кувалду из ящика для инструментов. Нам надо разбить охлаждающий корпус двигателя.

На лице Смита проступил испуг, и он замешкался.

– Мы же утонем.

– Это чертовски верное замечание.

– Но…

– Костюмы нас спасут, а федерал тем временем замерзнет. Аварийный радиобуй активируется, как только судно пойдет ко дну и автоматически вызовет сюда службу спасение.

Наконец-то Смит понял весь план капитана. А тот тем временем распахнул дверь в моторный отсек и отдраил в полу широкий люк, обнажая впускной клапан двигателя.

– Подожди! А как же деньги?

Боже, он почти забыл. Филипов открыл отсек для хранения, где находились шесть небольших водонепроницаемых спортивных сумок, и в каждой из которых лежала чья-то доля. Он забрал их все: три закинул на плечо, а три остальные отдал Смиту.

– Если что, они всплывут.

– Но Береговая охрана, скорее всего…

«Черт!» – выругался про себя Филипов, но сдержавшись, смог дать Смиту разумное объяснение и успокоить его.

– А зачем, скажи на милость, они станут их открывать и досматривать? Мы же просто упомянем, что это наша одежда.

Смит кивнул, удовлетворенный логическим ответом капитана.

– Хорошо, теперь ударь по этому впускному клапану. Со всей силы.

Смит замахнулся кувалдой и ударил по изгибу охлаждающей трубы, ведущей к клапану, но она срикошетила.

– Еще раз!

Федерал напоминал чертову летучую мышь, продолжая заглядывать в потолочные люки, в поисках пути для проникновения внутрь. К счастью, он еще не заметил люк форпика и не догадался развернуть аварийный радиобуй. А все потому, что он не был моряком. Сейчас, пожалуй, только это и играло Филипову на руку.

Удар! Внезапно хлынула вода, но Смит снова замахнулся кувалдой.

Удар!

Наконец-то капитан услышал шипящий звук, и Смит отступил, уронив свое орудие.

– То, что надо. Она хлещет, как черт знает что.

Вода била, как нефтяной фонтан. Прошла всего лишь пара секунд, а она уже покрыла весь пол каюты.

– Мы выйдем через люк форпика. Просто надо убраться как можно дальше от этого гребаного корабля и оказаться вне досягаемости федерала. У него осталось только четыре патрона, и вот-вот возникнут более серьезные проблемы, о которых надо будет беспокоиться. Ему станет некогда стрелять по нам.

– Да, ты прав.

Смит разблокировал якорный ящик со стороны форпика, открыл дверь и пробрался внутрь него по якорной цепи.

– Тише, – прошептал Филипов, – Не открывай его, пока я не дам тебе сигнал.

Кивок. Смит дотянулся и отдраил люк изнутри, а затем замер, глядя на Филипова и ожидая от него сигнала. Было настолько темно, что капитан едва мог его видеть. Он тоже забрался в ящик, но для этого ему пришлось прижаться к Смиту внутри маленького пространства.

– Ты поднимешь меня. А я в свою очередь, подниму тебя.

Как только Филипов это произнес, ему пришла в голову мысль, что было бы весьма удобно, если бы Смит утонул вместе с кораблем, и таким образом, он бы оказался единственным выжившим.

– Хорошо, – согласился Смит.

– На счет три. Он наступил на опору, представляющую собой сжатые в кулак руки Смита.

– Раз, два, *три*. Помощник напряг мускулы, чтобы выдержать вес тела капитана, а тот тем временем подтянулся, распахнул люк, схватился за края рамы и выбрался наружу. Следующее, что он сделал – это развернулся и захлопнул за собой люк.

С другой стороны тут же послышался приглушенный крик Смита:

– Какого черта?

Филипов помчался к борту судна, намереваясь спрыгнуть в море, но тут случилось нечто непредвиденное, и он внезапно упал на бак[121], в то время как три его мешка с деньгами отлетели в сторону. Еще до того, как он смог оправиться, он почувствовал боль в ноге, отдающую в спину, и холодную сталь ствола, прижатого к его уху.

Тихий голос над ним произнес:

– Снимай костюм. Или умрешь.

Люк форпика, который можно было открыть только изнутри, распахнулся, и в нем возник Смит. Ощущение прикосновения ствола пистолета исчезло, затем раздался один единственный выстрел и крик, а затем дуло снова прижалось к уху Филипова, но на этот раз надавливая еще сильнее, чем раньше.

– Мне не нравится повторять.

Пистолет капитана находился под гидрокостюмом, если бы он только смог до него добраться… Он стал возиться с застежкой-молнией и стал изо всех сил пытаться расстегнуть ее, но потом вспомнил, что обойма пуста, и тут же остановился.

– Продолжайте раздеваться, – подбодрил его Пендергаст.

Филипов уставился на него, чувствуя, как палуба уже начала крениться под его ногами.

– Но… мы тонем.

– Вы лишь констатируете очевидное. Мне нужен ваш костюм.

Заметив нерешительность Филипова, федерал выстрелил. Пуля ударила по палубе так близко от уха капитана, что его осыпало острыми осколками стеклопластика.

– Хорошо-хорошо. Я уже снимаю его… снимаю!

Филипов изо всех сил спешил раздеться. У него может появиться шанс, когда федерал будет одевать костюм. В целом вся эта ситуация выглядела чертовски неловко.

– Будьте так любезны и держите руки в поле зрения, – сказал федерал, забирая костюм, – теперь наклонитесь вперед, еще немного, вот так. Отлично!

Неожиданно Пендергаст ударил капитана по виску пистолетом.

* * *

Когда Филипов очнулся, федерал стоял над ним с пистолетом в руке и был уже полностью облачен в оранжевый костюм для погружений.

– С возвращением на тонущий корабль, – сказал он, – с сожалением вынужден вам сообщить, вскоре вы умрете от переохлаждения. Конечно, если только вам не известен способ, который не позволит кораблю затонуть. Теперь, без костюма, у вас есть прекрасный стимул, чтобы его применить.

Филипов лежал на палубе, глядя на агента, а его голова тем временем усиленно пыталась работать. Палуба уже существенно накренилась, и корабль на треть ушел под воду.

– Но… *Нет* такого способа.

– Ах! Как жаль.

– Ради бога, позвольте мне спуститься вниз и взять еще один костюм!

Капитан почувствовал, что федерал колеблется.

– Если вы позволите мне замерзнуть, то это будет хладнокровное убийство.

– Совершенно верно, – подтвердил Пендергаст, – а моя совесть довольно чувствительна к подобным вещам. Хорошо. Вы можете подняться, но, пожалуйста, не предпринимайте ничего глупого. Возьмите костюм и вернитесь как можно скорее.

Филипов поднялся, почти потеряв сознание от головной боли, и буквально соскользнул по наклонной палубе, держась за поручни, в то время пока он открывал люк форпика. К своему ужасу он увидел, что тот уже наполовину заполнен водой. Ему придется нырнуть в кромешную тьму, чтобы достать еще один гидрокостюм.

– «Зодиак»? – спросил он еле слышно.

– Превратился в решето стараниями вашей команды.

Филипов внезапно почувствовал, как его накрывает паника и чувство безысходности. Значит, остается только одно: погрузиться в воду и добраться до шкафа с костюмами.

– Я… мне придется нырнуть, – сказал он.

– Милости прошу, пожалуйста.

Филипов забрался в люк форпика, и сразу погрузился в воду до талии. К этому моменту аварийный радиобуй должен был активироваться, тем самым привлечь внимание Береговой охраны и направить ее сюда, но сейчас ему некогда было думать об этом. Он несколько раз глубоко вдохнул, затем задержал дыхание и нырнул.

Ледяная вода подействовала на его тело как удар молота. С огромным трудом он пробрался через дверь форпика в каюту, его глаза были широко открыты, но вокруг стояла непроглядная тьма. Легкие капитана уже были готовы разорваться, в то время как он на ощупь пробирался вдоль левого борта, пытаясь сориентироваться во мраке. Поток прибывающей воды снес его в сторону, и из-за этого он оказался дезориентирован. Филипов почувствовал, как диафрагму стали сводить судороги. Понимая, что у него заканчивается воздух, он развернулся и поплыл обратно к форпику, но вместо этого столкнулся со стеной и неожиданно всплыл в воздушном кармане верхней части каюты. Жадно хватая ртом воздух, он отчаянно пытался сориентироваться. Вода быстро прибывала, заставляя карман сжиматься, а воздух с пронзительным свистом выходить через разбитый люк в потолке. Черт, в любой момент стальная лодка пойдет ко дну.

Он снова нырнул, передвигаясь вдоль стены каюты… наконец-то вот и он – шкаф с костюмами – к счастью, все еще открытый. Капитан вслепую порылся внутри, схватил горсть резины и, рванув ее, всплыл к потолку. Но теперь в кармане осталось всего лишь два фута воздуха. Снова погрузившись, он стал неловко возиться с костюмом и попытался надеть его, но тот оказался перекручен. Пальцы больше не слушались Филипова и онемели от холода. Он настолько замерз, что едва мог передвигать руками, и когда в очередной раз достиг воздушного кармана, тот еще больше уменьшился, а свист уходящего воздуха стал громче.

Вдруг совершенно неожиданно, капитан почувствовал, как корабль резко сдвинулся, воздушный карман исчез, и тут он понял, что погружается в холодную бездну Атлантики…

33

Стоя у кухонного стола, лейтенант Винсент д’Агоста выкладывал на тарелку завтрак, который он только что сам приготовил – белковый омлет с эстрагоном и молотым перцем. Аппетитный запах разносился по аккуратной трехкомнатной квартире, которую он делил с Лорой Хейворд.

Он ненавидел яичные белки, но сильнее ненависти к ним в нем присутствовала стальная решимость поддерживать себя в хорошей форме. И то, что в его случае считалось хорошей формой, требовало постоянной диеты и контроля. Сидя напротив него, его жена читала последний номер журнала «Судебная Медицина и Криминология», наслаждаясь своей собственной едой: типичным нью-йоркским завтраком в виде бутерброда, состоящего из яиц, бекона и сыра на пропитанной маслом большой круглой булочке. Судя по всему,

независимо от того, что она ела, Лора не прибавляла даже унции веса. Это очень удручало лейтенанта.

Д'Агоста отрезал кусочек от своего омлета, вздохнул и повозил его вилкой по тарелке. Хейворд отложила свой журнал и поинтересовалась:

– Какие у тебя планы на сегодня?

Д'Агоста подцепил кусочек омлета и, наконец-то, отправил его в рот.

– Ничего особенного, – сказал он, делая глоток кофе, – нужно подчистить кое-что. Плюс бумажная работа по убийству Мартена.

– Ты раскрыл это дело в рекордные сроки. Должно быть, Синглтон был счастлив.

– Вчера он похвалил мой галстук.

– Этот франт? Впечатляет.

– Наверное, умасливает меня, чтобы подбросить мне еще какое-нибудь дело. Ты улавливаешь связь.

Хейворд с улыбкой вернулась к чтению своего журнала.

Д'Агоста вновь принялся гонять омлет по тарелке. Он знал, что Хейворд последние несколько недель специально поддерживала тон их разговоров легким и непринужденным. И он был благодарен ей за это. Она видела, как сильно известие об исчезновении Пендергаста, а затем и новость, что он утонул, подкосили д'Агосту. Хотя прошел почти месяц, он все равно чувствовал электрический разряд каждый раз, когда думал о том, что Пендергаст погиб – и, к сожалению, подобные мысли слишком часто возникали у него голове. Конечно, и до этого случая приходили сообщения о смерти агента ФБР, но его друг всегда быстро объявлялся, как пресловутый кот с девятью жизнями. Однако на этот раз его девять жизней, похоже, закончились. Д'Агоста чувствовал себя виноватым: он думал, что должен был находиться *там*, в той рыбацкой деревушке Массачусетса… как будто его присутствие каким-то образом изменило бы трагический ход событий.

Сотовый телефон лейтенанта заиграл мелодию «Who Let the Dogs Out», заглушая доносящийся с улицы шум потока машин, движущихся по Первой-Авеню. Он вытащил его из кармана пиджака и взглянул на экран, где прочел надпись «НОМЕР НЕ ОПРЕДЕЛЕН». Хейворд приподняла брови в немом вопросе.

– Неизвестный. Вероятно, это снова та проклятая рефинансирующая компания. Они никогда не сдаются, – он нажал «ОТБОЙ». – Довольно неприлично звонить до восьми часов утра.

Телефон снова зазвонил, и на экране высветилось все то же уведомление «НОМЕР НЕ ОПРЕДЕЛЕН». Супруги молча переглянулись между собой, пока звонок не прекратился.

Д’Агоста отложил вилку и спросил:

– Можно откусить от твоего сэндвича?

Пока он обходил вокруг стола, его телефон зазвонил в третий раз – «НОМЕР НЕ ОПРЕДЕЛЕН». С проклятием он схватил трубку и нажал «ПРИНЯТЬ».

– Да? – резко гаркнул он. Связь была плохой, и линия буквально фонила от статических помех.

– Винсент? – послышался тихий, невнятный голос.

– Кто это?

– Винсент, это я.

Д’Агоста почувствовал, как его пальцы сильнее сжали телефон, и он буквально рухнул на свой стул. Комната внезапно стала размытой и незнакомой, словно он только что очутился во сне.

– Пендергаст?

– Да, это я.

Он попытался сказать еще хоть что-то, но с его губ слетели лишь бессвязные звуки.

– Вы здесь, Винсент?

– Пендергаст! О, Боже, я не могу в это поверить! Они сказали, что вы мертвы!

Хейворд, сидящая напротив него, опустила журнал и уставилась на супруга.

Пендергаст снова заговорил сквозь помехи, но д’Агоста перебил его и выпалил на одном дыхании:

– Что случилось? Где вы были? Почему вы не…

– Винсент!

Д’Агоста замолчал от резкого тона собеседника.

– Мне нужно, чтобы вы сделали кое-что для меня. Это жизненно важно.

Д’Агоста поднес телефон еще ближе к уху:

– Да. Все что угодно.

– Я не смог ни до кого дозвониться в своем особняке на Риверсайд-Драйв: нет ни Проктора, ни Констанс, ни даже миссис Траск. Я несколько раз набирал и домашний номер, и сотовый номер Проктора. Ничего. Я очень беспокоюсь. Винсент, пожалуйста, немедленно отправляйтесь туда, и сообщите мне, что там происходит. Я смогу вернуться в Нью-Йорк только сегодня вечером.

– Конечно.

– У вас есть ручка?

Д’Агоста обыскал карманы пиджака, чувствуя на себе взгляд Хейворд.

– Да, есть.

– Очень хорошо, – и Пендергаст продиктовал ему номер мобильного телефона, – а сейчас слушайте внимательно. В левой колонне у входной двери, на уровне примерно пяти футов над землей, отыщите скрытый отсек. Внутри вы найдете клавиатура кодового замка. Чтобы отключить сигнализацию и разблокировать дверь введите следующую комбинацию: 315-514-17-804-18.

Д’Агоста записал числа:

– О'кей.

– Пожалуйста, поторопитесь, Винсент, я очень сильно беспокоюсь.

– Я позвоню вам из особняка. Но я бы очень хотел знать, где вы пропадали все эти последние недели…

Тут он понял, что разговаривает с пустотой: Пендергаст уже повесил трубку.

– Винни…? – позвала его Лора.

Она больше ничего не сказала, да ей и не нужно было. Д’Агоста прочел на ее лице всю бурю бушующих в ней эмоций: облегчение, что Пендергаст оказался жив, и беспокойство о том, что все это значит, и в какое новое и опасное дело этот человек снова собирается вовлечь д’Агосту.

Он потянулся через стол и сжал ее руку.

– Я знаю. Я буду осторожен.

Затем лейтенант встал, поцеловал ее, залпом выпил свой кофе и поспешно покинул квартиру.

Пока д’Агоста вел машину через весь город, он безуспешно пытался уложить в голове мысль, что в особняке Пендергаста действительно могло что-то произойти. Не более трех недель назад он разговаривал с Проктором о прогрессе в поисках пропавшего агента и понял, что сдержанный и молчаливый шофер-телохранитель был практически настолько же компетентен в делах – особенно, связанных с охраной и безопасностью – как и сам Пендергаст. Лейтенант был уверен: не стоило поднимать панику лишь потому, что Проктор решил посвятить немного времени своим личным делам. В конце концов, может же человек хоть иногда брать себе выходной! Что до миссис Траск и Констанс, то они и раньше часто не отвечали на звонки, и у них не было сотовых телефонов.

Д’Агоста припарковал патрульную машину у парадного входа в особняк и вышел. Было четверть девятого, и большой дом выглядел спящим. Темный пассажирский фургон простаивал у тротуара, в его окне маячила табличка с надписью «Такси», но это ровным счетом ничего не значило: водитель мог припарковаться на перерыв или ждать пассажира из какого-нибудь соседнего здания.

Все было тихо. Тишину нарушил лишь глухой стук каблуков д’Агосты, когда он направился к входной двери по дорожке, ведущей в дому. После краткого поиска он обнаружил маленькую панель, скрывающую отсек с клавиатурой для ввода кодовой последовательности. Кодовый замок обнаружился, как только д’Агоста нажал на его внешнюю створку. Вытащив из кармана сложенный лист бумаги, он ввел код, и тут же раздался приглушенный щелчок. Через мгновение массивная парадная дверь была разблокирована.

Д’Агоста положил руку на ручку, повернул ее и толкнул. Дверь открылась с еле заметным шорохом. Перед лейтенантом раскинулась пустая прихожая, а за ней, чуть дальше, длинная столовая, погруженная в плотно переплетенные тени раннего утра. Оставив дверь открытой и пройдя в столовую, лейтенант уже открыл рот, чтобы позвать Констанс Грин, которая – как он предполагал – в это самое время, вероятнее всего, пила чай, расположившись в библиотеке, но что-то остановило его. Что-то в этой гнетущей тишине сильно обеспокоило его.

И тогда его осенило. В доме было выключено все внутреннее освещение, а в этой части особняка было совсем немного окон. Из-за этого д’Агоста представлял собой темную фигуру, стоящую в темной комнате. Если Проктор неожиданно увидит его, он признает в нем лишь некий неясный силуэт незваного гостя и может предпринять стремительные меры предосторожности, которые, наверняка, окажутся весьма неприятными для д’Агосты. Поэтому он отступил в тень, тянущуюся от стены, и оценил ситуацию в целом.

Должен ли он позвонить в дверной звонок? Правила приличия, надо думать, того требовали, но интуиция отчего-то подсказывала лейтенанту, что в доме все равно никого нет, и звонок его останется без внимания. К тому же, если в особняке действительно что-то произошло, то возвещать о своем присутствии – это последнее, что д’Агоста хотел бы делать.

Он извлек свой мобильный телефон, пролистал список контактов, нашел номер Проктора и набрал его. Гудок прошел восемь раз, прежде чем вызов прервался. Вопреки ожиданиям, голосовой почты у Проктора не оказалось.

Д’Агоста покачал головой. Это было безумие. Неужели он опять ввязался в нечто скверное? От нехорошего предчувствия по его телу пробежали мурашки. Он убрал телефон обратно в карман пиджака и, миновав столовую, попал в большой приемный зал. Это большое и элегантное помещение было освещено значительно лучше, и он остановился, позволяя его глазам адаптироваться. Вдоль стен выстроились витринные шкафы, изготовленные из натурального дерева, от которых исходило мягкое свечение, позволяющее рассмотреть всевозможные сокровища, хранившиеся за их стеклами. Справа от него располагались двойные двери, ведущие в библиотеку. Д’Агоста подошел к ним, и объявил о своем присутствии сдержанным стуком.

Пока он пересекал мраморный пол зала, в комнате из темного прохода в дальней стене буквально материализовался мужчина. Он был одет в темно-серый костюм, а в руке держал дорогой чемодан. Как только д’Агоста как следует разглядел его – высокий, стройный, рыжеватые волосы, аккуратно подстриженная бородка «Ван Дайк»[122] – он невольно застыл от потрясения и недоумения.

Лейтенант узнал этого человека. Узнал его, не только потому что видел фотографии и фотороботы, которые ему показывал Пендергаст, но еще и из-за явного сходства с его братом.

«*Не может быть*», – думал он, – «*это же невозможно!*»

Мужчина, очевидно, тоже узнал его, потому что на его лице застыло удивленное выражение, которое он весьма быстро скрыл.

– Ах, лейтенант, – тихо проговорил он, и в голосе его просквозил неприятный холодок.

Д’Агоста хорошо помнил этот голос: это был тот самый голос, который он слышал почти четыре года назад во время напряженного противостояния, когда тот доносился из полумрака «Железных часов» железнодорожного поворотного круга, расположенного под улицами Мидтауна Манхэттена.

Диоген Пендергаст.

Воспоминания пронеслись в голове д'Агосты за один единственный беспокойный удар сердца. Затем мужчина начал приближаться. Тяжелый чемодан явно замедлял его, и, чтобы ускориться, он отшвырнул его прочь, но д'Агоста опередил Диогена: всего за мгновение он успел вытащить пистолет, навести его на противника и принять боевую стойку.

– Руки вверх! – скомандовал он.

Диоген медленно извлек руку, которая находилась под лацканом его пиджака, затем поднял обе руки вверх и отступил назад, под лучи солнечного света, которые пересекли его лицо, осветив щеку, покрытую шрамами и глаза: один голубой, другой ореховый.

Теперь в темноте за Диогеном возникло движение, и в поле зрения лейтенанта появилась Констанс Грин. Она резко остановилась, и д'Агоста кивнул ей:

– Подойдите ко мне, Констанс.

Пару секунд Констанс не двигалась. Затем с абсолютным спокойствием она прошла мимо Диогена, все еще стоявшего с поднятыми руками, пересекла комнату и зашла за спину д'Агосты.

– Вот, что произойдет дальше, – сказал лейтенант, все еще держа Диогена на мушке. – Сейчас я вызову подкрепление. А мы просто подождем его прибытия – все мы трое. Если ты только шевельнешь пальцем… если хоть немного сдвинешься с места заговоришь или едва заметно дернешься, я пущу тебе пулю в лоб и…

Внезапно у основания черепа д'Агосты произошел ослепительный взрыв. Блестящий белый свет поглотил его зрение, а затем, когда он рухнул на пол, его сознание накрыла чернота.

* * *

Пару мгновений Диоген заворожено смотрел на раскинувшуюся перед ним сцену, а затем перевел взгляд на Констанс, одетую в элегантное платье оранжевого цвета и винтажную, но стильную шляпку с прикрепленной к ней небольшой вуалью, которая была опущена. Сумочка все еще была перекинута через ее плечо. Когда он взглянул на нее и на то, что она сделала, чтобы защитить его, то почувствовал необычайный всплеск эмоций. Он опустил руки, восстанавливая самообладание.

– Она принадлежала династии Мин, – заметил он.

Констанс подошла ближе, неотрывно глядя на д’Агосту. Ваза, которую она только что разбила, превратилась в осколки, сейчас лежащие россыпью вокруг неподвижного тела лейтенанта.

– Мне никогда не нравился этот человек, – пробормотала она.

Когда Диоген потянулся к пиджаку, она быстро заговорила.

– Он не угрожает нам. И не должно быть никаких жертв – ты же обещал, помнишь?

– Ну, конечно же, моя дорогая, я просто хотел достать свой носовой платок, – он улыбнулся, вытащил его и промокнул немного вспотевший лоб над светлыми бровями, прежде чем снова убрать его. – Позволь мне забрать чемодан, и мы тронемся в путь.

Он развернулся и растворился в темном интерьере особняка.

35

Суматоха в больничной палате вырвала д’Агосту из лекарственного оцепенения. Его сознание опутывала густая дымка замешательства. В ушах стоял слабый, но устойчивый звон, а в задней части черепа ощущалась ноющая боль. Очертания комнаты расплывались, словно он находился под водой.

Лейтенант попытался прочистить голову, встряхнув ее, и понял, что это была большая ошибка. Со стоном закрыв глаза, он осторожно откинулся на подушку.

Рядом раздавались голоса: голоса, которые он узнал. Он снова открыл глаза, пытаясь пробиться сквозь замешательство и болеутоляющие. Большие часы на стене показывали пять часов.

«*Господи, неужели я был в отключке весь день?*» – подумал он.

Рядом с его кроватью в кресле сидела Лора Хейворд. В глазах ее застыл взгляд, который он расшифровал, как защитный, враждебный взгляд львицы, охраняющей своего раненого самца.

– Винни! – позвала она, приподнимаясь.

– Мммм, – он попытался заговорить, но его язык не слушался.

– Винсент, мой друг.

У изножья кровати раздался еще один голос и – на этот раз, держа голову неподвижно – д’Агоста повернул в его сторону только глаза. Там, буквально на расстоянии вытянутой руки от него сидел специальный агент Пендергаст. Д’Агоста несколько раз моргнул, совершенно потрясенный его изможденным внешним видом: под глазами агента

темнели круги, кожа, проступающая сквозь грязь, была еще бледнее, чем обычно, а свежие царапины и синяки покрывали практически все его лицо. Он был одет в ветровку ФБР, слишком большую для его исхудалого тела.

Они продолжили создавать суету вокруг д'Агосты, даже когда он начал снова погружаться в мир бессознательного. Лейтенант лежал на кровати, закрыв глаза, пытаясь сосредоточиться на том, что Пендергаст рассказывал Лоре.

– Вертолет доставил меня на Центральную вертолетную станцию Манхэттена, – говорил агент, – они рассказали мне, что случилось, и я направился прямиком сюда. Это вы его нашли?

– Когда я не смогла дозвониться до него по сотовому, то отправила в ваш дом патрульных. Они нашли его на полу прихожей, он был без сознания и лежал лицом вниз.

– Я так понимаю, что были мобилизованы значительные ресурсы полиции Нью-Йорка.

– Вы шутите? Похищение женщины и нападение на офицера полиции? Да они вызвали кавалерию.

Д'Агоста снова обрел голос, и его сознание значительно прояснилось:

– Пендергаст!

Агент ФБР повернулся к нему.

– Как вы себя чувствуете?

– Лучше некуда. Боже, как же я *рад* вас видеть… – голос его сорвался.

Пендергаст со своего места на противоположном от него конце кровати нетерпеливо махнул рукой.

– Итак… что же с вами случилось? – поинтересовался д'Агоста.

– Я был… в море. Если говорить кратко, то джентльмены, которые спасли меня от утопления, решили потребовать за меня выкуп. После чего меня держали на корабле в качестве заложника, пока, он, к сожалению, не затонул. Но все это не имеет отношения к нынешней ситуации. Я был не в себе, когда послал вас навстречу опасности. Мне очень жаль.

– Забудьте об этом, – сказал д'Агоста.

Последовало недолгое затишье, а затем Пендергаст попросил.

– Не могли бы вы рассказать мне, пожалуйста… что произошло в доме?

– Не утомляйте его, – запротестовала Лора.

Даже сквозь лекарственный туман д’Агоста мог рассмотреть, что его друг был взволнован и обеспокоен, что было для него весьма несвойственно. Д’Агоста прочистил горло, борясь с почти подавляющим чувством усталости. Врач сказал ему, что у него может наблюдаться временная амнезия, но, к счастью, этого не произошло, хотя определенные детали утра казались немного размытыми.

– Я вошел в дом, использовав кодовый ключ, который вы мне дали. Через пару минут я оказался в приемном зале… и там-то Диоген и сотворил это со мной.

Пендергаст поднялся со стула.

– *Диоген*? Вы в этом уверены?

– Да. Он вышел из задней части дома. Я сразу же узнал его, – д’Агоста прервался, чтобы припомнить детали. – В одной руке он держал чемодан.

– А потом?

– Он тоже меня узнал, – д’Агоста сглотнул. – Я обезвредил его, но тут в комнату вошла Констанс.

Пендергаст побледнел.

– Констанс.

– Я сказал ей занять безопасное место позади меня, а сам тем временем держал Диогена на мушке, собираясь вызвать подкрепление. И тогда-то меня и ударили по голове… – он прервался. – Следующее, что я помню, это то, что я очнулся в машине скорой помощи.

Взгляд, застывший на лице Пендергаста, было практически невозможно вынести.

– *Констанс*, – снова повторил он, как будто только для себя.

– Кажется, здесь все понятно, – вмешалась Лора. – У Диогена был сообщник, которого Винни не заметил, и который ударил его сзади. Мы обрабатываем осколки разбитой вазы, которую предположительно использовали в качестве орудия нападения, чтобы снять отпечатки пальцев.

– Я считал, что Диоген мертв, – сказал д’Агоста.

– Мы *все* так считали, – согласился Пендергаст. Некоторое время он сидел неподвижно, а затем снова заговорил. – Как Диоген отреагировал, увидев вас?

– Он был так же сильно удивлен, увидев меня, как и я, увидев его.

– А Констанс? Была ли она в наручниках? Или он ее удерживал каким-то другим способом?

Д’Агоста на мгновение задумался, снова силясь припомнить детали.

– Я не заметил ничего подобного.

– Какой она вам показалась? В ярости? Одурманенной? Под принуждением?

– Прошу прощения, но я никогда не мог распознать ее эмоции. Она… у нее на плече висела сумка. О, и на ней была шляпка, но я не помню, какое выражение лица у нее было.

– Она боролась? Говорила что-нибудь?

– Ничего. Когда я позвал ее, она зашла за мою спину. Не сказав ни слова.

– У него было оружие?

Звон в ушах д’Агосты становился все громче.

– Мне на глаза не попалось ничего такого.

– Я считаю, что с Винни уже достаточно, – сказала Лора, и в ее тоне прозвучали стальные нотки.

Пендергаст не ответил. Его взгляд на несколько мгновений стал далеким и рассеянным. Затем он снова вернулся к настоящему. Д’Агоста уже когда-то видел у агента подобное выражение лица и подобный блеск серебристых глаз, и тогда это ничем хорошим не кончилось.

Агент поднялся со своего места.

– Винсент, я желаю вам скорейшего выздоровления.

– К слову говоря, вы тоже неважно выглядите, – заметил д’Агоста.

– В ближайшее время я собираюсь это исправить. Капитан Хейворд.

Он повернулся к Лоре и коротко кивнул, а затем направился к двери и быстро вышел из палаты. И при этом д’Агоста заметил – незадолго до того, как снова отключиться – что под ветровкой ФБР агент был одет в грязные брюки, изрезанные практически на ленты.

36

Диоген Пендергаст в своем тщательно продуманном образе Петру Люпея, вышел на частную террасу, находящуюся на цокольном этаже

отеля «Коркоран» и почти сразу же остановился. В его привычку уже давно вошел тщательный, приправленный скрупулезным вниманием осмотр своего окружения.

Атлантический океан простирался с севера на юг сплошной непрерывной линией, а в его сливочно-белых бурунах отражались розовые вечерние облака. Со всех сторон отель окружала суета Майами Саус-Бич, а освежающий вечерний бриз доносил до Диогена музыку сальсы. Ничто не вызывало беспокойства.

Он прислушался к своему шестому чувству – натасканному на обнаружение опасности внутреннему сверхъестественному будильнику – которому он доверял больше всего на свете, но лишь снова убедился, что ничто не предвещает беды.

За исключением внезапного появления лейтенанта нью-йоркской полиции в особняке на Риверсайд-Драйв этим утром – к чему Диоген даже при его маниакальной склонности к планированию всего и вся оказался совершенно не готов – все прошло хорошо. Впрочем, даже этот неприятный сюрприз, как оказалось, принес свой положительный итог: Диоген с удовлетворением отметил, как быстро и без колебаний сработала Констанс, чтобы нейтрализовать угрозу.

Сейчас она сидела на шезлонге террасы, и он любовался ею. В который раз он не мог не отметить ее красоту: она была одета в белую юбку до колен, блузу с бледно-лимонным цветным рисунком, соломенную шляпу с широкими полями, затеняющую ее лицо, и темные очки. Ее тонкие лодыжки были перекрещены, а на рядом стоящем столике покоился стакан ледяного кислого лимонада.

Это был комплект одежды, который он предложил ей надеть, когда они только заселились в отель. Он выбрал это место – Оушен-Драйв, самое сердце района Саус-Бич Арт-Деко – потому что здесь было легко спрятаться на видном месте среди толпы шикарных, ярких, поглощенных только собой людей. И он выбрал этот отель не только из-за его элегантности и комфорта – он принадлежал еще старым Вандербилтам и был отреставрирован, как и большинство отелей на Оушен-Драйв, под стиль Стримлайн Модерн, хотя, к счастью, с некоторой долей сдержанности – но и потому что он казался огромным. Круизный лайнер полный немецких туристов, только что прибыл и поглотил все внимание персонала. Вначале Диоген решил забронировать пентхаус, который занимал весь верхний этаж отеля и шел в комплекте с четырьмя спальнями, семифутовым роялем и бескрайним бассейном, но поразмыслив, он решил, что это может привлечь ненужное внимание. Вместо того он поселился в одном из дюжины роскошных люксов с тремя спальнями, с душевыми кабинами, имитирующими дождь, постельным бельем «Фретте» и саунами,

отделанными кедром. Это показалось ему хорошим переходным вариантом между аскетичной строгостью комнат Констанс на Риверсайд-Драйв и сдержанной роскошью Халсиона.

Перелет первым классом в Майами прошел легко. Благодаря реалистичности, и не вызывающей сомнений достоверности его личности Петру Люпея не было необходимо в том, чтобы «менять этот образ» для перелета. Все шло по плану. Но все же, глядя на Констанс, он чувствовал беспокойство. Под шляпой и за солнцезащитными очками «Булгари» было невозможно рассмотреть выражение ее лица, но неподвижность всего ее тела, то, как она отрешенно смотрела на море и еще нетронутый напиток, напомнили ему всеобъемлющее спокойствие, которое он заметил, когда наблюдал за тем, как она паковала вещи, собираясь окончательно покинуть особняк 891 по Риверсайд-Драйв.

Глядя на нее, Диоген усомнился, был ли Саус-Бич правильным выбором, чтобы остановиться здесь на время сбора «конского хвоста». После ее ужасного, бедного детства она жила в пределах особняка Риверсайд-Драйв, отгородившись от всего мира. Даже после того, как его брат взял ее под свое крыло, она едва ли решилась взглянуть на мир: всего несколько мест Нью-Йорка, Италия, Англия, Новый Орлеан и прибрежные районы Массачусетса. Кричащие и яркие пейзажи Оушен-Драйв – все в стиле неон ретро-шик и деко, разбавленные дешевым нарциссизмом – были, вероятно, еще более шокирующими, чем в Лас-Вегасе. Скрываться на виду в такой ультрасовременной атмосфере стало частью прикрытия, которое он выбрал для них. Но теперь он задался вопросом: мог ли подобный культурный шок, приходящийся на момент глобальных перемен жизни Констанс, быть для нее болезненным?

Констанс сделала глоток лимонада.

– Констанс? – позвал он ее мягко.

В ответ она повернулась, и взглянула на него.

– Не согласишься ли ты ненадолго войти внутрь? Я подумал, что было бы неплохо оповестить тебя о мероприятиях, которые запланированы на следующие несколько дней.

Через мгновение она встала. Сначала показалось, что Констанс нетвердо стоит на ногах, потому что она ненадолго ухватилась рукой за шезлонг, как будто в поисках равновесия, прежде чем отправиться в гостиную. Присев на мягкий диван, она сняла шляпу, положила ее на бортик дивана, затем сняла солнцезащитные очки и провела рукой по лбу.

Диоген был потрясен. Внутри, без яркого солнечного света, ее лицо выглядело бледным и изможденным, а глаза казались темными, даже

слегка болезненными. Могло ли это явиться результатом перелета или потрясения от того, что она не покидала свой дом на протяжении многих лет? Нет: эти симптомы выглядели системными, а не эмоциональными. Возможно ли, что теперь она больше не сомневается в физических проявлениях, вызванных несовершенным эликсиром Ленга, и начинает поддаваться его побочным эффектам? Пока он зрительно оценивал ее, внутри него боль и сочувствие смешивались с любовью.

– С тобой все в порядке? – спросил он, прежде чем продолжить разговор.

Она отмахнулась от него небрежным жестом руки.

– Небольшая головная боль. Это пройдет.

Он сел на стул напротив нее.

– Вот что произойдет дальше. Завтра Люциус Гарей должен умереть в девять часов вечера в тюрьме города Пахоки штат Флорида, примерно в девяноста милях к северо-западу отсюда. Смертельный приговор вынесен и отмене не подлежит. Я займу место судмедэксперта, который в последнюю минуту внезапно заболеет – ничего серьезного, уверяю тебя, но его самочувствие не позволит ему выполнить свои обязанности. Тело должно быть доставлено в офис судмедэксперта около десяти часов. Я немедленно извлеку и законсервирую cauda equina. Затем я проведу обследование тела, как того и требует закон. Также я должен буду подготовить отчет и заполнить документы, чтобы передать тело ближайшим родственникам. Разрез, который я сделаю в нижней части его спины, будет небольшим, и мой отчет даст медицинское объяснение его наличия. Никто не станет заострять на нем внимание. Все будет сделано по учебнику. Мое удостоверение личности, диплом и моя лицензия на проведение подобной практики также пройдут проверку.

Он обвел рукой комнату.

– В течение следующих тридцати шести часов, пока меня не будет с тобой, и я настоятельно прошу тебя оставаться в этих апартаментах. Чем меньше мы себя показываем на публике, тем лучше. Я подготовил все возможное, чтобы сделать мое отсутствие удобным для тебя. Выбери любую из трех спален, какая тебе больше всего понравится. В твоем распоряжении книги, музыка и видеотека: я, кстати, добавил в комплект полное собрание работ Ясудзиро Одзу[123] и рекомендую их просмотреть, если ты еще не знакома с его фильмографией. Конечно, в твоем распоряжении здесь круглосуточное обслуживание горничной и дворецким, а также полное меню для апартаментов. Ты найдешь холодильник с минеральной водой, фруктовыми соками и «Дон Периньон».

Он указал на мобильный телефон, который лежал на стеклянной столешнице между ними и добавил.

– Если тебе что-нибудь понадобится, звони мне в любое время.

Он поднялся.

– Я планирую вернуться послезавтра рано утром. Моя яхта пришвартована в гавани Саус-Бич. В тот же вечер мы доберемся до Халсиона. Я синтезирую эликсир, и ты окажешься на пути к выздоровлению, – он взглянул на часы. – Мне нужно уйти через пару минут. Есть ли что-нибудь еще, что я могу сделать для тебя, чтобы ты чувствовала себя более комфортно в мое отсутствие?

– Нет, спасибо.

– Тебе не нужны лекарства? Мышечные релаксанты? Стимуляторы?

Она покачала головой. Внезапно, поддавшись порыву, он опустился перед ней на колени и взял ее за руку.

– Констанс, я даю тебе торжественное обещание: через пару дней мы уже начнем новую жизнь на моем частном острове. *Нашем* частном острове. И я полностью посвящу себя твоему здоровью и счастью.

Он осторожно перевернул ее руку и поцеловал ее ладонь. Констанс улыбнулась, и он снова поднялся.

– Помни: звони мне в любое время. Я люблю тебя.

После этого он отвернулся, поднял элегантную трость из ротанга Петру Люпея и молча вышел из гостиничного номера.

37

Пока Диоген покидал гостиничный номер, Алоизий Пендергаст – все еще одетый в ветровку ФБР, порванную рубашку и брюки – входил в свой особняк 891 по Риверсайд-Драйв. Проигнорировав ленту, обозначавшую место преступления и пересекающую приемный зал, он зашел за ограждение и – после беглого осмотра, миновав ярлыки, обозначавшие обнаруженные улики и остатки порошка для снятия отпечатков пальцев – направился в библиотеку.

Здесь ничто не показалось ему неуместным, за исключением письма, которое лежало на столе. Письмо написала миссис Траск, и было оно адресовано Проктору.

Пендергаст вскрыл конверт. В письме говорилось, что из-за состояния здоровья сестры миссис Траск будет вынуждена задержаться в Олбани на одну или даже на две недели. Она извинялась, но также выражала

уверенность, что уход за Констанс не доставит Проктору много беспокойства.

Пендергаст отложил письмо. На несколько мгновений он замер, прислушиваясь к пустому дому. Затем, покинув библиотеку, он быстро прошел по верхнему этажу особняка, остановившись сначала в комнатах Проктора, а затем – более подробно – в комнатах Констанс.

Дом казался покинутым. Проктор оставил много признаков, указывающих на то, что он очень спешил, и, судя по очень слабому налету пыли на поверхности мебели, он покинул дом девять или десять дней назад. Его дорожная сумка на случай чрезвычайных ситуаций также отсутствовала.

Казалось, что комнаты Констанс в последнее время вообще пустовали, но явно носили следы поспешного сбора вещей.

Стоя в темноте комнаты, Пендергаст извлек из кармана мобильный телефон и набрал номер в Ривер-Поинт, небольшом городке в пригороде Кливленда. Ответ прозвучал после третьего гудка. Пендергасту пришлось ждать в тишине еще пятнадцать секунд, пока был завершен процесс идентификации.

– Неужели это сам Мистер Секретный агент? – в трубке наконец-то раздался знакомый, хрипловатый голос, доносившийся из комнаты, освещенной только светом компьютерных мониторов и единственной свечой, горевшей во фронтонном окне. – Кажется, вы сменили номер. И телефон: iPhone 6s, если верить внутреннему хэштегу. Очень мило.

– Мим, мне нужно, чтобы вы кое-что сделали для меня.

– По какой-то причине я не удивлен – разве может нас связывать что-то кроме дела? Вы никогда не звоните для того, чтобы просто поговорить.

– Это очень срочно.

– Так всегда и бывает, – послышался нарочито драматичный вздох, – ладно, что вы задумали?

– Вы знаете моего шофера, Проктора?

– Конечно. Бывший военный, и если я не ошибаюсь, одно время служил в вашем подразделении, его первое имя…

– Очень хорошо. Он пропал без вести из особняка на Риверсайд. Это произошло, как мне кажется, примерно десять дней тому назад. Мне нужно, чтобы вы отследили его.

– Хм, это даже звучит забавно. А когда я закончу, может быть, вы сможете в ответ что-то сделать и для меня? У ФБР появилась новая

игрушка, которую я хотел бы заполучить, маскирующий сотовый дуплексер[124]...

– Все, что только пожелаете. Только найдите мне Проктора – и держите меня в курсе. Спасибо, Мим.

Пендергаст вернул телефон в карман и снова огляделся.

Несмотря на нежилой вид комнаты, д'Агоста видел Констанс в доме только сегодня утром – в присутствии Диогена. Лейтенант сказал, что у его брата при себе был чемодан. И Констанс была в шляпке. Это была вещь, которую она надевала весьма редко – и то, только на время путешествий.

Диоген. То, что он пережил падение в вулкан Стромболи, казалось невероятным. Но он, тем не менее, не далее как утром находился здесь, в этом самом доме, и для этого у него мог быть только один возможный мотив: месть. Месть Пендергасту, и особенно Констанс, которая почти четыре года назад столкнула его в тот самый вулкан.

Но что-то было не так. Показания д'Агосты этим утром выявили определенные несоответствия – любопытные, тревожные несоответствия, которые Пендергаст не мог так просто объяснить.

Он открыл дверь гардероба Констанс. Хотя у нее была обширная коллекция одежды, и б***о***льшая часть вещей все еще оставалась на месте, для Пендергаста стало очевидным, что пропало довольно многое.

Он стоял спокойно, продолжая размышлять. Прошло двадцать четыре дня после той схватки в Массачусетсе, когда его унесло в открытое море. Ясно, что в его отсутствие многое произошло – и все случившееся казалось ему весьма тревожным. Почему Проктор покинул дом, оставив Констанс? Это было единственное, чего бы он никогда не сделал. Куда именно он ушел? И почему не вернулся? Несмотря на запрос, который он сделал Миму, Пендергаст боялся, что Проктор мог погибнуть от рук Диогена. Что Констанс делала одна, в пустом доме?

Но самое странное: в какой именно момент действия д'Агоста застал его брата, когда явился в особняк в начале девятого этим утром? Описание лейтенантом происшествия, по сути, не имело никакого смысла.

Возможны были два сценария. В первом из них Диоген был уличен во время похищения Констанс с целью мести – ей самой или Пендергасту. Но ее поведение, одежда и поступки, описанные д'Агостой, не соответствовали этому сценарию.

Второй сценарий... тот, который лучше всего подходил фактам... был слишком извращен и слишком ужасен, даже в качестве простого предположения.

Внезапно Пендергаст прервал свои размышления, порывисто перейдя к действиям. Он выскочил из комнаты и начал интенсивный, методичный обыск особняка. Он взлетел к крытой шифером мансарде, и оттуда, продвигаясь быстро и стремительно, тщательно обследовал дом в поисках информации – *любой* информации – которая могла бы ему помочь разгадать загадку опустевшего особняка. Его разум был зациклен на том факте, что прямо сейчас время утекало сквозь пальцы, приближая Констанс к неизвестной участи…

Шестнадцать часов спустя он находился в подвале особняка, сидя за письменным столом в небольшой библиотеке апартаментов Констанс. Теперь он многое понял: самое главное, что именно *здесь* она проживала примерно последние две недели. На столе находились четыре предмета: орхидея, книга любовных стихотворений Катулла с примечанием на полях, написанным слишком знакомым почерком, рукописная партитура, посвященная Констанс, и тибетская живопись тхангка, в центре которой находилось изображение дитя божьего, чьи черты оказались тревожно знакомыми.

Пендергаст ощутил тревожное онемение. Он пришел к единственному возможному выводу: Констанс уступила тонкой, неумолимой и прекрасно исполненной кампании обольщения, организованной его братом.

Невозможно было представить, чтобы *Констанс* могла быть пленена, обманута, покорена подобной спланированной кампанией. И все же все улики свидетельствовали о том, что произошло именно это.

Пендергаст должен был признать, что, несмотря на свое необычное понимание криминальной стороны человеческой натуры, он чаще всего оказывался в растерянности, когда дело доходило до понимания женщин и сложностей личных отношений. Из всех женщин, которых он знал, Констанс и ее сильные, несдерживаемые страстные порывы были дня него самыми загадочными и непредсказуемыми.

Пендергаст еще раз обвел комнату взглядом, его тело наконец-то расслабилось после нескольких часов непрерывного обыска, серебристые глаза яростно блеснули, когда взгляд вернулся к четырем предметам, лежащим на столе. Это все еще казалось невозможным.

Был, как он понял, только один способ убедиться в правильности его предположений. Он снял ветровку и, не касаясь их, аккуратно завернул в нее ноты и книгу поэзии Катулла, затем встал и – после того, как забрал еще расческу из спальни Констанс – вернулся в главную библиотеку особняка.

Получив доступ к портативному компьютеру, скрытому за одной из деревянных панелей, он вошел на защищенный веб-сайт Департамента

полиции Нью-Йорка и, войдя в базу данных отпечатков пальцев, поднял серию отпечатков Диогена, которые были собраны, когда его брат разыскивался за похищение и кражу алмаза, известного как «Сердце Люцифера».

С отпечатками Диогена, изображенными на экране ноутбука, он извлек из своего стола переносной судебно-медицинский комплект для снятия отпечатков пальцев. С помощью порошка и скотча, запылив тонким слоем ноты и книгу стихов Катулла, он смог получить два разных набора отпечатков пальцев. Один из них принадлежал Диогену.

Отпечатков пальцев Констанс Грин не было ни в официальной, ни в какой-либо другой базе данных. Переключив свое внимание на расческу, Пендергаст снял с нее образец целого набора отпечатков, и изучил их, сравнив со вторым комплектом следов, найденных на книге и нотах. Они совпадали и являлись доказательством того, что это именно Диоген, а не кто-то другой, ухаживал за Констанс, пока Пендергаст находился в заложниках на корабле контрабандистов.

Оставалась еще одна проверка. Но Пендергаст боялся ее проводить.

Он долго сидел в темноте библиотеке. Наконец, снова обратившись к базе данных Департамента полиции Нью-Йорка, он поднял серию отпечатков пальцев, снятых полицией с черепков вазы династии Мин, которая была разбита о затылок д'Агосты.

Он хорошо помнил вазу. Это был весьма редкий и хрупкий предмет искусства. Удар ею может оглушить человека, но не убить его. На фотографиях Департамента было ясно видно, что ваза – губа, шея, ручка, хрупкое полое тело – была разбита на множество осколков. Только одна часть вазы – ножка – осталась неповрежденной.

Пендергаст кликнул по набору отпечатков пальцев, снятых с этой самой ножки. На ней было найдено множество комплектов, но один набор покрывал все остальные, и размещение этих отпечатков показало, что последний человек, который брал эту вазу, схватил ее с определенной целью: для того, чтобы использовать ее в качестве оружия.

И эти отпечатки принадлежали Констанс.

Его руки соскользнули с клавиатуры ноутбука, и он вздрогнул. Его брат снова увлек Констанс. Зная все то, что она знала о Диогене, и, несмотря на печальную историю, которая уже произошла между ними в прошлом, она поддалась его обаянию и ушла с ним.

Теперь стало ясно, что д'Агоста прервал их отъезд, и она оглушила его вазой.

Через Пендергаста волнами пронеслись незнакомые эмоции: паника, растерянность, ужас и, в конце концов, отвратительное чувство ревности. Он должен был что-то сделать – и немедленно. Но что? Что Констанс сейчас делала? Была ли она еще жива? Образы – *отвратительные* образы – вторглись в его сознание. Могла ли она в этот самый момент быть – не дай Бог – с его братом? Мысли Пендергаста вернулись к неожиданной ссоре с Констанс, которая произошла в его номере гостиницы Эксмута. Неужели его неуклюжее обращение с ней в тот сокровенный момент каким-то образом могло привести ее в объятия его ненавистного брата?

Ошеломленный Пендергаст поднес руки к голове и, с силой вцепившись в свои светлые волосы, не сумел сдеражать крик: крик боли, стыда, бессильной ярости… и непреодолимых угрызений совести. Что бы ни произошло в этом доме во время его отсутствия, одно казалось ясным: он сам был – по крайней мере, частично – ответственен за случившееся.

На данный момент выбора не оставалось, ему придется доверить судьбу Проктора Миму. Но сам Пендергаст отправится на поиски Констанс, и когда он найдет – а он был уверен, что найдет ее – то рядом с ней найдет и своего брата.

И тогда он обязательно удостоверится – окончательно и бесповоротно – что эта встреча станет для них последней.

38

На протяжении многих лет Диоген Пендергаст тщательно поддерживал четыре разных и полностью состоявшихся ложных личности. В некотором роде, для него они действительно *стали* реальными. Они стали *частью* его, позволяя ему в нужный момент времени становиться кем-то другим. Кем-то, кто мог выразить в той или иной степени одну из сторон его сложной и многогранной личности. Возможность перевоплотиться в другую персону служила своего рода предохранительным клапаном, отдыхом от его собственного пытливого и сложного «Я».

Процедура создания подобных личностей подразумевала постоянный процесс поддержания, развития и контроля. Создание новой личности в эту эпоху цифровых технологий иногда казалось сложной задачей, но после ее завершения поддержание цифрового следа становилось легким делом. Однако зачастую требовалось гораздо больше, чем работа с компьютером: а именно, физическое присутствие. Поддерживание двойников в актуальном и занятом состоянии с видимой и продуктивной жизнью и отсутствие каких-либо подозрительных пробелов, которые могли вызвать подозрения, занимало много времени. Это, наряду с обустройством Халсиона, занимало львиную долю интересов и развлечений его жизни. Две его личности были, можно

сказать, «припаркованы» (вряд ли английский язык мог предложить лучшее описание) в Соединенных Штатах, еще одна – в Восточной Европе, где анонимность легче было купить и поддерживать. Эта последняя личность до недавнего времени находилась в спячке, поскольку в ней на долгое время отпала необходимость.

Он потерял свою любимую личность – роль Хьюго Мензиса, куратора нью-йоркского Музея Естественной Истории – во время событий, которые завершились катастрофой на вулкане Стромболи. Он глубоко сожалел о потере: Мензис был первой из его фальшивых личностей, и он приложил огромные усилия для создания уважаемого сотрудника великого музея. Конечно, после Стромболи он был вынужден на несколько месяцев сосредоточить свое внимание на том, чтобы просто цепляться за жизнь. Но сейчас, восстановив здоровье, он смог присматривать за двумя оставшимися ложными личностями и поддерживать их в неповрежденном, обновленном и неизменном состоянии – с подходящими объяснениями для их длительного отсутствия на время его реабилитации.

Петру Люпей оставался его самой долговременной личностью.

Но сейчас именно его другая личность окажется для него особенно полезной. В течение последних одиннадцати лет он являлся (среди всего прочего) доктором Уолтером Лейландом, врачом, живущим в городке Клевистон, штат Флорида, на южном берегу озера Окичоби. Клевистон находился достаточно далеко от таких крупных населенных пунктов, как Палм-Бич и Майами, что облегчало его вымысел. У доктора Лейланда имелись глубокие познания в медицине, полученные во время учебы. Он был одиночкой, и у него была частная практика: он обслуживал ограниченное количество состоятельных клиентов, проводя б***о***льшую часть своего времени за границей и жертвуя свои услуги организации «Врачи без границ», в результате чего являлся мало досягаемым, но уважаемым членом общества городка Клевистон. На самом деле, было поразительно наблюдать, насколько наивно профессиональное сообщество принимало за чистую монету его добросовестность. Более того, он сочинил качественную историю своей аккредитации – медицинский институт, ординатура патологической анатомии, стажировка по направлению судебно-медицинской экспертизы – которая позволяла ему при определенных обстоятельствах выступать в качестве заместителя консультативного медицинского эксперта округа Хендри.

Его целью было получение беспрепятственного доступа к определенным объектам, оборудованию и лекарствам, необходимым для его специфических занятий – например, избавление от мертвых тел, обнаружение которых в противном случае могло бы доставить ему хлопоты. Хотя он больше не занимался подобными делами, личина

доктора Уолтера Лейланда, тем не менее, снова оказалась весьма полезна.

Закон штата Флорида разрешал заключенным, приговоренным к смертной казни, выбирать способ ее осуществления: электрошок или смертельная инъекция. Люциус Гарей выбрал последнее. Для Диогена это значительно облегчило множество факторов.

Было уже четверть восьмого вечера, когда он подошел к главным воротам государственной тюрьмы штата Флорида, находящейся в городе Пахоки и окруженной рядами низкорослых пальм. Помимо строго темного костюма Диоген использовал и другие элементы маскировки: волосы с проседью, карие контактные линзы и ватные накладки, заложенные за щеки – все эти атрибуты оживили доктора медицины Уолтера Лейланда. На пассажирском сидении рядом с ним находился саквояж врача, а шрам на его щеке был тщательно замаскирован сценическим гримом. Разумеется, бороду пришлось сбрить, поскольку и Петру Люпей, и доктор Лейланд ходили чисто выбритыми. Он показал свои документы на аккредитацию охраннику, который сверил их со списком на компьютере, расположенном на его гауптвахте.

– С возвращением, доктор Лейланд, – приветствовал он его, – я давно вас не видел.

– Я был за границей. Вы же слышали об эпидемии Эболы?

Охранник кивнул, но на его лице промелькнуло тревожное выражение.

– Конечно же, вы знаете, куда идти, мне не нужно показывать вам дорогу – верно, док?

Диоген действительно знал, куда идти.

Одна из обязанностей медицинских экспертов округа Хендри заключалась в том, чтобы осматривать тела казненных преступников и заверять их свидетельства о смерти. Другая работа судмедэкспертов, выпадающая гораздо реже, заключалась в том, чтобы самостоятельно вводить смертельные инъекции, если государственный палач был не в состоянии провести казнь. Однажды, несколько лет назад, когда заключенный в камере смертников исчерпал все возможные апелляции приговора и должен был умереть, городской медэксперт, доктор Коулфетер, попросил Диогена – в то время, когда он еще проживал в Клевистоне под именем Уолтера Лейланда – ассистировать ему при казни смертника в качестве медицинского эксперта-консультанта.

Это было событие, на которое Диоген, создавая личность Лейланда, даже не претендовал. Он был слишком рад помочь, мысленно стоя на коленях и благодаря своенравную удачу за то, что та подкинула ему

такую привлекательную возможность – такую, которую он никогда бы не смог добыть для себя сам.

Опыт оказался весьма интересным. Диоген впервые принял участие в смерти другого человека, заручившись поощрением и поддержкой государства. После этого Диоген выразил готовность помогать доктору Коулфетеру и в будущем, в случае, если ему потребуется его экспертиза. В последующие годы он участвовал еще в трех казнях, причем две из них совершил непосредственно он сам.

Однако сегодня вечером оба: и государственный палач, и доктор Коулфетер не смогли исполнить смертный приговор Люциуса Гарея. Палач был отозван в связи с чрезвычайной семейной ситуацией, а доктор Коулфетер испытывал симптомы аппендицита – оба инцидента, конечно же, были срежиссированы Диогеном. И поэтому власти Флориды, как всегда желая соблюсти строгий график исполнения наказаний, прибегли к услугам доктора Уолтера Лейланда.

Сейчас он припарковал арендованную машину на стоянке для персонала и, выйдя из нее и миновав пост охраны, попал на территорию тюрьмы. Зона приведения в исполнение смертельных приговоров располагалась отдельной структурой от блока смертников. Именно она включала в себя камеру казни, где, к слову сказать, уровень безопасности был немного слабее по сравнению с остальной частью тюрьмы. Это объяснялось тем фактом, что слишком много гражданских лиц – представителей прессы, семей жертв и осужденных – могли проходить сюда через их ворота, чтобы присутствовать на казнях. На внутреннем посту охраны Диоген снова предоставил на проверку свои документы, после чего его провели через первую, а затем и через еще одну стальную дверь. Камера смертельной инъекции располагалась справа от него, электрический стул – слева. Диоген выбрал правый коридор.

Флоридские казни исполнялись строго по расписанию. Он взглянул на свои часы. К настоящему времени осужденный должен был уже получить свой последний обед, и его бы уже посетил надзиратель и, если он пожелал, капеллан. И еще он должен был снять свою обычную одежду и переодеться в больничную рубашку. Скорее всего, в этот самый момент тюремный врач ЛеБронк крепил датчики ЭКГ к груди Люциуса Гарея.

Диоген прошел мимо двух открытых настежь дверей наблюдательной зоны для свидетелей – у родственников, представляющих жертв, была отдельная смотровая комната от родственников осужденных – и он отметил, что, хотя в комнате со стороны жертв уже находилось с полдюжины человек, другая комната была пуста.

Он прошел мимо перегородки в маленькую комнату, в помещение, в котором непосредственно подготавливались смертельные инъекции. В

дальнем конце находилась дверь, ведущая непосредственно в камеру казни. Надзиратель, пара охранников, несколько тюремных служащих, назначенных присутствовать на казни, и тюремный врач ЛеБронк уже находились в тесной, плохо пахнущей камере.

Надзиратель кивнул Диогену.

– Спасибо, что приехали так быстро, доктор Лейланд.

Диоген пожал ему руку.

– Не стоит. Я лишь исполняю свой долг.

Доктор ЛеБронк протер свой потный лоб носовым платком, а затем, в свою очередь, встряхнул руку Диогена. Как и большинство людей, задействованных в исправительной системе Флориды, ЛеБронк верил в смертную казнь всеми фибрами своей души. Однако когда дело дошло до того, чтобы он действительно помог исполнить этот приговор, он увял, как тепличная лилия, оказавшаяся под прямыми лучами солнца.

– Это против правил, – сказал ЛеБронк. – Я имею в виду, что сейчас здесь у нас нет обычной команды исполнения смертных приговоров.

– Готов ли объект? – спросил в свою очередь Диоген, снимая белый лабораторный халат с ряда вешалок и надевая его. С того момента, как заключенный, приговоренный к смерти, в последний раз покидал свою камеру, он или она для остальной части процедуры именовались «объект».

ЛеБронк кивнул.

– Обычно мы не допускаем, чтобы казни исполнялись только одним членом команды, – заметил надзиратель. – Понимаете, это делается для спокойствия исполнительной команды, а не из-за какого-либо особого внимания к объекту. Но доктор ЛеБронк, находящийся здесь, не в состоянии справиться с подобной задачей. Надеюсь, для вас это станет не слишком… обременительным делом, – продолжил он, бросив испепеляющий взгляд на тюремного врача.

Диоген понял подтекст слов, сказанных надзирателем. Это являлось правилом: на казни должны были присутствовать два палача, действующие на пару, и каждый из которых должен был вводить свою собственную смертельную смесь лекарств в трубку капельницы. Однако только одна из этих трубок вела в кровоток осужденного – другая была направлена в одноразовый мешок. Таким образом, те, кому было поручено исполнение казни, могли утешить себя тем, что они, возможно, не совершали убийство человека. Это была психология расстрельной команды: одному стрелку выдавались холостые, остальным – боевые патроны.

– Поверьте, для меня это не будет проблемой, – ответил Диоген, с осторожностью добавив правильную интонацию мрачной решимости, чтобы не выдать надзирателю ни малейшего намека на свое рвение. Он поставил свой медицинский саквояж на ближайший стол. – Справедливость должна восторжествовать. И все мы знаем, насколько губернатору нравится, когда подобные казни происходят вовремя. По отношению ко всем, кто представляет штат и семьи пострадавших, было бы бесчеловечно переносить это событие.

– Вы будто прочли мои мысли, – надзиратель кивнул, жестом подтверждая свои слова. – Как только вы будете готовы, мы сможем приступить.

Диоген взглянул на часы: ровно восемь тридцать.

– Я готов.

Надзиратель повернулся и дал сигнал охранникам, которые тут же вышли из комнаты. Как уже знал Диоген, они отправились забрать Люциуса Гарея и доставить его в камеру казни.

39

Через пять минут охрана привела в комнату Гарея. За ними следовал духовный наставник неопределенного вероисповедания, одетый во все черное. Объект лег на каталку из нержавеющей стали, оборудованную специальными креплениями из толстой кожи для запястий и лодыжек. И, как заметил Диоген, кардиомонитор уже был подключен к сети.

– Вы хотите, чтобы служащий поставил катетер? – спросил доктор ЛеБронк.

Диоген покачал головой.

– Лучше я сам. Тем более, это такая мелочь.

Он прошел через дверь в камеру казни. Дальняя стена была закрыта шторами. Гарей повернул свою толстую шею, чтобы взглянуть на своего будущего палача. Он оказался здоровенным коренастым мужчиной с выбритым черепом, маленькими блеклыми синими глазками и полностью отсутствующим выражением лица. На коже его рук, шеи и груди темнела масса размытых тюремных татуировок. Трудно было сказать, какие именно эмоции он испытывал: страх, гнев, недоверие, – казалось, что все эти чувства пробегали по его лицу одно за другим.

Диоген осмотрелся, чтобы еще раз освежить в памяти обстановку и продумать предстоящую процедуру у себя в голове. Дотянувшись до банки с ватными шариками, он протер внутреннюю область правой руки мужчины спиртом.

Трубка капельницы вела из комнаты для ввода лекарств к стойке, расположенной у каталки приговоренного. Диоген перетянул руку объекта выше локтя жгутом и постучал кончиками пальцев по коже на сгибе локтя Гарея, чтобы получить ярко выраженную вену. У него возникли небольшие трудности с проколом, но, в конце концов, он нашел вену и ввел в нее катетер, после чего снял жгут.

Гарей наблюдал за процедурой без всяких эмоций.

Диоген закончил последние подготовительные шаги и направился от каталки к двери комнаты для ввода инъекций. Как только он скрылся из виду, нижняя часть больничной рубашки и ноги Гарея для благопристойности были укрыты простыней до самой талии. Затем шторы, закрывающие дальнюю стену, разъехались со слабым жужжащим звуком, обнажив две большие панели одностороннего стекла. Гарей не мог видеть свидетелей, находящихся за ними, но они могли видеть его.

В громкоговорителе раздался слабый треск.

– Тишина в зоне свидетелей, пожалуйста, – донесся голос надзирателя, и за этим последовала короткая пауза. – Желает ли осужденный произнести последнее слово?

– Да пошли вы, – ответил Гарей. Теперь на его лице остался только гнев. Собрав ком своей ярости из глубины груди, он размашисто харкнул в сторону одностороннего стекла.

В комнате для ввода лекарств Диоген подписал документы, которые затем вручил надзирателю. Далее он проверил устройство подачи лекарства, которое состояло из нескольких шприцев, уже подготовленных и закрепленных обученными тюремными служащими. Вместо обычных двух наборов сегодня был установлен только один. Наряду с несколькими другими штатами Флорида использовала комбинацию из трех препаратов: «спорный коктейль», который часто менялся, исходя из наличия лекарств. Однако требуемый от него результат никогда не менялся. Первый препарат должен был вызывать бессознательное состояние, второй – паралич и остановку дыхания, и третий – остановку сердца. Их всегда вводили поочередно.

Диоген проверил препараты и их дозировку в системе ввода: сто миллиграмм гидрохлорида мидазолама[125], за которыми последуют в равных частях смертельные дозы бромида векурония[126] и хлорида калия[127]. Он взял тяжеловесную стопку документов, утвержденных государством на исполнение казни, и заполнил первый из двух разделов, указав свое имя, имя объекта, свой регистрационный номер врача, серийный номер лицензии на врачебную деятельность, и лекарства, которые будут использованы.

– Пять минут, – сказал надзиратель.

Диоген сорвал бумажные пломбы, закрепленные вокруг шприцев, затем надежно установил их в три трубки капельницы, один за другим. В этот момент в соседней комнате Гарей начал кричать: то были вопли гнева – в основном бессвязные, за исключением громких проклятий. Диоген не обратил на них никакого внимания. Он включил кардиомонитор, чтобы следить за пульсом объекта. Пульс, к слову, оказался значительно повышен – впрочем, как и следовало ожидать.

Из камеры исполнения наказаний в комнату вошел охранник.

– Последнее слово сказано? – устало спросил надзиратель, проходя через стандартный перечень вопросов.

– Если вам угодно *это* так называть, то да, сэр, – ответил охранник.

– Канцелярия губернатора?

– Дает зеленый свет.

Камера погрузилась в тишину, в ней раздавались только грязные ругательства Гарея, становившиеся все громче и доносившиеся из-за частично приоткрытой двери. Надзиратель наблюдал, как часы на стене медленно отсчитывают одну минуту, затем другую. Наконец, он повернулся к Диогену.

– Можете начинать, – сказал он.

Диоген кивнул. Обратив внимание на первый шприц, он ввел мидазолам. Бесцветная жидкость спускалась по трубке капельницы, которая – вместе с несколькими другими трубами – тянулась в камеру казни через небольшое круглое отверстие в стене.

«*Констанс*», – прошептал он про себя, почти благоговейно.

Сначала громкий, резкий голос Гарея оставался неизменным. Затем он стих и стал невнятным. В течение тридцати секунд он стал ненамного громче отрывочного, бессвязного бормотания.

Диоген выдавил второй шприц, вводя паралитик.

Все глаза в камере были обращены либо на частично открытую дверь камеры казни, либо на маленькое смотровое окно в соседней стене. Никто не заметил, как Диоген сунул руку в карман своего лабораторного халата, извлек еще один шприц, – который он положил туда заранее, предварительно вынув из своего медицинского саквояжа – и вставил иглу в клапан впрыска третьего катетера, после чего ввел его содержимое в трубку капельницы. Так же быстро он положил теперь уже пустой шприц обратно в карман халата.

Эта четвертая, секретная часть «смертельного коктейля» являлась одной из собственных разработок Диогена: сочетание бензоата натрия и сульфата аммония – консервантов, используемых, среди прочего, для сохранения свежести мяса.

Через мгновение в комнате раздались вздохи, после чего последовала череда восклицаний.

– Взгляните на него, – заметил один из охранников. – Он же дергается, как рыба. Никогда не видел раньше ничего *подобного*.

– Это выглядит так, как будто он испытывает сильную боль, – заметил доктор ЛеБронк, и в его голосе послышалось волнение.

– Как такое возможно? – выругался надзиратель. И тут же набросился на Диогена, – что происходит?

– На мой взгляд, ничего особенного. Все в порядке. Я собираюсь ввести хлорид калия.

– Поспешите, – приказал надзиратель.

Медленно и осторожно Диоген надавил на плунжер третьего шприца, содержимое которого вызывало остановку сердца и приводило к смерти. Учитывая то, что в его вены уже были введены неразрешенные химикаты, убийца, возможно, страдал больше, чем требовалось. Скорее всего, *наверняка больше*, чем требовалось. Однако для Диогена было важно, чтобы его добыча была, как можно более свежей.

Плунжер достиг рукояти. Теперь это был лишь вопросом времени. Диоген наблюдал по монитору, как сердце Гарея начинало неумолимо замедляться, в то время как в камере казни он продолжал слабо бороться, издавал булькающие звуки и задыхался, жадно хватая воздух, испытывая явные муки, несмотря на успокоительные и паралитические препараты.

«*Вот как закончится мир. Вот как закончится мир*»[128], – цитировал про себя Диоген. Он сделал глубокий, судорожный вздох и тем самым подавил свой внутренний голос. Для полного прекращения сердечной деятельности потребовалось целых двенадцать минут.

– Готово, – наконец сказал Диоген, отступая от монитора.

Охранник обменялся взглядом с тюремным врачом. Они, как заметил Диоген, оба выглядели мертвенно-бледными – осужденный умер уродливой, затяжной и мучительной смертью. Диоген чувствовал презрение к их слабости и лицемерию.

Надзиратель глубоко вздохнул, приходя в себя.

– Хорошо, – сказал он, – Доктор Лейланд, не могли бы вы подтвердить, что объект скончался и подписать свидетельство о смерти?

Диоген кивнул. Отойдя из монитора, он извлек несколько инструментов из своего медицинского саквояжа – параллельно спрятав в сумку пустой шприц – и вышел в камеру казни. Завеса перед смотровыми окнами была снова закрыта: тем временем сотрудники тюрьмы уже выводили членов семей, а официальным свидетелям еще предстояло подписать документы. Он подошел к трупу Люциуса Гарея. Мужчина, находясь в агонии, сильно боролся с кожаными ремнями, о чем свидетельствовали ободранные и кровоточащие запястья и щиколотки. Диоген извлек иглу из его вены и выбросил ее в медицинские отходы. Он посветил фонариком в глаза Гарея и убедился, что зрачки неподвижны и расширены. После этого он больше ни разу не взглянул в лицо мертвеца: это было весьма неприятное зрелище. В особенности ему был противен толстый торчащий пенек языка, похожий на цветной леденец, с ярко выраженными сосочками насыщенными кровью до баклажанного оттенка, как при хелонитоксизме[129]. Вместо этого он методично прошел все этапы, необходимые для подтверждения смерти. Он произвел сжатие трапециевидной мышцы, чтобы убедиться в отсутствии болевого рефлекса, отметил изменение цвета кожи и отсутствие дыхания, надавил на сонную артерию в поисках пульса и ничего не обнаружил. Приложив стетоскоп к груди мертвеца, он в течение двух минут внимательно слушал дыхание или сердечный ритм, так ничего и не услышав. Люциус Гарей был мертв. Диоген отступил, развернулся и быстро отошел от тела: Гарей опорожнил свой кишечник во время казни.

Он вышел из камеры, представил свое заключение надзирателю и ЛеБронку и заполнил официальную документацию, в конце записав дату и время смерти. Итак, эта часть была закончена – все, что осталось, это сохранить то, ради чего он все это затеял.

Тем более он знал, что уже сейчас на небольшой стоянке около здания, используемого для казни смертников, тело будет ждать грузовик-рефрижератор, который доставит его в офис судмедэксперта, где Диоген проведет его вскрытие. Далее доктор Лейланд по очереди пожал руку надзирателю и ЛеБронку. Они оба все еще выглядели немного потрясенными затяжной смертью Гарея. Что действительно удивляло Диогена, что никому из них – или кому-либо еще – не пришло в голову, что тот же самый врач, который вел смертельный коктейль лекарств Гарею, также будет и коронером – что само по себе весьма необычно. И что в обоих случаях один и тот же человек диагностировавший смерть мужчины, произведет и его вскрытие. В результате, несанкционированные консерванты, которые он ввел, никогда не будут обнаружены в кровотоке умершего. Конечно, он не

сообщил Констанс, что помимо того, что он является коронером, он также работает палачом – это огорчило бы ее без особой необходимости.

В течение пяти минут он вышел из тюрьмы и направился в ЛаБелл, административный центр округа Хендри, где располагался офис судмедэксперта. Он взглянул на юго-восток, в сторону Майами.

«*В то время как моя маленькая, пока моя хорошенькая, спит*»[130] – пропел он про себя.

В багажнике его прокатного автомобиля – наряду с красивым костюмом, быстродействующей краской для волос и цветными контактными линзами его второй личности, Петру Люпея – находился специальный медицинский контейнер, используемый для транспортировки органов и тканей человека, предназначенных для таких срочных операций, как трансплантация. В настоящее время он был пуст.

Но Диоген знал, что примерно через час, он уже не будет пустовать.

40

Офис Говарда Лонгстрита на двадцать третьем этаже Федерал-Плаза, 26 совсем не был похож на типичный офис агента ФБР, и именно поэтому он так нравился Лонгстриту. Во-первых, он очень редко принимал посетителей – заместитель исполнительного директора по вопросам разведки нечасто приглашал к себе кого-либо – обычно это он наносил визиты. Во-вторых, учитывая высокую должность Лонгстрита в ФБР, кабинет был обставлен довольно скудно. Лонгстрит избегал трофеев, обычно украшавших подобные офисы: вставленных в рамку сертификатов и наград или фотографий президента. В комнате не было даже компьютера – Лонгстрит делал свою цифровую работу в другом месте. Вместо этого три стены были заставлены шкафами с книгами на всевозможные темы. Также здесь наличествовал маленький столик, достаточно большой для чаепития, и два кресла, обтянутые немного потрескавшейся красной кожей.

Подтянутая и удивительно высокая фигура Лонгстрита располагалась на одном из кресел. Заместитель исполнительного директора по вопросам разведки был занят чтением: в одной руке он держал конфиденциальный отчет о деле, а в другой – копию «Джорджа Элиота» Даниэля Деронды. Периодически переключая внимание с одного чтива на другое, Лонгстрит время от времени прерывался, чтобы сделать глоток напитка со льдом, стоящего на столе.

В дверь тихо постучали.

– Он здесь, сэр, – раздался голос его личного секретаря, мелькнувшего в дверном проеме.

– Пригласите его, – сказал Лонгстрит.

Дверь открылась шире, и в комнату вошел А. К. Л. Пендергаст. Прошло два дня с момента его спасения, и его довольно встревоженное лицо по-прежнему носило следы многочисленных царапин и ссадин, но он снова был одет в свой неизменный черный костюм, который уже являлся его отличительным знаком.

– Алоизий, – обратился Лонгстрит, – доброе утро.

Директор кивнул на пустое кресло, на котором, ввиду того, что кто-то редко сидел в нем, скопился тонкий слой пыли. Пендергаст кивнул и сел.

Лонгстрит жестом указал на свой стакан с напитком.

– Желаешь «Арнольда Палмера»[131]?

– Благодарю, но, пожалуй, откажусь.

Лонгстрит сделал глоток.

– А ты времени зря не терял.

– Можно и так сказать.

Те немногие люди, которые хорошо знали Пендергаста, заметили бы, что он разговаривал с Лонгстритом иначе, чем с остальными. В его тоне присутствовало немного меньше иронии, а его обычная манера поведения, выглядящая как высокомерная отстраненность, была смягчена чем-то похожим на почтение. Как понимал Лонгстрит, это был рудиментарный эффект из-за того, что он находился в компании человека, который раньше был для него старшим по званию.

– Я хочу поблагодарить тебя за мое спасение, – сказал Пендергаст, – и за то, что ты доставил меня в Нью-Йорк так быстро.

Лонгстрит отмахнулся от этой благодарности, тут же подался вперед и впился в Пендергаста своими блестящими черными глазами.

– Если ты хочешь отблагодарить меня, то можешь сделать это, ответив на несколько вопросов – с честностью, которую я всегда ожидал и требовал от тебя.

Пендергаст немного отклонился назад, откинувшись на спинку кресла.

– Я отвечу, в меру своих возможностей.

– Кто привел тебя в ФБР?

– Ты знаешь, кто это сделал: Майкл Декер.

– Так и есть. Майкл Декер.

Лонгстрит провел рукой по своим длинным седым волосам.

– Мой непосредственный подчиненный и твоя правая рука, во время нашей службы в команде «Призрак». Он дважды спасал твою жизнь во время нескольких последних тактических операций, не так ли?

– Трижды.

Лонгстрит приподнял бровь, как будто удивившись, хотя на самом деле он уже знал ответы на все эти вопросы.

– А какой был девиз команды «Призрак»?

– «*Fidelitas usque ad mortem*».

– Совершенно верно. *«Верность до смерти»*[132]. Насколько Майк был близок с тобой?

– Он был мне как брат.

– А для меня он был сыном. После службы в команде «Призрак» вы *оба* стали для меня сыновьями. И с момента его смерти я пытался взять на себя его роль, вернее ту ее часть, которая касалась непосредственно тебя. Я делал всё возможное, чтобы у тебя была полная свобода действий в делах, которые интересовали тебя больше всего, потому что, в конце концов, это то, в чем ты лучший, и было бы непростительно тратить впустую или – не дай Бог – потерять твои способности. Я также иногда защищал тебя от официального гнева Бюро. Конечно, в меру своих сил и возможностей. Правда, была пара случаев, когда даже я не мог полностью оградить тебя от него.

– Я знаю, Говард, и очень благодарен тебе за это.

– Но именно о смерти Майка Декера я хочу поговорить с тобой прямо сейчас.

Лонгстрит сделал еще один глоток своего напитка.

Пендергаст медленно кивнул. Три года назад Декер был найден в Вашингтоне, округ Колумбия, у себя дома – убитый штыком, который пришпилил его голову к офисному креслу.

– Сначала несколько человек из Бюро подозревали в его убийстве именно *тебя*. Я, разумеется, в их число никогда не входил. Позже стало известно, что Майкла убил твой брат Диоген, желая повесить на тебя это убийство, – Лонгстрит заглянул в свой стакан. – И вот тут мы добрались до сути дела. Несколько месяцев спустя, как только ты очистился от ложных обвинений, ты отвел меня в сторону и сказал: «*Ты не слышал*

этого от меня, но мой брат мертв». Возможно, я воспроизвел не дословно, но суть остается именно такой. Ты также сообщил мне, что обстоятельства сложились таким образом, что его тело своими глазами тебе увидеть не довелось. Ты попросил меня воздержаться от дальнейшего расследования, положившись на твое слово. Ты также заявил, что не хочешь, чтобы я, твой друг, наставник и бывший командир, тратил бесчисленные часы на то, что, в конечном счете, докажет тщетность поисков. Ты попросил, чтобы, когда пройдет достаточно времени, я спокойно похоронил смерть Майка Декера среди нераскрытых дел. И я это сделал.

Лонгстрит подался вперед и коснулся кончиками пальцев колена Пендергаста.

– Но в этом и заключается загвоздка. После твоего исчезновения и очевидного утопления около Эксмута, штат Массачусетс, мы, конечно, отправили туда выездную команду для проведения тщательного расследования, но, пока мы не нашли тебя ни мертвым, ни живым, мы получили три снимка. Все они были сделаны с деревянного смотрового пирса с видом на городской пляж. На них был изображен твой брат. Диоген.

Лонгстрит откинулся на спинку кресла и позволил сказанному повиснуть на мгновение в воздухе, прежде чем продолжить.

– Я промолчал. Но ты можешь себе представить, что творилось в моих мыслях. Будучи членами команды «Призрак» – одного из самых немногочисленных, самых секретных, самых самоотверженно преданных подразделений армии, мы все дали клятву на крови отомстить за каждого члена команды, который погибнет от руки кого бы то ни было. Когда ты намеренно сообщил мне, что твой брат, убийца Майка Декера, мертв, ты, тем самым, по сути, попросил меня отречься от моей клятвы на крови. Теперь, спустя годы, есть веские доказательства того, что, в конце концов, твой брат тогда *не* умер, – он продолжал пристально смотреть на Пендергаста. – Что происходит, Алоизий? Ты солгал мне и предал нашу общую клятву, потому что убийца был твоим братом?

– Нет, – немедленно ответил Пендергаст, – я действительно думал, что он погиб. Мы все думали, что он мертв. *Но оказалось, что это не так*.

Лонгстрит замер на несколько мгновений, а затем кивнул и немного осел в своем кресле, ожидая продолжения.

Выражение лица Пендергаста стало отстраненным, как будто мыслями он унесся куда-то очень далеко. Затем, несколько минут спустя, он снова пришел в себя.

– Мне придется поделиться с тобой историей, – начал он, – одной очень *личной* семейной историей. Среди всего сказанного ты упомянул, что Диоген попытался повесить на меня убийство Майка Декера. На некоторое время этот его план удался, и меня посадили в тюрьму.

Пендергаст снова замолчал.

– У меня есть подопечная по имени Констанс Грин, по возрасту ей немного за двадцать лет. У нее также очень сложная история, которая в данном случае не важна. Важно *то*, что она очень неустойчива с умственной и эмоциональной точки зрения. Характер у нее взрывоопасный. Любая угроза по отношению к ней или по отношению к тем немногим людям, которых она считает близкими, скорее всего, встретит насильственный или даже *смертельный* отпор.

Он глубоко вздохнул и продолжил.

– Когда я был в тюрьме, Диоген соблазнил Констанс, а затем бросил ее, оставив жестокую записку, в которой говорилось, чтобы она покончила с собой, но не смела жить со стыдом. В ответ Констанс отправилась за Диогеном, обуреваемая всепоглощающей яростью. Она преследовала его по всей Европе и, наконец, догнала на острове Стромболи. Там она сбросила его в поток лавы, вытекающей из вулкана.

Лонгстрит не выдал никакой эмоциональной реакции, лишь слегка приподнял кустистые брови.

– Мы с Констанс считали, что Диоген погиб. И за минувшие годы у меня не было оснований полагать иное. До последних дней в Эксмуте.

– Он связался с тобой? – спросил Лонгстрит.

– Нет. Но я видел его или думал, что однажды видел, наблюдающим за мной издали. Позже я нашел веские доказательства того, что он находится поблизости. Но прежде чем я смог что-либо предпринять в отношении него, меня унесло в море, и я попал в плен. Несколько недель спустя, оказалось, что… – Пендергаст прервался, чтобы подобрать слова… – Диоген сумел снова *увлечь* Констанс.

– Увлечь?

– Все доказательства указывают на то, что он либо похитил ее, либо чем-то ее опоил, либо как-то использовал Стокгольмский синдром, превратив ее в свою сообщницу. Как бы там ни было, надежный свидетель видел, как они уезжали – можно даже сказать, убегали – *вместе* из моей резиденции на Риверсайд-Драйв два дня назад.

Лонгстрит нахмурился.

– Стокгольмский синдром предполагает активное участие с ее стороны. При похищении подобного бы не происходило. Между этими понятиями большая разница.

– Данные свидетельствуют о том, что Констанс активно участвовала в своем похищении.

Офис погрузился в тишину. Лонгстрит положил на стол свои длинные узкие руки и опустил на них свою достаточно крупную лохматую голову. Пендергаст остался неподвижен, как мраморная статуя, продолжая сидеть в старом кресле. Прошло много времени. Наконец Пендергаст откашлялся, прочистив горло.

– Прошу прощения, что раньше я не поделился этими подробностями с тобой, – сказал он. – Они слишком болезненные. Унизительные и оскорбительные. Но… сейчас мне нужна твоя помощь. Я помню о клятве крови, которую все мы принесли. Раньше мое присутствие духа и хладнокровие подводили меня, в случаях, когда дело касалось Диогена. Но теперь я понимаю, что есть только один выход: мой брат *должен* умереть. Мы должны работать вместе, чтобы выследить его и сделать так, чтобы он не пережил арест. Это, как ты сказал, мы обязаны сделать ради Майка Декера, и убедиться, что его убийца получил по заслугам раз и навсегда.

– А что с девушкой? – спросил Лонгстрит. – Констанс?

– Она должна остаться невредимой. Мы сможем оценить степень ее причастности после того, как Диоген будет мертв.

На несколько секунд Лонгстрит погрузился в раздумья, а затем, молча, он протянул через стол руку.

Так же тихо, без слов, Пендергаст пожал ее.

41

Лодка легкими движениями разрез*а*ла черную гладь воды, а теплый воздух шевелил волосы Констанс цвета красного дерева и играл ее длинным платьем. Она откинулась на бирюзовое мягкое сиденье рядом с Диогеном, который был за рулем. Они направили свою яхту из Саус-Бич-Харбор в место под названием Аппер-Шугалоф-Кей. Там, в бунгало, укрытом среди сосен на воде, они обменяли ее на меньшую лодку с небольшой осадкой. Диоген рассказывал о ней в благоговейных тонах: девятнадцатифутовый гоночный катер «Крис Крафт»[133], построенный в 1950 году, который он восстановил, оборудовав его новыми бортами, новыми палубами и тщательно отреставрированным двигателем. Название лодки, написанное черным цветом на золотом фоне, гласило «ФЕНИКС», а ниже «ХАЛСИОН-КИ».

Теперь, когда они приближались к месту назначения, с Диогеном произошли значительные перемены. Если поначалу он был крайне немногословен, то теперь стал гораздо более общителен, если не сказать болтлив. В то же время его обычно напряженное лицо смягчилось и расслабилось, а его выражение можно было назвать почти мечтательным – это стало самой разительной переменой по сравнению с его обычно острым и бдительным взглядом. Ветер шевелил его короткие, рыжеватые волосы, а глаза слегка щурились, глядя вперед. Изображая Петру Люпея, он, среди прочего, прикрывал свой мертвый голубой глаз цветной контактной линзой, но Констанс заметила, что в какой-то момент он вынул ее, возвращая глаза к своему двухцветному внешнему виду, а также успел удалить краситель со своих волос. Его «Ван Дайк» уже начал отрастать. Казалось, что вся его манера поведения тоже изменилась, физически превратившись в того Диогена, каким она его запомнила почти четыре года назад, но душевные отличия были явно налицо: исчезли резкость, высокомерие и саркастичность.

– Справа, – рассказывал он, и его рука, отпустив хромированный руль, указала на скопление крошечных островков, покрытых пальметто[134], – вон те коралловые рифы называются Гремучая змея.

Констанс взглянула в их сторону. Слева от нее низко над горизонтом висело солнце – большой желтый шар, прочертивший на водной поверхности ослепительную дорожку и окрасивший крошечные островки золотым светом. Везде, куда бы она ни взглянула, вздымались низкорослые острова – необитаемые и дикие. В то время как она никогда особо не задумывалась о Флорида-Кис, красота и безмятежность этого места – и его тропическая изоляция – оказались тем, чего она никогда не ожидала здесь найти. Глубина была незначительной – она могла видеть, как дно лодки почти касается дна, но Диоген уверенно вел ее вперед, видимо хорошо зная путь среди всех этих мелких, извилистых каналов.

– Этот маленький коралловый остров слева называется Счастливый Джек, а тот чуть дальше Пампкин-Ки.

– А Халсион?

– Скоро, моя дорогая. Скоро. Этот большой остров справа, почти полностью покрытый мангровыми зарослями, называется Джонстон-Ки.

Он крутанул руль, и лодка вильнула влево, взяв курс прямо на заходящее солнце, миновав Счастливого Джека слева, и Джонстона справа.

– Тот остров, что ты сейчас видишь прямо перед собой, и есть Халсион-Ки.

За Джонстоном, подсвеченным золотым сиянием заходящего солнца, она увидела большой остров, окруженный со всех сторон гористыми берегами. По мере приближения к нему лодки в поле зрения Констанс возник длинный пляж с низким скалистым блефом, а рядом с ним белели крыши большого дома. Как минимум две трети острова были покрыты мангровыми лесами. Близлежащие коралловые островки также были усеяны мангровыми зарослями, но на некоторых из них – у самого берега моря – размещались крошечные пляжи. От острова простирался длинный пирс, а на его конце возвышалась небольшая деревянная беседка.

Диоген плавно завел лодку в специальный причальный отсек, который располагался под прямым углом к остальному пирсу. Выверенными движениями он сбросил пару швартовых кранцов[135], затем на секунду пустил двигатель в реверс, после чего лодка плавно причалила. Диоген выключил двигатель, спрыгнул на пирс, пришвартовался и протянул Констанс руку. Она ухватилась за нее и шагнула на выветренные доски причального настила.

– Добро пожаловать, – сказал Диоген. – Позволено ли будет мне сказать, добро пожаловать домой?

Вернувшись в заднюю часть кубрика лодки, он забрал ее вещи, в то время как Констанс на пару минут осталась на пирсе одна, глубоко дыша полной грудью. Воздух оказался густым и был насыщен запахом моря, а солнце садилось буквально в пальмы, окаймляющие пляж. Справа от себя она могла лицезреть – помимо россыпи более мелких необитаемых островков – великое пространство Мексиканского залива.

В дальнем конце пирса на столбах бок о бок сидела пара неуклюжих пеликанов.

– Ты совсем притихла, моя дорогая.

– Это все очень ново для меня.

Она вздохнула и обхватила себя руками, попытавшись подобным жестом сбросить с себя ощущение чего-то чужеродного, окружившего ее, и подготовиться к вступлению на неизвестную и опасную территорию. У нее промелькнула мысль о том, не совершила ли она самую большую ошибку в своей жизни и не пожалеет ли она горько об этом своем решении. Но нет: ей нужно было продвигаться вперед, а не оглядываться назад.

– Расскажи мне об острове, – попросила она.

– Площадь острова Халсион составляет около двухсот гектаров, – заговорил Диоген и неспешным шагом отправился вдоль причала с багажом в руках. – Шесть из них занимают мангровые леса, остальные –

пальмы, песчаные пляжи и этот скалистый блеф, который весьма необычен для подобных коралловых островов.

Пока они шли по пирсу, те самые два пеликана взмахнули крыльями и тяжело взмыли в небо. Добравшись до конца причала, Констанс вслед за Диогеном спустилась по деревянным мосткам на пляж. Далее они прошли через скопление мангровых зарослей, которые внезапно оборвались у широкой площадки, покрытой мелким песком и затененной многочисленными королевскими пальмами, возвышающимися над пышными садами. В середине этой открытой площадки стоял большой двухэтажный дом, выстроенный в Викторианском стиле и окрашенный в белый цвет. На обоих его этажах были обустроены обеденные веранды, а с одной его стороны возвышалась квадратная наблюдательная башня. Это был громоздкий, просторный дом, вершины крыш и мезонинов которого освещали лучи заходящего солнца.

– Он был построен в 1893 году богатым выходцем из Бостона, – продолжал свой рассказ Диоген, – который переехал сюда со своей женой. У них была романтическая идея превратить его в гостиницу, но пробыв здесь некоторое время, они осознали, что это нереально и что здесь слишком уединенно, поэтому они вскоре уехали. В последующие годы у него была целая череда бедных хозяев, и дом пришел в упадок. В упадке он и пребывал, пока я не купил его двадцать лет назад и не восстановил его первоначальное великолепие. Мы окружены со всех сторон Национальным Заповедником дикой природы Грейт-Уайт-Херон. Этот остров и этот дом вошли в него, когда он только создавался.

– Я не вижу поблизости ни одной лодки.

– Здесь всюду мелководья, а каналы слишком извилисты для большинства моторок. Однако в теплые сезоны ты сможешь понаблюдать за каякерами.

– Это будет прекрасно, – пробормотала она.

– Пойдем дальше.

По лестнице он провел ее на широкую веранду, с которой открывался потрясающий вид на пышные сады, раскинувшиеся до самой стены мангровых зарослей. Диоген открыл перед Констанс дверь, и они вошли в дом. Прихожая, отделанная ореховым деревом, вела к лестнице, справа от которой размещалась гостиная, а слева библиотека. В каждой из этих комнат был оборудован большой камин, на полу лежали персидские ковры, а с потолка свисали венецианские люстры. В доме приятно пахло лаком, пчелиным воском и саш***е***.

Констанс почувствовала, что он смотрит на нее, ожидая реакции. Она так и не сумела подобрать нужные слова, поэтому он продолжил:

– Я хотел бы познакомить тебя с моим доверенным слугой.

Она резко взглянула на него.

– У тебя есть помощник?

– Да, – он отвернулся от нее и позвал, – мистер Гурумарра?

Словно из ниоткуда бесшумно возник мужчина. Он оказался высоким и стройным, с очень темной кожей, сильно морщинистым лицом, а голову его украшала копна седых волос. Было невозможно понять, сколько ему лет – казалось, что время над ним не властно.

– Мистер Гурумарра, это мисс Грин, которая является новым жителем Халсион-Ки.

Подойдя к ней, мужчина пожал ей руку, и по ощущениям его прикосновение оказалось сухим и прохладным.

– Рад познакомиться с вами, мисс Грин.

Говорил он очень формально и с легким австралийским акцентом.

– Я рада встрече с вами, мистер Гурумарра, – сказала Констанс.

– Мистер Гурумарра – абориген из Квинсленда. Что бы тебе ни понадобилось, он сможет найти это здесь или доставить на остров специально для тебя. Я подозреваю, что тебе понадобится новый гардероб, подходящий для теплого климата. Если ты подготовишь список, мистер Гурумарра позаботится об этом.

– Спасибо.

Казалось, что после этих слов мужчина тихо растворился в затененном коридоре.

– Он был со мной с тех самых пор, как я купил остров, – сказал Диоген, – и он обладает воистину безграничными возможностями. Он не готовит еду – это моя сфера деятельности, – но он поддерживает в доме порядок, совершает покупки и обременяет себя другими бытовыми мелочами, которые я нахожу столь утомительными.

– Где он живет?

– В коттедже садовника, который находится в роще платанов рядом с пляжем, – Диоген ненадолго взял ее за руку и повел к задней лестнице. – Ты, вероятно, захочешь освежиться после нашего путешествия. Позволь мне показать твои апартаменты.

Вслед за ним она стала подниматься по лестнице. Они оказались в гостиной второго этажа, которая выходила на веранду в задней части дома. Отсюда в северном направлении открывался захватывающий вид на коралловые островки, окаймляющие залив, и далее – на бескрайнее пространство морской глади за его пределами. Сейчас солнце уже касалось горизонта и быстро погружалось в море. Окна были открыты, и легкий бриз трепал кружевные занавески, просачиваясь сквозь них и поддерживая в комнате прохладу.

– Это крыло будет лично твоим, – сказал Диоген, – три спальни и гостиная в твоем полном распоряжении, а также камин и мини-кухня. Вход сюда возможен только по задней лестнице. Как видишь, апартаменты очень уединенные.

– А где спишь ты?

– В другом крыле доме, – он замешкался и добавил. – Установленные порядки, конечно же, весьма гибкие и могут… изменяться.

Констанс хорошо поняла скрытый подтекст его слов. А он тем временем поставил ее чемодан и багаж.

– Я оставлю тебя одну, чтобы ты могла спокойно выбрать комнату и обустроиться. Я буду ждать тебя в библиотеке, чтобы отметить наш приезд и немного выпить. Ты же не откажешься от бокала шампанского?

Ее окутало необычное почти непреодолимое чувство странности происходящего. Она задалась вопросом, действительно ли в ней было достаточно стойкости, чтобы пройти через все это.

– Спасибо, Питер.

Он улыбнулся и взял ее за руку.

– На Халсионе я – Диоген. Здесь я – это я. Здесь только наша семья, – он немого замялся. – И, говоря о семье, мы должны – в какой-то момент – обсудить, что нам делать с нашими…

– Простите, нашими… чем?

– Дорогая моя, я говорю о нашем сыне. И, конечно же, о ребенке моего брата. Тристраме. Я хочу, чтобы обо всех моих кровных родственниках хорошо заботились.

Констанс растерялась от подобной смены разговора.

– Мой, я имею в виду наш, сын находится на попечении монахов Гзалриг Чонгг. Я не могу придумать для него лучшего места.

– И я полностью с тобой согласен. На данный момент это так, но обстоятельства могут измениться.

– Что касается Тристрама, ему уже сообщили об исчезновении его отца, и я полагаю, когда его смерть станет официальной, ему расскажут и об этом. Сейчас он проживает в школе-интернате, но, возможно, мы сможем стать его опекунами, когда в этом возникнет необходимость.

– Идеальный план. Я так мало знаю о единственном оставшемся сыне моего брата и с нетерпением жду момента, когда смогу познакомиться с ним поближе. А пока, прощай, – он начал подносить ее руку к своим губам, но она осторожно отняла ее.

Судя по всему, он не обратил на это никакого внимания, и на всякий случай уточнил:

– В библиотеке в шесть.

Он ушел, а она так и осталась стоять в гостиной, не в силах отвести взгляд от моря. Сейчас солнце уже исчезло за горизонтом, и казалось, что теплые сумерки поднимаются из глубин моря.

Обойдя все три комнаты, находящиеся в ее распоряжении, она выбрала ту, что выходила окнами на восток – с видом на архипелаг из крошечных необитаемых коралловых островков – чтобы любоваться восходом солнца. Ей не пришлось долго распаковывать вещи. Вся ее одежда оказалась не подходящей для Флориды. Из особняка на Риверсайд-Драйв она взяла лишь несколько вещей, не желая брать с собой напоминания об Алоизии или его подарки – это только усугубило бы ее страдания и боль.

* * *

В шесть часов Констанс вошла в библиотеку, и замерла в дверном проеме, потому что от увиденного у нее перехватило дыхание.

Диоген, сидящий в кресле у небольшого камина, поднялся, как только увидел ее.

– Я приложил много усилий, чтобы сделать это место приятным для тебя. Это сердце дома.

Констанс прошла внутрь и оказалась в помещении высотой в два этажа, которое буквально лучилось роскошью. Персидские ковры покрывали пол, вдоль стен теснились книжные шкафы, а недалеко от них находилась дубовая библиотечная лестница на латунных рельсах и камин из красного мрамора. Вместо книг одна из стен была покрыта небольшими картинами, которые представляла собой тесно переплетенное скопление – в стиле ателье девятнадцатого века. В

дальнем углу доминировал клавесин, покрытый великолепной росписью и инкрустацией.

– Какая красота, – пробормотала Констанс, подходя к инструменту.

– Клавесин был создан флорентийским мастером Винченцо Соди, в 1780-м году. В нем установлены двойные язычковые гнезда по методу Чембало Ангелико – с мягкими и жесткими кожаными медиаторами. Прекрасный тон.

– Я с нетерпением жду возможности сыграть на нем.

– На этих полках ты найдешь все свои любимые книги самых редких изданий, плюс много новых книг, которые, я надеюсь, ты с удовольствием сможешь прочесть. Их заголовки звучат красиво и причудливо, как, например, пергаментная рукопись Верга «Livre de Prierès[136]», самая доступное, что можно найти из иллюстрированных рукописей девятнадцатого века. Или необычный набор деревянных цветных гравюр «Закат солнца в Ти-три», созданных Тиг и Рэд[137]. И это только пара примеров. Ах, и, конечно же, картины! Как ты, наверное, уже заметила, это Бронзино[138], Понтормо[139], Ян ван Эйк[140], Питер Брейгель Старший[141] и Пауль Клее[142].

Диоген перемещался по комнате, словно танцор, активно жестикулируя и произнося каждое слово в несколько театральной манере.

– В том углу ты найдешь множество музыкальных инструментов. А в этих шкафах есть игры, карты, пазлы, шахматы и го[143]. Эта конструкция в том углу – кукольный домик времен Эдварда VII.

Констанс подошла к нему и отметила, что он был исполнен с кропотливым, замысловатым и искусным мастерством. Также он оказался изящным и именно таким, каким бы она была бы в восторге владеть, будучи молодой девушкой, и, по мере того, как она все больше его рассматривала, внутри ее исчезало чувство неуверенности и физической усталости. Она просто не могла не поддаться очарованию этого домика.

– Давай пойдем и насладимся шампанским.

Он подвел ее к креслу, стоящему перед камином. С заходом солнца вечер стал немного прохладным. Чувство нереальности происходящего снова затопило Констанс, когда она увидела, что он устроился напротив нее в кожаном кресле, слегка улыбаясь своим мыслям. А затем он вытащил бутылку шампанского из серебряного ведерка со льдом, налил два бокала и протянул один из них ей.

– «Кло д’Амбоне» 1995 года от компании Крюг[144] – сказал Диоген, поднимая свой и прикасаясь к ободку ее бокала.

– Ты зря растрачиваешь на меня хорошее шампанское.

– Только до тех пор, пока ты не разовьешь свой собственный вкус.

Она сделала глоток, удивляясь изысканному вкусу.

– Завтра я покажу тебе остальную часть острова. А сейчас это тебе.

На этих словах он достал из кармана пиджака маленькую, красиво упакованную коробочку, перевязанную лентой, и отдал ее ей.

Констанс взяла ее и сняла обертку, обнажив шкатулку из сандалового дерева. Отомкнув ее и подняв крышку, она обнаружила утопленный в бархат пакет для внутривенного вливания, наполненный слегка розовой жидкостью.

– Что это?

– Снадобье. Эликсир. Мой подарок тебе, Констанс. Нечто особенное и уникальное, как ты сама.

Она снова взглянула на жидкость.

– И как я смогу принять его?

– Инъекция.

– Ты имеешь в виду внутривенно?

– Да.

– Когда?

– В любой момент, как только пожелаешь. Может быть, завтра?

Она так и не отняла взгляд от шкатулки

– Я приму его сейчас.

– Ты имеешь в виду, *прямо* сейчас?

– Да. Пока мы пьем шампанское.

– Это именно та черта характера, которую я так люблю в тебе, Констанс – ты никогда не сомневаешься в принятых решениях!

Диоген встал, подошел к высокому узкому шкафу, открыл его дверцу и выкатил на тележке блестящую, совершенно новую стойку для капельницы, оборудованную по последнему слову техники.

Констанс ощутила, как по ней прокатилось слабое чувство тревоги. Для нее этот шаг действительно напоминал пересечение Рубикона.

– Вливание займет около часа.

Он подкатил стойку к ее креслу, подключил электронный насос и монитор, и отрегулировал трубки и клапаны.

– Закатай свой правый рукав, моя дорогая.

Внезапно у Констанс возникла мысль – очень мрачная мысль. Могло ли это все быть фарсом? Мог ли он снова ею манипулировать? Возможно ли, что вся эта любовь Диогена к ней была всего лишь фикцией? Возможно ли, что это был некий безумно сложный заговор, чтобы пустить по ее венам какой-то ядовитый или наркотический препарат? Но так же быстро, как эта мысль возникла, Констанс подавила ее: никто, даже Диоген, не смог бы провернуть настолько глубокий обман. И она подумала, что ее чутье наверняка бы подсказало ей, если бы действительно что-то пошло не так. Придя к таким выводам, она подвернула рукав.

Его теплые пальцы подняли ее руку, нежно пальпировали и перетянули резиновым жгутом выше локтя.

– Нет нужды смотреть, – заметил он.

Но она все равно продолжила наблюдать за тем, как он умело ввел иглу в ее вену. Диоген повесил пакет со снадобьем на стойку и открыл запорный клапан, после чего Констанс откинулась на спинку кресла и подняла взгляд, как раз в тот момент, чтобы увидеть, как спасительная жидкость поползла по трубке к ее руке.

42

Главная улица города Эксмут, штат Массачусетс, сегодня выглядела совсем иначе, чем в последний раз, когда Пендергаст видел ее, освещенную ярким солнечным светом. Это было – припомнил он – двадцать восемь дней назад. В тот день все население города собралось перед полицейским участком, заполнив все прилегающие к нему улочки, и от всей этой толпы буквально исходила атмосфера облегчения и радости: угроза, которая до того нависла над городом, исчезла. К тому времени недавние убийства и пережитки ядовитого прошлого, были устранены. Но сейчас полицейский участок выглядел тихим и темным: рядом с ним были размещены временные казармы Национальной гвардии, на то время пока разрушенный город не восстановится и назначит нового начальника полиции.

На первый взгляд Мейн-Стрит по-прежнему выглядела, как и любая другая улица, проходящая через обычную рыбацкую деревушку Новой Англии… но при более детальном рассмотрении первое впечатление существенно менялось. Стоило присмотреться чуть внимательнее, и очевидны становились явные отличия Мейн-Стрит от других улочек

Новой Англии: заколоченные окна, многочисленные таблички «ПРОДАЕТСЯ» и пустые витрины. Пройдет много лет, прежде чем город вернется к нормальной жизни – если это вообще когда-нибудь произойдет.

Вернувшись в Нью-Йорк, Пендергаст знал, что Говард Лонгстрит – в свойственной ему тихой манере – мобилизовал все имеющиеся в его распоряжении огромные ресурсы для решения одного-единственного вопроса: куда исчез Диоген? В поисках каких-либо зацепок директор просил об услугах взамен ранее оказанных, задействовал учреждения-партнеры, даже производил поисковые запросы по внутренним каналам АНБ. Однако все эти меры не принесли результатов, поэтому Пендергаст отправился в Эксмут: последнее место, где он воочию наблюдал присутствие своего брата до того, как его самого унесло в море.

Он провел утро в беседах с несколькими жителями Эксмута: с одними он обменялся воспоминаниями о совместно пережитых событиях, а другим задал по несколько неопределенных, косвенных вопросов. Теперь он продолжал свой путь по Мейн-Стрит, мимоходом глядя по сторонам. Агент бросил взгляд на тот самый угол, стоя у которого он и Констанс наблюдали за торжеством в тот последний день. *Констанс*. Пендергаст на мгновение задержал в голове ее образ, а затем заставил его исчезнуть. Чувство беспокойства, непонимания и вины угрожали нарушить ход его мыслей. Было жизненно необходимо, чтобы он продолжал сдерживать свои предположения касательно мотивов ее поведения.

В дальнем конце рабочего района Пендергаст остановился, чтобы успеть осмотреть заброшенный викторианский дом морского капитана, который до недавнего времени был гостиницей «Капитан Халл». Теперь веселая вывеска отеля была заменена огромным монохроматическим щитом с надписью «Корпорация Р. Дж. Мэйфилд», объявлением о признании здания аварийным, и также сообщением, что оно будет снесено и на его месте построят «Портовый Поселок Эксмута», состоящий из целого ряда «многоквартирных домов с видом на океан, и договорной стоимостью». Если после трагедии город, в конечном итоге, не сможет вернуться к своим корням и снова стать рыбацкой деревней, то он навсегда мог остаться просто еще одной остановкой на пути туристических маршрутов.

Разъезжая на своем большом «Роллсе», который был недавно найден на штраф-стоянке аэропорта Тетерборо, Пендергаст, наконец, свернул на Дьюн-Роуд, и сбавил скорость, чтобы иметь возможность читать номера домов на почтовых ящиках. Он остановился, когда достиг номера три. Внешне дом выглядел вполне типично для данного района: небольшой Кейп-Код[145], покрытый выветренной черепицей, окруженный белым забором и небольшим, но тщательно ухоженным двором.

В то время как агент осматривал дом, зазвонил его мобильный телефон и он извлек его из кармана пиджака.

– Да?

– Мистер Секретный агент! – донесся голос из Ривер-Поинт, штат Огайо.

– Слушаю, Мим.

– Звоню, чтобы сообщить вам новые сведения. Кажется, что ваш шофер совершил какое-то серьезное путешествие. Восьмого ноября он зафрахтовал частный самолет из аэропорта Тетерборо без предварительного заказа, воспользовавшись услугами «Дебон-Эйр Авиэйшн».

Пендергаст нахмурился. Тетерборо – судя по тому, где нашли «Роллс» – не стал для него неожиданностью. Но куда и зачем Проктор мог отправиться? Ответ не заставил себя ждать.

– Конечным пунктом назначения был указан Гандер, Ньюфаундленд. Ну, по крайней мере, это был конечный пункт назначения чартера. Кстати, порывшись в некоторых сообщениях личной переписки сотрудников «Дебон-Эйр», я узнал, что ваш шофер не был образцовым пассажиром.

– Проктор все еще в районе Гандера?

– Оказалось, что его невозможно отследить. Ни в мотелях, ни в окрестных селениях – нигде его нет. Вот почему я предполагаю, что Гандер, возможно, не был его последней остановкой.

– Но Гандер – это, по сути, восточная оконечность Северной Америки.

– Одно очко нашей команде! Бросьте кубики и сыграйте в Монополию: куда дальше мог направиться ваш парень?

– Европа? – мягко спросил Пендергаст.

– Возможно.

– Выясните это, Мим. Используйте все доступные ресурсы – национальные и международные.

– О, я сделаю это. Международные на самом деле даже лучше – у меня много друзей-единомышленников в этой области. И не забывайте: счетчик работает. Я свяжусь с вами, когда узнаю больше.

Звонок оборвался. В то время, пока его мозг был занят построением гипотез и предположений относительно подобного путешествия шофера, Пендергаст не спеша вернул телефон в карман пиджака. Он с облегчением подумал, что Проктор, вероятно, был жив. Ему пришлось

еще раз сознательно заставить себя отказаться от поисков Проктора и позволить Миму сделать за него эту работу. Он должен был сосредоточить всю свою энергию на первоочередном деле.

Несколько минут Пендергаст сидел очень тихо, стараясь контролировать свое дыхание, сознательно замедлять свое сердцебиение и успокаивать разум. Затем он открыл дверь машины, подошел к дому и постучал.

На стук вышел низкий, грузный мужчина возрастом чуть больше пятидесяти лет с редкими темно-русыми волосами, в которых пробивалась седина. На его лице застыло казавшееся неизменным выражение постоянного подозрения, в то время как его пронзительный взгляд осмотрел Пендергаста сверху вниз.

– Вам помочь?

– Спасибо, я лучше войду внутрь. Здесь довольно холодно.

И агент проскользнул мимо мужчины в аккуратно обустроенную гостиную, стены которой украшали морские узоры, а на полу лежали коврики из полосок ткани.

– Эй, минуточку, – запротестовал мужчина, – я не…

– Абнер Нотт, не так ли? – спросил Пендергаст, располагаясь в кресле, стоящем перед камином, в котором горел небольшой огонь, – я слышал, как ваше имя упоминалось в городе.

– И я тоже знаю, кто вы, – сказал Нотт, и его взгляд голубых глаз снова прошелся по Пендергасту сверху вниз. – Вы тот человек из ФБР, который был в городе в прошлом месяце.

– Как это умно с вашей стороны узнать меня. Если вы будете так любезны ответить на несколько моих вопросов, то я займу всего лишь несколько минут вашего времени.

Нотт подошел к креслу, стоящему напротив Пендергаста, но не сел. Скрестив руки на груди, он просто стоял и смотрел на агента, видимо ожидая продолжения.

– Как я понимаю, у вас в собственности имеются три коттеджа, которые вы сдаете в аренду, здесь, на Дьюн-Роуд.

Пендергасту пришлось провести серию довольно навязчивых расспросов сегодня утром, но благодаря полученным из них сведениям, ему многое удалось разузнать о мистере Нотте. Например, то, что местные жители недолюбливали его, потому что считали его скупым и грубым. Его здесь уважали настолько же мало, насколько и Р. Дж. Мэйфилда – застройщика объектов недвижимости, который производил снос гостиницы «Капитан Халл», и чьи дешевые, жалкие многоквартирные

дома быстро стали бедствием мыса Энн и всей северной оконечности побережья.

– У меня есть три коттеджа. Это не секрет. Унаследовал два из них от моих родителей, а третий построил сам – на участке земли прилегающем к родительским.

– Благодарю. Я так понимаю, что в октябре два из этих коттеджей пустовали – неудивительно, так как в октябре не сезон. Но третий был занят. Он был занят всего две недели, однако это-то и необычно, так как я узнал, что вы сдаете свои коттеджи в аренду помесячно.

– Кто вам рассказал это все обо мне? – спросил Нотт.

Пендергаст пожал плечами.

– Вы же знаете, как мало секретов в маленьком городке, таком как Эксмут. Суть дела заключается в том, что меня интересует именно тот временный постоялец вашего коттеджа. Не могли бы вы рассказать мне о нем?

По мере того, как Пендергаст говорил, выражение лица Нотта становилось все более и более агрессивным.

– Нет, я ничего не могу рассказать вам о нем.

– И почему же, скажите на милость?

– Потому что дела моих постояльцев касаются только их самих, и мне не нравится распускать слухи о них. Особенно с вами.

Пендергаст выглядел удивленным:

– Со мной?

– Именно с вами. Как только вы приехали в наш город, у нас тут же начались все эти проблемы.

– Да неужели?

– Ну, я так считаю. Считал тогда, когда это все произошло, считаю так же и сейчас. Поэтому, если вы закончили, я любезно попрошу вас покинуть мою территорию – и *мою* собственность. Если только у вас нет какого-либо ордера.

Снова скрестив руки на груди, мужчина остался выжидать.

– Мистер Нотт, – обратился к нему Пендергаст через несколько мгновений, – странно, что вы упомянули ордер. Вы можете не знать об этом, но мой внезапный отъезд из Эксмута привел к довольно

внушительной операции ФБР. После того, что я узнал здесь сегодня, у меня мог бы быть такой ордер – и всего в течение сорока восьми часов.

Взгляд Нотта посуровел еще сильнее, хотя это и казалось невозможным.

– Валите отсюда.

Похоже, что несколько секунд Пендергаст просто переваривал это заявление. А Нотт тем временем не отступал:

– Дверь там.

Но Пендергаст не сделал ни единого телодвижения, чтобы подняться.

– Значит, вы отказываетесь отвечать на мои вопросы без ордера?

– Я, по-моему, именно так и сказал, разве не ясно?

– Да, и я вас услышал. Вы также сказали, что я стал причиной неприятностей, случившихся в городе, – в этот момент Пендергаст взглянул прямо на невысокого мужчину, стоявшего перед ним. – Но это же не все ваши проблемы, не так ли?

Нотт нахмурился.

– Что вы имеете в виду?

– Этот застройщик, Р. Дж. Мэйфилд. Б*о*льшая часть города очень недовольна тем, что он планирует построить кондоминиумы в Эксмуте – сносит гостиницу и создает на ее месте некое бельмо на глазу.

– Я не знал об этом, – сказал Нотт.

– Но в тоже время, есть несколько человек, которые чувствуют себя совершенно иначе: это те люди, которые хотят продать землю «Корпорации Мэйфилд». Второй этап проекта «Портовый Поселок Эксмута» – на данный момент находящийся на стадии разработки – займет часть побережья к югу от старой гостиницы.

Нотт молчал.

– И получается, что его территория захватит ваши коттеджи. Кажется, мистер Нотт, что вы собираетесь заработать приличные деньги на Портовом Поселке Эксмута – повезло, учитывая то, как поживает остальная часть города.

– И что из этого? – сказал Нотт. – Человек имеет право зарабатывать деньги.

– Это, конечно же, просто слух, что ваш участок береговой линии – это песок и известняк, которые, если домыслы верны, за последнее столетие были сильно подмыты грунтовыми водами. Получается, что в любую

минуту где-нибудь может случиться стихийный провал грунта. Готов поспорить, об этом вы не рассказали своим будущим арендаторам, не так ли?

– Это только слухи, – сказал Нотт.

Пендергаст потянулся к пиджаку и достал конверт.

– Геолог из Тафтса[146], который подготовил этот отчет еще в 1956 году… Прислушивался ли он к сплетням? Интересно, что произойдет, если это попадет в руки Мэйфилда? Скажем, сегодня вечером?

От возмущения челюсть Нотта буквально упала:

– Вы…

– О, в конце концов, он, несомненно, узнает об этом – наблюдения, инженерные исследования и тому подобное. Но благодаря этому письму он узнает об этом, *прежде чем* у него будет заключен с вами контракт, – Пендергаст сокрушенно покачал головой. – И тогда, мистер Нотт, ваша удача вам изменит и, причем, очень быстро, – он снова замолчал. – Понимаете, между нами, я бы очень не хотел ждать сорок восемь часов, чтобы получить ордер.

Повисла долгая, гнетущая тишина, но, в конце концов, Нотт не спеша опустился в кресло и тихо спросил:

– Чего вы хотите знать?

Пендергаст откинулся на спинку кресла и устроился поудобнее, затем не торопясь, достал записную книжку, и пролистал несколько страниц, пока не нашел пустую.

– Когда ваш квартирант арендовал коттедж?

– Через три или четыре дня после того, как вы прибыли в город.

– Он запросил конкретный коттедж?

– Да. Тот, у которого лучший обзор на скалы Скаллкрашер-Рокс.

– И когда он съехал?

– На следующий день после… – Нотт резко замолчал, но его рот еще несколько раз открылся, хотя и не исторг ничего, кроме тишины, – …на следующий день после того, как все провалилось в ад, – наконец сказал он, опустив глаза.

– Это тот мужчина? – и Пендергаст протянул ему фотографию Диогена позаимствованную их полицейского досье.

– Нет.

– Присмотритесь внимательнее.

Нотт склонился над фотографией, прищурившись.

– Он действительно не похож на него.

Пендергаст не был удивлен.

– Этот арендатор, он сказал вам, зачем он здесь?

– Не сказал. Об этом вы должны спросить его подругу.

– Подругу?

– Ту, что жила с ним.

Страшная догадка внезапно накрыла Пендергаста: *«Неужели, это вообще возможно…?»* Нет, этого просто не может быть, он должен лучше контролировать себя и свои предположения.

– Не могли бы вы описать эту женщину?

– Блондинка. Молодая. Низкая. Стройная.

– Что вы можете рассказать мне о ней?

– Работала в паре мест в городе. Прежде чем они оба так внезапно уехали.

– Где именно она работала?

– Официанткой в «Штурманской рубке». Также она еще работала неполный день в качестве ассистентки в том магазине для туристов… «Вкус Эксмута».

На несколько мгновений Пендергаст замер в абсолютной неподвижности. Он припомнил, что эта женщина не раз попадала в его поле зрения – она несколько раз обслуживала его в гостинице. Итак, неужели у Диогена был некий сообщник и помощник? Для его брата это было несвойственно, и поэтому подобная мысль никогда не приходила ему в голову.

От раздумий его отвлек Нотт, нетерпеливо поерзавший на своем месте.

– Что-нибудь еще? – спросил мужчина.

– Еще одна вещь. Я хотел бы провести час или два в коттедже, который они арендовали, – один и без свидетелей.

Нотт не пошевелился. Пендергаст протянул руку ладонью вверх, подобным безмолвным жестом выражая желание получить ключ.

– Спасибо, – добавил он, – было очень приятно иметь с вами дело.

43

Констанс проснулась незадолго до рассвета, как раз вовремя для того чтобы полюбоваться, как солнце всплывает над далеким морским горизонтом и поднимается в ясное голубое небо. Она спала с открытыми окнами, и ночь оказалась немного прохладной, так что сейчас Констанс сбросила свою ночную рубашку и почувствовала, как лучи солнца растекаются по ее телу, согревая и соблазняя. Повернувшись, она отправилась в ванную комнату – просторную и белую, со старомодной удлиненной ванной и душевой кабиной. Она оставила ванну наполняться и вернулась в спальню, чтобы взять несколько вещей из бюро. К сожалению инъекция принесла только разочарование, и сегодня утром она не чувствовала себя иначе, чем вчера. Но Диоген предупредил ее, что может потребоваться день или два, чтобы эликсир начал действовать, и по его уверению, он значительно улучшит ее самочувствие, даст бодрость и энергию.

Когда Констанс вышла из ванной комнаты, ее обоняние уловило запах кофе. Она спустилась по задней лестнице, которая привела ее в небольшой коридор, примыкающий к наблюдательной башне. Миновав его, она оказалась на кухне. За столом в укромном уголке для завтраков напротив арочного окна, выходящего на сад, сидел Диоген. Его худощавая фигура была облачена в элегантный шелковый утренний халат, а свои рыжеватые волосы он зачесал назад. Он выглядел свежим, аккуратным, уверенным в себе и привлекательным. Сходство с его мертвым братом было очевидным и бесспорным, а двуцветные глаза к тому же придавали ему особый бравый вид. Снова у нее возникло странное чувство нереальности происходящего, как будто она выпала из своей обычной жизни и попала на чужую планету.

– Что бы ты хотела на завтрак? – поинтересовался Диоген.

– У тебя есть копченая рыба?

– Конечно же есть.

– Ну, тогда, если это тебя не слишком затруднит копченую рыбу, два яйца всмятку, порцию бекона и тосты.

– Плотный завтрак – одобряю. Кофе с молоком или эспрессо?

– Эспрессо, спасибо.

Он принес ей чашку и приступил к готовке, в то время пока она наслаждалась своим кофе. Вскоре перед ней был накрыт стол. Себе Диоген приготовил то же самое. Они ели молча. Констанс подумала, что Диоген был одним из тех редких людей, которых не беспокоило и не тяготило долгое молчание. За это она была ему благодарна – излишняя разговорчивость была бы ей невыносима.

Наконец Диоген отставил свою пустую тарелку и спросил:

– А теперь – экскурсия?

Дождавшись ее согласия, он встал, и, взяв Констанс руку, вывел ее на заднюю веранду, откуда они вместе спустились по лестнице к белому песку. Тропа, обрамленная с обеих сторон пышными цветочными клумбами, шла мимо живописного палапа[147], уличного камина, каменного дворика со старым кирпичным грилем и стоящей вокруг него мебелью из тикового дерева, слегка потрепанной погодой. Далее она привела их – через рощу американских платанов – к длинному пляжу, покрытому белым песком. Оттуда сквозь листву хорошо просматривался коттедж Гурумарры. Лучи солнца поблескивали на поверхности воды, которая шептала и пенилась, набегая на песок.

Диоген молчал, но его бесшумная, уверенная походка и блеск в его глазах рассказали Констанс, насколько это место было для него ценно. Она же все еще чувствовала себя здесь неловко.

В конце пляжа группа мангровых деревьев преградила им дальнейший путь вдоль берега, из-за чего тропа сворачивала внутрь территории, огибая низкий, скалистый блеф, уводя их сначала вверх, а затем вниз к другой стороне острова. Там в поле зрения Констанс неожиданно появилось весьма необычное сооружение, скрытое до этого дугой того самого блефа и небольшой песчаной дюной, от которого открывался потрясающий вид на пляж и на залив. Оно было построено из выветренного темного мрамора и выглядело, как небольшой храм-ротонда. Отличие было в том, что между его колонн располагались высокие стрельчатые окна, каждое стекло которых представляло собой таинственные, темно-серые, почти черные панели.

Увиденное казалось настолько удивительным, что Констанс невольно остановилась.

– Пойдем, – тихо позвал Диоген, подводя ее к строению. Он повернул бронзовую ручку высокой двери, и та с тихим шорохом открылась, позволив увидеть скромную внутреннюю обстановку. Он за руку ввел ее внутрь и закрыл дверь.

Констанс была потрясена. Весь интерьер оказался удивительно простым: черный мраморный пол, серые мраморные колонны и куполообразная крыша. Но стрельчатые окна и проникающий через них свет делали обстановку неземной. Стекла были изготовлены из своего рода замутненного стекловидного материала, пропускающего и преломляющего миллиарды мелких мерцаний и переливов света, в зависимости от того, под каким углом смотреть. Свет, который проходил сквозь них, приобретал странное рассеивающее свойство, которое делало интерьер абсолютно бесцветным. Когда она взглянула на

Диогена, выражение его лица выдало восхищение, и она поняла, почему. Оба они сейчас были окрашены в черно-белые тона, и казалось, что все остальные цвета просто изъяли из воздуха и всего окружающего их пространства. Это было очень странное явление, но вместо того, чтобы взволновать и обеспокоить ее, оно подарило ей безмятежность и одухотворенность, как будто все ненужные украшения и все вульгарные декорации были убраны, оставив только простоту вещей и их истинную сущность. Храм был совершенно пуст за исключением черного кожаного дивана, который стоял почти в центре помещения.

Вот так – в молчании и тишине – они простояли несколько минут, прежде чем Диоген заговорил. Но фактически он вовсе и не говорил, а напевал тихую мелодию, которую Констанс опознала, как голосовую инвенцию[148] Пассакалии и Фуги до минор Баха. И по мере того, как он напевал своим проникновенным голосом, к нему присоединился второй, а затем и третий голос. Храм начал наполняться звуками, которые он же сам и создавал – слой за слоем – образуя полифоническое чудо эха.

Диоген замолчал, но мелодия, медленно угасая, звучала еще несколько секунд.

Он повернулся к Констанс, и она заметила предательский блеск влаги в его поврежденном глазу.

– Это место, – сказал он, – куда я прихожу, чтобы отрешиться от себя самого и всего мира. Это мое персональное место медитации.

– Оно невероятное. В подобный эффект света почти невозможно поверить.

– Согласен. Видишь ли, Констанс, огромный кошмар моей жизни заключается в том, что я вижу *всё* только в черно-белом цвете. Все остальные цвета покинули меня со времен… События.

Она склонила голову. *Событие*, как она знала, представляло собой трагическое происшествие, которое случилось с ним еще в детстве, и которое – помимо всего прочего – оставило его практически слепым на один глаз.

– Я цепляюсь за память о цветах. Но когда я вхожу *сюда*, и меня окружает этот монохроматический свет, то я могу каким-то образом мельком увидеть цвета, по которым так отчаянно скучаю. Мое боковое зрение улавливает какие-то эфемерные вспышки цвета.

– Но как?

Он развел руками.

– Эти панели представляют собой цельные куски отполированного минерала, который называется обсидианом. Вулканическим стеклом. Взаимодействуя со светом, он проявляет некоторые специфические свойства. Когда-то я проводил исследования касательно влияния света и звука на организм человека, и это место – один из моих результатов.

Констанс снова огляделась. Утреннее солнце освещало только одну сторону храма, и его прохладный и серый рассеянный свет, казалось, шел извне, но в то же время ниоткуда. Противоположная сторона храма была темной, но не черной. В комнате не присутствовал ни чисто белый цвет, ни чисто черный – все пространство было погружено в бесконечные градации серого.

– Итак, это твой обсидиановый храм.

– Хм, обсидиановый храм… какое необычное название. Да, его определенно можно называть и так.

– А как его называешь т*ы*?

– Мой Толос.

– *Толос*. Как храм-ротонда в Греции?

– Точно. Мой построен по размерам небольшого Толоса в Дельфах.

Диоген замолчал, а Констанс довольствовалась тем, что просто стояла и поглощала захватывающую безмятежность и красивую простоту пространства. Тишина окружила ее, и она почувствовала, что впадает в некую своеобразную задумчивость, призрачное состояние небытия, где ее самосознание начало растворяться и рассеиваться.

– Пойдем.

Она глубоко вздохнула, возвращаясь к реальности, и спустя пару мгновений оказалась на улице, моргая от яркого света, ошеломленная нахлынувшей на нее волной цвета.

– Продолжим экскурсию?

Констанс взглянула на него.

– Я… чувствую себя немного дезориентированной и хотела бы вернуться в библиотеку, чтобы отдохнуть. Позже, если ты не возражаешь, я бы хотела прогуляться одна.

– Конечно, – ответил Диоген, разводя руками, – остров в твоем полном распоряжении, моя дорогая.

Диоген отдыхал в своей гостиной на втором этаже, когда услышал, что Констанс тихо спустилась по лестнице, ведущую от ее апартаментов, открыла заднюю дверь и миновала веранду. Она шла очень тихо, но слух Диогена был неестественно острым, и он смог проследить за ее передвижениями ориентируясь только лишь по звуку. Он поднялся и выглянул в окно, и через мгновение увидел, что она направляется по тропинке к южной оконечности острова.

Она во многом напоминала ему дикое животное: возможно тигрицу, или даже мустанга. Укрощение такого животного должно происходить с бесконечным терпением, мягкостью и добротой. И, как при укрощении дрессировщиком тигрицы, принуждение в любом виде может стать для него фатальным. Он все еще был поражен тем, что завоевал ее – по крайней мере, частично – уговорил покинуть особняк Пендергаста, где она прожила почти всю свою долгую жизнь, и сумел привести ее сюда. Он чувствовал, что именно сейчас начинает сбываться его самая заветная мечта, и его самая потаенная фантазия. Но до полного приручения было еще далеко. Сейчас настало самое хрупкое время – момент, когда, из-за любой мелочи, его тигрица могла сорваться с поводка.

Самое важное условие при обращении с дикими животными – это давать им свободу. Ни в коем случае не стоит загонять их в угол, или сажать в клетку. Укрощение должно происходить изнутри, а не снаружи. В его случае это было соблазнение, а не завоевание. Констанс охотно сплела бы свои собственные узы, свои собственные ограничения и навязала бы их себе сама – это был единственный способ, благодаря которому все его предприятие могло бы сработать. Его главной приманкой, конечно же, был эликсир. Когда она начнет ощущать в своем теле его омолаживающие эффекты… именно тогда, как он надеялся, в их отношениях настанет поворотный момент.

Теперь, когда она покинула дом, он обратил свое внимание на небольшой поднос, который принес ему Гурумарра и на котором лежало одно единственное письмо, прибывшее в почтовую ячейку, находящуюся на Ки-Уэст. Взяв перламутровый нож для вскрытия писем, он аккуратно разрезал сначала более крупный внешний служебный конверт, а затем лежащий внутри него конверт поменьше, и извлек из него лист дешевой бумаги. Письмо было написано мелким, четким, острым почерком. Он с радостью отметил, что приветствие отсутствовало, впрочем, как и подпись отправителя с обратным адресом, но он прекрасно знал, кто именно ему написал.

«Я выполнила все твои поручения. Целиком и полностью. Все прошло, как и было запланировано. Тебе не нужно ни о чем беспокоиться, потому что я исполнила все именно так, как ты меня и просил, не

оставив никаких следов. Только при этом пришлось использовать более жесткие методы, чем ты санкционировал, вот и все. Я расскажу подробности при встрече, и надеюсь, что она произойдет, как можно раньше.

Когда и где? Я многое хочу тебе рассказать. Пожалуйста, дай мне знать, время и место, где мы сможем встретиться».

Нахмурившись, Диоген дважды перечитал письмо. Записка была весьма навязчивой, и она только усилила беспокойное чувство, которое он испытывал уже в течение некоторого времени. Он встал, разорвал письмо и конверты пополам, отнес их в небольшой кирпичный камин, где поджег спичку и поднес ее к краям бумаги. Он так и стоял, наблюдая за тем, как обрывки занялись и, в конце концов, оказались полностью охвачены пламенем. Когда горение прекратилось, он взял кочергу, и пошевелил пепел, превращая его в пыль.

* * *

Констанс прогуливалась по песчаной дорожке, идущей сквозь мангровые заросли, которые закончились лугом на южной оконечности острова. Она уже давно миновала «коттедж садовника» и бунгало мистера Гурумарры, затерянное в роще платанов. Это был красивый луг, окаймленный низкими дюнами и пальмами и заканчивающийся белым пляжем, который изогнутой косой опоясывал южный берег острова. Она смогла рассмотреть несколько сооружений, которые высились среди раскачивающейся травы и были сгруппированы вокруг тонкоствольного, полумертвого дерева гамбо-лимбо[149].

Это оказались старые викторианские хозяйственные постройки, сложенные из красного кирпича – выветренного и крошащегося. У одной из них была дымовая труба, которая поднималась вверх примерно на двадцать футов и была вся обвита лозами. Ведомая любопытством, Констанс направилась к этим зданиям. На первом и самом большом из них – того, что был увенчан трубой – висел старый знак, прикрепленный к кирпичному фасаду, сильно потускневший, но на котором она смогла разобрать слово «ГЕНЕРАТОР». Далее Констанс подошла к разломанной оконной раме, чтобы заглянуть внутрь, и группа ласточек с громкими криками вылетела из покосившейся двери. Присмотревшись, Констанс увидела обломки механизмов, затянутых лозами. По ее соображениям, это, должно быть, была старая электростанция острова, которую явно давно забросили. За этим зданием стояли три ряда сверкающих новых солнечных панелей, а рядом с ними высилось новое здание без окон и с металлической дверью.

Снедаемая любопытством, Констанс подошла к нему и повернула ручку. Дверь оказалась не заперта и поддалась. Внутри находилась одна комната заставленная рядами батарей, которые были опутаны толстыми пучками проводов – новый источник энергии острова.

Отступив, она закрыла дверь. Рядом было еще одно маленькое кирпичное здание, очень старое, с позеленевшей дверью обшитой медью, а ее наклонная крыша почти достигала земли – этот путь явно вел в некое подземное помещение. Она подошла к двери, на которой было написано «РЕЗЕРВУАР», подергала ее и обнаружила, что та заперта.

Приложив ухо к замочной скважине, Констанс прислушалась и различила слабый гул машин и отдаленный звук текущей воды.

Оставив позади себя все эти постройки, она подошла к оконечности острова. Здесь два великолепных пляжа встречались, образуя длинную песчаную косу, которая уходила в бирюзовую воду. Констанс почувствовала усталость от прогулки, и, как это ни странно, необъяснимую вялость.

Ее посетила мысль, что освежающее купание в море поможет ей взбодриться. Тем более, здесь, на этих бескрайних морских просторах она наверняка сможет насладиться недавно приобретенным умением плавать. В этот момент память услужливо подсунула ей образы другого пляжа – а именно песчано-галечного побережья Эксмута, и трагедии, произошедшей там, которая и побудила ее научиться держаться на воде. Но девушка резко тряхнула головой, прогоняя нежеланные образы. Случившегося уже не изменить, прошлое должно остаться в прошлом, сейчас ей необходимо сосредоточиться на настоящем.

Констанс осмотрелась. Рядом никого не было, дом находился на другом конце острова, спрятанный за мангровыми зарослями, и отсюда Констанс видела только его смотровую башню. Лодок в поле зрения тоже не наблюдалось.

Как будто вся вода, раскинувшаяся перед ней вплоть до горизонта, была ее личной ванной.

Почувствовав всплеск независимости и свободы, она сняла туфли, расстегнула платье, выскользнула из него, и полностью обнаженная замерла на несколько мгновений, погрузив в воду только пальцы ног. Еще раз украдкой оглянувшись, она бросилась в воду и отошла довольно далеко от берега, прежде чем глубина стала достаточной, чтобы она смогла полностью окунуться. Она лежала на спине, смотрела в голубое небо и пыталась успокоить свой разум, просто существуя: без мыслей, без воспоминаний, без опасений, без страхов и без криков внутреннего голоса.

В смотровой башне главного дома, прильнув к объективу телескопа, Диоген неотрывно любовался бледной фигурой Констанс, плавающей в зеленовато-голубой воде. Его дыхание ускорилось, и он почувствовал, как в груди неистово бьется сердце. В конце концов, приложив неимоверные усилия, он заставил себя оторваться от раскинувшегося перед ним зрелища.

45

Центр Специальных Операций[150] занимал почти половину этажа Федерал-Плаза. Это был хаотичный лабиринт из стекла и хрома, освещенный прохладным флуоресцентным синим светом и заставленный разномастным оборудованием. Здесь можно было найти рабочие станции, контрольные устройства, экраны спутникового слежения, плоские дисплеи всевозможных размеров, терминалы для управления дронами типа «Предатор»[151] и «Рипер»[152] и многое другое. Многочисленные изолированные комнаты позволяли полевым агентам планировать операции, налаживая спутниковое слежение или просеивая терабайты данных сообщений электронной почты, а федеральным компьютерным специалистам проводить взлом сотовых телефонов или применять алгоритмы дешифрования на конфискованных ноутбуках. Все помещения заполнял тихий фоновый шум: звуковые сигналы электроники, шепот серверов, неразборчивое бормотание и переговоры. Сейчас б*о*льшая часть настоящей деятельности была сосредоточена на одном единственном задании: обработке огромных объемов данных в попытке обнаружить местонахождение Диогена Пендергаста.

В комнате со стеклянными стенами – в одном из углов центра за закрытой стеклянной дверью – Пендергаст и Говард Лонгстрит сидели за столом для совещаний. Аппарат, генерирующий белый шум, оберегал их разговор от посторонних ушей. Хотя эта комната служила одним из многочисленных вспомогательных офисов Лонгстрита в Федерал-Плаза, она была пустой, за исключением двух ноутбуков и телефона, размещавшихся на столе, а также одного настенного дисплея.

– Твоя поездка в Эксмут оказалась весьма полезной, – заметил Лонгстрит. – Благодаря арендодателю у нас теперь есть описание внешности как Диогена, так и его соучастницы.

– Я не придавал бы большого значения внешности Диогена, – предостерег Пендергаст, – так как считаю, что у него есть, как минимум, еще две личности – два неких долгосрочных «аватара», таких как «Хьюго Мензис» – которые он тщательно поддерживает и которые смогут выдержать любую официальную проверку. А также несколько одноразовых имен, как те, на которые он арендовал коттедж в Эксмуте и нанял чартер, который, как я предполагаю, преследовал мой помощник Проктор. На них не стоит тратить время расследования. Его

долгосрочные личности – вот, что нам нужно искать в первую очередь. Я не уверен в том, сколько он еще намеревается их использовать, но после того, как он потерял личность Мензиса, и после того, что произошло в Стромболи, я сомневаюсь, что у него их много осталось. На данный момент поддержание двух, трех или четырех параллельных жизней, может быть для него обузой.

– Ну что ж, – вздохнул Лонгстрит, – хотя бы личность его сообщницы не вызывает вопросов. Ее настоящее имя – Флавия Грейлинг. У нее весьма богатая и тревожная биография. Есть несколько органов правопорядка, которые хотели бы пообщаться с ней лично. Интересно то, что она использовала свое настоящее имя во время пребывания в Эксмуте.

– Кажется, это говорит о некотором презрительном отношении к властям.

– Согласен.

Лонгстрит постучал по клавиатуре, и на экране появилось изображение: молодая женщина со светлыми волосами, холодными голубыми глазами и высокими, четко очерченными скулами. Фотография, очевидно, была снимком из полицейского досье и, судя по шкале роста, измеряемой в метрах, была сделана в какой-то другой стране.

– Вот она, – сказал Лонгстрит, указывая на изображение. – Мы наблюдаем один из немногих случаев, когда кому-то действительно удалось заключить ее под стражу.

Пендергаст бегло прочел в компьютере информацию о ней.

– Она родилась двадцать четыре года назад в Кейптауне, Южная Африка. Когда ей было восемь, оба ее родителя были найдены избитыми до смерти битой для игры в крикет – по крайней мере, так сказано в заключении коронера. Оружие так и не было найдено, а смерти были списаны на проникновение со взломом. Дело так и не было раскрыто. После их смерти она прошла через ряд приемных семей, в которых не задерживалась дольше нескольких месяцев. Отказавшиеся от нее семьи – все, как одна – зачастую ссылались на страх перед физическим насилием с ее стороны. Наконец, она оказалась на попечении государства – ее поместили в детский приют. Социальные работники, опрашивавшие ее, говорили, что она подвергалась сексуальному насилию со стороны отца, когда была еще совсем ребенком. Они описывали ее как неадекватную, агрессивную, расчетливую, замкнутую, склонную к насилию и увлекающуюся боевыми искусствами и оружием (особенно ножами – настоящими или самодельными – которые изымались у нее с завидной регулярностью).

Лонгстрит чуть прокрутил данные на экране и продолжил:

– Итак, это фото сделано почти сразу после того, как ее перевели из приюта в исправительную колонию. Во время ее пребывания там были отмечены несколько случаев нападений. В одном из них она избила свою сокамерницу почти до смерти. В конечном счете, когда ей исполнилось пятнадцать лет, поступило прошение о переводе ее в тюрьму строгого режима, несмотря на ее возраст. Персонал исправительной колонии просто не смог ее контролировать. Но до того как были соблюдены все формальности, она сбежала – воткнула психиатру в глаз ручку, тем самым убив его.

Прежде чем продолжить, он несколько мгновений молча изучал записи на экране.

– Ее пытались перехватить, но она всегда оказывалась весьма изворотливой, оставляя позади себя след из преступлений и насилия. Особую ненависть она проявляла к мужчинам: одна из ее любимых тактик заключалась в том, чтобы слоняться без дела по опасным кварталам, пока кто-нибудь там не попытается ее ограбить или изнасиловать, и в этот момент она обычно кастрировала нападавшего и засовывала ему в рот его же пенис.

– Звучит очаровательно, – пробормотал Пендергаст.

– В возрасте примерно шестнадцати лет странствия привели ее в Японию, где она связалась с бандой якудзы. После какой-то размолвки, закончившейся резней, которую полиция Токио до сих пор расследует, она, очевидно, отправилась в Кантон, Китай, где присоединилась к одной из триад этого города. Согласно нашим источникам разведки, ее естественная предрасположенность к насилию помогла ей быстро подняться в ее рядах. Почти сразу же она продвинулась от «49» до «426»[153] – став «Красным шестом» и командиром боевиков триады, где в ее обязанности входило планирование и проведение силовых операций. К двадцати одному году она была настроена подняться еще выше в этой организации, но что-то произошло – мы так и не знаем, что именно – после чего она уехала из Китая в Соединенные Штаты.

Лонгстрит отвернулся от экрана.

– С тех пор так и жила здесь, хотя, похоже, что она несколько раз посещала Европу. Основываясь на преступлениях, которые она предположительно совершила, она является чрезвычайно работоспособным социопатом, который убивает и калечит в первую очередь ради своего собственного удовольствия. Она демонстрирует потрясающую способность скрываться, оставаясь на виду, и ускользать от властей на каждом шагу. Этот снимок из досье – единственный, что у нас на нее есть – был сделан в Амстердаме. Она сбежала на следующий же день после того, как он был сделан.

– Идеальная соучастница для Диогена, – заметил Пендергаст.

– Именно, – Лонгстрит вздохнул, – идентификация Грейлинг – это без сомнения, удачный прорыв. – И, тем не менее, учитывая ее способность успешно ускользать от органов правопорядка в прошлом, я не уверен, сколько фактической пользы мы из этого извлечем, – он взглянул на Пендергаста. – Я так полагаю, что ты с особой тщательностью обыскал дом, где они останавливались?

– Так и есть.

– И?

– Там провели профессиональную зачистку любых улик.

Лонгстрит потянулся, проведя рукой по своим длинным волосам стального цвета.

– В любом случае, мы все равно пошлем туда бригаду криминалистов.

– Вряд ли они смогут найти там нечто более стоящее, чем *это*.

Пендергаст залез в карман, извлек из него полиэтиленовый пакет и протянул его Лонгстриту: внутри лежал небольшой клочок бирюзовой бумаги.

Директор взял улику:

– Интересно.

– Я обнаружил это между половицами возле вентиляционного отверстия.

Пока Лонгстрит вертел пакет в руках, Пендергаст продолжал.

– Это обрывок квитанции на ювелирное изделие – золотое кольцо с редким драгоценным камнем танзанитом[154]. Я бы предположил, что это подарок Флавии от Диогена – некая награда, возможно, за хорошо проделанную работу.

– Так что, если повезет, мы сможем использовать его, чтобы проследить покупку обратно до Диогена, – сказал Лонгстрит. – Если бы мы только знали, где это кольцо было куплено. Плохо, что название магазина оказалось оторвано.

– Но мы *знаем* название магазина. Существует только один такой бренд, который использует этот особый цвет как свою визитную карточку, торгуя под ним по всему миру.

Лонгстрит снова взглянул на квитанцию, а затем улыбнулся – медленной, торжествующей улыбкой.

46

Диоген вошел в библиотеку, неся в одной руке бутылку шампанского в серебряном ведре со льдом, а в другой два бокала. Он поставил свою ношу на стол и повернулся к Констанс, сидевшей на скамейке у клавесина и лениво перелистывавшей ноты.

– Не возражаешь, если я немного выпью, пока буду наслаждаться твоей игрой? Конечно, если ты в настроении играть, – обратился он.

– Как пожелаешь, – ответила она, касаясь клавиш. Он смог прочесть название нот, стоящих на пюпитре: прелюдии из «L'Art de Toucher»[155] Франсуа Куперена. Откупорив шампанское, Диоген наполнил бокал и удобно устроился в кресле.

Он был обеспокоен. Даже более, чем обеспокоен. Этим утром Констанс поднялась в десять часов, что по его меркам было очень поздно, хотя он попытался списать это на то, что некоторые люди часто поздно просыпаются. Вечером за ужином она съела очень мало и едва коснулась великолепного завтрака, который он приготовил специально для нее. Прошло почти сорок восемь часов после инъекции, и она уже должна ощутить ее последствия, причем, эффект должен был быть заметным. Конечно, вся эта жизнь была для нее в новинку, и следовало ожидать некоторого периода адаптации. К тому же его беспокойство могло иметь под собой, скорее, эмоциональное обоснование, нежели объективные физически причины. Возможно, у Констанс возникли сомнения касательно данного ему согласия, и она передумала.

Из беспокойных размышлений его вырвали знакомые ноты «Первой прелюдии в До-Мажор» – медленные и величественные. С технической точки зрения это была не сложная мелодия. Но когда пальцы Констанс начали порхать по клавишам, и насыщенный низкий звук клавесина заполнил уютную комнату, Диоген услышал, что ноты ложатся неуверенно и неравномерно. Он вздрогнул от фальшивой ноты, затем второй, и тогда Констанс перестала играть.

– Прошу прощения, – сказала она, – кажется, сегодня я немного рассеяна.

Диоген попытался скрыть сильное чувство тревоги, даже паники, которое накрыло его с головой. Он отставил стакан, встал с кресла и подошел к Констанс, взяв ее за руку. Ее ладонь оказалась теплой – даже слишком теплой – и сухой. Лицо было бледным, а под глазами залегли тени в форме полумесяца.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал небрежно.

– *Хорошо*, спасибо, – последовал резкий ответ, – мне просто не хочется играть.

– Да, конечно, понимаю. Шампанского?

– Не сегодня.

Она отняла у него свою руку. Озадаченный ее поведением, Диоген задумался и спустя несколько секунд произнес:

– Констанс, перед ужином мне потребуется занять несколько минут твоего времени. Мне нужно будет провести небольшой стандартный анализ крови из-за того, что эликсир находится в твоем организме уже два дня.

– С меня уже достаточно уколов, благодарю.

«На мой взгляд, недостаточно», – подумал Диоген, но быстро прогнал из своей головы такую недостойную мысль.

– На самом деле, моя дорогая, это неотъемлемая часть процесса.

– Да неужели? Ты никогда не упоминал о чем-то подобном раньше.

– Разве? Мне очень жаль. Это вполне стандартная процедура, уверяю тебя. Всего лишь обычное наблюдение за усвоением инъекции препарата.

– Что-то может пойти не так?

– Нет, моя дорогая, ничего! Просто медицинская предосторожность. Ты не против сделать это прямо сейчас?

Она отбросила прядь волос, упавшую на глаза.

– Ладно, так и быть. Только, пожалуйста, давай быстрее покончим с этим.

Она начала закатывать рукав, в то время как Диоген подошел к шкафу, где держал принадлежности для инъекций, взял комплект для забора крови и вернулся. Он расстелил на боковом столике стерильную салфетку, положил на нее бледную руку Констанс, перетянул ее жгутом выше локтя, постучал по венам, ввел большую иглу вакутейнер[156] и взял тридцать миллилитров крови.

– Тебе действительно нужно столько крови? Этого достаточно, чтобы осушить вампира.

– Все вполне стандартный объем.

Хотя тут она оказалась права. Это было действительно намного больше, чем обычно, но для его исследований требовалось много материала.

Он быстро извлек иглу и прижал ватный тампон, закрепил его пластырем и согнул руку Констанс в локте.

– Готово! – сказал он настолько беспечно, насколько смог.

Она раздраженно вздохнула.

– Думаю, что сегодня лягу спать пораньше. Я чувствую себя истощенной – буквально.

– Не будешь обедать? Я приготовлю brochettes d'agneau à la Grecque[157].

Раздраженный взгляд на ее лице немного смягчился.

– Извини, это, конечно, звучит заманчиво, но я не голодна.

– Это нормально, нет проблем. Проводить тебя наверх?

Взгляд снова выдал раздражение.

– Пожалуйста, не будь *навязчивым*. Я могу справиться и сама.

Она скрылась за дверью библиотеки, и через несколько секунд Диоген услышал легкую поступь ее шагов на лестнице. Он ждал, прислушиваясь к тихим звукам ее передвижений, шуму бегущей воды, пока, наконец, на втором этаже не настала тишина.

Когда все стихло, Диоген быстро схватил пробирку с кровью и поспешил по темному коридору к двери подвала, ведущей в его частную лабораторию. Там он позволил себе полностью поддаться чувству страха. В конце концов, немного успокоившись, Диоген начал быстро проводить тесты с кровью Констанс: биохимический и общий анализ, фибриноген[158], гемоглобин A1c[159], ДГЭА[160], С-реактивный белок[161], ТТГ[162] и эстрадиол[163].

В тот же вечер – несколько часов спустя – он обнаружил, что его руки дрожат, поэтому ему пришлось отложить все дела и сделать небольшой перерыв. Он на несколько минут закрыл глаза и расслабил руки, а затем попытался собраться и очистить свой разум. Наконец, он продолжил, сосредоточив внимание на основном вопросе. Ошибок больше не будет.

Было уже далеко за полночь, когда пришли окончательные результаты. Цифры рассказали ему обо всем, и картина в целом прояснилась. Тело Диогена начала бить мелкая дрожь. Это была катастрофа! Где он ошибся? Но он уже знал ответ. Поскольку он имел в своем распоряжении материал только от одного трупа, ему пришлось сделать несколько допущений и пару незначительных, но весьма разумных предположений. Медицина как наука никогда не была простой. Он должен был начать с нуля, и теперь ему понадобится материал от *двух* трупов. Это была не роковая ошибка – по крайней мере, еще нет. Но для

Констанс она уже стала проблемой, которую необходимо было решить – и как можно скорее.

* * *

Как только рассвет забрезжил над океаном, Диоген спокойно вышел из подвала. Он ненадолго удалился в свои комнаты, переоделся в утренний халат, увлажнил и расчесал волосы, похлопал себя по щекам, чтобы придать им немного цвета и спустился на кухню. К своему удивлению, он нашел Констанс около машины эспрессо. Она готовила кофе.

– Ты рано встала, – сказал он, веселым голосом.

– Я не могла уснуть.

Констанс взглянула на него. Темные круги под глазами, серый оттенок кожи ее по-прежнему бледного лица, тонкие голубоватые вены, проступающие на шее и открытых плечах, блеск пота, несмотря на прохладное утро… Диоген воздержался от вопроса, все ли с ней в порядке.

– Дорогая, надеюсь, ты не будешь возражать, но сегодня мне нужно срочно отправиться на Ки-Уэст, чтобы купить несколько реагентов и оборудование для лаборатории. Меня не будет весь день, ночь, и возможно, еще часть завтрашнего дня. С тобой все будет хорошо здесь, в одиночестве?

– Я чувствую себя гораздо лучше, когда остаюсь одна.

– Мистер Гурумарра будет рядом на случай если тебе что-нибудь понадобится.

– Замечательно.

Диоген на мгновение сжал ее руку, после чего развернулся и вышел.

47

Пендергаст вошел за величественный розовый гранитный фасад флагманского магазина «Тиффани & Ко» на Пятой авеню, попав через вращающиеся двери в суету первого этажа. Весь интерьер буквально кричал о роскоши: сверкающие окна, одетые в рамы из красного дерева, полы с ковровым покрытием, недавно очищенные от пыли, черные мраморные стены с прожилками и светящиеся двери. Пендергаст остановился, симулируя растерянный взгляд, чем мгновенно привлек внимание стройного и внимательного продавца.

– Могу я чем-нибудь вам помочь, сэр?

Пендергаст показал ему квитанцию, которую он нашел между половицами в коттедже Эксмута.

– У меня есть несколько вопросов об этом ювелирном изделии. Вот квитанция, оплаченная наличными.

Продавец взял ее, чтобы изучить подробнее.

– И о чем же вы хотите спросить, сэр?

– Это личное дело. Мне необходимо поговорить с человеком, имеющим полномочия, у которого есть полный доступ ко всем записям о продажах.

– Ну, большинство из этих записей являются конфиденциальными…

– Сэр, будьте так любезны, давайте прекратим пустые разговоры. Отведите меня к человеку, о котором идет речь.

Продавец практически вытянулся по стойке смирно из-за ледяного, высокомерного тона Пендергаста.

– Да, сэр, мне просто нужно посмотреть, сможет ли она вас принять…

– Так поспешите!

Вскоре окончательно запуганный мужчина быстро провел Пендергаст через огромную комнату к лифту, расположенному в дальнем конце комнаты, на котором они поднялись до ряда служебных помещений. Подойдя к закрытой двери из красного дерева, они остановились. На ней висела табличка, на которой золотыми буквами, очерченными черным, было написано имя.

«Барбара МакКормик,

Старший вице-президент».

Пендергаст внимательно взглянул на надпись. При ближайшем рассмотрении он заметил, что фамилия «МакКормик» была недавно нанесена поверх другой.

– Позвольте мне просто проверить, свободна ли она, – обратился к нему продавец, но Пендергаст уже положил руку на ручку двери и распахнул ее.

– Подождите, вы не можете просто так войти, сэр!

Но он вошел, и когда продавец попытался последовать за ним, Пендергаст повернулся, уверено положил руку ему на грудь, слегка толкнул его назад и закрыл дверь прямо перед его носом, после чего повернул замок и только затем повернулся к женщине, находившейся в

офисе. На вид ей было около сорока лет. Она сидела за большим антикварным столом и смотрела на вошедшего с изумленным видом.

– В чем дело? – спросила она.

Пендергаст продолжил изучать ее молча. Она оказалась очень привлекательной, хорошо сложенной женщиной, одетой в деловой костюм, со светлыми волосами и великолепной, но недостаточно длинной нитью жемчуга на шее. Ярость и тревога явно читались на ее лице. Продавец легко, но настойчиво и с некоторой долей отчаяния продолжал стучать в дверь, а его голос звучал приглушенно:

«Сэр, сэр, вы не можете просто вот так вламываться! Миссис МакКормик может быть занята! Добрый день, миссис МакКормик, миссис МакКормик, должен ли я вызвать службу безопасности?»

Пендергаст обратился к женщине.

– Избавьтесь от него.

– Кто вы такой, чтобы вот так врываться в мой кабинет? И при этом еще запирать мою же дверь!

Она потянулась к телефону, но тут Пендергаст слегка ей поклонился.

– Я просто клиент с крошечной проблемой, которую можете решить только вы, моя дорогая миссис МакКормик. Пожалуйста, *помогите* мне.

Он одарил ее своей самой обворожительной улыбкой.

«Миссис МакКормик! Миссис МакКормик!» – продолжало доноситься из-за двери.

МакКормик встала, осмотрела Пендергаста сверху донизу оценивающим взглядом, а затем подошла к двери.

– Все в порядке, – сказала она, так и не открыв ее. – Нет необходимости вызывать службу безопасности. Я сама разберусь с клиентом. Вы можете идти.

Затем она снова повернулась к Пендергасту и обошла его, продолжая изучать с некоторой долей любопытства. Тревога исчезла с ее лица.

– И ваше имя…

– Алоизий Ксингу Ленг Пендергаст.

Ее брови приподнялись.

– Это весьма известное имя, мистер Пендергаст, и оно говорит само за себя. Новый Орлеан?

– Верно. Пожалуйста, зовите меня Алоизий.

– Алоизий, – повторила она, возвращаясь к своему месту за столом, но оставшись стоять, – итак, у вас есть некая небольшая проблема?

– Все верно.

Он достал из кармана грязную квитанцию и поднял ее, демонстрируя.

– Это от ювелирного изделия, которое было приобретено около пяти недель назад и было оплачено наличными. Мне нужно имя человека, который его купил.

– Я уверена, вы знаете, что эта информация строго конфиденциальна. Мы – ювелирный магазин. Представьте себе, как будут чувствовать себя наши клиенты, если любой сможет просто прийти и узнать имя покупателя!

– Я понимаю.

– Тем более если квитанция была оплачена наличными, у нас может и совсем не быть имени.

– Это было кольцо, и, согласно этому листку, покупатель вернул его, чтобы подогнать по размеру.

– Ну, в этом случае у нас, конечно же, *должно было* остаться имя. Но… как я уже сказала, эта информация конфиденциальна.

– Вот почему я пришел к вам. Видите ли, моя жена изменила мне. Он купил ей кольцо. Я хочу знать, кто он.

На этих словах брови МакКормик приподнялись, и на ее лице застыла смесь изумления, злорадства и жалости, а на ее губах начала играть легкая улыбка.

– Ах, старая история. Все та же старая, как мир история.

– Эта ужасная ситуация выбила меня из колеи. И я действительно не знаю, что еще делать. Можете ли вы дать мне совет?

– Забудьте ее имя. Разведитесь с ней. Неважно, с кем она спит. Просто избавьтесь от нее. Это мой вам совет.

– Но… я *люблю* ее.

– Господь Всемогущий. Не будьте тряпкой. Вы *любите* ее? Придите в себя, очнитесь! Мир полон женщин, которых действительно стоит любить. И полон драгоценностей, которые можно им дарить, – добавила она, подмигнув ему и широко улыбнувшись.

– Я довольно наивен, когда речь заходит о подобных вещах, – признался грустным голосом Пендергаст, – иногда кажется, что я совсем не понимаю женщин. И… и это *унизительно*!

– Поверьте, *я знаю* женщин. Такому джентльмену, как вы, не составит труда найти женщину, которая будет любить вас, холить и лелеять. Теперь, я думаю, вы должны спросить сами себя: зачем вы хотите знать имя человека, с которым ваша жена наставила вам рога? Если бы это был не он, то был бы кто-нибудь другой. А, возможно, у нее и *были* эти самые другие. Мой вам совет: забудьте об этом.

– Узнать его имя для меня это дело чести. Как забыть, когда не знаешь, кто он такой, когда все друзья в курсе и судачат за спиной? Это для меня позорно и унизительно. Все, что я хочу знать, это его имя. Тогда я смогу… – он запнулся, немного наклонился к ней и произнес доверительным шепотом, – хорошо, позвольте мне быть с вами честным.

– Так и быть. Говорите все, как есть.

– Если бы я знал его имя, то мог бы притвориться, что все это время был в курсе, и просто игнорировать эту ее интрижку, как знак полного безразличного к ней отношения. И только. Я хочу… спасти хоть какую-то часть моей гордости, которая еще осталась.

– Понимаю. Да, я отлично вас понимаю. Вы богатый человек, я права?

– Очень.

– И она попытается забрать ваши деньги?

– Без сомнения.

– Брачного контракта нет?

– Я был *таким* молодым и наивным. О, каким же я был дураком!

Последовала длинная пауза.

– Ясно. И я хорошо понимаю, к чему вы клоните, потому что сама прошла через подобное. И знаю, что такое унижение, когда все твои друзья сплетничают за спиной, и весь мир скрывает это от тебя. И вы сами – *всегда* именно тот, кто узнает последним.

В ее голосе прозвучала горечь. Пендергаст поднял глаза.

– Я так рад, что вы меня понимаете. Это много значит для меня… *Барбара*. Он осторожно взял женщину за руку, слегка ее сжав. Она негромко рассмеялась, позволив ему на мгновение задержать руку, а затем отстранилась.

– Теперь, Алоизий, позвольте мне просто подойти к моему компьютеру и взглянуть, что у нас есть. Но предупреждаю: не подходите к нему. Держись подальше. Или вы не получите от меня его имя.

МакКормик выхватила квитанцию из его руки, села на свое место и быстро застучала по клавишам.

– Порядок, нашла.

Она вырвала лист из блокнота, лежащего на ее столе, написала на нем имя и передала Пендергасту.

На бумаге красивым почерком было написано: *Моррис Крамер*.

Пендергаст почувствовал на себе ее острый взгляд и выдал подходящую случаю череду эмоций: шок, оскорбление и презрение.

– Так это о*н*? Ублюдок. Мелкое дерьмо. Мой старый сосед по комнате из Эксетера[164]. Я должен был догадаться!

Она протянула руку, и он отдал ей лист бумаги обратно. Она смяла его и выбросила в мусорную корзину, при этом продолжая пристально смотреть на Пендергаста.

– Как я уже сказала, Алоизий, мир полон женщин, которых стоит любить, – она взглянула на часы. – О, самое время для чая. За углом есть прекрасная чайная. Желаете присоединиться ко мне?

Пендергаст выдал ей еще одну ослепительную улыбку.

– С радостью, – сказал он.

48

Занимающий площадь в три с половиной тысячи квадратных футов, Гранд-люкс отеля «Сетаи», Майами – как размышлял Диоген – превосходил своими размерами массу стандартных жилых домов. Номер мог также похвастаться не только неописуемо прекрасным видом на Атлантику, но и домашним кинотеатром, дорогими предметами искусства, висящими на стенах подлинниками картин, написанных маслом, проходной кухней, оборудованной техникой «Sub-Zero»[165] и ванными комнатами, отделанными черным гранитом. Но в отличие от большинства пятизвездочных гостиничных номеров он был декорирован с безупречным и сдержанным вкусом: здесь присутствовал чувственный налет изысканности и роскоши. Диоген надеялся, что это все возымеет желаемый эффект, потому что объект воздействия не являлся ценителем прекрасного.

В настоящее время этот самый объект – девушка – сидела на кожаном диване в одной из двух гостиных комнат. Когда Диоген вошел, держа в

каждой руке по бокалу «Лилле Бланк»[166], он одарил ее самой теплой улыбкой. Флавия Грейлинг взглянула на него. Она была одета в рванные синие джинсы, майку и вездесущую поясную сумку. Она не улыбалась. Вместо этого на ее лице застыло выражение, которое он не мог распознать: *«Доля неопределенности»*, – подумал он, – *«смешанная с надеждой, любопытством… и чем-то граничащим с гневом»*.

– Вот твой напиток, – сказал Диоген, ставя бокалы на столик, расположенный перед диваном. – Итак, это был последний пункт твоего плана действий?

Флавия оставила напиток нетронутым.

– Да. Я отправила тебе эту записку через службу переадресации, затем покинула Намибию и пробралась на борт парохода, идущего в Сьерра-Леоне, а потом спряталась в местном убежище. Твои инструкции и билет на самолет до Майами доставили только вчера.

– Прекрасно.

Диоген сделал глоток «Лилле». На время его визита в «Сетаи» он находился в образе личности Петру Люпея с его очаровательными европейскими манерами, чисто выбритым и гладким лицом – без единого шрама – изысканным костюмом, сшитым на заказ, слабым следом неидентифицируемого акцента и одной контактной линзой, скрывающей его молочно-голубой глаз.

– Но я должен спросить: тебе действительно было необходимо настолько жестоко разбираться с владельцем того автосалона, мистером…

– Керондой.

– Керондой. Да. Неужели надо было действовать настолько… хм… радикально? Учитывая обстоятельства, я имею в виду.

– Абсолютно. Он отклонился от сценария. *Твоего* сценария. Вместо того чтобы вести бизнес как обычно, он покинул автосалон, оставив после себя кровавый беспорядок. Это заинтересовало полицию, что, как ты сказал, было последним, чего бы ты хотел.

– Ты права, так и было.

– Ты говорил, что мы не оставляем после себя следов. Керонда оставался единственной ниточкой. Он запаниковал. Рано или поздно он бы сболтнул лишнего. Я подумала, тебе бы этого не хотелось. Неужели я ошиблась?

Во время своей тирады она неотрывно смотрела на него, и выражение ее лица внезапно стало пронзительным. Диоген невольно почувствовал

беспокойство. У Флавии была одна странная особенность: она могла *так* посмотреть на человека, что он начинал ощущать ее взгляд, как физический удар одним из ее многочисленных клинков. Диоген видел, как она часто использовала этот взгляд на других, и обратил внимание на эффект, который он производил. И ему совсем не понравилось, что она использовала этот прием на нем.

– Нет, конечно, нет, – быстро ответил он, – ты сделала именно то, что нужно.

Диоген подумал, что это еще одна причина в пользу того, чтобы избавиться от этой девушки раз и навсегда. На его взгляд, в ней слишком явно читалось удовольствие, получаемое от убийств.

– Я выражаю тебе свою благодарность, – сказал он с самой теплой интонацией, на которую только был способен, – а также свою глубочайшую и самую искреннюю признательность.

Выражение лица Флавии немного смягчилось. И только сейчас она сделала глоток своего «Лилле», после чего отставила бокал и подогнула под себя ноги, что, по ее мнению, являлось типично женским жестом.

– И что дальше? Знаешь, мне очень понравился Эксмут. Это не было сродни другим заданиям, которые ты мне давал – там у нас было много свободного времени. Свободного времени для того, чтобы лучше узнать друг друга. Ты не похож на остальных людей, которых я встречала раньше. И я думаю, ты понимаешь меня, понимаешь, почему я вынуждена поступать так, а не иначе. Думаю, ты меня не боишься.

– Ни в коем случае, моя дорогая Флавия. И это правда – мы очень хорошо понимаем друг друга.

Она покраснела.

– Ты не представляешь, насколько это важно для меня! Потому что я думаю, это значит… что ты, похож на меня, Питер. То, как ты думаешь… то, что тебе нравится – как то, что случилось в Брюсселе в прошлом году с тем мальчиком на побегушках! Помнишь, как он пытался шантажировать тебя? Тебя… он явно не на того нарвался!

Она вдруг раскатисто рассмеялась и сделала еще один глоток своего напитка.

Диоген тоже вспомнил того слугу из Брюсселя, но не с таким явным удовольствием, как Флавия. Он замаскировал свой дискомфорт снисходительной улыбкой.

– Итак, что для нас будет следующим – босс? – последнее слово Флавия произнесла с иронией в голосе.

– Отличный вопрос. И именно поэтому я попросил тебя приехать сюда. Как я уже сказал, дело, которое ты провернула, оказалось исполнено мастерски. Я не мог даже просить о лучшей работе – или более качественно исполненной. Поэтому, как результат, в настоящее время больше ничего нет.

Услышав это, Флавия замерла в тот самый момент, когда потянулась за своим бокалом.

– Больше ничего?

– Ничего, с чем мне бы могла понадобиться твоя помощь. По-моему, в самом начале нашего партнерства, Флавия, я рассказал тебе, что работаю над несколькими проектами одновременно.

– Я это помню и хочу помочь тебе с ними.

– Но ты должна понимать, что есть вещи, которые мне надо делать собственноручно. Я словно дирижер: у меня нет возможности часто спускаться с подиума и общаться с оркестром.

– Оркестром, – повторила Флавия. – То есть, ты хочешь сказать, что я для тебя всего лишь инструмент? Один из многих? Который ты берешь в руки и играешь только тогда, когда он тебе нужен, а затем отбрасываешь в сторону?

Диоген осознал, что сравнение вышло неудачным. Он также понял, что недооценил глубину ее паранойи и одержимости. Когда они впервые встретились, со стороны она выглядела такой надменной, такой самодостаточной и независимой! Она обладала всеми теми качествами, которые он искал для «помощницы»: сообразительная, абсолютно лояльная, бесстрашная, безжалостная и хитрая. При первой встрече самое сильное впечатление на него произвело то, что она ненавидела *всех* людей без исключения. Ему и в голову не могло прийти, что она влюбится в него. Слава богу, он многое о себе утаил от нее – свое настоящее имя и другие свои персональные данные – например, его имение на Халсионе. Ситуация складывалась недопустимая. Прежний он избавился бы от нее привычным способом. Но это был уже не его путь… особенно для этой личности, которую, как владельца Халсиона, он намеревался использовать до конца своей – к слову сказать, очень долгой – жизни.

– Нет, – сказал он, – Флавия, я не это имел в виду. *Совсем* не это. Я нашел неудачное сравнение. Мы с тобой – *команда*. Ты права в том, что я *понимаю* тебя, как никто другой, мы с тобой родственные души. Более того – я думаю, что ты единственный человек в мире, который никогда не осудил бы меня. Поверь, в мире множество людей, которые именно так бы и поступили. Мне важно знать, что *ты* этого не сделаешь.

Флавия ему не ответила. Вместо этого она стала играть с кольцом, которое он ей подарил, вращая его на пальце.

– Так как ты сказал? – спросила она, немного хриплым голосом. – Мы еще увидимся?

– Конечно, увидимся! Более того – мы будем работать вместе снова. И *снова*. Но не сейчас. Слишком много всего происходит… в той части моей жизни, которая протекает отдельно от тебя.

На мгновение он испугался, что она сделает некое признание, раскроет ему свое сердце. Но она продолжала молчать.

– Моя дорогая Флавия, это не продлится долго. Я скоро тебя разыщу. Ты не забыла, что у нас и до этого случались перерывы? Но чуть позже, как ты и сказала, у нас будет все время мира, чтобы провести его вместе и лучше узнать друг друга. И это, по меньшей мере, так же важно для меня, как и для тебя.

Флавия, которая все это время сидела, опустив взгляд, наконец, посмотрела на него:

– Ты действительно так считаешь?

– Более того, я в этом полностью уверен.

«Связь наших душ над бездной той,

Что разлучить любимых тщится,

Подобно нити золотой,

Не рвется, сколь ни истончится».[167]

Флавия ничего не сказала. Цитата Донна отскочила от нее, как мяч для сквоша, от покрытого граффити бетона. Диоген поздно осознал, что совершил еще одну самонадеянную тактическую ошибку, и решил во что бы то ни стало не допустить следующую.

– Пока мы не встретимся снова, я хочу быть уверен, что ты живешь в комфорте, которого заслуживаешь, – он полез в карман и вытащил толстый конверт. – Я устроил новое убежище, где ты сможешь жить до нашего следующего задания. Оно весьма роскошное и находится в Копенгагене. – Диоген погладил конверт, – адрес и ключ находятся здесь, вместе с паспортом, новым сотовым телефоном, билетом в первый класс на рейс, который вылетает завтра, и датскими водительскими правами.

Тем не менее, даже после такого щедрого предложения, Флавия ничего не сказала.

– И авансовый платеж за предстоящую работу, – быстро добавил он.

Он положил конверт на диван между ними, но Флавия даже не двинулась, чтобы взять его.

– Знаешь, это королевский дар, – сказал он, заметив отсутствие энтузиазма с ее стороны. – Доказательство того, сколь много ты значишь для меня.

– И *сколь* же? – наконец спросила Флавия самым едким из своих тонов.

– Как много ты значишь для меня? Я никогда не смогу оценить свои чувства к тебе.

– Нет, сколько *денег*?

Для Диогена это прозвучало обнадеживающе.

– Полмиллиона долларов.

– *Так много*, Питер? – ее лицо побледнело.

– С тобой все в порядке, Флавия? – спросил он тихо, но так и не получил ответа. – Флавия, теперь ты осознаешь всю свою важность для меня? Понимаешь, почему я так к тебе отношусь? И почему ты можешь положиться на мое обещание, что в скором будущем я снова тебя найду?

Она рассеянно кивнула.

– Я знал, что ты поймешь, потому что мы, как ты и сказала, так похожи. Теперь, если ты не возражаешь, мне пора идти. Я свяжусь с тобой по мобильному телефону, который оставил в конверте. Скорее всего, уже через месяц.

Он наклонился, поцеловал ее в лоб и направился к выходу.

– Зачем? – внезапно спросила Флавия.

Диоген оглянулся, чтобы взглянуть на нее:

– Зачем я уезжаю?

– Нет. Зачем мы, собственно, провернули это последнее дело? Зачем мне нужно было изображать ту девушку, надевать парик и плащ, устраивать безумное поддельное похищение и смерть? Вся та смена самолетов, подкуп пилотов, врачей в Намибии и инсценировка фиктивного трупа в гробу с системой охлаждения – плюс ко всему, ради чего я устроила ту бессмысленную погоню в Ботсване? И *Керонда*. Ты обещал, что когда-нибудь объяснишь. И я тебя слушаю…

Он махнул рукой.

– Конечно. Теперь, когда все закончилось, я с радостью объясню. Мой лучший друг – первоклассный агент ФБР, но он просто сущий младенец, когда дело касается женщин.

– И что из этого?

– Та женщина, Констанс – ты видела ее в магазине Эксмута и в ресторане гостиницы – была охотницей за приданным самого худшего сорта, ей нужны были его деньги и ничего больше. Она заставила его отписать на свое имя более миллиона семейных денег, ведьма. Я просто хотел вернуть ему его же деньги. Но… конечно же, ты помнишь, что все закончилось плохо. Мой друг утонул. Но у Констанс все еще оставались деньги. Я организовал ее похищение, чтобы ввести в заблуждение ее сообщника и вернуть те самые деньги в качестве выкупа. Этот план отлично сработал – и все благодаря тебе.

– Так что же с ней произошло дальше?

Еще одна пренебрежительная отмашка с его стороны.

– Ты имеешь в виду Констанс? Как только я вернул деньги, скатертью дорога! Без сомнения в ближайшее время она окрутит следующего богатого парня.

– А что насчет денег?

– Ну, мой друг мертв, и деньги ему явно больше не понадобятся. Так почему бы мне не разделить их с моим ближайшим соратником?

Он томно улыбнулся, и она вернула ему улыбку.

– Понимаю.

Диоген искренне обрадовался. Он отчаянно пытался довести этот разговор до логического конца. Многое может произойти за месяц или два. Возможно, она найдет парня или попадет в автокатастрофу, или у нее случится передозировка наркотиков. К тому времени, как она попыталась найти Питера – если она вообще будет его искать, то его след, ведущий на Халсион – к слову сказать, и так хорошо спрятанный – окончательно остынет. Диоген поднялся.

– До скорой встречи.

Он наклонился и на этот раз поцеловал ее в губы – очень кратко и легко – а затем выпрямился, неотрывно глядя ей в глаза. О чем она думала? Она выглядела такой бледной и скованной. Но она все еще улыбалась.

– Теперь, Флавия, отправляйся в Копенгаген! Ты заслуживаешь этого. И держи сотовый телефон все время с собой: я скоро позвоню тебе. Так что пока: *à bientôt*[168], моя дорогая.

Поклонившись, он развернулся и вышел из комнаты.

* * *

Через мгновение входная дверь люкса закрылась с тихим щелчком. Флавия не двигалась. Еще до того, как Питер вышел из апартаментов, улыбка исчезла с ее лица. Совершенно неподвижная, она осталась сидеть на месте, вспоминая все то, что она слышала от него со времен первой их встречи, анализируя его поведение и фразы, припоминая сказанное им другим людям – все те слова и обещания, которым не суждено сбыться, и которые являлись хитрыми, умными и непревзойденными манипуляциями. Прежде всего, она поразмыслила о том деле, которое они только что завершили – о деле, целью которого, казалось, была та девушка: Констанс Грин.

Флавия встала, прошла через гостиную и вышла на террасу люкса. Интуитивно она потянулась к своей сумке, закрепленной на поясе, но тут ей в голову пришла другая идея. Она схватила кольцо, которое Питер подарил ей, и попыталась вытащить из него дорогой драгоценный камень. Когда он не сдвинулся с места, она ударила им по перилам балкона. Она била им снова и снова, и снова, попутно разбивая в кровь костяшки пальцев – пока, наконец, камень не выскочил. Она подняла его, на пару секунд зажала в кулаке, а затем швырнула в сторону Атлантики. Каркас золотого кольца остался на ее пальце, четыре золотых зубца, которые ранее удерживали камень, теперь пустовали и просто торчали в разные стороны.

Затем она вошла в гостиную и огляделась, хладнокровно оценив обстановку. Подойдя к витрине, она открыла ее, взяла с полки мраморную статую и после краткого изучения использовала ее, чтобы разбить стеклянную витрину на осколки. Затем, по-прежнему удерживая нервы под контролем, она зашла на кухню и по одному стала вытаскивать из шкафов предметы посуды и бросать их на пол. Она обошла все три спальни люкса, и, используя зубцы своего кольца, порвала в клочья картины, висящие на стенах. Забрав штопор с барной стойки, она вернулась в гостиную и распорола на лоскуты модульный кожаный диван, на котором они с Питером сидели вместе всего несколько минут назад.

Остановившись, Флавия тяжело задышала. Отступив в спальню – спальню, на которую всего за полчаса до этого она возлагала большие надежды – она собрала свою маленькую сумку и, выйдя из люкса, спустилась на лифте в роскошное лобби.

– Я миссис Люпей, – сказала она мужчине на рецепции, – боюсь, что мой муж устроил в Гранд-люксе небольшой беспорядок. Пожалуйста, запишите все убытки на счет кредитной карты, которая числится у вас в базе. Я проверю это при выписке.

С этими словами она слегка улыбнулась мужчине, развернулась на каблуках и направилась к выходу из отеля, в то время как капли крови стекали с ее разбитых костяшек пальцев на полированный мраморный пол.

49

В час пик поездка в плотном потоке машин от отеля «Сетаи» до Баптистского госпиталя Майами – одной из крупнейших больниц Южной Флориды – заняла пятьдесят минут. В образе Петру Люпея Диоген заехал на своем взятом напрокат автомобиле в грязный гараж примерно в четверти мили от своего пункта назначения и намерено припарковался в темной зоне за стальной колонной, которая перекрывала обзор камере видеонаблюдения, охватывающей этот участок.

Внутри автомобиля он снял элегантный костюм Люпея, аккуратно сложив его на сидении, и переоделся в наряд доктора Уолтера Лейланда. Он надел обычные для Лейланда брюки цвета хаки, синюю рубашку и полиэстровый галстук, нарочно завязав его неряшливо, и в конце набросил белый больничный халат с прикрепленным к лацкану беджем. В карман он положил кошелек доктора Лейланда вместе с его водительскими правами штата Флорида и кредитными карточками, а сотовый телефон доктора разместил в другом кармане. Достав два ролика ваты из сумки врача, которая стояла рядом с ним на пассажирском сидении, он вставил их в рот, втиснув между верхними деснами и зубами, чтобы придать лицу Лейланда свойственную ему припухлость. Затем он вынул синие контактные линзы и заменил их на карие. В конце он нанес на волосы Люпея белую сценическую пудру, сменив их светло-русый цвет на каштановый с проседью.

По мере того как Диоген заканчивал перевоплощение, он чувствовал непреодолимую грусть оттого, что тщательно созданный и лелеянный с любовью доктор Уолтер Лейланд из Клевистона, штат Флорида, скоро встретит свою кончину. Для него это была в некотором роде, смерть хорошего друга. Но жертвы должны были быть принесены. И, кроме того, он никогда не уделял личности Лейланда должной заботы и должного внимания, Такого, как, к примеру, Хьюго Мензису, или – в особенности – Петру Люпею. На самом деле, личность Люпея была его шедевром – совершенно неприступная, не поддающаяся слежке, абсолютно достоверная, с настоящим номером социального страхования, тщательно разработанная и воссозданная с нуля: имя, за которым он планировал скрываться всю оставшуюся жизнь.

Диоген-Лейланд осторожно сложил одежду и обувь Петру Люпея в безразмерный саквояж доктора. Поверх вещей он поместил небольшой футляр из нержавеющей стали, в котором лежал набор хирургических

инструментов, каковыми и должен обладать каждый уважающий себя врач, контейнер с контактными линзами и маленькую бутылочку с актерской краской для волос, а также кошелек и очки Люпея.

Кроме того в его сумке разместился маленький медицинский изотермический контейнер для транспортировки человеческих органов.

Машина – он знал – очень скоро заинтересует полицию. Она была арендована на имя доктора Лейланда, и здесь повсюду находилась его ДНК. Диоген ничего не мог с этим поделать. ДНК-маркеры, которые обнаружат в этой машине, действительно будут соответствовать доктору Лейланду, впрочем, как и отпечатки пальцев. Это выяснится сразу же, как только найденные здесь ДНК и отпечатки прогонят через базу данных, а это станет делом, которое очень быстро решится. В мире существовал и второй человек, у которого была такая же ДНК, как и у Лейланда – имя ему было Диоген Пендергаст – и его ДНК, к сожалению, было внесено в базу данных ФБР. Но вряд ли кто-то будет производить вторичный поиск после того, как Лейланд будет идентифицирован. Даже если бы это случится, у Диогена всегда оставался Петру Люпей, который старательно избегал оставлять официальные данные о своей ДНК, дублирующей ДНК другого человека. В машине ничто не указывало бы на Петру Люпея.

Отлично.

Диоген закрыл саквояж и, выйдя из гаража, направился по заранее спланированному маршруту – маршруту, который давал ему уверенность в том, что уважаемый доктор Лейланд должным образом попадет на запись камер безопасности, расположенных по всему периметру больницы. Он снова подумал, что чем быстрее это закончится, тем лучше.

Лейланд прошел по Юго-западной 94-й улице через обширный больничный кампус и вскоре добрался до главного входа. Около двух тысяч врачей были связаны с Баптистским госпиталем, поэтому он не боялся привлечь к себе нежелательное внимание. Диоген принял предварительные меры и заполучил для Лейланда удостоверение личности – на самом деле, это был простейший вопрос для любого врача из Флориды с дипломом о высшем образовании и минимальными хакерскими способностями. Он предъявил свой бедж с магнитной полосой, когда проходил через пост охраны и после чего, сопровождаемый внимательными, но дружелюбными взглядами охранников, оказался в просторном вестибюле. Заранее изучив и запомнив планировку больницы, он быстро прошел мимо множества палат к лифту, где он нажал кнопку этажа с отделением интенсивной терапии. Со стороны он выглядел, как врач, спешащий по делам.

На этом этаже отделения интенсивной терапии в отдельном крыле располагался операционный отдел. Лейланд знал, что любого незнакомого врача, направляющегося в ОИТ, наверняка заметят и, возможно, его даже остановит медсестра, хотя и с дружелюбным вопросом: *«Здравствуйте, доктор, могу я вам чем-либо помочь?»*. Чтобы уменьшить вероятность этого, перед тем, как войти в отделение интенсивной терапии, Диоген направился в операционное крыло и использовал свой пропуск для входа в раздевалку врачей. Там, напротив рядов шкафчиков он нашел то, что искал: аппарат для выдачи униформы, габаритами напоминающий гигантский шкаф. Он снова извлек свой пропуск, и машина, как и положено, разблокировала передние стеклянные панели, что позволило ему выбрать отсек, где лежала стерильная униформа его размера. Он быстро надел ее. Теперь возможность быть кем-то замеченным значительно снизилась.

Оттуда он направился по коридорам в предварительно выбранную подсобку. Диоген заранее тщательно спланировал каждый свой шаг. Снова вытащив пропуск, он вошел внутрь. В этой комнате и в прилегающем к ней коридоре не было камер видеонаблюдения – это было весьма важно для осуществления его плана.

Вынув из своей сумки только футляр с хирургическими инструментами, он положил ее на дальнюю часть полки, и, в качестве меры предосторожности, заставил коробками. Футляр он засунул за пояс и прикрыл его униформой. Затем он вышел и направился в отделение интенсивной терапии, где ему снова пришлось использовать пропуск. Он должен был признать, что меры безопасности в госпитале оказались всеобъемлющими – из-за размеров больницы и из-за того, что она располагалась в районе с высоким уровнем преступности – но в данном случае все эти меры были ему на руку. Конечно, предполагая, что все будет идти строго по плану. Лишь одна вещь имела решающее значение для осуществления его плана: ему обычно приходилось проникать в охраняемую зону, но никогда не приходилось из нее выбираться.

Продвигаясь к намеченной цели, он взглянул на свои часы. Его все больше охватывало возрастающее нездоровое волнение, но у него не было времени, чтобы его полностью подавить. *«Если, так или иначе, нечто должно быть сделано, лучше всего это сделать как можно быстрее...»*

В ОИТ не наличествовало камер видеонаблюдения, потому что соотношение числа медсестер к числу пациентов там было очень высоким – а именно на трех пациентов приходилась одна медсестра. Поэтому Диоген не хотел рисковать и просто входить в палату к пациенту, потому что дежурная медсестра обязательно последует за ним, заинтересовавшись, кто он и что он здесь делает. Но хвала Господу за профсоюзные перерывы! Медсестра, которую ему необходимо было

миновать, только что отправилась на отдых – хотя Диоген и так знал, что рано или поздно ей придется отлучиться со своего рабочего места.

Он быстро миновал пост медсестер и направился в палату, в которой лежала восьмидесятидвухлетняя пациентка, Фредерика Монтойя, находящаяся на последних стадиях деменции и застойной сердечной недостаточности. На ее карте было указано распоряжение «Не реанимировать». Это значило, что когда у нее остановится сердце, персонал не будет торопиться, хотя, конечно, рано или поздно кто-то из них явится, и из-за этого ему придется работать очень быстро.

Старуха уже находилась на пороге смерти. Констанс, даже если она когда-нибудь узнает, что он сделал ради нее, вряд ли будет сильно протестовать против его действий.

Диоген вошел в палату и закрыл за собой дверь. Пациентка лежала на кровати без сознания, подключенная к системе искусственной вентиляции легких. Она явно умирала, хотя и продолжала тянуть волынку. Ее жизненные показатели, отображаемые на настенном мониторе, расположенном за спинкой кровати, были слабыми, но устойчивыми.

Он быстро извлек свой хирургический набор, обнажил иглу и ввел в капельницу тщательно выверенную смертельную дозу морфина. Эффект от обезболивающего агента должен был наступить практически мгновенно, и он тут же приступил к работе, не дожидаясь, пока у нее остановится сердце. Первым делом он снял прикрывающую ее простыню, после чего проворно перекатил женщину набок, распахнул ее больничную рубашку и сделал быстрый вертикальный надрез в нижнем отделе позвоночника. Он работал с особой осторожностью и оперативностью. Ее жизненные показатели стали неустойчивыми уже в начале его работы; примерно в тот же самый момент, когда он извлек «конский хвост», она умерла, и тут же зазвучала целая какофония сигналов тревоги. Он быстро поместил изъятый пучок нервов в стерильную пробирку, запечатал ее и положил в свой хирургический футляр.

Но еще до того, как он смог приступить ко второй фазе своего плана, открылась дверь – черт возьми, и почему их нельзя было запирать изнутри?! – и кто-то вошел. Это оказался врач, а не медсестра, как ожидал Диоген. Мужчина остановился, застыв на пару мгновений и попытавшись охватить всю сцену целиком – мертвая женщина, лежащая на боку, кровоточащий надрез… а затем до Лейланда донесся его крик с нотками инстинктивного ужаса:

– Доктор, что во имя всего святого…?

Крик врача оборвался из-за длинного скальпеля, воткнувшегося в верхнюю часть его шеи. Разрезая врачу горло, Лейланд в то же самое время отскочил назад и одновременно отступил в сторону, тем самым успешно избежав брызг крови. Захлебывающийся собственной кровью врач, бесшумно упал на пол. Не теряя ни минуты, Лейланд мельком взглянул на бедж с именем врача, подошел к открытой двери и выглянул наружу. По направлению к нему по коридору спешила медсестра, отвечая на сигнал тревоги.

– Доктор Грабен и я уже работаем здесь, сестра – конечно, если вы не против, – обратился он к ней. – Здесь DNR[169], и уже почти все закончилось. Пожалуйста, позвольте нам обеспечить пациентке достойный уход.

Не дождавшись ее ответа, он просто захлопнул дверь.

Теперь появилась удачная возможность, которую он не мог упустить. Действуя быстро и решительно, Лейланд перевернул доктора на живот. Схватив заднюю часть его белого халата, он воткнул скальпель в материал и разрезал его, затем проделал то же самое с рубашкой, обнажив спину мужчины. Для Диогена в этой нетронутой белизне плоти было нечто завораживающее, а осознание того, что он собирается разрезать ее, безмерно возбудило его. Он пальпировал позвоночник, тем самым определяя, откуда ему лучше начать разрез, воткнул скальпель в плоть и протянул его вдоль только одной стороны позвоночника – только подобным образом можно было добраться до cauda equina.

Из разреза потекла кровь, хоть и не сильно. Это облегчило ситуацию. Обнажив самую нижнюю часть спинного мозга, он извлек cauda equina – «конский хвост», получивший такое название из-за того, что массивный пучок нервных волокон выглядел как тысячи седых волос. Этот неожиданный второй образец оказался для Диогена ценным приобретением. Он не собирался убивать молодого здорового мужчину, но этого никак нельзя было избежать. Теперь у него был избыток рабочего материала, и это не только сделает формулу более надежной, но и позволит достичь желаемого эффекта за гораздо меньшее время.

Поместив второй полученный образец в пробирку вместе с первым, Лейланд теперь приступил к работе над местом убийства. Вооружившись парой скальпелей, он сначала еще несколько раз ударил доктора по горлу и по лицу, сильно его изуродовав, затем он исполосовал всю его спину, тем самым маскируя разрез.

«Даже самому не верится, однако я уже успел забыть, что во взрослом человеке столько крови...» – с удивлением думал он.

Диоген продолжал терзать тела своих жертв, нанося им мелкие насечки и глубокие раны во всевозможных направлениях, в то же время,

стараясь, чтобы их кровь не попадала на него самого. Помимо этого, он пытался проводить разрезы так, чтобы они выглядели максимально похожими на результат действий кровожадного безумца. Ощущение проникновения скальпеля в плоть, усилия, которые ему необходимо было приложить, чтобы преодолеть ее натужное сопротивление, и следовавшее за этим внезапное чувство того, что плоть поддается и уступает его силе, а также брызги крови, которые быстро иссякали – все это вкупе породило в Диогене чувство сожаления из-за того, что он не мог задержаться здесь подольше и насладиться этим действом. Он работал в условиях цейтнота, и на удовольствия у него не было времени.

По его мнению, он слишком быстро закончил. Взглянув на часы, он увидел, что выполнил все, что запланировал менее, чем за полторы минуты.

Диоген отбросил скальпели, поднялся и оценил всю раскинувшуюся перед ним картину внимательным и критичным взглядом. В целом она показалась ему восхитительно шокирующей, мерзкой и отвратительной: повсюду была кровь – на всех белых листах бумаги, на линолеуме, ее брызги также покрывали почти все полотно стен. Сразу становилось ясно: это работа настоящего безумца. И не капли крови на нем самом. Потрясающее достижение.

Приведя себя в порядок, он выскользнул в коридор, прикрыв за собой дверь палаты. В приемной сидела обеспокоенная медсестра.

– Сестра? – обратился к ней Лейланд, – оставайтесь здесь и ожидайте вызова доктора Грабена. Он все еще с пациенткой и его *не* стоит беспокоить. Он не задержится там надолго.

– Да, доктор.

Он вышел через двери, покидая отделение интенсивной терапии. Сигнал тревоги мог зазвучать в любую секунду, и доктору Уолтеру Лейланду могло не хватить времени, чтобы выйти из больницы. Но с этим он уже ничего не мог поделать – его лицо попало на дюжину видеомониторов.

Продвигаясь энергичным шагом, Лейланд свернул сначала за один угол, затем за другой, и наконец-то достиг двери подсобки, за которой его ждала одежда Петру Люпея. Именно в этот момент раздался сигнал тревоги.

50

Пендергаст стоял в углу трехкомнатной квартиры, напоминая, скорее, мраморную статую, нежели живого человека, и наблюдал за работой на месте преступления многочисленной команды ФБР. Они уже сворачивались: оборудование для фотографий было убрано,

обнаруженные комплекты отпечатков пальцев и ленты с их образцами были тщательно запакованы, крышки ноутбуков закрылись, коробки с доказательствами и уликами – практически пустые – были готовы к транспортировке.

Отвлекая Пендергаста от раздумий, зазвонил мобильный телефон. Он извлек его из кармана и взглянул на номер. Конечно же, он оказался скрыт.

– Да? – ответил он.

– Мистер Секретный агент! – раздался голос Мима. – Я звоню сообщить вам свежие новости.

– Я слушаю.

– Простите, что поиск занял так много времени, но вашего парня, Проктора, стало весьма трудно отследить. Особенно после того, как он добрался до Африки.

– Африки?

– Верно. И тут-то он и сошел с проторенной дорожки. Мне понадобились усилия всей моей банды, чтобы разузнать, куда он отправился дальше. Итак, вот что я нарыл. Постараюсь быть кратким, потому что я думаю, что вы очень заняты, и еще мне как-то не нравится говорить по телефону – даже по этому телефону – дольше, чем необходимо. Так вот, нам удалось отследить его перелет из Гандера в Мавританию, и далее в аэропорта Хосе Кутако в Намибии. Фух, это была та еще работенка, скажу я вам. Но после этого его и след простыл.

– Вы не знаете, куда он отправился дальше?

– Мое лучшее предположение, основанное на записях болтовни местной полиции, заключается в том, что он, хм, *посетил* автосалон через дорогу от аэропорта, а затем направился на восток – возможно, в Ботсвану. Но это все. Все, что я после этого пробовал – всевозможные незаконные трюки и секретные черные лазейки – все это не дало никаких результатов. Век высоких технологий еще не добрался до этого континента.

– Я понимаю. Но нет никаких признаков указывающих на то, что он мертв?

– Нет. Тело практически сразу всплыло бы на поверхность – я имею в виду в цифровой форме. Он жив, но, черт возьми, где-то затерялся.

– Спасибо, Мим.

– Все, что угодно, если этим я могу помочь моему любимому Секретному Агенту. Теперь, как насчет вопроса о моей оплате? Тот маскирующий сотовый дуплексер действительно пришелся бы весьма кстати.

– Хорошо, я добуду его для вас. Естественно, что вы будете использовать его только для оказания содействия правоохранительным органам.

– Естественно! – раздался хриплый смешок.

– Спасибо, Мим.

Отключив связь, Пендергаст вернул телефон обратно в карман своего пиджака.

Команда криминалистов должна была вот-вот закончить свою работу. Пендергаст прошел через гостиную – чистую и пустую, как и другие комнаты – и остановился у ближайшего окна. Апартаменты Гамильтон-Хайтс располагались в одном из новейших зданий квартала – двадцатиэтажном строении на пересечении Бродвея и 139-й улицы, которое затмевало кирпичные дома и таунхаусы, из коих состояла основная часть близлежащих улиц. Окно выходило на запад, на Риверсайд-Драйв и Хадсон. Груженая баржа медленно двигалась вверх по реке, направляясь в Олбани.

За спиной Пендергаста раздался шорох, и, повернувшись, он увидел Аренского, агента ФБР, ответственного за бригаду криминалистов. Мужчина стоял молча, почтительно ожидая, когда ему дадут слово.

– Чем могу помочь? – обратился к нему Пендергаст.

– Сэр, мы закончили работу. Если у вас нет дополнительных указаний, мы возвращаемся в центр, чтобы начать регистрацию и работу с уликами.

– Нашли что-нибудь стоящее?

Аренский покачал головой.

– Только несколько комплектов отпечатков.

Пендергаст кивнул.

Как только Аренский вернулся к своей команде и продолжил сборы, входная дверь открылась, и на пороге апартаментов возник Лонгстрит. Его высокая фигура заполнила весь дверной проем. Увидев его, Аренский быстро подошел к нему, и они заговорили вполголоса. Аренский активно жестикулировал, указывая на различные предметы, и эти его указания, в свою очередь, вынуждали остальных членов команды поочередно отчитываться перед Лонгстритом.

Пендергаст некоторое время просто наблюдал за этим действом, но вскоре снова перевел взгляд на окно. Глядя поверх крыш низких зданий, тынущихся на запад к реке, он рассматривал высокие фронтоны и зубцы своего собственного особняка на Риверсайд-Драйв, раскинувшегося за длинными рядами кирпичных домов. Отсюда даже без бинокля он мог четко различить его парадную дверь, служебный вход, порты для обслуживания и даже закрытые окна библиотеки.

Очевидно, эти апартаменты были выбраны потому, что предоставляли отличный обзор на особняк 891 по Риверсайд.

Отбрасывая ненужные мысли, Пендергаст наклонился, чтобы внимательно рассмотреть подоконник. Два комплекта из трех отверстий были просверлены в его древесине через равное расстояние, образуя таким образом два треугольника, расположенных примерно в шести дюймах друг от друга. Без сомнения, это был след от анкерных болтов для крепления телескопа. Чтобы подобное закрепление было целесообразно и обеспечивало гарантированную стабильность, это, надо думать, был тяжеловесный телескоп с шестидесяти- или восьмидесятикратным увеличением, повышенной светочувствительностью и режимом ночного видения – именно такой использовал бы Диоген для наблюдения за особняком брата.

Когда Пендергаст выпрямился, к нему подошел Лонгстрит и тут же кивнул, отвечая на его невысказанный вопрос.

– Агент Аренский ввел меня в курс дела, – сказал он, – это более или менее то, что мы и ожидали найти. Квартира была сдана в аренду мистеру Крамеру сроком на один год около трех месяцев назад.

– Без сомнения, одна из одноразовых личностей Диогена. И как часто этого мистера Крамера видели здесь?

– Мы опросили соседей и швейцаров. Ближайшая соседка – женщина чуть за семьдесят – рассказала мало полезного. Мы вызвали сюда полицейского художника, чтобы он попытался создать фоторобот, но вряд ли это принесет нам много пользы. Мистера Крамера с завидной регулярностью видели здесь только в начале срока аренды – часто в сопровождении некой молодой женщины.

– Флавии.

Лонгстрит кивнул.

– Несколько человек опознали ее по снимкам, которые мы им предоставили, а вот фото Диогена, как это ни странно, не опознал никто. Но он точно здесь был, – Лонгстрит обвел комнату рукой. – Даже запустив упрощенный поиск совпадений на ноутбуке судмедэксперта,

мы нашли отпечатки, принадлежащие им обоим: ими буквально усыпана вся квартира.

– Ясно.

– Был период, когда здесь никого из них не видели. Он, несомненно, соответствует тому времени, которое они провели в Эксмуте. А затем около четырех недель назад «мистер Крамер» вернулся – на этот раз без Флавии. Он стал придерживаться странного расписания: уходить поздно ночью и возвращаться домой на рассвете. Его встречали и провожали разные швейцары и все та же пожилая соседка… это продолжалось примерно неделю и длилось до недавнего времени. А затем он внезапно исчез, прихватив с собой все свое имущество, – Лонгстрит нахмурился. – И на этот раз, похоже, что Флавия оказалась более осторожной. Нет никаких, даже минимальных, зацепок, на основании которых можно было бы предположить, где они – или, что еще важнее – где *он* может сейчас скрываться.

Последовала затяжная пауза.

– Боюсь, что это та же история, что случалась с нами на спецоперациях, – продолжил Лонгстрит. – За последнее время не было найдено никаких совпадений с записями с камер АТБ[170], операций по банковским или кредитным карточкам или чего-либо подобного. Перекрестная сверка с системой экранов безопасности так же ничего не выявила. Все мои команды в поле – я привлек еще несколько дополнительных – также не сумели ничего найти. След простыл, – он вздохнул. – Извини, старина. Я знаю, что находка той квитанции, позволившей нам проследить его до этого убежища, должно быть, обнадежила тебя. Я это знаю, потому что меня она тоже заставила надеяться. Но теперь создается впечатление, что Диоген как будто растворился в воздухе.

– Ясно, – сказал Пендергаст ровным голосом.

– Я хочу достать его так же, как и ты, – ободрительно произнес Лонгстрит. – Поверь, это дело останется моим главным приоритетом. Хотя я боюсь, что нам временно придется переключить наше внимание с поисков Диогена. Мы вынуждены снять несколько человек с этой работы и перебросить их на расследование убийства, которое совершил во Флориде сумасшедший доктор-мясник. Могу пообещать лишь, что это дело не займет много времени.

– Доктор-мясник? – переспросил Пендергаст, отворачиваясь от окна.

– Да. Этот доктор – судя по всему, он действительно врач, но я не помню его имени – просто вошел в больницу Майами и убил пожилую женщину, которая и так находилась уже на пороге смерти. Ты только

представь – умирала от застойной сердечной недостаточности. Мясник разделал ее настолько впечатляюще, что Джек Потрошитель точно одобрил бы. Когда в палату вошел другой врач и застал его за этой забавой, сумасшедший убил и его, покромсав на кусочки. А потом он просто исчез, – Лонгстрит покачал головой. – Полное сумасшествие. Все это было освещено в центральной прессе, что делает проведение этого расследования приоритетным для нас всех.

Пендергаст замер на мгновение, а затем взглянул на Лонгстрита с явным любопытством на лице.

– Расскажи мне больше об этом двойном убийстве.

Лонгстрит удивился.

– Зачем? Это просто незначительное отступление. Мы, очевидно, имеем дело с неким социопатом – его скоро поймают, и мы сможем вернуться к нашему делу.

– Двойное убийство, – настаивал Пендергаст, – уважь меня, старый друг, будь любезен.

51

Это был еще один славный ноябрьский день на Флорида-Кис.

Диоген Пендергаст завел в док свой «Крис Крафт», пришвартовал его и запрыгнул на пирс, захватив с собой небольшой переносной холодильник, заполненный льдом, на котором лежали два образца cauda equina. По мере приближения к дому он высматривал Констанс, но вокруг не было ни души.

Диоген невольно пребывал в состоянии повышенной нервозности, поэтому, миновав библиотеку, направился прямиком в подвал, в свою лабораторию и запер за собой дверь.

Шесть часов спустя он вышел оттуда с зажатой под мышкой коробкой. День уже давно склонился к закату, и весь остров – включая дом Диогена – был укутан мягким золотым светом, столь характерным для этого архипелага. Войдя в библиотеку, Диоген нашел Констанс с книгой в руке. Она задумчиво сидела у потухшего камина.

– Приветствую, моя дорогая, – скрывая беспокойство, обратился Диоген.

Она подняла голову, и его потряс ее отрешенный вид, однако ему удалось сохранить выражение радости на своем лице.

– Привет, – ответила она тихим голосом.

– Надеюсь, ты хорошо провела время в мое отсутствие.

– Да, спасибо.

Диоген надеялся, что она спросит его о поездке или о том, почему он сбрил «Ван Дайк», который уже начал отрастать, но, похоже, ее эти подробности не интересовали. Диоген замешкался, понимая, что задуманный им план может обернуться весьма непростой задачей.

– Констанс, я должен поговорить с тобой.

Она отложила книгу и вся обратилась во внимание.

– Я… я должен признаться, что обманул тебя насчет того анализа крови. Он не был стандартной процедурой. И он выявил кое-что неладное.

Брови Констанс приподнялись, выказывая ее незначительную заинтересованность.

– Снадобье, которое я дал тебе, потерпело неудачу.

Диоген сделал глубокий вдох, позволяя сказанному несколько секунд повисеть в воздухе. Он репетировал эту сцену в своем воображении дюжину раз на обратном пути из Майами. Он знал, что не может действовать слишком поспешно в этой ситуации, ему нужно было дать ей время, чтобы усвоить новую информацию и хорошенько все обдумать.

– Неудачу?

– Я полагаю, что ты уже ощутила болезненные побочные эффекты этого. Мне очень, *очень* жаль.

Не найдясь, что ответить, она отвернулась:

– Что случилось?

– Биохимия процессов чрезвычайно сложна. Достаточно сказать, что я допустил ошибку, но сейчас уже исправил ее.

Он извлек коробку и открыл ее, демонстрируя трехсотмиллилитровый пакет, заполненный фиолетовой жидкостью.

– Вот почему ты отправился на Ки-Уэст?

– Да.

– Чтобы добыть еще больше cauda equina?

Диоген ожидал подобного вопроса.

– Господи, нет! – он энергично затряс головой. – Точно нет. Препарат целиком синтетический, и в человеческих тканях больше нет необходимости. Просто первый его синтез оказался неправильным из-за

предположений, которые я допустил. А сейчас я изменил формулу и изготовил новую партию. *Исправленную* партию.

– Ясно.

Констанс выглядела такой изнуренной, что состояние ее здоровья внушало нешуточные опасения.

– Теперь я хочу отдать его тебе, чтобы ты могла восстановиться и набраться сил.

– Как я узнаю, что эта партия тоже не является *ошибочной*? – в ее тоне сквозила отрешенная сухость, заставившая Диогена вздрогнуть.

– Пожалуйста, поверь мне, Констанс. Я в точности разобрался, что именно пошло не так, и исправил ошибку. Этот состав будет работать. Клянусь тебе в этом со всей силой своей любви: *он сработает.*

Она ничего не сказала. Он встал и направился к шкафу с капельницей, достал стойку и подкатил ее к креслу Констанс, затем разложил на столе стерильную салфетку, перетянул руку девушки жгутом, определил положение вены и ввел в нее иглу капельницы. Констанс смотрела на него безразличным и безжалостным взглядом. Работая быстро, он начал вводить ей физраствор, пока вешал на стойку пакет со снадобьем, затем открыл запорный клапан, и через мгновение розовато-фиолетовая жидкость поползла по трубке.

– Я ведь уже доверялась тебе, и ты не сумел оправдать мое доверие, – наконец-то, заговорила Констанс, и ее голос стал колючим от раздражения. – Почему я *снова* должна тебе доверять?

– В первый раз я оказался слишком нетерпелив, слишком спешил дать тебе чудо долголетия.

– Ты и сейчас выглядишь довольно нетерпеливым.

Диоген глубоко вздохнул.

– Я тороплюсь, потому что люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива и здорова. Но я действовал размеренно, когда синтезировал *этот* препарат.

Целую минуту она хранила молчание, и казалось, что вокруг нее сгущается воздух.

– Я не уверена, что хочу быть твоей подопытной морской свинкой.

– Моя прекрасная Констанс, ты морская свинка только в том смысле, что это лекарство разработано только для одного человека – для тебя. И нет никого, на ком бы я мог его еще опробовать.

– За исключением себя.

– Это совсем другое дело.

Он невольно отметил, что даже в таком изнуренном состоянии вспыльчивость не покидает ее. Констанс уже покачала головой и собиралась что-то сказать, но Диоген тут же заговорил, стараясь успокоить ее:

– Все это для тебя ново. И ты больна. Дай этому снадобью время. Пожалуйста. Это все, о чем я прошу.

С явным раздражением она громко выдохнула и отбросила волосы с лица, ничего не сказав. Диоген взглянул на пакет. Он увеличил поток, чтобы ввести эликсир как можно быстрее, и к этому моменту пакет опустел примерно наполовину.

– Твое плохое настроение – последствия дефективного эликсира, – сказал Диоген, и как только он это произнес, то понял, что совершил ошибку.

– Мое *плохое настроение*, – сказала она, – связано с твоей чрезмерной заботой, и тем, что ты буквально ползаешь по дому, прислушиваясь ко всем моим шагам. Я чувствую, что меня преследуют.

– Прости, я не знал, что настолько тебя беспокою. Я дам тебе всю свободу, которую ты только пожелаешь. Просто скажи, чего ты хочешь.

– Для начала избавься от того телескопа в башне. Мне кажется, что ты следишь за мной.

Диоген с удивлением отметил, что лицо его заливает предательский румянец.

– Я так и думала, – сказала она, пристально глядя на него. – Ты шпионил за мной. Наверняка, когда я на днях купалась.

Диоген смутился. Он не смог заставить себя отрицать это обвинение, и его молчание рассказало ей обо всем красноречивее слов.

– Пока тебя не было, здесь все было хорошо. Я бы хотела, чтобы ты и вовсе не возвращался.

Эти слова ударили Диогена почти физически ощутимо – словно кто-то незримый нанес ему полосную ножевую рану.

– Это не только жестоко, но и несправедливо, – собравшись с силами, отозвался он. – Все, что я делал – *все* – было только для тебя.

– Жестоко? И это я слышу от самого маэстро жестокости?

Диоген понял, что уже почти полминуты не дышит, а слова Констанс продолжали мерно разрезать его на кусочки. Он чувствовал, как внутри него растет чувство униженности и… гнева.

– Ты решила отправиться сюда, хорошо зная мое прошлое и мою историю. Тебе не кажется, что неправильно теперь корить меня ими?

– *Неправильно*? Да кто ты такой, чтобы решать, что правильно, а что нет? – она громко и саркастически рассмеялась.

Эта необузданная, дикая вспышка заставила Диогена стушеваться. Он понятия не имел, как ответить на эти вопросы и что сказать в свою защиту. Препарат был введен уже на три четверти. Он мог только надеяться, что, во имя Господа Бога, он скоро подействует должным образом. Констанс подобными разговорами взращивала в себе ярость, и распаляла сама себя.

– Когда я вспоминаю то, что ты сделал, – сказала она, – во всей этой истории, когда я вспоминаю, как ты устроил Алоизию отчаянно несчастную жизнь, мне интересно, как после этого ты сейчас можешь жить в мире с самим собой!

– Алоизий тоже сделал меня несчастным… пожалуйста, Констанс.

– *Пожалуйста, Констанс,* – с усмешкой повторила она. – Какую же ошибку я совершила, доверившись тебе! Вместо того чтобы вылечить меня, ты меня отравил. Откуда мне знать, что это не один и тот же препарат?

Своей свободной рукой она толкнула стойку с капельницей.

– Ах, осторожно! Осторожно! – Диоген удержал штатив, защищая свое драгоценное лекарство.

– Я должна была догадаться, что твои обещания окажутся напрасными!

– Констанс, мои обещания нерушимы. Весь этот гнев – результат твоей болезни. Это не *ты*.

– Да неужели?

Она схватила трубки. Он бросился останавливать ее, но было уже слишком поздно – она вырвала их из своей руки, разбрызгивая фиолетовую жидкость, вперемешку с каплями крови, стойка с треском свалилась на пол.

– Констанс! Боже! Что ты наделала?

Она бросила в него трубки от капельницы и, развернувшись, выбежала из комнаты. А он так и остался стоять, охваченный ужасом и

растерянный. Словно сквозь вату, до него доносилась ее торопливая поступь, когда она поднималась по задней лестнице, затем раздался грохот закрывшейся двери, ведущей в ее апартаменты. Диоген попытался приглушить стук своего сердца, чтобы суметь прислушаться. И тогда он расслышал это: слабые, сдавленные всхлипывания, раздающиеся сверху. Констанс, *плакала*? Это шокировало его больше всего на свете. Он опустил взгляд на пол как раз вовремя, чтобы увидеть, как последние капли его драгоценного эликсира вытекают из пакета прямо на ковер.

52

Потратив почти час и проведя собственноручный обыск больничной палаты, в которой пожилая пациентка и врач встретили свою смерть, Пендергаст – с молчаливого одобрения Лонгстрита – занял одну из комнат, предназначенных для отдыха врачей в Баптистском госпитале Майами, чтобы провести серию допросов. Лонгстрит наблюдал за всей этой процедурой с беспристрастным видом, не говоря ни слова. Он покинул место преступления с некой долей облегчения: хотя ему и не впервой было видеть кровь, то, *настолько сильно* безумный своеобразный подражатель Джексона Поллока[171] забрызгал и покрыл кровью значительную площадь всех поверхностей комнаты, даже для него оказалось чересчур. Теперь он наблюдал, немного сгорая от любопытства, что именно обнаружит Пендергаст – если он вообще что-нибудь обнаружит.

Сначала Пендергаст опросил лейтенанта, ответственного за проведение расследования. Он весьма подробно допросил полицейского обо всем, что они обнаружили касательно этого дела – вплоть до настоящего момента. Казалось, никакого явного мотива не было. По-видимому, убийца выбрал жертву случайным образом, и выбор его оказался крайне причудливым – он пал на женщину, которая и без того должна была умереть со дня на день. Убийцу прервал выдающийся молодой кардиолог доктор Грабен, который заплатил за вмешательство своей жизнью. Обе жертвы были изувечены при помощи скальпелей самым наихудшим способом, какой только можно вообразить – то есть буквально искромсаны в клочья.

Полиция начала тщательное расследование в отношении установления личности убийцы, хотя, казалось, что с этим и так все ясно. Он был опознан по записям камер видеонаблюдения, по показаниям свидетелей и по беджу врача, который он использовал для проникновения в несколько отделений больницы. Убийцей оказался доктор Уолтер Лейланд из Клевистона, штат Флорида. Он не был связан с Баптистским госпиталем Майами и, насколько было установлено, не был знаком ни с одной из жертв.

Хотя официальное расследование только началось, уже удалось установить, что доктор Лейланд провел много времени за границей, добровольно работая в миссии «Врачи без границ» и других подобных организациях, и что список его пациентов оказался весьма небольшим. Полиция все еще пыталась связаться с его офисом, но на том конце линии не было ни секретаря, ни медсестры, которые могли бы ответить на звонок, а постановление суда все еще находилось на рассмотрении. Кроме того, выяснилось, что доктор Лейланд работал в весьма ограниченной сфере – а именно, в качестве общественного судмедэксперта. К несчастью, этой зацепкой сразу заняться не удалось, как и предыдущей, из-за ряда формальных преград. Как отметил лейтенант, детективы смогут узнать больше в ближайшие часы и дни. Машина доктора была так же найдена и все еще находилась на досмотре вместе с его мобильным телефоном и кредитными карточками. Однако самая большая загадка заключалась в том, почему он совершил подобное нападение и убил двух людей таким варварским способом.

Затем Пендергаст побеседовал с медсестрой из отделения интенсивной терапии, которая подтвердила, что доктор Лейланд вошел в комнату восьмидесятидвухлетней Фредерики Монтойи, которая находилась на пороге смерти из-за застойной сердечной недостаточности. Несколько минут спустя в ту же палату вошел доктор Грабен. Озадаченная медсестра собиралась последовать за ним, но в этот момент доктор Лейланд высунулся из-за двери и сказал, чтобы она позволила двум врачам самим разобраться с проблемой. Через пять минут доктор Лейланд вышел из комнаты и сказал медсестре, что доктор Грабен все еще занимается пациенткой и его не следует беспокоить. Когда доктор Грабен через пять минут так и не вышел из палаты, медсестру это обеспокоило, и она все же отправилась проверить, в чем там дело.

Отослав медсестру, Пендергаст вызвал главу службы безопасности госпиталя. Тот заявил, что работу по проверке всех записей с камер видеонаблюдения еще не завершили. Однако примечательным было то, что его люди получили множество изображений доктора Лейланда пересекающего приемное отделение больницы, входящего в раздевалку для врачей и в другие зоны, но при этом не нашлось никаких записей того, как он покинул здание больницы. У видеотехника не нашлось оправданий этому феномену.

Пендергаст попросил показать изображение доктора Лейланда, и глава службы безопасности предоставил агенту зернистое изображение, полученное с одного из стоп-кадров. Пендергаст и Лонгстрит некоторое время молча изучали снимок: темноволосый мужчина с легкой проседью и немного пухловатыми щеками.

– Внешне он совсем не похож на типичного серийного убийцу, – заметил Лонгстрит. – Тем не менее, в нем есть что-то знакомое.

– Так и есть, – пробормотал Пендергаст.

Наконец, он вызвал главного криминалиста. Его наблюдение оказалось весьма занимательным: изначальной целью являлась именно пожилая женщина, несчастного доктора же постигла участь *случайной жертвы*, поскольку он совершил роковую ошибку и вошел в палату.

– Как вы можете быть в этом уверены? – спросил Пендергаст.

– По анализу капель крови, – сказал криминалист. – Нижние поверхности стен, кровать и контрольное оборудование покрыты брызгами артериальной крови доктора Грабена. Но они, по большей части оказались, *скрыты* кровью миссис Монтойи.

– Это не имеет никакого смысла, – заметил Лонгстрит. – Если бы Лейланда прервали во время того, как он зверски убивал Монтойю, вы бы обнаружили, что анализ брызг крови показал бы прямо противоположное.

– Именно, – сказал эксперт. – И кое-что еще: на стенах гораздо меньше крови миссис Монтойи, чем крови доктора Грабена.

Пендергаст задумался.

– Спасибо, – сказал он, наконец, криминалисту. – Ваши наблюдения оказались весьма полезны.

Когда мужчина вышел из комнаты, Лонгстрит повернулся к Пендергасту.

– Хорошо. Я признаю, что это та еще головоломка. Как этот доктор Лейланд вышел из больницы, не будучи замеченным? И зачем он совершил это жестокое двойное убийство, изрезав в клочья двух невинных людей? Но, что еще более важно: каков *твой* интерес по всем этом?

– Все вопросы превосходны. Как ты смотришь на то, чтобы устроить осмотр тел?

– Ты имеешь в виду в морге? Конечно, я незамедлительно сделаю несколько телефонных звонков. Здесь, во Флориде они не держат тела слишком долго, – Лонгстрит нахмурился. – Подожди… ты же не думаешь, что…

Пендергаст приподнял брови, словно ожидая продолжения фразы, но Лонгстрит покачал головой.

– Нет. Это не имеет смысла.

– Да, я так и думаю, и, да, это было бы совершенно бессмысленно. Единственное, что меня, собственно, интересует: совершенно необычный и необъяснимый способ этих убийств. И снимок доктора Лейланда. Я надеюсь, что осмотр тел поможет пролить свет на это дело, – Пендергаст указал на карман Лонгстрита, в котором лежал сотовый телефон. – Итак, Говард, чего ты ждешь? Ты же сам заметил, что вопрос времени здесь имеет существенное значение.

53

С тех пор, как Констанс закрылась в своих покоях, прошло двадцать четыре часа – двадцать четыре часа абсолютной тишины. Только редкий шум воды и звук ее легких шагов по полу заверяли Диогена, что, по крайней мере, она все еще жива. Она не выходила из своих апартаментов, даже чтобы поесть. Накануне поздно вечером он подошел к двери и тихо постучал, принеся ей поднос с едой: самые изысканные сладости и фуа-гра в красном вине. Но Констанс не дала себе труда ответить на его стук, и тогда он наклонился к двери и прошептал, что он принес для нее обед. Из комнаты до него донесся очень странный шепот, поразивший его безумным тембром и тем, что он раздался настолько близко:

– *Убирайся... вон... сейчас же.*

Теперь, когда наступил уже следующий вечер, Диоген сидел в библиотеке без дела, сжимая руками подлокотники кресла. Он не мог сосредоточиться, не мог читать, ему не хотелось слушать музыку, он не мог даже здраво мыслить. Что она делала в своих покоях? Подействовал ли эликсир? Вдруг он совершил еще одну ошибку, несмотря на маниакальную тщательность, с которой разработал новый состав? Ее психическое состояние всегда носило довольно неустойчивый характер. Неужели она, в конце концов, сошла с ума?

Диогену необходимо было взять себя в руки и положить конец этой болезненной задумчивости. И у него было для этого подходящее место – его храм медитации. *Обсидиановый храм*. Он почти бегом направился к заднему выходу, спустился по лестнице и поспешил по песчаной тропе, которая вывела его к блефу. Спустя несколько мгновений он уже ступил на марискус. Обогнув блеф, за дюной он увидел свой храм, позолоченный светом полуденного солнца и манящий его своей уединенностью. Открыв дверь и войдя внутрь, Диоген, шатаясь, направился к стоящему в центре комнаты черному кожаному дивану, на который он лег – измученный и вспотевший.

Магия этого места почти сразу начала действовать на него. Он почувствовал прохладу и умиротворение, растворившись в сером спокойствии рассеянного монохромного света. Он наполовину прикрыл глаза и – да – смог почти что увидеть – буквально краешком глаза –

небольшие блики цвета, похожие на мимолетные пятна радуги от вращающегося осколка хрусталя.

Да, так было намного лучше. Констанс, в конце концов, выйдет из своих покоев – потребность в еде возьмет свое. И тогда он справится со всем, что бы ни произошло, включит на полную мощность свое обаяние и постарается, как никогда раньше, удержать ее на этом острове, заставит ее полюбить его настолько же сильно, насколько он любит ее. Диоген зашел уже слишком далеко и не мог теперь потерпеть неудачу.

Некоторое время спустя его дыхание замедлилось и нормализовалось, и вокруг него воцарился мир. Солнце начало клониться к закату, и одна сторона храма стала переливаться перламутровым светом, а другая осталась в тени и сохранила свою темноту и таинственность.

Удобно вытянувшись на длинном диване, покрытом мягкой кожей, Диоген напомнил себе, что взаимодействие с Констанс Грин действительно было похоже на приручение дикого животного. Он не мог – не должен был – давить на нее или пытаться навязать ей свои желания. Она должна была выйти из своих комнат по собственной воле. И тогда он увидит, сработало ли снадобье. Он чувствовал уверенность в том, что, как только она ощутит его сильное воздействие, у нее изменится взгляд на эту жизнь. И он надеялся и молился богам, чтобы это ее новое мировоззрение все еще включало *его*.

Внезапно мимо панелей обсидианового стекла пробежала неясная тень. Кто-то только что прошел мимо. И вот он снова вернулся: расплывчатый силуэт, медленно направляющийся к двери. Это не Гурумарра – вход на эту часть острова был ему запрещен. Кто бы это ни был, он стоял с противоположной стороны двери, выжидая.

Диоген застыл в неподвижности почти на минуту, а затем его душу отчего-то охватил леденящий ужас, когда ручка двери медленно повернулась, и в дверном проеме появился силуэт…

Там, в обрамлении ослепительного света заходящего солнца, стояла Констанс.

Он не мог оторвать от нее взгляд, в то время как она спокойно смотрела на него. Диоген поднялся на ноги. Констанс явно преобразилась, совершенно изменившись: сильная, сияющая, лучащаяся здоровьем и энергией. На ней было надето одно из старомодных платьев, которые она привезла из Нью-Йорка.

Когда она вошла в храм и закрыла за собой дверь, Диоген увидел, как ее бледные руки потянулись и расстегнули лиф платья. Это было похоже на сон, и Диоген наблюдал за ней, словно загипнотизированный. Медленно, один за другим она расстегнула все крючки, а затем

выскользнула из рукавов. Несколько мгновений она удерживала платье, а затем отпустила руки, позволив ему упасть на пол.

Под ним ничего не было. Ее длинное, бледное тело, стройное, но чувственное и подтянутое было похоже на видение.

Она слегка качнула головой, распуская волосы.

Диоген не мог пошевелиться. Она медленно приблизилась к нему, и ее лицо замерло в нескольких дюймах от его. Медленно и осторожно она начала расстегивать его рубашку, и он заметил, как часто она дышит. Ее грудь вздымалась от волнения, а ее лицо раскраснелось. Это было невероятно: изменение, которое совершил с ней эликсир, нельзя было назвать не чем иным, кроме как чудом.

Также медленно, едва касаясь его, она сняла с него рубашку, а затем, опустившись на колени, сняла его туфли и расстегнула брюки. Через несколько мгновений они – совершенно голые – стояли в нескольких дюймах друг от друга, погруженные в полумрак обсидианового храма. Только тогда она потянулась и прильнула к нему, подарив долгий, нежный, восхитительный поцелуй, прежде чем слегка толкнуть и опрокинуть его на диван.

54

В тот же день темная фигура, управляющая аэролодкой, продвигалась по Национальному Заповеднику дикой природы Грейт-Уайт-Херон, успешно минуя последнюю группу небольших остроконечных островков, препятствовавших ее пути к более крупной суше, обозначенной на карте прибрежного района как Халсион-Ки. Двигатель работал на низких оборотах, чтобы не привлекать лишнего внимания. Это было трудное путешествие – мелководья и лабиринты каналов были едва ли пригодны для судоходства даже при свете дня – но осадка у аэролодки практически отсутствовала, что значительно упрощало дело. Теперь же она направилась вдоль длинного пирса. Рядом с ним был пришвартован гоночный катер: винтажная деревянная моторная лодка под названием «Феникс».

Флавия Грейлинг заглушила двигатель своего воздушного катера, позволила ему проскользнуть мимо пирса и остановиться у длинного песчаного пляжа, который с обеих сторон обрывался скоплением мангровых зарослей. Флавия вышла из лодки и затащила ее под пирс, хруст песка под ее ногами был едва различим среди шороха ветра, гуляющего в листьях пальм. Затем, прокравшись к маленькой беседке в конце пирса, она провела разведку.

На верху небольшого блефа она увидела линию крыши большого дома, окруженного королевскими пальмами. Недалеко от него она

рассмотрела строение поменьше, напоминавшее дом для прислуги, наполовину скрытый мангровыми зарослями.

На Флавии сидели тактические военные ботинки, рекомендованные «SEAL»[172]. Девушка облачилась во все черное, включая тонкие итальянские кожаные перчатки. Свою синюю поясную сумку она сменила на такую же, только цвета эбенового дерева. Она не стала гримировать лицо и красить свои светлые волосы в черный цвет, как чаше всего поступала в других подобных миссиях: в конце концов, сейчас ее ждало дело другого рода.

Крадучись, словно кошка, она двинулась вперед, направившись к краю низкого блефа. Здесь она достала из своей поясной сумки маленький монокуляр и осмотрела дом и окрестности. Все казалось тихим. Горело только несколько огней – судя по их мерцающему свету, на газовых или, возможно, керосиновых лампах. В остальном на острове не наблюдалось никакой активности.

Флавия вернула монокуляр в свою сумку и закрыла ее.

Она была вне себя от ярости, когда Питер оставил ее в том гостиничном номере в Майами. Она даже не могла припомнить, когда последний раз была настолько зла. И дело было не только в том, что он утаивал от нее часть своей жизни, но и в том, что он сначала попытался ее похвалить, а затем откупиться деньгами. После чего он ушел. Как будто деньги могли как-то компенсировать все то время, что они провели вместе, и все то, что она сделала для него! Как будто она для него была какой-то дешевой шлюхой! И хотя за все это время Питер так и не разделил с нею постель, она *знала*, что возбуждала его. Она видела, как он смотрел на нее.

По-настоящему ее разозлило то, что он решил провести с ней тот же прием, что использовал при ней на других. Как мог он предположить, что она настолько доверчива и наивна, чтобы проглотить ту же самую наживку? Что ж, это говорило лишь о том, что он не доверял ей. А после всего случившегося и она – не доверяла ему. Флавии пришлось вновь выучить уже известный ей горький урок: если начиналась игра лжи и обмана, в нее всегда играли двое. И, если принимать это во внимание, то Питер сейчас *не должен был быть* настороже: нет, он был уверен, что добился желаемого! Он считал, что Флавия тратит его деньги в Копенгагене, как наивная дурочка, и ждет его звонка. Звонка, который никогда не раздастся. Но он не на ту напал! О, нет, Флавия не собиралась позволить ему так просто уйти. Поэтому она и прибыла сюда.

В отеле она разузнала номер его кредитной карты. Его было легко заполучить, так как они были зарегистрированы как муж и жена. Исходя из этого, она, не теряя времени, разузнала все о Петру Люпее. Это была следственная работа, которую она проделывала уже много раз. В таких делах она была профессионалом. Благодаря сочетанию социальной

инженерии, примитивного взлома, поиска в общедоступных данных и получения платежного адреса с помощью номера кредитной карты, Флавия соединила все части мозаики.

Все началось с почтового ящика, который содержал несколько кусочков полезных данных. Использовав их и совершив несколько телефонных звонков в Городской публичный архив и в связанные с ним правительственные учреждения, Флавия подняла следы хлебных крошек, которые были непреднамеренно – или косвенно – оставлены Петру Люпеем. Это позволило ей проложить путь от одной фиктивной фирмы до другой и, наконец, завершить свой поиск в корпорации «*Incitatus*»[173] LLC[174], обладающей только одним активом: островом у южного побережья Флориды, который назывался Халсион-Ки и который был приобретен почти двадцать лет назад. До него из Майами был всего час езды на моторной лодке…

Стоя на темном пляже и осматривая дом, Флавия улыбалась. Питер, конечно же, знал, что она хороша как профессионал – он всегда выбирал только самое лучшее.

Там, в роскошном номере он ясно дал понять, что не питает к ней взаимных чувств… по крайней мере, *пока*. Но, так или иначе, он *любил* ее, в этом она была совершенно уверена. Она заставит и его увериться в этом.

Флавия узнала его секрет и раскрыла тайное убежище. Ведя свое расследование, она не раз задумывалась о том, не оставил ли он все эти хлебные крошки специально для нее? Не решил ли устроить ей еще одно испытание? Что ж, если так, она выдержала его с блеском, и теперь, когда она откроется ему, он поймет, насколько она умна и совершенна во всем. Она удивит его. Эта неожиданность, как она знала, вызовет повышенное уважение с его стороны, потому что Питер уважал людей, которые одерживали над ним победу. Точнее сказать, она станет *первой*, кого Питер будет уважать по-настоящему, потому что прежде никому не доводилось его победить, и это уважение породит в нем любовь. А это место, как нельзя кстати, располагало к зарождению любви. Это был настоящий рай, в котором Питеру будет легко осознать, насколько они с Флавией идеально подходят друг другу.

Совершенно бесшумно она поднялась на блеф и прошла по песку к дому, покрытому шифером и выглядящим почти эфирно в лунном свете. Она зашла на веранду, попробовала входную дверь и, обнаружив ее открытой, быстро вошла в дом, прикрыв ее за собой. Поначалу ее взволновало отсутствие охраны, но Флавия быстро поняла, что удаленность острова и его труднодоступность – и есть лучшая охрана, какую только можно вообразить.

На несколько минут Флавия осталась в прихожей, а затем, скрытая темнотой и тишиной, она провела быструю разведку: проходы слева и справа привели ее в библиотеку и гостиную соответственно, а широкая лестница, расположенная впереди, вела на второй этаж. Заинтригованная, она вошла в библиотеку. Поток лунного света, льющийся сквозь широкие окна, позволил рассмотреть, что это было двухэтажное помещение с дорогим ковром на полу и стенами, заставленными книгами и маленькими картинами в рамах. В дальнем углу стояло миниатюрное пианино, неизвестной модели.

Флавия нахмурилась. Ни что в этой комнате не было похоже на Питера, которого она знала. Так или иначе, в библиотеке присутствовала… некая женская чувствительность. Она могла почти уловить запах духов, висящий в воздухе.

Флавия пересекла прихожую и прошла в гостиную. Эта комната, хотя и была прекрасна, вызывала двоякие чувства. Хрустальная люстра, массивные кресла, роскошная обивка диванов и подушек – во всем присутствовала старомодная элегантность, а не современный, почти клинически простой стиль, который всегда любил Петру Люпей.

По крайней мере, насколько она знала.

В дальнем углу гостиной очередной дверной проем вел во мрак. Прислушавшись еще раз, чтобы убедиться, что не выдала своего присутствия, Флавия вытащила крошечный фонарик из своей поясной сумки, включила его и, прикрыв одной рукой – прошла за дверь. Та, в свою очередь, привела ее к другой библиотеке – на этот раз совмещенной с кабинетом. Эта комната была намного меньше первой. Флавия около минуты внимательно изучала книги, выстроившиеся вдоль стен, картины в рамах и колоду карт Таро на столе, которую она опознала, как явно подходящую Питеру колоду Альбано-Уэйта[175]. Полки в основном занимали книги по военной стратегии, методам пыток древнего мира и романы на итальянском языке. Все это уже больше напоминало Флавии того Питера, которого она знала. Нахмурившись, Флавия взяла одну из книг, и это оказался «*Ренессанс*» Уолтера Патера[176]. Книга распахнулась на форзаце. К своему удивлению, Флавия обнаружила написанное чернилами незнакомое имя: «ДИОГЕН ПЕНДЕРГАСТ».

Она пожала плечами, и закрыла книгу. Питер, должно быть, позаимствовал ее и забыл вернуть – случайно или намерено. Как на него это похоже! Флавия вернула книгу на место и взяла другую: «*Жизнь двенадцати цезарей*» Светония[177].

Там снова было оно – имя владельца, написанное все тем же почерком на внутреннем развороте обложки: «Диоген Пендергаст».

Почерк выглядел знакомым. И с внезапным потрясением, она вспомнила это имя. *Пендергаст*. Так же звали агента ФБР, за которым они следили в Эксмуте!

«Мой лучший друг – первоклассный агент ФБР, но он просто сущий младенец, когда дело касается женщин», – припомнила она слова Питера.

Едва не рассвирепев, Флавия вернула книгу на место, в последний момент задумавшись о том, чтобы не произвести лишнего шума. Неужели это была та самая тайная жизнь, о которой говорил Петру Люпей? Был ли этот «лучший друг» на самом деле чем-то б***о***льшим? Возможно, это его родственник? Брат? А у самого Петру, вероятно, было совсем другое имя: Диоген Пендергаст…

Разумеется, она не раз видела, как Петру использовал поддельные имена, когда они работали вместе. Одно такое он использовал в Эксмуте, а другое в Нью-Йорке. Но до этого момента ей никогда не приходило в голову, что *сам* Петру Люпей являлся всего фиктивной личностью.

Флавия почувствовала смущение, а затем гнев и унижение. Впервые в своей жизни она позволила кому-то обвести себя вокруг пальца!

Теперь двигаясь гораздо быстрее, но все так же тихо, она поднялась на второй этаж. Он оказался разделен на два крыла, каждое из которых состояло из следующего ряда комнат: нескольких спален, малой гостиной и ванной комнаты. Оба крыла были заняты и выглядели жилыми. В одном из них находилось несколько предметов, которые она опознала, как принадлежащие Питеру – перочинный ножик, зажим для денег, галстук «Hermès»[178], небрежно брошенный на спинку стула…

Другое крыло занимала женщина.

После беглого и аккуратного осмотра всех комнат Флавия обнаружила, что все они пусты и вернулась в центральный холл второго этажа. В ее разуме царил вихрь замешательства. В чем был смысл всего этого?

Флавия спустилась по лестнице и вышла из дома через парадную дверь, снова прикрыв ее за собой. Она огляделась, а затем крадучись направилась мимо домика прислуги к пляжу, идя по тропе, которая изгибалась у мангровых зарослей, и уходила вглубь острова. По этой тропе она дошла до другого скалистого блефа, где остановилась. Впереди располагалось очень странное строение: круглое здание, напоминающее древний храм, которое она не заметила с залива. Между его мраморными колоннами ютились окна, в которых вместо стекол был вставлен камень необычного темного цвета, блестящий в лунном свете, словно ртуть.

Флавия несколько мгновений смотрела на это здание. Странное чувство поглотило ее – весьма нетипичное для нее мрачное предчувствие, словно это строение хранило слишком страшные секреты. Но, заметив между двумя колоннами стрельчатую дверь, она глубоко вздохнула и направилась к ней, в то же время, потянувшись к своей поясной сумке и вытащив один из клинков «Зомби Киллер», которые она всегда и всюду носила с собой. Мало того, что эти ножи были весьма удобны как орудия убийства, так она еще обнаружила, что они отлично подходит для взлома замков: в качестве рычага или отмычки.

Но когда Флавия подошла к двери, она вдруг остановилась. Ее охватило странное, болезненное смешение эмоций, когда она услышала звуки доносящиеся изнутри. Через пару секунд она опустилась на колени, чтобы заглянуть в замочную скважину. Внутри было темно, но сквозь затемненные стекла проникало достаточно рассеянного лунного света, чтобы она слишком ясно смогла рассмотреть, что именно происходит внутри. От увиденного она застыла, в ней вспыхнула ярость, ненависть и отвращение.

Итак все сказанное было ложью – абсолютно все. Его «лучший друг», «охотница за приданным», кража миллиона долларов и выкуп. Ни одно слово, что он ей сказал, не было правдой. И вот он занимается с *этой женщиной* со страстью, от которой у Флавии поневоле перехватило дыхание.

Она отшатнулась от двери и сползла по холодной стене храма. Она хотела поднять руки, и заткнуть уши, чтобы заглушить все звуки… но казалось, будто на это не хватало силы воли. Тело вдруг показалось чугунно тяжелым, будто энергия оставила все ее конечности. Все, кроме ее рук: они продолжали нервно перекатывать «Зомби Киллер» с ладони на ладонь, в то время как звуки любовной игры еще долго продолжали раздаваться у нее за спиной.

55

Офис судмедэксперта округа Майами-Дейд размещался в сером современном здании нейтральной архитектуры. Интерьер был настолько же холодным, насколько залитая солнцем Десятая авеню была жаркой. В подвале среди вместительных шкафов с отсеками для трупов, было еще холоднее. Как всегда, сильно восприимчивый к холоду, Пендергаст застегнул пиджак и сильнее затянул галстук.

Судмедэксперт, встретивший их у входа в морг, доктор Василивич, оказался жизнерадостным, грузным человеком со стрижкой, которая делала его похожим на средневекового монаха.

– Хорошо, что у вас тут есть связи, – сказал он Лонгстриту сразу после того, как они познакомились. – И то, что вы смогли так быстро добраться сюда. Оба тела уже собирались передавать их семьям.

– Мы не отнимем у вас много времени, – пояснил Лонгстрит, строго взглянув на Пендергаста. Агент знал, что это все начинает уже утомлять его бывшего командира.

– Что конкретно вы ищете? – спросил Василивич.

– Мы сами не знаем, – ответил Пендергаст, прежде чем Лонгстрит успел сказать хоть слово. Василивич кивнул и повел их за собой по комнате. Слева и справа от них стены от пола до высоты талии были заставлены дверцами из нержавеющей стали.

– Тогда вначале займемся Монтойей, – сказал он. – Старикам везде у нас дорога.

Он усмехнулся и, нагнувшись к шкафчику, расположенному на уровне пола, ухватился за его ручку и медленно потянул. На холодной стальной поверхности лежало задрапированное тело.

– Если у вас есть какие-то конкретные вопросы, спрашивайте, – сказал Василивич, натягивая пару латексных перчаток. – Боюсь, что я единственный, кто может касаться тел.

– Ясно, – сказал Лонгстрит.

– Приготовьтесь, – предупредил Василивич, взявшись за простыню, – некто заставил Капитана Кенгуру[179] стать похожим на «*Восставшего из ада*»[180].

Он отдернул простынь, открыв обнаженную фигуру пожилой женщины.

– Господи, – пробормотал Лонгстрит.

Голова и грудь были покрыты десятками глубоких, зияющих ран, косые порезы были жуткого серого цвета, из-за сильного обескровливания тканей. Казалось, что ранами был покрыт каждый дюйм тела, а лицо было настолько изрезано, что стало почти неузнаваемым. Оба агента смотрели на тело в скорбном молчании.

– Вскрытия не было, – наконец сказал Пендергаст, имея в виду отсутствие Y-образного разреза.

– Окружной коронер счел его ненужным, – пояснил Василивич, – то же самое и с доктором Грабеном, – он замешкался. – Странная вещь, однако…

– Что именно? – спросил Пендергаст.

– Согласно докладу о токсикологии, миссис Монтойя умерла от сердечной недостаточности, скорее всего, вызванной передозировкой морфина.

– Разве не эти все порезы стали причиной смерти? – спросил Пендергаст.

– Промежуток времени между событиями настолько короткий, что трудно сказать наверняка. Но, по крайней мере, ясно одно – некоторые из рваных ран были нанесены уже посмертно. Видите ли, на простынях было примерно столько же крови, сколько и на стенах – следствие недостаточного сосудистого давления.

– Разве смерть не была вызвана болевым шоком от первых ран? – спросил Лонгстрит.

– Возможно. Как я уже и сказал, передозировка была только одной из наиболее вероятных причин. Но, учитывая жестокость нападения, к смерти мог привести целый ряд элементов – и, вероятно, именно так и произошло.

Отойдя от тела женщины, Василивич миновал еще несколько рядов, открыл другой охлажденный отсек и выкатил на лотке следующее тело. Когда простыню удалили, перед агентами предстал труп мужчины. На первый взгляд, это тело выглядело еще более истерзанным, чем тело пожилой дамы.

– В этом случае не возникло никаких вопросов о причине смерти, – рассказывал Василивич, пока агенты подходили к телу. – Большая кровопотеря, вызванная поперечным разрывом аорты. Скорее всего, таковым был результат первого удара убийцы. Однако есть несколько других травм, которые могли также бы вызвать смерть – например, разрыв бедренной артерии.

Повисла пауза.

– Что могло вызвать передозировку морфина? – спросил Лонгстрит. – Могло это случиться из-за неисправной капельницы?

– Это большая редкость, особенно в наши дни, такие аппараты весьма надежны.

– Значит, это было, скорее всего, совершенно намеренно, – заключил Пендергаст. – Но если передозировка на самом деле стала причиной смерти, она все же произошла достаточно близко ко времени нападения, чтобы обеспечить достаточную степень фонтанирования артериальной крови.

– Зачем кому-то пытаться убить старушку, сначала, устроив ей передозировку, а затем, порезав ее на куски? – спросил Василивич.

– Потому что его – или ее – прервали, – ответил Лонгстрит.

– Да, – поддержал его Пендергаст. – Если теория передозировки верна, возможно, убийца изначально не намеревался полосовать тело. В любом случае, женщина уже находилась на пороге смерти – все могли предположить, что она умерла от естественных причин. Но доктор Грабен застал убийцу с поличным. Убийца порезал его насмерть, а затем убил Монтойю таким же способом, чтобы все выглядело как работа сумасшедшего.

– Но это не похоже ни на одно убийство, совершенное сумасшедшим, которое я когда-либо видел, – заметил Василивич. – А я повидал их даже больше, чем хотелось бы.

– Почему не похоже? – спросил Пендергаст.

– Потому что разрезы на спине, такие же ровные, как и на торсе. Их спины буквально нарезаны на ленты – они выглядят так, как будто их пороли кошкой-девятихвосткой[181]. О’кей, я признаю, что раны спереди не так уж и необычны – у Грабена даже есть несколько оборонительных ран на предплечьях, но что именно заставило убийцу исполосовать *спины* своих жертв?

– Прежде всего, собственная извращенная личность, – пробормотал Лонгстрит.

– Поверните его, пожалуйста, – попросил Пендергаст.

Василивич осторожно перевернул тело доктора. Его спина действительно представляла собой настоящую шахматную доску, состоящую из глубоких разрезов, особенно в области нижней части спины, чуть выше ягодиц.

Пендергаст почти минуту осматривал труп. Затем он замер. Через мгновение он склонился над нижней частью спины, его рука начала подниматься.

– Агент Пендергаст, – в голосе Василивича прозвучало предупреждение.

Пендергаст остановился и заговорил:

– Обратите внимание на вот этот отдел позвоночника: примерно от первого поясничного до второго крестцового позвонка.

– И что там?

– Пожалуйста, проверьте его. Разве вам не кажется, что обширная рана и разрыв плоти вдоль позвоночника – это не просто результат разреза ножом?

Василивич прикоснулся руками в перчатках к нижней части спины трупа и начал аккуратно раздвигать плоть сначала в одном месте, затем в другом.

– Боже мой, – пробормотал он. – Вы правы! Здесь было проведено иссечение.

– Вы можете определить недостающую ткань? – спросил Пендергаст.

Еще несколько надавливаний.

– Да, – ответил Василивич, – кажется, это…

– Cauda equina, – закончил Пендергаст.

Судмедэксперт взглянул на него, удивленно моргая.

– Откуда вы знаете?

– Если вас не затруднит, осмотрите также тело пожилой женщины. Проверьте, отсутствует ли и у нее cauda equina.

Чтобы убедиться в этом потребовалась сего лишь пара минут.

– Алоизий, – обратился Лонгстрит севшим голосом, – что здесь происходит?

Пендергаст не ответил. «Конский хвост». Очень быстро в его голове многочисленные кусочки головоломки сложились воедино. Енох Ленг и его эликсир. Констанс Грин и ее сестра Мэри. *А теперь и Диоген.*

По всему, выходит, что убийца *намеревался* исполосовать свою жертву с самого начала. Морфин просто должен был быстро прикончить ее, чтобы облегчить ему работу, целью которой было извлечь «Конский хвост».

Пендергаст так и не сумел ответить своему бывшему командиру. Вместо этого он едва слышно обратился к своему отсутствующему брату:

– Зачем ты это делаешь? Зачем…

В этот момент раздался громкий стук в дверь холодильной камеры. Василивич подошел и открыл ее. Один из оперативников Лонгстрита ждал снаружи. Он быстро зашел внутрь, направившись к директору.

– В чем дело? – спросил Лонгстрит.

– В деле Лейланда произошел прорыв, – ответил агент.

– Продолжай.

– Ранее мы узнали, что он иногда работал судмедэкспертом округа Хендри. Но теперь мы выяснили, что изредка он еще ассистировал судмедэксперту при введении смертельных инъекций осужденным, приговоренным к смертной казни.

– И? – настаивал Лонгстрит.

– Всего семь дней назад он привел в исполнение смертный приговор в Пахоки. В одиночку.

Пендергаст буквально пригвоздил мужчину взглядом.

– Кто был казнен?

– Люциус Гарей. Позавчера его похоронили.

Пендергаст резко повернулся к Лонгстриту.

– Тебе нужно подать запрос на эксгумацию тела этого заключенного. Сегодня же утром.

– Только после того, как ты мне объяснишь, что происходит.

– Я объясню все по дороге на кладбище. Теперь, пожалуйста, подай запрос. Нам нельзя терять ни минуты.

56

Въезд на кладбище с метким названием «Врата в Рай» в городке Леди-Лейк, центральная Флорида, был перекрыт цепью и заперт. На территории маленького кладбища вереница автомобилей была припаркована возле одной могилы, вокруг которой были установлены желтые защитные экраны.

Внутри огороженного участка находилось семь человек: специальный агент Пендергаст, заместитель исполнительного директора по вопросам разведки Лонгстрит, сотрудник местных органов здравоохранения, врач округа Лейк, который был назначен судом для надзора за эксгумацией, по имени Барнс, и два копателя могил, которые сейчас уже по пояс углубились в продолговатую яму, вырытую во влажной земле. Седьмой человек – Люциус Гарей – пока все еще находился под землей где-то под ногами могильщиков, но ожидалось, что он выйдет на свет Божий уже в ближайшее время.

Пендергаст и Лонгстрит стояли в стороне от остальных, переговариваясь вполголоса.

– Подожди, дай мне разобраться, – попросил Лонгстрит. – Твой великий дядя Енох Ленг разработал эликсир, который мог продлить жизнь человека до невероятной степени.

Пендергаст кивнул.

– И один из ингредиентов, в котором он нуждался – по крайней мере, в начале экспериментов – это только что извлеченная, свежая cauda equina, пучок нервов у основания позвоночника человека.

– Верно.

– Он собирался использовать этот эликсир на себе, потому что работал над сложным проектом, который, по его мнению, должен был продлиться дольше, чем нормальный срок жизни человека. Но прежде чем ввести его себе, он проверил его на своей подопечной. Констанс Грин.

Пендергаст кивнул.

– Что, конкретно, представлял собой этот сложный проект?

– Это не имеет отношения к делу. Достаточно сказать, что в конечном итоге он утратил свою актуальность.

Лонгстрит пожал плечами и продолжил рассуждать:

– Но позже, в 1940-х годах передовая наука достигла такого уровня, что он мог создавать свой эликсир из чисто синтетических компонентов. Ему больше не надо было убивать людей, чтобы извлекать из них «конские хвосты».

– Да.

– И он, и Констанс закончили принимать эту новую синтетическую версию эликсира примерно пять лет назад, когда в особняк на Риверсайд-Драйв вломились, а Ленга пытали и убили.

– Да. Он отказался разглашать секрет своего эликсира.

– Что случилось с убийцей? – спросил Лонгстрит.

– Опять же, это не относится к нашему делу. Но могу сказать, что он присоединился к моему предку доктору Ленгу в мире мертвых вскоре после совершения им убийства.

– А Констанс?

– Я нашел единственную оставшуюся копию формулы и сжег ее. После смерти Ленга и без использования эликсира, Констанс начала стареть нормальными темпами.

– Получается, что она действительно родилась в 1880-х годах.

– Да.

– И ты сжег формулу. Боже мой, какое решение… – Лонгстрит искоса взглянул на Пендергаста. – Это невероятно, Алоизий, сколько всего о себе и своей семье ты мне не рассказывал!

– А какой в этом смысл? Да и как ты мог заметить, многое из этого неприятно или имеет отношение к чьей-либо смерти – или и то, и другое.

Несколько мгновений они оба молча наблюдали за работой могильщиков. Лонгстрит переступил с ноги на ногу и снова заговорил.

– Я вижу, к чему ты клонишь. К тому, что Диоген убил тех двух людей в больнице. Убил ради их «конских хвостов».

– Да, я считаю, что это Диоген. Хотя, судя по уликам, я предполагаю, что он планировал убить только пожилую женщину. Доктор застал его врасплох, и, чтобы избежать обнаружения, он убил его и также извлек его cauda equine – в качестве удачного трофея. Затем он жестоко изрезал тела в надежде скрыть свои иссечения.

– Но зачем? Ты сказал, что уничтожил последний экземпляр формулы эликсира Ленга. Интересно, он делает это для себя? Или мисс Грин решила, что хочет остаться молодой?

– Не могу сказать, – пробормотал Пендергаст через мгновение. – Возможно, существует еще одна копия формулы, о которой я не знал. Но напоминаю: формула Ленга, используемая в течение последних шестидесяти лет его жизни, была *синтетической* – она не требовала использования cauda equina человека. Однако, похоже, Диоген использует *исходную* формулу, что делает его поступки вдвойне запутанными.

– Как ты думаешь, вдруг это был кто-то другой, и все это простое совпадение?

Пендергаст покачал головой.

– Я не верю в совпадения, – заметил он, и бросил взгляд на Лонгстрита. – А после того, что случилось с нами под тем мостом в Таиланде, я думал, что и ты прекратил в них верить.

Лонгстрит медленно кивнула.

– Ты прав. Я тоже в них не верю.

Наконец, из раскапываемой ямы послышался глухой стук и крик одного из могильщиков. Пендергаст и Лонгстрит подошли, как раз когда двое мужчин смахивали грязь с крышки хлипкого гроба. В течение нескольких минут вокруг гроба были закреплены веревки, и тот с усилием был поднят из могилы и помещен на непромокаемый брезент, расстеленный рядом, на газоне. К нему подошел сотрудник местных органов здравоохранения, сверил небольшую пластину, прикрепленную к верхней части гроба, осмотрел надгробный камень, согласовал все с записью на листе, прикрепленном к планшету, который он держал в руке, и только затем кивнул. Могильщики вскрыли гроб и отложили крышку в сторону.

Внутри лежало раздутое тело Люциуса Гарея, в темном костюме и белой, распахнутой у воротника рубашке. Он выглядел слишком большим для гроба, и казалось, что гробовщик согнул его колени, чтобы заставить его поместиться в узкий ящик. Глаза у него были открыты и выпучены, а его тюремные татуировки на шее после смерти приобрели ужасный цвет.

Врач, назначенный округом, начал натягивать перчатки, но Пендергаст опередил его. Перчатки *уже* были на руках агента, он стремглав бросился вперед и с натужным усилием перевернул труп внутри гроба.

Зазвучал хор протестующих голосов.

– Алоизий, – воскликнул Лонгстрит, – какого черта ты творишь?

Пендергаст лишь отмахнулся. Как и в случае с дешевыми захоронениями в стиле могилы гончара[182], «костюм» Люциуса Гарея не облачал все его тело. Вместо этого он, как лист, просто прикрывал торс и переднюю поверхность его ног. Его обнаженная задница сейчас была выставлена на всеобщее обозрение.

В нижнем отделе его позвоночника наблюдался небольшой разрез.

– Доктор? – обратился Пендергаст, снимая свои латексные перчатки и бросая их в гроб. – Не могли бы вы осмотреть этот разрез?

Бросив возмущенный взгляд на агента ФБР, доктор присел у гроба и тщательно осмотрел труп.

Когда после этого он так ничего и не сказал, Пендергаст продолжил.

– Не могли бы вы подтвердить, что cauda equina умершего была извлечена?

Единственным ответом доктора стал резкий кивок.

После этого Пендергаст повернулся, нырнул между защитными экранами и быстро удалился от могилы. Лонгстрит, некоторое время наблюдавший за ним, наконец, повернулся к остальным.

– Спасибо, – сказал он, – мы здесь закончили.

Вернувшись в машину и медленно подъехав к передним воротам, Лонгстрит кашлянул, прочищая горло.

– Итак, доктор Уолтер Лейланд – он же Диоген Пендергаст – привел в исполнение смертный приговор Люциуса Гарея. В роли действующего судмедэксперта он также засвидетельствовал его смерть. Таким образом, он смог заполучить человеческую cauda equina, и никто ничего не заподозрил. Если взглянуть на это с другой стороны, то можно сказать, что все было мастерски спланировано и выполнено.

– Можно, – согласился Пендергаст.

Они подождали у ворот охранника кладбища, пока он разблокировал цепь и выпустил их.

– Мы упустили еще одну очевидную вещь, – заметил Лонгстрит. – Диоген не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что он собирает cauda equina. В противном случае ему не нужно было бы идти на такие сложности, как исполнение казни, – он оглянулся. – Есть ли вероятность того, что Диоген знает о твоем спасении?

Пендергаст не отвечал несколько мгновений.

– Мне так не кажется. Я считаю, что он слишком занят… другими проблемами. Хотя во время моей погони за ним я не пытался скрыть свое присутствие. Это был явный просчет с моей стороны, – он поерзал на пассажирском сидении. – Но одна вещь, однако, стала кристально понятна.

– Какая именно?

– Знает мой брат, что я жив, или нет – он остается запредельно осторожным человеком. Я считаю, что есть только одна причина, по которой он пошел на такие сложности, чтобы скрывать свой сбор этих cauda equina: возможность того, что я все еще могу быть жив. Потому что я единственный человек, который понял бы их реальное назначение. И единственная причина, по которой это стало бы его беспокоить, так это если бы он находился – и планировал оставаться – где-то неподалеку.

– Ты имеешь в виду…?

– Да. Диоген и Констанс где-то здесь, во Флориде… где-то рядом.

57

Янтарное солнце скользило по небу позднего утра, освещая бесчисленные мангровые островки, усеивающие бирюзовое мелководье,

заканчивающееся в синей дал***и*** морского залива. Диоген чувствовал тепло солнца на своем лице, пока стоял у плиты и готовил завтрак: омлет с опятами, прошутто, сырами Грюйер и Бри и свежим измельченным базиликом. Он поднял сковороду, выложил омлет на тарелку и отнес ее Констанс, которая расположилась в уголке для завтраков.

Этот омлет шел в дополнение к толстым тостам с маслом и джемом, полудюжине ломтиков бекона и жареным зелёным помидорам, которые он уже приготовил ранее. Констанс ела с отменным аппетитом. «*И неудивительно!*», – думал Диоген, наблюдая за ней и вспоминая долгую бессонную ночь, которую они провели вместе. Констанс была сильной, выносливой, раскрепощенной, уверенной в себе и бесстрашной! Она выжала из него все соки. Он был истощен… полностью истощен.

На лицо Констанс, наконец, вернулся здоровый румянец. Покончив с трапезой, она отложила вилку.

– Это было очень вкусно, большое тебе спасибо.

– Дорогая, я редко видел такой аппетит.

– В последние несколько дней я мало ела. И, конечно же, мы с тобой сожгли много калорий.

– С этим не поспоришь.

Диоген неохотно обсуждал подобные вещи: так сказывалось его строгое католическое воспитание. Он был рад, что Констанс не поступила, как некоторые женщины, и не начала пересматривать и обсуждать подробные детали ретроспективы, упоминая об этом, как если бы случившееся было так же обыденно, как вождение автомобиля или плавание. Но она этого не делала и, по-видимому, оказалась столь же сдержанной, сколь и он сам, не желая смешивать их совместный опыт с пустыми разговорами. И все же он не мог не вспомнить с приятной электрической дрожью, как ее тонкие пальчики касались линий его шрамов.

Она резко поднялась, оттолкнув от себя тарелку. На ее лице застыло все то же сияющее выражение – возможно, даже слишком сияющее, но Диоген предположил, что это было присуще определенному типу женщин…

– Пойдем, поплаваем, – предложила Констанс.

– Конечно. Но, возможно, сначала нам стоит немного отдохнуть после такого плотного завтрака?

– Это все выдумки. Пошли.

У него промелькнула мысль о том, что надо бы побеспокоиться о купальных костюмах, но понял, что сейчас они ни к чему. Он поднялся, сбросил тапочки, и, держась за руки, они миновали веранду и прошли через рощу платанов, направившись к пирсу. Она быстрым шагом прошла по нему, а Диоген молча проследовал за ней. Однако, даже не дойдя до конца пирса, она сбросила с себя халат и, обнаженная, нырнула в воду. Он тут же последовал за ней.

Констанс быстро всплыла, и стала удаляться от берега, рассекая поверхность воды стремительным кролем, в то время как Диоген неспешно следовал за ней. Через несколько минут он остановился.

– Констанс? Не заплывай слишком далеко!

Но она все также плавно удалялась.

– Констанс!

Казалось, что она его не услышала, и продолжила плыть, направляясь к одному из самых глубоких проливов между рифами. Что она задумала?

– *Констанс!*

Но теперь она была так далеко, что он мог видеть только небольшое пятно вспененной воды в том месте, где она плыла. Внезапно он почувствовал нарастающую панику. Неужели она сошла с ума? Или она собирается покончить с собой? Такие мысли казались абсурдными, но сейчас, даже прищурившись, он едва мог ее видеть. По-прежнему барахтаясь в воде, он, в конце концов, понял, что совсем потерял ее из виду.

Он развернулся и со всей возможной поспешностью поплыл к доку. «Крис Крафт» все еще был пришвартован, и Диоген, быстро накинув на себя шелковый халат, отвязал лодку, запрыгнул в нее и завел двигатель. Пару секунд спустя он уже рассекал морскую гладь, двигаясь в направлении, в котором исчезла Констанс. Сердце его колотилось с бешеной силой.

Скоростная лодка быстро покрыла разделяющее их расстояние, и вскоре Диоген увидел, как разлетаются брызги воды от ее кроля. Он сбавил скорость, переключил двигатель в нейтральное положение и лег в дрейф рядом с ней.

– Констанс!

Она перестала плыть и взглянула на него.

– Что случилось?

Усилием воли он подавил нахлынувшую на него панику. Он не хотел, чтобы она заметила его волнение. Ранее она уже выказывала свое раздражение относительно его чрезмерной опеки.

Он вымученно ей улыбнулся и помахал рукой.

– Подбросить тебя обратно?

– Почему бы и нет?

Она подплыла к борту лодки и, ухватившись за поручни, поднялась на заднюю часть кокпита. Ее тело покрытое каплями воды, искрилось в лучах утреннего солнца. Диоген запустил руку под консоль, нашел полотенце и протянул его ей.

– Ты прямо настоящий морской котик, – поддразнил он ее.

– Я научилась плавать совсем недавно, – сказала она, тяжело дыша и вытираясь полотенцем, при этом ни капли не смущаясь своей наготы. – Но, кажется, у меня неплохо получается.

– Ты явно скромничаешь. У тебя получается просто *прекрасно*.

Диоген развернул судно по широкой дуге и неспешно направился обратно к острову. Сегодняшнее утро было чудесным и, как никогда, подходило для того, чтобы провести его на воде.

– У меня для тебя небольшой подарок, – скромно сообщил Диоген. – Он остался там, в библиотеке. Если быть точным, то в потайной комнате библиотеки.

– Правда? Я что-то не припомню там никакой потайной комнаты.

– Скоро увидишь. Ты не против встретиться там, скажем, через десять минут?

– Давай лучше через три часа, я немного устала от плаванья.

– Через три часа? Тогда как насчет обеда?

– Спасибо, но я бы хотела сегодня пропустить обед, особенно после такого плотного завтрака.

– Как пожелаешь, моя дорогая.

Он причалил к пирсу, и они неспешно вернулись в дом. Констанс сразу же поднялась наверх, впрочем, как и Диоген, – каждый из них отправился в свои отдельные апартаменты. Диоген задавался вопросом, как долго они еще будут спать раздельно. Он надеялся, что не слишком долго.

В самый разгар раннего утра в гуще мангровых зарослей на западной стороне Халсион-Ки Флавия Грейлинг пошевелилась в своем камуфляжном спальном мешке. Это были не беспокойные движения – беспокойство окончательно покинуло ее несколько часов назад. Скорее, это были томные движения того, кто принял важное решение и теперь просто выжидал время, чтобы приступить к его исполнению.

Сначала она разозлилась – так разозлилась, что, когда покидала остров, перед ее взором стояла красная пелена гнева, и из-за этого воздушный катер несколько раз зависал на мелководье заповедника. Но к тому времени, как она добралась до городка Маратон, красная пелена спала, и она снова почувствовала спокойное предвкушение, которое всегда посещало ее перед операцией и напоминало хорошую крепкую опору под ногами. О, конечно же, она все еще была зла, но теперь это была сдержанная злость, и Флавия хорошо знала, как использовать ее в своих интересах.

Был только один способ пройти через все это.

Она побывала в магазине Маратона, где продавалось все для выживания в условиях дикой природы и, потратив немного денег, из тех, что Диоген дал ей в Майами, купила припасов, как минимум, на неделю. В ее список попали: спальный мешок, водонепроницаемый брезент, пластиковая лопата, питьевая вода, предметы личной гигиены, запасные батареи, протеиновые питательные батончики с вездесущими яблоками и корицей по 1200 калорий каждый и две дюжины сухпайков – макароны с соусом чили, бефстроганов, паста с фасолью – в индивидуальных пластиковых упаковках. В оружейном магазине, который находился на той же улице только чуть дальше, используя свое фальшивое удостоверение личности, она купила «Глок-22», запасную обойму и две коробки по пятьдесят патронов.40 калибра в каждой.

Она заправила аэролодку, а затем – незаметно, приблизившись с необитаемой стороны – вернулась на остров. Почти сразу же она нашла эти густые мангровые заросли, находящиеся вдали от всех зданий, за исключением нескольких служебных построек и полуразрушенной старой дымовой трубы. Здесь она тщательно спрятала свой воздушный катер, разбила лагерь и приступила к длительной и внимательной разведке.

Никакой дальнейшей активности в сооружении, похожем на храм, не наблюдалось. В главном доме горели огни, но она не заметила там ни единого движения. Однако Флавия чувствовала уверенность в том, что Питер – или, лучше сказать, Диоген – находится внутри. И эта сука тоже была там.

Сначала ее гнев был направлен исключительно на Диогена. Все это время он лгал ей, скрывая свою истинную личность, свою тайную жизнь

– и это, несмотря на то, насколько они сблизились, скольких опасностей избежали и сколько проблем преодолели вместе. И после всего, через что они с Фравией прошли, он занимался любовью с другой женщиной – с Констанс Грин, которую он называл продажной шлюхой, и говорил, что ничего к ней не чувствует, кроме презрения.

Все лгут. Но чем больше Флавия думала об этом, тем больше понимала, что несправедливо приписывать все грехи только ему одному. Диоген обманул ее не со зла или какой-то жестокости. Он сделал это, чтобы защитить самого себя. Ему каким-то образом угрожали – она была в этом уверена. Он немного рассказывал ей о своем прошлом, но Флавия инстинктивно чувствовала, что что-то – событие или серия событий – ужасно ранило его, сломало что-то внутри него, нечто глубокое и фундаментальное. И *это* она могла понять.

Он не виноват, что не смог до конца довериться ей. Дело в том, что он *уже* несколько раз вверял ей и свою свободу, и свою жизнь. Просто он оставался не до конца честным. Теперь, когда она знала его истинную личность, то могла доказать ему, что нет никаких оснований скрывать от нее что-либо еще – уже нет. Наоборот, она могла *защитить* его от всего, что заставило его скрываться.

Но Констанс Грин – это совсем другая история. Это была женщина, которая ворвалась в его жизнь, с комфортом расположилась в его уединенном доме и похитила его любовь – любовь, которая принадлежала только Флавии. Необходимо было воздать ей по заслугам и, что главное, убрать ее со своего пути.

Наверняка, чтобы завоевать Диогена, понадобится очень много времени. Но это того стоило! Потому что Диоген, как Флавия знала, был единственным человеком в мире, к которому она могла хоть что-то почувствовать, кроме отвращения. Они были родственными душами, она это знала, а скоро, так или иначе, и он это узнает. Как только его голова будет очищена от этой суки.

Но Флавия должна была сделать все правильно и действовать осторожно. Она не могла позволить Диогену считать Констанс жертвой или – что еще хуже – мученицей. Кто знал, что за паутину сплела вокруг него эта шлюха, и в какие игры разума она с ним играла? И поэтому сейчас Флавия могла только наблюдать, сидеть и ждать, пока пробьет час – ее час.

Конечно же, всегда оставалась вероятность того, что все может пойти не по плану. Диоген мог не понять, что она делает или почему, и явиться за ней. Она подготовила себя – эмоционально и физически – к такой возможности. Для защитных целей она и приобрела запасные боеприпасы для «Глока» – пятнадцать патронов в обойме и один в

патроннике. Шестнадцать патронов, прежде чем ей понадобится перезарядить оружие. Если придется, он падет под градом пуль.

Но Флавия была уверена, что этого не произойдет. Теперь она, а не Диоген, стояла у руля. И она уж точно проследит, чтобы все было сделано правильно! Затем, когда шлюха будет мертва – то она, Флавия, займет место этой женщины в том странном серо-черном храме.

Сейчас же, она поудобнее устроилась в спальном мешке и закрыла глаза.

59

На часах была половина четвертого. Диоген сидел в библиотеке, ожидая Констанс. Вскоре она вошла, одетая в одно из своих платьев викторианской эпохи.

– Тебе нужен новый гардероб, – заметил Диоген. – Хочешь завтра пойти за покупками? На Ки-Уэст прекрасные магазины.

– Да, хочу, – ответила она.

– А теперь, моя дорогая, специальный подарок для тебя. Я все ждал подходящего момента, чтобы вручить его, и считаю, что сейчас он настал.

Он подошел к стене, заставленной книжными шкафами, ухватился за маленькую латунную ручку и повернул ее. Одна из книжных секций повернулась, открыв потайную комнату.

– Что там? – полюбопытствовала Констанс.

Диоген вошел внутрь и включил освещение, демонстрируя самую необычную комнату из всех, что Констанс когда-либо видела. В ее центре стоял стол, а на стенах висели какие-то странные старинные портреты и многорожковые бра со свечами, у стены находился крошечный камин и очень большой и вызывающий любопытство деревянный ящик с шелковым занавесом в качестве фасада.

– Это мой особый сюрприз для тебя. В этой комнате ты найдешь все атрибуты для спиритического сеанса времен Викторианской эпохи, в том числе стучащий или так называемый «вращающийся» стол, доску Уиджа[183], свечи, бубен, колокольчики, и короб с вмонтированным аккордеоном, на котором можно играть удаленно. Там внутри предусмотрены еще полюса, рычаги, провода, крючки и воронки. А тот большой ящик – это так называемый спиритический шкаф. Если быть кратким, то эта комната содержит все необходимое для проведения полноценного викторианского сеанса, включая даже все устройства, использовавшиеся в трюках и мошенничествах. Конечно, тебе не

понадобятся никакие трюки и махинации, когда ты действительно вступишь в контакт с миром духов.

Констанс с интересом принялась рассматривать убранство комнаты. Диоген почувствовал облегчение и удовлетворение, увидев, что она полностью подпала под очарование коллекции. Он был доволен собой и тем, что придумал нечто, чем ей приятно было бы владеть, но она сама никогда бы не додумалась до подобного.

– Я могу только добавить, что все это оснащение принадлежало известному британскому медиуму, Эстель Робертс. Через пять дней после смерти сэра Артура Конан Дойла, в 1930 году, перед огромной толпой в Королевском Альберт-холле[184], Робертс связалась с духом Дойла – по крайней мере, она так утверждала. Никто, конечно, так никогда и не смог опровергнуть или подтвердить этот или другие сеансы, которые она провела.

– Как ты все это приобрел?

– Когда она умерла в 1970 году, ее дом в Монкен-Хадли был заперт, заброшен и пришел в упадок. Я всегда интересовался подобными вещами. Как ты, несомненно, знаешь, заинтересованность магией и демонстрация фокусов проходят через все поколения семьи Пендергастов. Шесть месяцев назад старый дом был выставлен на продажу. Я предположил, что это может стать тем, что, несомненно, тебя позабавит, поэтому и купил его, изъял все атрибуты из ее спиритической комнаты, тщательно отреставрировал и привез сюда. Затем я перепродал тот старый дом с прибылью: лондонская недвижимость – по-настоящему хороша для инвестиций в наши дни.

Он с восторгом наблюдал, как она исследовала спиритический шкаф, отдернула занавес и взглянула на странные устройства, установленные внутри него. Она осмотрела вращающийся стол, заглянула под него и стала прикасаться и надавливать на все его сложные завитки, углы и резные украшения.

– Я подумал, что возможно тебя заинтересует эта небольшая коллекция, – тихо заметил Диоген. – Нет, фактически, я был в этом *уверен*. Я знаю, что ввиду твоей долгой жизни и того, что тебя в молодом возрасте лишили семьи, прошлое очень дорого для тебя. Вот, почему я создал это место: как памятник прошлому. Если быть точным, то *твоему* прошлому. Когда ты почувствуешь себя готовой, мы устроим сеанс. Возможно, со временем ты сможешь общаться со своей сестрой Мэри. Или даже с родителями.

Пока он говорил, Констанс замерла, и Диоген понял, что, возможно, он переступил грань дозволенного. Это был очень личный аспект ее жизни, и эта вся обстановка могла показаться ей чем-то самонадеянным.

Она довольно резко поднялась, покачнулась и быстро направилась к двери, спрятанной за книжным шкафом. Когда она проходила мимо Диогена, он оказался потрясен глубоким замешательством, легко читаемым на ее лице.

Но потом, сразу за дверью, она резко остановилась. Казалось, что еще целую вечность – все еще обращенная к нему спиной – она просто неподвижно стояла. И вот, наконец, она обернулась. Выражение ее лица излучало чрезвычайно сильные и противоречивые эмоции: смелость и страх, решительность и сомнения.

– Что... *что с тобой*? – пробормотал Диоген, встревоженный ее видом.

Она вздернула подбородок и шагнула к нему, на ее лице застыла маска ненависти, злобы и торжества...

60

Глава отделения ФБР в Майами Вантрис Меткалф была весьма заинтригована, увидев двух своих посетителей. Еще во время обучения в Куантико до нее доходили размытые слухи об одном из них – легендарном и противоречивом специальном агенте, действовавшем поперек правил с почти фантастической безнаказанностью. Она слышала, что его подозреваемые частенько не доживали до официального ареста. А еще о нем поговаривали, как о некоем агенте-изгое, которому не должно отводиться место в современной структуре ФБР. И все же его неоднозначные действия не только каждый раз сходили ему с рук, но и, судя по всему, приветствовались неким высокопоставленным покровителем, которым он обзавелся в Бюро.

О другом своем посетителе агент Меткалф тоже слышала, однако в его случае слухи ограничивались только тем, что он занимал в ФБР высокий пост заместителя директора по делам разведки. Будучи довольно эксцентричной темной лошадкой Бюро, он слыл блестящим руководителем – жестким, но справедливым.

И вот они оба стояли здесь, в ее офисе, являя собой разительный внешний контраст. Лонгстрит с его угловатым лицом, длинными седыми волосами, выдающимся ростом, хрипловатым голосом и мятым синим костюмом и другой... Такой бледный и элегантный, что некоторыми своими он повадками смахивал на кота. Его мягкий акцент дальнего юга, напоминал промасленный бисквит, а манеры и жесты были бы более уместны во времена до Гражданской войны США: благородная, но пугающая личность с блестящими, отливающими хромом, глазами, одетая в черный костюм. Меткалф впервые видела перед собой агента в черном костюме – в Бюро такой внешний вид не был обыденным явлением.

Меткалф с раннего возраста считала себя человеком, умеющим читать людей, и гордилась своей способностью раскрывать характер человека по одному только его внешнему виду. Она *могла* распознать книгу по обложке, и это была одна из причин, почему она стала самым молодым старшим специальным агентом в истории отделения Майами, да и к тому же первой женщиной и первой афроамериканкой. Когда она осмотрела этих двух джентльменов сверху вниз, то поняла, что от нее потребуется полное и безоговорочное сотрудничество, и это принесет ей в будущем двух очень полезных союзников, которые могли бы помочь ей преодолеть очень долгий путь к ее конечной цели: занять пост директора ФБР.

– Господа, – обратилась она, – чем я могу быть вам полезна?

Ей ответил Лонгстрит.

– Мисс Меткалф, специальный агент Пендергаст и я на задании, которое является как конфиденциальным, так и неофициальным. У нас к вам необычная просьба.

– Понятно, – отозвалась она, но ни на шаг не собиралась облегчать им задачу. Ей ни при каких обстоятельствах нельзя было казаться тряпкой – чего бы они не хотели от нее получить.

– Нам нужен доступ на час – одним и без свидетелей – к вашему операционному подразделению системы «PRISM»[185].

Услышав это, Меткалф недоуменно приподняла брови. Эта просьба настолько выходила за рамки дозволенного и допустимого, что даже Меткалф, со своей натренированной выдержкой, была ею ошеломлена.

– Мы понимаем, что это довольно необычная просьба, – сказал Лонгстрит.

– Господа, вы, конечно, извините, но даже от заместителя исполнительного директора по вопросам разведки эта просьба выходит за рамки дозволенного. Вы же знаете, что для получения подобного доступа вам необходимо действовать официальным путем.

В этот момент раздался голос другого ее посетителя:

– Это окончательный отказ?

Тон, которым был задан этот вопрос – такой тихий и вежливый и в то же время настолько наполненный угрозой – оказался тем, что Меткалф позже придется проанализировать и позаимствовать для своих целей.

– Вы, что, слышали от меня слово «*нет*»? – улыбнулась она.

– Я надеюсь, что мы его и не услышим, – ответил мужчина по фамилии Пендергаст. Меткалф выждала, позволив повиснуть гнетущей тишине.

– Позвольте мне объяснить… – начал Лонгстрит.

Пендергаст положил руку ему на плечо.

– Я не думаю, что мисс Меткалф нуждается в наших объяснениях.

«*Так и есть*», – подумала Меткалф. Она позволила повиснуть второй, еще более гнетущей паузе. Она давно обнаружила, что для большинства людей, молчание оказывалось еще более невыносимым, чем допрос с пристрастием.

– Мисс Меткалф, – обратился Пендергаст, – мы никогда не забываем наших друзей. И, поверьте, у нас очень хорошая память.

Именно это Вантрис хотела получить, но она была удивлена, услышав свое желание – к тому же настолько четко сформулированное – из уст своего гостя. Этот мужчина явно ценил прямоту и не принимал никакого хождения вокруг да около.

– Когда вы хотите получить доступ?

– Прямо сейчас, если вас это не затруднит.

Уже в третий раз она позволила повиснуть тишине, и только потом произнесла:

– Господа, присаживайтесь, если хотите. Мне понадобится около пяти минут, чтобы очистить подразделение «PRISM» от персонала. Я предполагаю, что вам понадобится служащий из технической поддержки?

– Да, если возможно.

– Тогда я попрошу остаться самого лучшего.

Когда помещение было готово, и весь обслуживающий персонал покинул его, Пендергаст повернулся и протянул Меткалф руку для рукопожатия – прохладную и гладкую, как свежевыглаженная хлопковая простыня.

– Я очень рад, что мы стали друзьями.

* * *

Говард Лонгстрит следовал за старшим специальным агентом Меткалф по целому ряду коридоров и лифтов, пока они не добрались до двери, за которой находилось теплое подвальное помещение без окон, в воздухе которого явственно ощущался запах постоянно работающей электроники. Небольшое и даже тесное, оно было наполнено синеватым

светом множества работающих мониторов. В этом зале агенты, располагающие специальным разрешением, могли получить доступ к некоторым необходимым им базам данных АНБ. Разумеется, Лонгстрит и раньше бывал в подразделениях «PRISM», и это ничем от них не отличалось. За исключением того, что сейчас здесь никого не было, кроме одного техника – долговязого и нервного парня с непослушной челкой.

– Мистер Эрнандес, – обратилась к технику Меткалф, – это специальный агент Пендергаст и исполнительный заместитель директора Лонгстрит.

– Хм, здрасьте, – ответил Эрнандес.

– В течение следующего часа они воспользуются вашей неограниченной помощью, – продолжила Меткалф. – И, конечно, то, что произойдет здесь, останется конфиденциальным даже от меня.

– Да, мисс Меткалф.

Она вышла и закрыла за собой дверь. Лонгстрит взглянул на Пендергаста и отметил, что глаза его друга засияли редким светом предвкушения. Он хотел бы, чувствовать то же самое. Всё их предприятие в целом напоминало погоню за химерами и представляло собой пустую трату драгоценного времени, коего и без того осталось совсем немного. Если бы с ним работал какой-либо другой агент, Лонгстрит пресек бы эту окольную дорожку с самого начала, но он слишком хорошо знал Пендергаста, чтобы необоснованно отвергать его предчувствия. И, тем не менее, обнаружение пропавших «конских хвостов» хоть и выглядело весьма необычно, само по себе это ничего не значило. Лонгстрит просто хотел, чтобы Пендергаст чуть больше анализировал свои интуитивные сигналы, а не верил им слепо.

– Алоизий, – обратился Лонгстрит, – не мог бы ты объяснить мистеру Эрнандесу, что ты хочешь от него получить?

– Конечно, – Пендергаст извлек из кармана своего пиджака большой жесткий диск и положил его на стол перед Эрнандесом. – На этом диске двадцать четыре часа видеозаписей со всех камер наблюдения Баптистского госпиталя Майами. Эти камеры записывают каждого человека приходящего в больницу – без исключений. Они охватывают все помещения госпиталя и его периметр. Невозможно войти в госпиталь или выйти из него, не попав на запись несколько раз.

Эрнандес кивнул в знак понимания.

– За день в больнице бывает около девяти тысяч посетителей. И их фиксируют порядка двухсот таких камер.

– Получается слишком большой объем видео. Это как-то связано с убийствами, которые совершил тот мясник?

Пендергаст не ответил, но комнату заполнило едкое чувство неодобрения.

– Простите, вырвалось, это не мое дело – оправдался техник.

– Мы считаем, что некто вошел в больницу в одной маскировке, а вышел из нее в другой. Он мог изменить черты лица, цвет волос и, возможно, какие-то другие физические черты.

– Понимаю.

– Итак, мистер Эрнандес: мы бы хотели использовать ваши вычислительные мощности и базы данных АНБ для установления личности человека, который *вышел* из больницы, но не *входил* в нее.

– Ну конечно, – воскликнул Эрнандес, с облегчением, – это же пара пустяков! Я думал, что вы мне что-то действительно серьезное поручите сделать. У АНБ лучшее в мире программное обеспечение для распознавания лиц – даже лучше, чем у Google. Я просто задам ему условие сопоставить всех входивших людей с выходившими и выдать одно-единственное лицо, которое было зафиксировано на выходе, но не на входе.

От услышанного на лице Пендергаста заиграла редкая и нехарактерная для него улыбка.

– И сколько времени это займет?

– Сколько гигов видео у вас записано на этом диске?

– Три терабайта.

– Двадцать минут. Сможете подождать?

Лонгстрит заметил, что Пендергаст расположился в кресле, и вслед за ним поступил также. Эрнандес остался за компьютером, быстро и энергично застучав по клавиатуре.

* * *

Словно отсчитав время, ровно через двадцать минут техник оторвался от монитора своего компьютера.

– Есть! Я нашел вашего человека. И даже с нескольких ракурсов.

Тут же плавным скользящим движением, в котором сквозила грация, присущая лишь кошкам, Пендергаст поднялся и принялся внимательно изучать ряд лиц на экране компьютера, вслед за ним встал и Лонгстрит.

– Вам будет лучше видно, если я выведу изображения на большой экран, – предложил Эрнандес.

На шестидесятидюймовом экране возник целый ряд изображений одного и того же лица. На них оказался высокий кареглазый мужчина с каштановыми волосами, одетый в элегантный коричневый костюм, с оливковым оттенком кожи, а на его лице красовались модные титановые очки. Лонгстрит изучал его с удивлением и разочарованием. Это явно был не Диоген. Это не мог быть он! Внешне он был совсем на него не похож.

– Пожалуйста, покажите видео, – едва скрывая разочарование, попросил Пендергаст.

Эрнандес тут же исполнил просьбу, показав мужчину, бодро шагающего по коридору. Следующее видео зафиксировало его, когда он пересекал вестибюль, и, наконец, последнее засняло его уход из госпиталя. Ростом и телосложением он и впрямь походил на Диогена, но ведь многие люди были стройными и высокими. Просмотрев видео, Лонгстрит ощутил разочарование. Найденный человек не только не походил на Диогена Пендергаста, который позволил запечатлеть себя старым записям ФБР, но даже *двигался* по-другому. Основываясь на своем богатом опыте, Лонгстрит мог авторитетно заявить, что походка любого человека является насколько же показательной, насколько и внешность в целом. Все люди обладали своей индивидуальной походкой, которую невозможно было замаскировать.

Лонгстрит взглянул на Пендергаста и, к собственному удивлению, увидел, что лицо его искажено триумфом, смешанным с гневом.

– Неужели это Диоген? – недоуменно спросил он.

– Никаких сомнений, – последовал ответ. – Я знаю своего брата. Это он там, на экране, я в этом уверен.

– Но как он двигается?

– Мой дорогой Говард! Естественно, это стало бы первым, что он изменил. Этот мужчина не двигается, как мой брат, это правда, но разве тебе не кажется, что его походка выглядит немного искусственной? Он явно играет на камеру.

Лонгстрит повернулся к Эрнандесу.

– Покажите видео еще раз, пожалуйста.

Он еще раз тщательно проанализировал запись. Черт побери Пендергаста, если он ошибается!

– Алоизий, – пробормотал Лонгстрит, отвернувшись от экрана, – я знаю тебя достаточно давно, чтобы довериться твоей интуиции.

– Это не просто интуиция, – ответил Пендергаст и снова обратился к Эрнандесу. – Теперь у меня для вас есть следующее задание: установите, кто этот человек. Официально, я имею в виду.

С улыбкой Эрнандес застучал по клавиатуре. В течение нескольких секунд программное обеспечение АНБ, предназначенное для распознавания лиц, идентифицировало мужчину и вывело на экран его многочисленные характеристики:

Имя: Петру Люпей

SS#[186] 956446574

Место рождения: Рашнов, Румыния

Дата натурализации[187]: 6/15/99

Расовая принадлежность: белый

Рост: 6'2"[188]

Глаза: карие

Волосы: русые

Приметы и татуировки: отсутствуют.

Далее следовало еще больше информации, но Пендергаст проигнорировал ее.

– Отлично, – сказал он. – Теперь, мистер Эрнандес, я хочу, чтобы вы поискали недвижимость этого человека. И не только собственность, зарегистрированную на его имя, но и всю недвижимость, принадлежащую фиктивным фирмам, которыми он владеет, оффшорным компаниям, предполагаемым родственникам – одним словом, я хочу знать о каждом квадратном дюйме земли, даже отдаленно связанном с ним. Особое внимание уделите Флориде.

– Как скажете.

Еще несколько ударов по клавиатуре и на экране появился список. Даже имея за плечами богатый опыт, Лонгстрит все еще удивлялся тому, как быстро компьютер мог соединить цепочку тщательно замаскированных подставных фирм. А затем ему пришло в голову, что, вероятно, АНБ ранее уже проделало эту работу – для каждой зарегистрированной компании в мире. Это было так на них похоже.

Пендергаст буквально на мгновение взглянул на экран, а затем издал самый нехарактерный для него крик триумфа.

– *Вот здесь*! – сказал он, указав белым пальцем в список.

Халсион-Ки

Округ Монро, Флорида

Собственность: «Incitatus», LLC

Почтовый ящик: 279516

Гранд-Кайман

Зарегистрировано:

Частные владения Эолийских островов, SpA[189], Милан, Италия

Находится в собственности:

«Барнекл», Ltd[190]., Дублин, Ирландия

Генеральный директор и единственный акционер: Петру Люпей

– «*Incitatus»*, – странным голосом пробормотал Пендергаст.

Лонгстрит почувствовал, как по его позвоночнику пробежал холодок. Он ощутил уверенность, что это был именно тот самородок данных, в котором они так нуждались: та самая иголка в стоге сена, те самые еле различимые линии на песке, которые, уже будучи найденными, приведут их к Диогену.

– Запросите спутниковые снимки этого объекта, – попросил Пендергаст.

– Без проблем.

Эрнандес запустил еще одну программу, набрал ряд координат, и через мгновение на экране появилось спутниковое изображение с удивительно высоким разрешением. На нем был изображен остров средних размеров, окруженный четырьмя островами поменьше.

– Пожалуйста, увеличьте главный остров.

Эрнандес исполнил просьбу. На экране возник большой, просторный дом, пирс, уходящий в мелкую бухту, дом поменьше, спрятанный в близлежащих мангровых зарослях, и несколько разбросанных вокруг отдельно стоящих надворных построек. К пирсу был пришвартован катер.

– Когда был сделан этот спутниковый снимок? – спросил Пендергаст.

Эрнандес заглянул в экран.

– Восемнадцать месяцев назад.

– Катер. Увеличьте катер.

Изображение увеличивалось до тех пор, пока катер не заполнил собой весь экран. Это оказался винтажный «Крис Крафт».

– Это то самое место, – Пендергаст повернулся к Лонгстриту, и его глаза засияли лихорадочным огнем триумфа. – Вот где мы их найдем.

Лонгстрит обернулся и внимательно посмотрел на своего друга. Его голова шла кругом от скорости, с которой Пендергаст раскрыл дело.

– Говард, нам нужно действовать быстро и жестко, – сказал Пендергаст. – И отправиться туда мы должны *сегодня же вечером*.

61

– Что с тобой? – снова спросил Диоген.

– Не мог бы ты подготовить катер? – попросила Констанс.

Разум Диогена словно помутился: он с трудом мог осмыслить ее слова. Последние несколько минут были слишком странными – поведение Констанс стало настолько непредсказуемым, что он едва мог выдавить из себя слова.

– Катер? Но зачем?

– После этого, если ты будешь так любезен, помоги отнести на него мои вещи, – внутреннее противоречие и некая неуверенность, которые он ранее наблюдал на ее лице, теперь исчезли. – Я уже упаковала б***о***льшую их часть этим утром, когда сказала, что иду отдыхать.

Совершенно растерявшись, он провел рукой по лбу.

– Констанс…

– Я ухожу. Моя задача выполнена.

– Я не понимаю. Твоя задача?

Теперь в ее голосе сквозил явный холод:

– Моя месть.

Диоген раскрыл рот, но не издал ни звука.

– Это именно тот момент, которого я так долго ждала, – возвестила Констанс. – Хотя злорадствовать или издеваться обыкновенно не в моем характере, быть *безжалостной* – вполне в моем. И, так как я хочу, чтобы ты все *понял*, я все же объясню тебе все. Максимально лаконично, – она вздохнула. – Итак, все это было фарсом.

– Фарсом, – повторил Диоген. – Что именно?

– Наша «любовь».

И только сейчас он заметил, что в своей руке она держит винтажный итальянский стилет, который он не видел со времен особняка на Риверсайд.

– Но для меня это не фарс – я люблю тебя!

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. Как трогательно! И эти твои ухаживания, если уж говорить честно, были красиво спланированы и изящно исполнены. Это было все, о чем женщина может только мечтать, – она прервалась на пару секунд. – Жаль, конечно, что они не возымели желаемого эффекта.

Диоген не мог в это поверить. Это был кошмар! Этого не могло быть на самом деле! Она просто не могла действительно иметь все это в виду! Возможно, эликсир снова оказался бракованным, и из-за него-то она была не в себе? Впервые в жизни чувства взяли верх над Диогеном Пендергастом, низвергнув его в пучину пугающей неизвестности.

– Ради всего святого, что ты говоришь?

– Неужели мне придется объяснять? Хорошо, будь по-твоему. Я хочу сказать, что не люблю тебя. И никогда не любила. Напротив: я *ненавижу* тебя всеми фибрами своей души. Я питаюсь ненавистью к тебе утром, днем и ночью. Я сильно дорожу своей ненавистью – теперь это часть меня, неотделимая и бесценная.

– Нет, пожалуйста…

– Когда я впервые там, в подвале, узнала, что ты выжил, я почувствовала одну лишь *ярость*. Но после ты начал говорить, и речь твоя струилась, как мед! Ты помнишь, что, как только ты закончил, я сказала, что мне нужно время обдумать твое предложение? Я находилась в замешательстве и меня мучили сомнения. А еще я сердилась – но, как ни странно, не на тебя, а на Алоизия: за его исчезновение… и за то, что он утонул. Вдобавок перспектива потерять рассудок, безусловно, ужасала меня. Все это на время выбило меня из колеи, но к концу той ночи я обрела мир с самой собой и вновь испытала счастье, потому что поняла, что мне представилась уникальная возможность: шанс *снова*

убить тебя. Твоя несостоявшаяся смерть в вулкане была бы слишком быстрой. На этот раз я решила сделать все правильно.

– Ты... – Диоген шагнул к ней, но остановился. Никогда в своей жизни – даже в глубоком юношеском отчаянии после События, или после того, как ему не удалось украсть алмаз, известный как Сердце Люцифера, или даже во время его длительного выздоровления у подножия Стромболи – он не чувствовал себя настолько опустошенным. – Но ведь ты приняла эликсир...

– Эликсир стал всего лишь неожиданным и приятным дополнением. Так сказать, счастливым случаем: он не только вылечил меня, но и помог убедить *тебя* в моей искренности. Так же помогло убедить тебя и то, что я оглушила лейтенанта д'Агосту... хотя в том случае я, скорее, спасла ему жизнь, так как ты почти наверняка убил бы его, если б я не вмешалась.

Диоген пошатнулся.

– А как насчет нашей совместной ночи? Наверняка это был не фарс!

– Это был самый *кульминационный* момент фарса! Ты был прав: твой модифицированный эликсир действительно восстановил мое здоровье и бодрость. Это восстановление принесло... самый опьяняющий опыт. Итак, теперь ты можешь добавить свои воспоминания об этой ночи в свой дворец памяти о боли. Помнишь, как ты однажды описал нашу первую ночь вместе? «*Животная похоть*». Это мой подарок тебе: эта похоть взамен той. И все же я уже тогда знала, что каждое мимолетное удовольствие, которое я тебе дам, будет причинять боль в тысячу раз сильнее – каждый день, каждую ночь, всю твою оставшуюся жизнь.

– Это невозможно! То, что ты говорила, эмоции на твоем лице, твоя страсть, твои улыбки... Это все не было обманом, Констанс! Я бы это почувствовал.

Повисла небольшая пауза, прежде чем Констанс заговорила снова.

– Должна признаться, что когда я увидела Халсион, увидела твою обсидиановую комнату, моя решительность немного пошатнулась. Фактически, видеть эту комнату стало для меня самым большим испытанием. По иронии судьбы, я знала, что именно в этом месте я должна была свершить свою месть. И все время я напоминала себе, насколько *более* сильное удовольствие мне принесут твои страдания, чем все вместе взятые предлагаемые тобой искушения Халсиона.

Каждое слово Констанс, произнесенное, ее элегантным, но будничным старомодным голосом, было кислотой для его ушей. Он едва осознавал, что говорит.

– Я этому не верю. Это какая-то извращенная шутка. Никто не мог обмануть меня, таким…

– Ты *сам* обманул себя. Но я уже устала от этого разговора. Теперь ты знаешь правду. И я хочу проститься с этим твоим островом, оставить позади все твои прекрасные воспоминания, надежды и мечты… разорвав их в клочья.

– Но тебе ведь еще понадобится эликсир…

– Я буду рада присоединиться к остальному человечеству на пути к смерти. Нет, Диоген, это *тебе* нужен эликсир. Продли свою жизнь, чтобы ты мог жить в *вечных* страданиях! – и в конце ее голос перешел в смех: низкий, ликующий и безжалостный.

Услышав его, Диоген почувствовал, что его колени подгибаются. Он рухнул на пол. Казалось, что некие холодные, острые лучи света буквально пронизали его насквозь. И вместе с этим светом пришло мрачное осознание – самое мрачное в его жизни: это все не жестокая шутка. Ее уничтожение его, как личности, вместе с его мечтами и фантазиями было шедевром мести, безжалостности и внушало страх своей всеобъемлющей полнотой. Теперь Халсион будет казаться еще более пустынным, после того, как он испытал подобное единение с ней. Констанс это знала. Она изначально планировала оставить его здесь – в месте, пребывание в котором она сделала невыносимым. Она планировала сделать Халсион его личным адом, а его – единственным грешником, мучимым в этом аду.

Глаза Диогена были опущены, пелена затмила его взор.

– И я ничего не могу сказать… я ничего не могу сделать, чтобы убедить тебя в том, что…

– Нет! – отрезала она. – И, пожалуйста, не унижайся, пытаясь меня умолять, это *неприлично*.

Диоген ничего не сказал. Пелена, окутавшая его взор, стала плотнее.

– Честно говоря, теперь, когда ты упомянул об этом, мне любопытно только одно. Та дверь на другом конце острова – единственная закрытая на ключ. Что находится за ней? Я прекрасно знаю, что ты там что-то скрываешь. Мне хотелось бы увидеть все, прежде чем уйти. Возможность узнать то, что меня заинтриговало, терзает меня, как запретный плод. Прошлой ночью я видела у тебя на шее ключ. Без сомнения, он подходит именно к тому замку. Дай мне его, пожалуйста.

«Прошлой ночью». Пока она говорила, из ниоткуда в своей голове он услышал отголосок сознания: «*Пусть она попытается это отрицать – но мы были единым целым*».

Его пелена внезапно спала. Диоген поднял взгляд, чтобы увидеть, как она стоит над ним, протягивая руку.

В нем произошла перемена.

«Что находится за ней? Я прекрасно знаю, что ты там что-то скрываешь».

Не вся надежда еще потеряна. Он понял, что ему только что дали шанс – последний шанс...

Он вскочил на ноги, изо всех сил стараясь сохранить присутствие духа.

– Нет! – воскликнул он, и его голос прозвучал хрипло даже для его собственных ушей. – Нет. *Я сам* все покажу тебе. *Я* стану твоим проводником и открою тебе... ту часть моей души, которую никто никогда раньше не видел.

Констанс отдернула свою руку. В ее глазах мелькнуло что-то необъяснимое.

– Так и быть, – согласилась она.

Момент затишья прошел. И Диоген, немного пошатываясь, вышел из тайной комнаты, прошел через библиотеку и направился к входной двери. Констанс следовала за ним на расстоянии в пару шагов.

Спустя несколько мгновений некая темная фигура отделилась от глубоких теней библиотеки, где она пряталась и слушала, стараясь не высовываться, и последовала за ними, как только они зашагали по песчаной тропе, уходящей в мангровые заросли.

62

Пендергаст уже преодолел лестницу, ведущую из подвала, в то время как Лонгстрит шел более медленным шагом.

– Мы можем отправиться туда немедленно, – бросил через плечо Пендергаст. – Он находится на расстоянии в сотню миль от Маратона, если лететь на самолете. Там ты и я сможем нанять воздушный катер – я полагаю, что каналы в той части Флорида-Кис могут быть мелководными. Мы прибудем на место сразу же после наступления темноты.

– Подожди, – окликнул Лонгстрит, и что-то в его голосе заставило Пендергаста остановиться и оглянуться. – Что ты имеешь в виду: *ты и я?*

– Это же очевидно, – отозвался Пендергаст. – Нас же двое.

– Тайная операция?

– «Хирургический удар» по Диогену.

Лонгстрит покачал головой:

– Мы поступим не так.

Пендергаст нахмурился:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты помнишь, что именно сказал в моем офисе в Нью-Йорке? – спросил он. Пендергаст молча ждал продолжения. – Ты сказал – цитирую дословно: *«Мой брат должен умереть. Мы должны работать вместе, чтобы выследить его и сделать так, чтобы он не пережил арест»*.

– Так и было.

– А еще ты сказал: *«Мы обязаны сделать это ради Майка Декера»,* – напомнил Лонгстрит, и Пендергаст снова ничего не ответил. – Как члены команды «Призрак», мы оба принесли торжественную клятву на крови: отомстить за смерть каждого члена команды, погибшего от руки, кого бы то ни было.

– *«Fidelitas usque ad mortem.»*

– Точно. И вот поэтому к Халсион-Ки направимся *не только* ты и я. Это будет ударный отряд спецназа.

Пендергаст сделал шаг назад, вниз по лестнице.

– Говард, такой метод не подходит для проведения этой операции. Я знаю своего брата. Ты и я, пробравшись на остров хитростью, будем иметь б***о***льшие шансы на успех, чем…

– Нет. Слишком много неизвестных. Мы не знаем, кто еще находится на острове. Мы не знаем, на какую систему охраны можем там нарваться. Мы не знаем, какие шаги Диоген предпринял, чтобы защитить и укрепить его домициль. Возможно, у него там повсюду ловушки. И у нас нет такой роскоши, как время. Ты сам говорил, что нам надо действовать уже сегодня вечером. У нас нет времени на разработку сложной стратегии. Диоген слишком умен и слишком непредсказуем.

– И именно из-за этого…

– Слушай, Алоизий. С тех пор, как ты вернулся в Нью-Йорк, я позволял тебе вести расследование своими собственными методами. Я делал запросы, промотал тысячи человеко-часов на поиски данных и проведение судебно-медицинских анализов. По твоей прихоти я последовал за тобой во Флориду. Я задержал выдачу двух трупов их

семьям, устроил срочную эксгумацию, наблюдал, как ты собственноручно переворачивал труп, который уже начал разлагаться…

– В результате мы обнаружили местонахождение моего брата.

– Тобой двигала навязчивая идея. Но всю основную работу проделала система «PRISM». С тех пор как ты сказал мне, что Диоген все еще жив, я копнул глубже и провел небольшое расследование. Он несет ответственность не только за убийство Майка, но также и за смерть доктора Торранса Гамильтона и художника, Чарльза Дучэмпа. Он совершил покушение на убийство бывшего сотрудника нью-йоркского музея Марго Грин, похитил женщину, которую ты, я думаю, хорошо знаешь – Виолу Маскелене. А также украл уникальную коллекцию бриллиантов из Нью-Йоркского Музея Естественной Истории, после чего уничтожил ее. Он подстрекал к самоубийственному безумию нескольких сотрудников музея. Организовал крупномасштабную диверсию в Гробнице Сенефа, и цель этой диверсии до сих пор остается для меня загадкой! Не говоря уже о двух недавних жестоких убийствах в госпитале Майами. И это только те его преступления, которые сразу приходят на ум – я не сомневаюсь, что это лишь верхушка айсберга. И мы просто обязаны уничтожить этого смертоносного, опасного психопата. Извини меня, но о какой тайной операции ты говоришь? В которой будем задействованы только мы с тобой? Ну уж нет: теперь, когда мы знаем, где находится убежище Диогена, пришло время действовать строго по инструкции. Мы, конечно же, возглавим операцию, но с опорой на массированное присутствие федерального спецназа.

– Здесь имеется еще одна переменная: Констанс. Я рассказал тебе ее историю. Она психически нестабильная личность, чьи мысли и поступки мы не можем предсказать. Она может находиться под внушением Диогена. Как бы то ни было, мы не можем причинить ей вред.

– Если она действительно находится под его влиянием, то при штурме может вести стрельбу так же, как и он. Мои люди будут в опасности. Как бы то ни было, мы сделаем все возможное, чтобы она не пострадала.

– Если ты отправишь команду спецназа, будут убиты люди.

– Конечно. *Диоген* будет убит. Должен ли я снова напоминать тебе, что именно *ты* сказал «*Мой брат должен умереть?..*»

– Говард…

Лонгстрит поднял руку.

– Прости, старый друг. Но я вызываю подкрепление.

Последовало короткое, напряженное молчание. И затем Пендергаст просто кивнул.

Они подошли к офису старшего специального агента Вантрис Меткалф, где Лонгстрит предоставил ей очень неожиданную информацию и попросил оказать содействие в планировании и проведении немедленной операции с участием подразделений спецназа. Меткалф согласилась. Центр тактических операций размещался на втором этаже, и все трое немедленно отправились туда. К ним почти сразу же присоединились двое, потом еще полдюжины, а затем еще дюжина агентов. Совместными усилиями, но под бдительным надзором Лонгстрита, быстро и со знанием дела был разработан план ночной операции.

Между тем Пендергаст стоял отдельно от группы, снова напоминая статую в своем сшитом на заказ черном костюме, с одной рукой лежащей поверх другой. Он внимательно прислушивался планированию операции, но ни его взгляд, ни его выражение лица не выдавали его скрытых мыслей.

63

Констанс продолжала следовать за Диогеном, наблюдая за тем, как солнце медленно погружается в Мексиканский залив. Наконец-то они вышли из мангровых зарослей на луг в дальнем конце Халсион-Ки. Диоген не сказал ей ни слова с тех пор, как они вышли из дома. Теперь он снова держался прямо, а его походка стала более уверенной. Но Констанс не могла разобрать, что именно значит выражение его лица. Его разноцветные глаза казались бездонными омутами, в которых не пробегало даже проблеска эмоций.

На дальнем конце луга он подошел к группе строений, миновав старую разрушенную электростанцию, и остановился перед дверью с медной обшивкой обозначенной «РЕЗЕРВУАР». Он поднял руки и снял золотую цепочку, на которой висел черный ключ, со своей шеи, тут же вставив его в замок. Дверь открылась наружу с шепотом хорошо смазанных петель.

Все еще не говоря ни слова, Диоген вошел внутрь, и сразу же щелкнул целым рядом выключателей. Через его плечо Констанс смогла рассмотреть большую круглую комнату, построенную из старого кирпича. Большой металлический резервуар, окрашенный красным, был установлен у ближайшей стены. Лестница, начинающаяся в паре метров от входа, вела к каменным мосткам, полукругом опоясывающим внешнюю стену здания и обрывающимся у окованной железом двери. В пяти футах ниже мостков раскинулась гладкая поверхность черной воды.

Она выиграла. Ее месть свершилась: Диоген был сломлен. И все же в этом месте она ощутила необъяснимое и сильное любопытство. Она чувствовала, что в Диогене присутствовал гораздо более глубокий слой – слой, который она еще не успела, несмотря ни на что, полностью постичь. Почему она хотела его изведать, учитывая степень ее ненависти к нему, оставалось загадкой даже для нее самой.

Когда Диоген спустился по ступенькам, и ступил на пол, он, наконец-то, прервал затянувшееся молчание.

– Такие цистерны крайне распространены на Флорида-Кис, – пояснил он. – Это самый лучший способ накапливать пресную воду.

Его голос был пустым, далеким и начисто лишенным эмоций. Эхо странно разносило его по этой подземной кирпичной комнате, словно он шел из самого царства мертвых.

Добравшись до основания внутренней лестницы, Диоген поднялся по ней, держась за перила, и взошел на мостки. И снова – Констанс смогла расслышать дальний гул машин. Последовав за Диогеном, она посмотрела вниз на воду. Внутри цистерны не было перекладин, ступеней или других путей выхода: если бы кто-то упал в нее, то у него не было бы возможности выбраться.

Когда мостки привели их к окованной железом двери, установленной в стене цистерны, Диоген остановился и указал на нее.

– Раньше за ней находилось старое насосное оборудование, когда-то использовавшееся для перекачки воды в дом. Оно было необычайно большим и громоздким. Конечно же, его давно сменила современная техника, а его остатки были утилизированы. Как ты сейчас увидишь, я нашел новое применение пустующему пространству.

Использовав ключ еще раз, он отпер дверь и распахнул ее. За ней раскинулась полная темнота. Отступив назад, он жестом пригласил Констанс пройти внутрь.

Она засомневалась: перед собой она ничего не видела, свет из основного помещения не проникал дальше порога. Она буквально представила себе, как делает шаг в темноту и падает в бескрайнюю бездну. Но, тем не менее, несколько мгновений спустя она прошествовала в комнату мимо Диогена. Ее каблуки гулко стучали по камню.

Диоген последовал за ней, закрыв за собой дверь. На мгновение вокруг нее сомкнулась тьма – тьма настолько кромешная и вязкая, что Констанс, которой темнота была не чужда, поняла, что ранее никогда не испытывала ничего подобного. И вдруг раздался тихий щелчок, и на потолке зажглась лампа.

Поначалу Констанс показалось, что она буквально плавает в чернильной пустоте. Затем раздались еще щелчки, и когда Диоген включил все освещение, она поняла, где находится. Констанс стояла посреди помещения, которое напоминало идеальный куб: с полом, стенами и потолком, отделанными черным мрамором. Но затем, когда она присмотрелась более внимательно, то поняла, что лампы, висящие через равные промежутки в нескольких футах от потолка, фактически находились за очень тонкими стеклами, сделанными из какого-то темного дымчатого материала. Материал не был какого-то определенного цвета, а скорее представлял собой перелив, мерцающие оттенки серого. Свет, который проходил сквозь эти панели, придавал комнате легкую, необычную, сверкающую люминесценцию, как если бы Констанс заключили в тюрьму, находящуюся в дымчатом бриллианте разных градаций серого. Затем она поняла, что и стены, и потолок помещения были полностью облицованы обсидианом.

Как будто по сигналу, она услышала позади себя горький, безрадостный смех.

– Да, так и есть, – произнес тот же атональный голос. – Это не храм медитации, а моя *истинная* обсидиановая комната. Это святыни – если все те вещи, которые приносят стыд и боль, можно назвать «святынями» – моей прошлой жизни.

Присмотревшись более внимательно, Констанс увидела, что на всех четырех стенах висят прямоугольные короба на таком же расстоянии друг от друга, что и лампы освещения. Все были одного размера – примерно восемнадцать дюймов на два фута[191]. Они не сливались со стенами, а отступали от них точно на такое же расстояние, как и их верхние собратья. Они также были облицованы обсидианом, только фасад был сделан из прозрачного стекла. Маленькая, скрытая лампа в каждой витрине освещала слабым светом их содержимое, напоминая композиции художника Джозефа Корнелла[192].

– Мой музей, – пояснил Диоген. – Пожалуйста, позволь мне стать твоим гидом. Все эти экспонаты расположены в хронологическом порядке, начиная слева от тебя.

Он на несколько шагов отошел от двери и остановился у первой подвесной витрины. Внутри Констанс увидела эскиз старого города, выполненного в миниатюре на миллиметровой школьной бумаге. Его масштабность и прекрасно проработанные детали захватывали дух. Все это можно было нарисовать только с помощью увеличительного стекла и простого карандаша с очень тонким грифелем. Каждый микроскопический дом города был покрыт черепицей, каждый булыжник на каждой улице был любовно заштрихован, над каждым дверным проемом был написан микроскопический номер дома.

– Я нарисовал это, когда мне было семь лет, – услышала она голос Диогена. – В своем воображении я жил в этом городе. Каждый день я пририсовывал к нему дополнительные детали. Помимо всего прочего он мне очень нравился. Я поместил его сюда, как напоминание о том, кем я мог стать. Так я напоминал себе, что все могло быть по-другому. Но, видишь ли, когда я еще работал над ним… со мной кое-что случилось.

– Событие, – сказала Констанс.

– Да. Событие. Ты слишком мало знаешь о нем, не так ли? Я уверен, что Алоизий никогда не рассказывал об этом.

Констанс осталась неподвижной. Она смотрела на замечательный рисунок. С трудом верилось, что в столь юном возрасте кто-то мог создать нечто настолько прекрасное и совершенное.

– Мы с Алоизием играли в подвале под особняком Мэзон де ля Рош-Нуар – нашим старым домом в Новом Орлеане на Дофин-стрит. Мы наткнулись на потайную комнату полную реквизита, созданного нашим великим прадядей Комстоком для его магического шоу. Один из них назывался «Дорога в ад». Алоизий затолкал меня в него. Оказалось, что это было устройство, созданное для двух целей: заставить человека сойти с ума или испугать его до смерти.

«*Как ужасно*», – подумала Констанс.

– Прошло какое-то время, прежде чем меня спасли из этой будки. Внутри было настолько ужасно, что я попытался совершить самоубийство «Дерринджером»[193], специально оставленным там, чтобы предложить вечное «освобождение» человеку, оказавшемуся внутри, – он прервался. – Пуля вошла в мой висок, но так как это был маленький калибр, то она вышла из моей глазницы. Долго я находился на грани жизни и смерти, но, в конце концов, смог выжить. Но после этого, все вокруг меня… изменилось. На какое-то время меня отослали. Цвета исчезли из моего мира – остались только монохроматические оттенки серого. Тогда – да и сейчас тоже – я плохо сплю, и все из-за нанесенного непоправимого ущерба. Когда я вернулся, то полностью изменился. Стал совершенно другим человеком.

Он перешел к следующей витрине, и Констанс последовала за ним. Внутри находилось крошечное распятие, с несколькими темными пятнами, которые выглядели как запекшаяся кровь. Надпись в нижней части распятия гласила: *«INCITATUS»*.

– Мною овладевали странные желания, которых не понимал. Хотя с другой стороны, они меня даже не пугали. Время от времени я… поддавался им. Но когда я дорос до совершеннолетия, меня захватило одно единственное желание: растоптать, унизить и, в конечном счете,

уничтожить моего брата Алоизия, который навлек на меня весь этот ужас.

Медленно он прошел к паре рамок, указав сначала на одну, затем на другую. Констанс увидела вещи, значение которых не поняла: власяница, изготовленная из какого-то органического волокна, петля палача и нечто, похожее на толстый пучок ядовитого сумаха[194], плотно обмотанный леской.

– Сначала, мои попытки отомстить брату носили чисто случайный характер и были спонтанными. Но по мере того, как я становился старше, в моем воображении стал формироваться план. На его исполнение потребовались бы годы, даже десятилетия. Он завладел всем моим временем и всем моим вниманием. Для его успешного осуществления потребовалось создание и любовное курирование нескольких разных личностей. Например, ученого из нью-йоркского Музея Естественной Истории Хьюго Мензиса.

Они уже обогнули угол и оказались у середины второй стены. Диоген остановился у витрины, которая хранила в своих стенках старинный штык, блестящий, словно ртуть.

– Оружие, которое убило специального агента Майкла Декера, близкого друга Алоизия. Ты же понимаешь, что он не настоящий – наверняка, тот самый все еще находится где-то в хранилище улик, а всего лишь точная копия.

Он перешел к следующей витрине, в которой находилась копия журнала «*Музееведение*», удостоверение личности работника музея, забрызганное кровью, и канцелярский нож.

– Марго Грин, – сказал Диоген, продолжая свой рассказ.

В следующем каркасе находилось рукописное письмо из нескольких страниц, подписанное «А. Пендлтон». Кроме того рядом с ним висела дорогая женская сумочка.

– Виола Маскелене, – пояснил Диоген тем же странным, пустым голосом. – С ней не очень хорошо получилось.

Сейчас, шагая гораздо быстрее, он миновал еще нескольких экспонатов, висящих по периметру обсидианового пространства, и направился к витринам на третьей стене: кристалл хрусталя, в котором находилось нечто похожее на алмазный песок, меморандум из тюрьмы Херкмур…

Констанс вдруг остановилась. В середине третьей стены находилась рамка с пропитанным кровью атласным лоскутом и наполовину выпитым бокалом зеленоватого ликера со слабым следом помады на ободке.

Она резко повернулась и взглянула на Диогена.

– Это ты, – просто сказал он.

– Я увидела достаточно, – бросила она, резко прошагав мимо него и направившись к выходу, не глядя на другие рамки.

Мгновенно Диоген рванул наперерез. Он опередил ее, и, пока она обходила последнюю четвертую стену, встал между ней и дверью, блокируя ей путь.

– Подожди, – сказал он. – *Взгляни*, ты еще не все увидела.

И он указал на оставшиеся витрины.

После нескольких мгновений нерешительности она все же согласилась. За исключением первой, в которой находился некролог, окровавленный скальпель и декоративный веер из стран Центральной Америки, витрины на этой стене были пусты.

– Я изменился, – сказал он, – и на этот раз тон его голоса был не совсем холодным и безликим: вся эта ситуация его явно взволновала. – Я *снова* изменился. Я остановился. Разве ты не понимаешь, Констанс? Хотя это и не являлось моим первоначальным намерением, когда я начал хранить все эти трофеи, это место стало, как я и говорил, моим «Музеем Позора». Он ведет хронику моих преступлений – как успешных, так и безуспешных – как некие гарантии того, чтобы я никогда, *никогда* не смел возвращаться к старому образу жизни. Но создал я его еще по одной причине: в качестве предохранительного клапана. Я знал, что, если я когда-нибудь почувствую что мои старые… желания и потребности начнут рваться наружу, все, что мне нужно будет сделать, это прийти сюда.

Констанс отвернулась от него, не совсем уверенная, что именно она блокирует внутри себя – его слова или ее двойственную реакцию на них. Она поняла, что ее взгляд упирается в последнюю занятую рамку: ту самую, в которой находился скальпель, веер и некролог. Некролог был о выдающемся кардиохирурге, докторе Грабене, который стал жертвой маньяка-мясника. Некролог оплакивал невосполнимую утрату науки и человечества в связи с этой смертью. Он был датирован всего лишь четырьмя днями ранее.

– Значит, ты солгал, – сказала она, указывая на некролог. – Ты *убил* еще нескольких людей.

– Это было необходимо. Мне потребовался еще один образец для синтеза эликсира. Но больше они мне не нужны: ты можешь видеть и ощущать на себе его воздействие.

– И как это должно заставить меня почувствовать себя лучше? Люди погибли! Умерли понапрасну – чтобы я могла жить.

– Старуха уже находилась в коме и медленно умирала. А вот доктор не должен был умереть, он застал меня врасплох своим приходом.

Она снова собралась уходить, но он вновь встал между ней и дверью.

– Констанс. Послушай. Эта комната – идеальный куб, но помещение, в котором изначально находилось насосное оборудование, не было таковым. Я построил комнату в комнате. Ты заметила ту большую коробку наверху лестницы? Когда я создавал эту комнату, то заполнил пространство между стенами *моей* обсидиановой комнаты и каменной кладкой насосного помещения пластиковой взрывчаткой. *Пластиковая взрывчатка*, Констанс – здесь достаточно С-4, чтобы превратить все это – комнату, цистерну, и все остальное – в мелкую пыль. Та коробка наверху лестницы – это детонатор с таймером. Когда-то, как я уже и сказал, эта комната служила другой моей цели. Теперь она наполняет меня ненавистью к самому себе. Как только я бы обрел спасение в твоей любви, то хотел взорвать ее, тем самым навсегда уничтожив свое позорное и жестокое прошлое.

Констанс ничего не сказала.

– Я открыл тебе свою душу, Констанс, – продолжал он, и его голос внезапно стал взволнованным, – теперь ты видела все. Я никогда не говорил тебе этого, но моей мечтой всегда было, чтобы когда-нибудь мы оба смогли принять эликсир и продолжить его принимать. Теперь, когда разработан идеальный синтез, я не только сумел обратить вспять твое неестественное старение, но, по сути, у меня теперь есть возможность поддерживать тебя вечно молодой. Мы *вместе* сможем навсегда остаться молодыми, быть отрезанными от мира и наслаждаться друг другом. И не только мы одни: наш сын мог бы присоединиться к нам, здесь, в этом особенном месте. Он *заслуживает* того, чтобы присоединиться к нам. Несмотря на то, что ты сказала раньше, он всего лишь ребенок. Маленький мальчик. Ему нужно больше, чем быть некой фигурой, предметом почитания. Ему нужны его родители. Здесь мы можем забыть наши тяжелые, болезненные прошлые жизни и обратиться вместо этого к новому будущему. Разве это не прекрасная мечта?

Его умоляющий тон многократно отражался от стен в полумраке комнаты.

– Если все это правда, – сказала Констанс, – если эта жизнь действительно позади, если это – лишь хроника свершившихся проступков прежней жизни… почему ты так быстро поместил в витрину *это*? – и она указала на некролог.

Диоген перевел взгляд с нее на экспонат. Через мгновение он опустил голову, ничего не сказав.

– Я так и думала, – и она повернулась, чтобы обойти его.

– Подожди! – позвал он умоляюще, поспешно следуя за ней, пока она открывала дверь, выходящую на мостки. – Подожди. Я докажу! У меня для тебя есть *главное* доказательство. Сейчас я активирую таймер и взорву С-4. Превращу этот музей в кратер. Ты убедишься в этом сама – с безопасного расстояния.

Она остановилась на мостках, глядя вниз, на темную воду. Диоген, оставшийся стоять позади нее, снова заговорил.

– Какое еще доказательство ты желаешь от меня получить? – спросил он тихо.

64

Констанс долго смотрела на Диогена. Она заметила, что от волнения на его лице выступили бисеринки пота. В его же взгляде она смогла прочесть отчаянную тоску и увидела в нем слабый проблеск надежды – как будто последний горящий уголек в затухающем костре.

Пришло время растоптать этот уголек.

– Доказательство? – переспросила она. – Ты уже представил мне все доказательства твоей *любви*, – последнее слово она произнесла с тяжелой иронией. – Пожалуйста, установи таймер. Я с удовольствием увижу, как все это взорвется.

– Я сделаю это. Для *тебя*.

– Я не уверена, что ты сможешь расстаться со своими драгоценными воспоминаниями. Вот и увидим сейчас, – пробормотала она голосом, полным притворной теплоты, – насколько хорошо мы понимаем друг друга. Это правда: мы похожи, *очень* похожи. Я понимаю тебя, а ты, Диоген, понимаешь меня.

Диоген побледнел. Она увидела, что он тоже вспомнил: это были те самые слова, которые он сказал ей, когда хотел соблазнить четыре года назад.

И затем она стала по-итальянски цитировать строчки стихов, которые он ей нашептывал на ухо, в то время как опускал ее на бархатные подушки кушетки:

«Опускается ночь,

Восходят звезды».

По мере того, как она говорила, его двуцветные глаза окончательно потухли. Констанс наступила на ту самую последнюю искру надежды, и почувствовала ее метафорический хруст под своей пяткой.

После этого лицо Диогена стало меняться, и, в конце концов, его черты медленно исказились ужасающей гримасой веселья. С его губ слетел блеклый, сухой, мрачный смех, который все усиливался, переходя в хриплый и раскатистый.

– Значит, все это было неправдой, – наконец смог выговорить он, вытирая рот, – я был обманут. Меня, Диогена, провели как младенца. *Браво*, Констанс. Какое представление! Твоя гениальная жестокость превосходит даже мою собственную. Ты оставили меня ни с чем. Ни с чем.

Теперь в свою очередь улыбнулась она:

– Но я все же кое-что *оставляю* тебе.

– И что же это?

– Эликсир. Прими его: и ты сможешь прожить долгую, *очень долгую* жизнь.

Наступило затишье, пока они продолжали смотреть друг на друга.

– Нам не о чем больше говорить, – сказала Констанс, отворачиваясь, – Если тебя не затруднит, отвези меня на лодке отсюда.

– Я буду ждать тебя на катере, – хрипло ответил Диоген. – Вначале, мне надо кое о чем позаботиться, – и он вдруг головокружительно рассмеялся. – *«В застенок этот, вечный и огромный. Пусть с ужасом глаза твои глядят... Пусть с ужасом глаза твои глядят...»*[195]

Закрыв уши ладонями, Констанс развернулась, обошла цистерну по периметру и поднялась по лестнице в сумерки, накрывшие остров.

Он не последовал за ней. Да и она не боялась повернуться к нему спиной – несмотря ни на что, его любовь к ней была слишком велика, чтобы позволить причинить ей вред. Кроме того, ее собственная жизнь не имела для нее сейчас никакого значения.

Она надеялась, что он активирует заряды. Музей вроде этого – физическое воплощение психического расстройства, подобного которому мир за всю свою историю редко видывал – не имел права на существование. Она уничтожила его будущее, а теперь *он сам* уничтожит

свое прошлое. Вот только, в конце концов, хватит ли у него духа довести дело до конца?

Следуя по тропе, Констанс миновала рощу платанов и мангровые заросли и вышла на длинный пляж. В дальнем его конце пирс уходил в вечерние воды, ставшие темно-синими в свете сгущающихся сумерек. Теперь, когда все закончилось, она почувствовала глубокое раскаяние и пустоту. Ее горящая ненависть, ее жажда мести, выжгли себя, и оставили после себя зияющую дыру. Как сложится ее жизнь дальше? Куда она поедет? Чем она будет заниматься? Она никогда не сможет вернуться на Риверсайд-Драйв: после смерти Алоизия, об этом не могло быть и речи. Она осталась совершенно одна в этом мире.

Ее мысли были прерваны шумом от того, что кто-то пробирался сквозь заросли. Она повернулась на звук и из стены мангровых деревьев, появившись неизвестно откуда, вышла молодая женщина: невысокая, подтянутая и с прямыми светлыми волосами. Она шла прямо на Констанс – беззвучно и сосредоточенно, с ножом в одной руке и пистолетом в другой, а на ее лице застыла кровожадная маска.

Захваченная врасплох, Констанс попыталась уклониться от нападения, но в этот момент женщина бросилась на нее. Лезвие клинка ярко блеснуло в вечернем свете, разрезая на ребрах ее платье и плоть, Казалось, в тело воткнули раскаленную кочергу. Констанс вскрикнула и извернулась, впиваясь пальцами в лицо нападавшей, но незнакомка отпрыгнула на песок и развернулась, поднимая пистолет.

65

Как только солнце опустилось за линию морского горизонта, стали быстро сгущаться сумерки. Небольшая байдарка невзрачного оливкового цвета выплыла из-за острова Джонстон-Ки и отправилась в заплыв через неглубокий канал шириной в полмили. А.К.Л. Пендергаст, держа весло в руке, направился к скоплению мангровых островов, находившихся на подступах к юго-восточной оконечности Халсион-Ки. Байдарка скользила по воде, в то время как Пендергаст боролся с веслом, продвигая ее вперед, стараясь соблюдать ритм и не допускать всплесков и опрокидываний. Стоял тихий ноябрьский вечер, цапли низко летали над водой, и их крылья издавали звук, напоминающий на шелест шелка.

Пендергаст знал, что у него очень мало времени: два вертолета спецназа прибудут с военно-морской базы Ки-Уэст менее чем через двадцать минут. Пендергаст не смог убедить Лонгстрита, что подобное массированное нападение не будет эффективно против такого человека, как Диоген. Оно буквально сыграет ему на руку и вполне может привести к смерти Констанс – независимо от того, была ли она его заложницей или соучастницей. Пендергаст находился в мучительном

неведении относительно ее душевного состояния, но в одном он был полностью уверен: у нее – в той или иной степени – неуравновешенная психика. По этим самым причинам, во время процесса подготовки операции Пендергаст ускользнул и «присвоил» моторную лодку в гавани Саус-Бич-Харбор. У нее был корпус из углеродного волокна и сдвоенные двигатели, которые в спокойной воде могли производить тысячу лошадиных сил и развивать скорость до девяноста узлов. На Аппер-Шугалоф-Ки он обменял ее на байдарку и тропический гидрокостюм в одном из нескольких магазинчиков по прокату лодок – сейчас уже закрытых. Проблема заключалась в том, что он раньше никогда не ходил на байдарке, и, мало того, что она была чертовски неустойчива и с трудом поддавалась управлению, так, к тому же, он часто плашмя шлепал веслами по воде, в то время как пытался продвигаться вперед.

Наконец, он освоил базовое движение. И это случилось намного позже того, как в его поле зрения прямо по курсу возникло скопление маленьких островков. Фактически они не являлись полноценными островами, как таковыми, но растущие пучками мангры возвышались на мелководье, а их корни образовывали спутанную массу. Пендергаст завел байдарку в канал, укрытый такими зарослями, и привязал ее. После нескольких попыток он сумел довольно тихо из нее выбраться и погрузиться в воду глубиной около двух футов. Он добрался до грузового отсека байдарки и достал наплечную кобуру с его «Лес Баером», закрепил ее, а поверх нее расправил плечики небольшого черного рюкзака «Оспрей».

На небе медленно угасал свет уходящего дня, пока он шел вдоль берега островка. Диаграммы показали, что вода здесь была глубиной не более трех футов, и это оказалось именно так, когда он стал продвигаться вперед, прокладывая себе путь сквозь мангровые завесы. Легкий черный гидрокостюм сделал его почти невидимым в наступающей темноте. Выйдя из зарослей мангровых деревьев, Пендергаст пригнулся, пробираясь по открытому пространству отмели, ведущей к главному острову Халсион. Он вышел из воды на небольшой песчаный пляж и остановился, прислушиваясь. Все было тихо. Тропа, ведущая вглубь острова, о которой он знал по спутниковым снимкам, вела к меньшему из домов. Пендергаст направился по ней и шел, пока не оказался в песчаной зоне, окружавшей дом. Судя по внешнему виду, это был коттедж сторожа, из окна гостиной лился свет. Двигаясь незаметно, Пендергаст подошел к окну, приподнялся и заглянул в него. Пожилой чернокожий мужчина, сидящий в кресле, читал толстый фолиант «Улисс»[196].

Пендергаст посчитал, что в этот тихий вечер джентльмена придется потревожить… но чуть позже.

Проходя мимо окна, он мысленно сверился с картой острова и выбрал тропу, ведущую к большому дому. Путь его пролегал сквозь тенистую рощу платанов и пары старых деревьев гамбо-лимбо, произрастающих позади дома. Свет не горел, никого не было дома. Ночь оказалась темной, луна не появится еще несколько часов. Держась в тени, Пендергаст поднялся на заднюю веранду и попробовал открыть дверь, которая оказалась не заперта. Он тут же проскользнул внутрь дома, произвел быструю разведку на первом этаже и вышел через парадную дверь, убедившись, что сейчас никого не было дома, но в настоящее время он определенно был *обитаем*. Диоген и Констанс находились где-то на острове, Пендергаст был в этом уверен.

Далее он остановился, прислушиваясь. Откуда-то издали пришел звук: пронзительный крик, эхом пронесшийся по острову. Выхватив пистолет, он продолжил внимательно прислушиваться. И затем он услышал один за другим три выстрела.

* * *

Увидев пистолет, Констанс бросилась прямо к коленям нападавшей, схватив ее, в то время как выстрелы прошли над ее головой, обдав порывом воздуха. Они обе упали и покатились по песку, Констанс ухватила незнакомку за предплечье обеими руками и несколько раз ударила ее руку о песок, выбив пистолет. Однако противница оказалась удивительно сильной, учитывая ее комплекцию, и сумела освободиться от хватки Констанс. Они обе бросились за пистолетом, нападавшая даже отбросила нож, чтобы заполучить его. Они вместе упали на него и в то же время, продолжили царапаться и бороться, пока, в конце концов, не смогли ухватить оружие сразу всеми четырьмя руками. Они снова и снова катались по песку, извиваясь и корчась, попеременно захватывая лидирующую позицию. Девушка попыталась укусить Констанс, но та отдернула голову, а затем сделала резкий выпад вперед, нацелившись на лицо противницы так, что ее зубы погрузились в щеку незнакомки, и та завизжала от боли. Они снова начали кататься по песку, и Констанс в результате взяла верх, пытаясь выбить оружие, в то время как ее противница продолжала сопротивляться, а из укуса на ее щеке текла кровь. В то время как Констанс почти заполучила пистолет, она ослабила защиту, и нападавшая ударила ее коленом в солнечное сплетение, выбив из ее легких весь воздух и в тот же момент вырвав пистолет.

Резко махнув рукой, Констанс отвела оружие в сторону, как только раздался выстрел, и пуля с глухим звуком угодила в землю рядом с ней и заставила разлететься во все стороны брызги песка. Констанс успела отвернуть голову, основная же порция пыли угодила в лицо ее противницы. Та откатилась назад, качая головой и пытаясь вытряхнуть песок из своих глаз, но при этом продолжая бесцельно стрелять во все

стороны снова и снова. Констанс кинулась на нее, жадно хватая воздух, и с силой, подпитанной яростью, ухватилась за пистолет и, вырвав его из рук девушки, ткнула им в ее лоб и нажала на курок.

Щелчок.

Обойма, наконец-то опустела. В этот момент противница – с выдающимся присутствием духа – в полной мере воспользовавшись сиюминутным замешательством Констанс, ударила ее по лицу приемом каратэ, а затем перекатила ее вниз, отвоевав обратно свои позиции. Теперь она находилась сверху и подняла нож с песка. Она замахнулась, но Констанс смогла извернуться, и клинок прошел сквозь плотный материал ее платья и воткнулся в песок. В гнетущей тишине девушка пыталась вырвать нож, и стала дергать им назад и вперед, но он зацепился за ткань. Пока ее противница старалась освободить нож, Констанс сумела вытащить свой собственный стилет из корсажа и тут же нанесла восходящий удар снизу вверх.

Незнакомка отпрыгнула назад, пошатываясь, но тем самым дав Констанс время подняться на ноги. Они кружили с обнаженными клинками, как скорпионы.

– Кто ты? – спросила Констанс. Молодая женщина выглядела знакомо, но она не могла припомнить, где именно видела ее.

– Твой худший кошмар, – последовал ответ.

Она сделала выпад, но Констанс успела отскочить в сторону.

Именно в этот момент она заметила краем глаза движение. *Диоген.* Он стоял на краю пляжа и просто наблюдал за ними. Его руки были сложены, как у зрителя.

Но Констанс должна была сосредоточиться – и с таким противником она не могла позволить себе поддаться убийственной ярости. Обе кружили в возбужденном ожидании. Констанс отметила по тому, как девушка держала нож, и по ее отточенным и быстрым движениям, что ее противница была гораздо более опытна в обращении с клинком, чем она, и что Констанс наверняка проиграла бы длительную схватку.

Противница снова сделала выпад, Констанс уклонилась, но недостаточно быстро, сильный удар прошил ткань ее рукава и разрезал плоть.

– Попадание, очень ощутимое попадание, – прокомментировал Диоген.

Констанс бросилась на противницу и обнаружила только воздух: незнакомка отскочила в сторону, применив спиральное движение из боевых единоборств. Воспользовавшись промахом Констанс, блондинка

провела свою собственную молниеносную атаку и рассекла ее запястье, даже когда она резко повернулась, чтобы этого избежать.

Констанс поняла, что рано или поздно один из подобных ударов достигнет цели. Ее тяжелое платье, пропитанное кровью, замедляло ее. Может, вмешается Диоген? Но нет: украдкой брошенный взгляд показал, что он все еще стоит на месте, а на его лице застыло выражение заинтересованности и забавы. Конечно, это было зрелище того рода, которое точно ему понравилось: две женщины сражались за него на смерть.

Тяжелое платье… Массы ткани могут стать ее преимуществом. Но для этого ей нужно двигаться быстро – в любой момент, нападавшая может снова нанести удар.

Констанс сделала свой ход первой: она с разбега запрыгнула на женщину, взмахнула ногами, создавая водоворот ткани, и буквально утопила соперницу в своем платье. Девушка, полностью захваченная врасплох, издала приглушенный вскрик и рубанула ножом наотмашь, но разрезала только ткань. Когда обе противницы упали на песок, Констанс крепко зажала блондинку между своих коленей. Та наносила удары и боролась, изгибаясь от ярости и бессилия, но так и не смогла вытащить руку с ножом из путаницы материала.

Зажав девушку между ног, Констанс извернулась, подняла пистолет и ударила им противницу по виску, а затем продолжила бить снова и снова, пока ее крики не перешли в невнятное бульканье – тогда Констанс почувствовала, что тело девушки обмякло. Теперь она крепко схватила руку с ножом находящейся в ступоре девушки, и, крутанув запястьем, заставила ее выпустить клинок. Подхватив его, она отползла назад, затем неустойчиво поднялась на ноги, держа ножи в обеих руках.

Нападавшая лежала на песке и не могла подняться, находясь в полубессознательном состоянии и продолжая стонать.

Констанс повернулась к Диогену. Он раскраснелся и быстро дышал, в его глазах застыло почти что сексуальное возбуждение. Это был старый Диоген – тот, которого она так хорошо помнила. Он не предпринял никаких мер, чтобы помочь ей, и ничего не сказал. Внешне он был просто очарован той сценой, свидетелем которой только что стал.

У Констанс внезапно закружилась голова. Она положила руки на колени и опустила голову, глубоко дыша и пытаясь прийти в себя. Через несколько секунд она услышала голос Диогена. Она подняла глаза, но в тот же момент поняла, что он разговаривает не с ней. Взгляд чувственного и похотливого наслаждения на его лице сменился на некую смесь изумления и ужаса при виде темной фигуры, выходящей из

рощи платанов. Фигура, одетая в гладкий черный гидрокостюм, вышла вперед и оказалась освещена последними проблесками сумерек.

– *Ave, frater*[197], – раздалось приветствие Диогена.

66

Пребывая на грани между обмороком и явью, незнакомая девушка стонала у ног Констанс, а та продолжала неподвижно стоять на песке и смотреть прямо перед собой, охваченная замешательством и недоверием. Алоизий – *неужели это действительно он*? – приближался к ней с пистолетом в руке. Он был похож на видение, Констанс едва могла поверить своим глазам.

– Алоизий, – выдохнула она. – Боже мой. *Ты жив!*

Она собиралась броситься к нему, но что-то в выражении его лица заставило ее замереть в этом своем порыве.

– *Ave, frater*, – снова повторил Диоген. Он слегка покачивался стоя на месте, как если бы он был слегка пьян.

Пендергаст поднял пистолет. Сначала он направил его куда-то между Констанс и Диогеном. Затем, через мгновение, навел прицел точно на брата. Его взгляд, однако, был по-прежнему обращен на Констанс.

– Прежде, чем я убью его, – сказал он, – мне нужно знать: ты его любишь?

Констанс с шоком и недоверием уставилась на него.

– *Что*?

– Вопрос прост и ясен. Ты его любишь?

Боковым зрением она заметила движение у своих ног. Блондинка, придя в себя, и, воспользовавшись новым развернувшимся противостоянием в качестве отвлекающего маневра, зигзагообразно бросилась к ближайшему скоплению мангровых деревьев. Пендергаст не обратил на нее никакого внимания.

Только сейчас Констанс начала приходить в себя от потрясения, видя, как живой Пендергаст стоит перед ней. В ее голове пронеслась сотня вопросов: «*Что произошло? Где ты был? Почему ты не связался со мной?*» Но взгляд Пендергаста дал понять, что сейчас не время для подобных разговоров.

– Я *ненавижу* его, – ответила она, наконец. – Так всегда было и всегда будет.

– «*Любовь живет надеждой*», – продекламировал Диоген монотонным голосом, – «и *погибает, когда надежда умирает*»[198].

Пендергаст проигнорировал это высказывание, его взгляд все еще был обращен к Констанс.

– Тогда, возможно, ты смогла бы объяснить, почему ты по собственной воле покинула с ним особняк на Риверсайд-Драйв, оглушив лейтенанта д'Агосту?

Констанс глубоко вздохнула. Ее голова наконец-то очистилась от боя, и она почувствовала, как удивительные силы, дарованные эликсиром, возвращаются к ней. Спокойным, ровным голосом она рассказала ему о своей скорби в связи с его смертью. О том, как ее соблазнило признание в любви Диогена и открытие, что действие снадобья разработанного Ленгом стало ослабевать. Затем последовал рассказ и о ее собственном тайном плане мести: как она ненавидела Диогена и поняла, что его появление дало ей возможность сотворить месть страшнее смерти.

– Ты должен верить мне, Алоизий, – заключила она. – Я объясню все подробно в более подходящее время, – она указала на Диогена, который продолжал просто стоять и слушать. – Но пока ты можешь сам видеть результат. Взгляни на него: он сломлен. Моя месть свершилась.

Пендергаст молча выслушал все сказанное ею и опустил пистолет.

– Значит, ты лгала ему? С самого начала?

– Да.

– И ты его не любишь? – снова повторил Пендергаст, словно был не в силах осознать сказанное.

– Нет. *Нет!*

– Отрадно слышать.

И он снова навел пистолет на голову Диогена.

– Остановись! – воскликнула Констанс.

Пендергаст взглянул на нее. Тем временем Диоген шагнул вперед, схватил ствол пистолета и приставил его к своему собственному виску:

– Давай же, *frater*. Сделай это.

– Не убивай его, – просила она.

– Почему нет?

– Гораздо лучше даровать ему жизнь, заставить его жить со своим одиночеством, со своими воспоминаниями и… – она замялась, – я кое-что узнала о нем.

– И что же это? – голос Пендергаста прозвучал прохладно и резко.

Констанс окинула взглядом Диогена, который все еще стоял на месте, слегка покачиваясь в лунном свете, ствол пистолета все еще упирался в его голову.

– Я не хотела, чтобы он слышал, как я это говорю, но теперь это не имеет значения. Не его вина, что он стал таким. Ты, как никто другой, знаешь это. И в нем есть небольшие зачатки добра – я сама это видела. Я считаю, что он действительно хотел измениться, начать новую жизнь. Чего именно он хочет сейчас, я не могу сказать. Моя жажда мести полностью удовлетворена, когда я вижу его в подобном состоянии. Если ты сохранишь ему жизнь, возможно, – *возможно* – он вырастит эти зачатки добра в нечто большее, – затем она с горечью добавила, – возможно, он будет питать их своими слезами.

Пока она говорила, с лицом Пендергаста произошла перемена. Оно потеряло некую толику своей мраморной твердости. Но все еще было невозможно понять, что творилось в его мыслях.

– *Пожалуйста*, – прошептала Констанс.

В это момент где-то вдалеке, среди тихого шепота ветра в листьях пальм, она отчетливо различила звук вертолетных лопастей – слабый, но постепенно нарастающий.

67

Лонгстрит сидел на откидном сидении ведущего вертолета, когда тот пролетал над Флорида-Кис, нацелившись на небольшое скопление островов к северу от Аппер-Шугалоф-Ки. К объекту направлялись две команды спецназа: команда «Блу» собиралась приземлиться в зоне высадки десанта возле главного дома на северной оконечности, а команда «Рэд» – та, с которой летел Лонгстрит – приземлится на открытой площадке за несколькими старыми хозяйственными постройками на южной окраине острова. Кроме того, у него на Ки-Уэст в состоянии повышенной боеготовности на приколе стоял «Зодиак», и, в случае чего, он был способен перебросить подкрепление и при необходимости вывезти всех пострадавших. Лонгстрит считал, что путем применения стандартного плана операции под названием «захват в клещи» они смогут приземлиться, оцепить остров и захватить Диогена менее чем за десять минут. Конечно, если не возникнет сложностей с заложниками. Эту возможность необходимо было рассматривать, хотя она и была маловероятна: Лонгстрит был абсолютно уверен, что

Констанс Грин была, как «Бонни», для «Клайда»-Диогена и что они вместе будут отступать, прикрываясь самоубийственным огнем перестрелки. Но на всякий случай у Лонгстрита был тщательно разработанный альтернативный план с двумя опытными переговорщиками в составе команд.

Он еще раз задался вопросом, какого черта случилось с Пендергастом. Он знал, что ему не понравилось вмешательство спецназа, и он пожелал действовать скрытно. Лонгстрит считал, что это было чертовски глупо – ничего не могло быть лучше, чем молниеносный удар подавляющей огневой мощи. К слову сказать, если вспоминать их дни службы в спецназе, бывали случаи, когда Пендергаст исчезал именно так – не сказав никому ни слова – только чтобы снова появиться позже с той или иной выполненной важной задачей. Это происходило настолько часто, что их команда придумала для этого специальный жаргонный термин – «*Не будь, как Пендергаст*», что значило «Не исчезай без объяснения».

Так или иначе, теперь можно было не волноваться: если Пендергаст предпочел повести себя в своем обычном стиле, то он скоро объявится. Лонгстрит лишь надеялся, что он отдает себе отчет в своих действиях и не совершит на эмоциях какую-нибудь глупость, тем самым спровоцировав кошмар с отчетами, вопросами и слушаниями.

Пролетая низко над водой, Лонгстрит увидел, как в открытых дверях вертолета показался Халсион-Ки. В западной части горизонта на краю темной безлунной ночи виднелся только проблеск света. Справа от себя, на положенном месте, Лонгстрит увидел второй вертолет, следующий за ними и перевозящий команду «Блу».

Он передал приказ по гарнитуре:

– «Блу», поверните на север и заходите на посадку. Мы зайдем с юга. Встреча обеих команд на земле в девятнадцать двадцать, с точностью до минуты.

– Вас понял.

Второй вертолет совершил разворот и после этого замедлился, заходя на посадку. Внизу в слабом свете уходящего дня, Лонгстрит смог рассмотреть несколько хозяйственных построек и множество песочных открытых площадок, покрытых ковром из марискуса.

– Проверьте оружие, бронежилеты и активируйте очки ночного видения, – приказал Лонгстрит, проверяя собственное снаряжение, заряжая девятимиллиметровую Беретту и надевая очки.

Через мгновение он объявил:

– К высадке готовы.

Пилот описал небольшой круг и направил вертолет на посадку. Струи песка, увлекаемые нисходящим потоком, вызвали колебание марискуса. Вертолет приземлился на песок, и команда высадилась с оружием наготове, молниеносно рассредоточилась, укрывшись за надворными постройками и кустами, следуя заранее разработанному плану Лонгстрита. Заместитель директора высадился последним и сразу же направился на пляж.

* * *

Пендергаст снял тяжелое платье с Констанс и оставил на ней лишь комбинацию. Ее бил озноб. Пендергаст обработал все ее ножевые ранения, используя предметы из своего медицинского набора: очистил их дезинфицирующим раствором, нанес антибиотик местного действия и, как мог, закрыл их с помощью пластырей. Все это время его пистолет был нацелен на Диогена, руки которого он сковал наручниками за спиной.

Он слышал пульсацию вертолетов Лонгстрита.

– На подходе кавалерия, – бесцветным тоном заметил Диоген.

Пендергаст проигнорировал замечание своего брата. Раны Констанс оказались не настолько глубокими, чтобы вызывать опасения, но они также не были поверхностными и поэтому требовали наложения швов. Констанс потеряла много крови, и Пендергаст боялся, что она может впасть в шоковое состояние, хотя она и казалась странно сосредоточенной. Кроме того, ее психологическая стабильность в настоящий момент во многом оставалась под очень большим вопросом. Ее нужно было как можно скорее увезти с острова.

– Ну что ж, *frater*, – сказал Диоген, – если ты все еще планируешь пощадить меня, то, что дальше?

Пендергаст обнял Констанс, тем самым обеспечивая ей опору и удерживая ее в вертикальном положении. Он почувствовал странную первобытную дрожь, исходящую от ее тела. Она продолжала хранить молчание – напряженное и гордое молчание. Сколько бы он ни думал, он не мог понять, в каком именно состоянии она сейчас находится. Впрочем… он и раньше никогда не понимал ее до конца.

– Ты можешь идти? – спросил он. Она кивнула. – Положи руку на мое плечо и используй его как опору.

Она ухватилась за него, прильнув к нему всем телом. Тем временем Пендергаст подал своему брату знак дулом пистолета.

– Иди.

– Куда?

– Молчи и следуй моим указаниям.

– А если не буду? Ты убьешь меня?

– Нет, это *они* убьют тебя, – ответил Пендергаст.

– И это станет главным сюрпризом в жизни, – сказал Диоген. Затем он тихо рассмеялся в ответ на ему одному понятную шутку.

В этот момент Пендергаст услышал со стороны залива звук двухтактного двигателя и обернулся, чтобы увидеть неясные очертания «Зодиака», приближавшегося к пирсу, который находился на дальнем конце пляжа.

– В рощу, – скомандовал он.

Диоген повиновался, смеясь и фыркая себе под нос, и все трое укрылись в темноте рощи платанов.

– Сюда, – приказал он Диогену, махнув пистолетом.

Его брат шел почти в кромешной темноте по еле различимой тропе среди деревьев. Пендергаст продолжал поддерживать Констанс, которая цеплялась за него, как ребенок.

– Что это за сюрприз? – спросил Пендергаст.

– Ты скоро узнаешь. Если быть точным, то прямо сейчас…

И тут позади них прогремел сильный взрыв, и огромный огненный шар расцвел в темноте, извергая пылающие обломки и искры. Через секунду их достигла ударная волна, пригнув деревья, и принеся с собой сильный порыв ветра. Взрыв вызвал немедленную реакцию со стороны южной команды спецназа в виде звуков выстрелов, криков и нескольких небольших вспышек выстреливших РПГ: всплеск безумной активности, который Пендергаст мог слышать, быстро приближался.

– Что ты наделал?

– Возможно, что это было совпадением тысячелетия. Уверяю тебя, он не предназначался ни для тебя, ни для твоих коллег – это была исключительно личная работа по сносу. Это так типично для ФБР – оказаться в неправильном месте в неправильное время.

– Что ты взорвал?

– Мой личный кабинет диковин. *«Душа моя, стань каплями воды и, в океан упав, в нем затеряйся!»*[199]

Пендергаст перевел взгляд с Диогена на Констанс и обратно, затем кивнул:

– Пойдем на юг вдоль пляжа. Соблюдем предельную тишину.

Они отправились в путь, держась в тени деревьев и кустов, растущих вдоль пляжа, в то время как позади них продолжали раздаваться звуки боя.

68

Услышав звук взрыва, Флавия поднялась того с места, где она упала. Она точно не знала, что происходит и почему, но осознавала одно: внезапно разразившийся хаос будет ей на руку. Эта всеобщая неразбериха послужит ей прикрытием и поможет исполнить задуманное.

Проскользнув по краю острова – прямо по полосе мангровых зарослей, она подошла к тому месту, где прогремел взрыв и которое теперь было охвачено огнем, озаряя небо ярким сиянием, достаточным для навигации. Слева от себя она услышала короткую очередь выстрелов. Когда у северной оконечности острова закончились мангровые заросли, она присела, продолжая скрываться за ними и изучать место разрушения.

На открытом песчаном пространстве образовался огромный кратер, внутри которого мерцали тусклые огни, а в целом картина напоминала жерло вулкана. В сотне ярдов от него валялся вертолет, опрокинутый набок и охваченный пламенем, языки которого яростно устремлялись в небо. Недалеко лежало несколько тел, и пара мужчин – медики? – склонились над ними. Флавия немного сместилась и увидела, что в пятидесяти метрах от нее на открытом пространстве на носилках лежал еще один человек, перевязанный и издающий болезненные стоны. По-видимому, ему уже оказали первую помощь и временно оставили его без присмотра, в порядке очереди оказывая помощь другим раненым и пострадавшим.

Флавия так и не смогла понять, что здесь произошло и почему вертолеты доставили сюда столько вооруженных людей, но ей было все равно. У нее была только одна цель: убить эту суку, Констанс.

Покинув прикрытие мангровых деревьев и пригнувшись, Флавия рванула по марискусу на открытую площадку. Буквально через секунду она уже склонилась над мужчиной, лежащим на носилках. Его голова и рука были перевязаны, а глаза были открыты, и он уставился на нее с тупым удивлением.

Она быстро обыскала его, и нашла то, что искала: пистолет.45 калибра в кобуре. Она достала его, вытащила магазин, убедилась, что он полностью заряжен, и снова вставила обратно.

– Что… ты… – заговорил мужчина. Его голос был пропитан болью.

– Забираю твое оружие.

Он заговорил быстро и бессвязно, потом покачал головой и попытался встать.

– Нет…

– Расслабься. Ты ничего не можешь с этим поделать.

Она заметила, что у него на ремне в чехле находилась дополнительная обойма и забрала ее.

– Нет! – повторил он громче.

– До скорой встречи.

Она отвернулась и собралась уходить, но немного замешкалась, прикидывая возможные варианты, после чего вернулась к мужчине, вытаскивая из своей поясной сумки «Зомби Киллер».

Работа заняла всего десять секунд.

Теперь она поспешила назад, под прикрытие темноты мангровых зарослей. Там она на мгновение остановилась, чтобы взглянуть на пистолет – он оказался хорошей моделью «Кольта 1911». Удовлетворившись, она убрала его за пояс и направилась на юг, намереваясь найти Констанс Грин.

* * *

На пляже Лонгстрит оказался достаточно далеко от взрыва, поэтому его всего лишь сбило с ног, в остальном он остался невредим, если не считать звона в ушах. Неподалеку от него лежали неподвижно три человека. Он бросился им на помощь, когда подоспели остальные бойцы команды «Рэд». А затем вертолет, который опрокинуло на бок, загорелся, и произошел второй взрыв – на этот раз взорвался топливный бак. Все поддались панике, полагая, что оказались под массированной атакой, и стали стрелять во все, что движется. Сам Лонгстрит считал так же буквально несколько секунд, но, когда увидел глубокий кратер, то понял, что это, должно быть, сработало заранее установленное взрывное устройство. Диоген установил бомбу на самой очевидной зоне высадки десанта на острове, и они угодили прямо в его ловушку. Это был один из сценариев, о которых его предупреждал Пендергаст. Он понял, что серьезно недооценил сопротивление, которое они встретили, и теперь мысленно казнил себя.

В гарнитуре он слышал панику и ужас среди бойцов как своей команды, так и команды «Блу». Он немедленно вызвал еще три Зодиака с Ки-Уэст с дополнительными бойцами и медиками, чтобы эвакуировать раненых. Но Ки-Уэст располагался в восьми милях к юго-западу – на скорости в тридцать узлов лодкам потребуется пятнадцать минут, чтобы добраться до пристани острова.

Лонгстриту было необходимо немедленно принять решение: отменить штурм или закончить его, со всей возможной поспешностью. Он выбрал последнее. Если они отступят сейчас, это может превратиться в недельное или даже месячное противостояние, очередной Руби-Ридж[200] или Уэйко[201]. Стало предельно ясно, что они имеют дело с опаснейшим психопатом. Операция началась ужасно, но если они не закончат начатое, все может обернуться еще хуже. Они слишком далеко зашли, чтобы сейчас отступать!

Лонгстрит произвел перекличку среди своих людей по рации. Они были напуганы и вот-вот могли потерять контроль. Он успокоил их, объяснив первоначальную неразбериху, приказал им прекратить стрельбу и произвести перестроение. Он распорядился эвакуировать раненых и приказал двум командам действовать в соответствии с первоначальным планом. Команда «Блу», все еще в полном составе, должна была окружить дом и захватить его. Он сам и оставшаяся часть команды «Рэд» отправится на север, по пути зачищая остров. Подобный прием, представляющий собой двойной захват – «захват в клещи» – и должен был завершиться у главного дома, где, как Лонгстрит надеялся, Диоген обустроил свой последний оплот. Там при необходимости они могли бы пустить слезоточивый газ, использовать светошумовые гранаты, и, если понадобится, даже поджечь дом.

Продвигаясь вдоль берега, Лонгстрит поддерживал постоянный контакт с остальной командой, прослушивая их болтовню по каналу связи. Внезапно один из его людей зашептал в комм:

– Рэд-один, здесь кто-то есть. В кустах.

– Рэд-два, ждите подкрепления. Я уже в пути.

Лонгстрит поспешил в сторону маячка GPS, по пути надевая очки ночного видения. Это было еще одно плотное, заросшее скопление платанов и пальметто. Директор быстро двигался и вскоре оказался рядом со своим человеком. Некто скрывался за плотной завесой кустов.

– Там, – указал Рэд-два, – я слышал, как кто-то двигался. Я приказал ему выйти, но ответа не последовало.

Лонгстрит прислушался. Они находились рядом с побережьем у лабиринта мангровых зарослей, которые уходили далеко в воду.

Он крикнул:

– *ФБР! Выходите сейчас!*

Ответа не последовало, но он услышал слабый всплеск, указывающий на то, что кто-то движется по мелководью. Он просмотрел густые заросли растительности сквозь прибор ночного видения, но никого не увидел.

Если это был Диоген – а Лонгстрит был уверен, что это именно он – то ему лучше быть осторожным: это псих, скорее всего, будет сражаться не на жизнь, а на смерть.

Лонгстрит подал знак рукой, чтобы Рэд-два зашел справа и тем самым попытался отрезать путь преступнику. Аналогичным жестом он показал, что сам пойдет прямо.

Починенный кивнул. Когда они осторожно вышли из-за укрытия, раздались два выстрела. Лонгстрит и Рэд-два тут же упали в грязь.

– Ты в порядке? – пробормотал Лонгстрит в комм, пригнув голову.

– В порядке, – раздался шепот в ответ.

– Двигайся по диагонали через те густые заросли. Я пойду прямо, чтобы схватить этого ублюдка.

Лонгстрит направился вперед, передвигаясь ползком на животе. Его целью было снять стрелка, и он считал, что у него есть преимущество в виде прибора ночного видения, хотя он и не мог быть уверен, что у Диогена не было таких же очков.

Во время движения он услышал еще один слабый всплеск – противник явно отступал. Со своей позиции, лежа ничком, Лонгстрит прицелился на звук и дважды выстрелил. Это заставило стрелка отступать быстрее, и Лонгстрит уловил еще несколько всплесков, которые дали ему возможность лучше прицелиться. Он снова дважды выстрелил, и ему показалось, что он услышал вскрик боли.

Вскочив, он побежал на звук, вошел в воду и быстро пересек небольшой, извилистый канал в мангровых зарослях, выстрелив раз, а затем еще – широко разбросанными выстрелами, чтобы заставить стрелка отступать и подавить ответный огонь. В мангровых зарослях оказалось очень темно, но в своем приборе ночного видения он хорошо ориентировался. Он лишь надеялся, что у стрелка не было такой же возможности. Рэд-два находился позади него чуть слева, обеспечивая прикрытие, чтобы при первой возможности снять стрелка. Он также контролировал подходы к ним, чтобы быть уверенным, что нет никаких шансов на перестрелку со своей же командой. Но основной целью Лонгстрита оставалось первым добраться до стрелка. Если это был Диоген, то он хотел убить этого человека, и сложившаяся обстановка обеспечила бы идеальное основание для этого.

Он остановился, прислушиваясь. В его очках промелькнуло некое движущееся пятно, но, увы, слишком быстро, чтобы прицелиться. Он спустил курок, снова стреляя и пробираясь по узким проходам мангровых зарослей. Напор его приближения спугнул стрелка: он

услышал громкий шум, в то время как цель передвигалась тяжело и быстро, пытаясь убежать.

Еще один выстрел пронзил мангровые заросли, обрезав ветку около его плеча, и Лонгстрит упал в воду. Казалось, что этот ублюдок не был настолько испуган, насколько директор предполагал поначалу. Следующие два выстрела, прошли выше цели, а затем еще несколько прошили растительность: цель продолжала отступать, прикрываясь огнем. Стрелок находился недалеко, и издаваемый им шум создавал прекрасную цель.

Лонгстрит приподнялся, тщательно прицелился на звук и выстрелил. Послышался короткий вскрик и звук падения – а затем наступила тишина.

Перемещаясь с максимальной скоростью, он пробрался сквозь завесу мангровых зарослей, где и наткнулся на стрелка – застыв в потрясении и недоверчиво уставившись на него. Это оказалась молодая женщина, лежащая на спине, ее грудь была залита кровью, а глаза широко открыты. На секунду он подумал, что это, должно быть, Констанс Грин, но присмотревшись, понял, что это была не та женщина, чья фотография присутствовала в материалах операции.

Более того, с внезапным шоком, он понял, кто перед ним: ее лицо было опознано по фотороботам и записям службы безопасности, которые он недавно просматривал. Флавия Грейлинг смотрела на него блестящими от ненависти глазами и, теряя силы, пыталась поднять пистолет, но он нагнулся и выхватил его из ее руки. Она извлекла другой рукой зловещего вида нож с зелёной рукоятью. Превозмогая боль, она подняла его, как будто приготовилась метнуть… а затем ее рука рухнула обратно в воду.

Напарник Лонгстрита подошел к нему со спины.

– Какого черта? *Девчонка*?

– Да,

Какого черта она делала здесь, на Халсионе, Лонгстрит не мог даже предположить. Все происходящее превратилось в абсолютный бардак и, что самое досадное, по всему выходило, что Пендергаст оказался прав.

– Она не значилась как цель номер два, ведь так?

– Нет.

– Тогда, откуда она взялась?

– Не знаю. Вытащи ее из этого дерьма, доставь к пирсу и эвакуируй на «Зодиаке».

– Но она мертва.

– Может быть. Просто вытащи ее отсюда. Мне нужно встретиться с командой «Блу» у главного дома.

Лонгстрит выбрался из мангровых зарослей и направился к пляжу.

69

Лонгстрит миновал пляж и вскоре добрался до главного дома. Он оказался среди команды «Блу» в тот момент, когда переговорщик, предполагая ситуацию с заложниками, вещал в мегафон, что это последнее предупреждение и все находящиеся в доме должны выйти на улицу. Они готовились проникнуть внутрь, и любое сопротивление будет встречено подавляющей огневой мощью.

– Там есть кто-нибудь? – спросил Лонгстрит, подходя к командиру «Блу».

– Мы не знаем. Никаких выстрелов, никаких передвижений, никаких звуков. Скорее всего, дом пуст.

Лонгстрит кивнул. Диогена там не было, он знал это с того самого момента, когда впервые увидел дом – просторное деревянное здание, которое вспыхнет за пять минут, и которое не могло обеспечить даже минимальное укрытие: девятимиллиметровые патроны смогут прошить его стены насквозь.

– Обстреляйте его светошумовыми гранатами и заходите.

– Да, сэр.

– Я отправлюсь дальше – у меня есть спецзадание.

Лонгстрит ушел. Диоген и женщина находились где-то в другом месте. Атака на дом послужи прекрасным отвлекающим маневром.

Когда Лонгстрит находился уже на достаточном расстоянии, он услышал, как командир по мегафону объявил, что последняя возможность выйти истекла. Через мгновение раздался звук бьющегося стекла и прозвучали приглушенные взрывы светошумовых гранат.

* * *

Незаметно перемещаясь по мангровым зарослям вдали от основных событий, Пендергаст поддерживал Констанс, заставляя Диогена под дулом пистолета идти впереди них. Его брат шел медленно, словно в тумане. Они продолжали скрываться, оставаясь под полным прикрытием леса. Прямо по курсу сквозь деревья Пендергаст увидел второй пожар. Это был, как он понял, коттедж сторожа. Через мгновение они вышли на поляну, окружавшую дом. Он действительно был охвачен

огнем, зачищен и взят. Пухлая копия «Улисса» теперь валялась на песке среди множества следов. Команда спецназа двинулась дальше, оставив область пустой.

– Не останавливайся, – приказал Пендергаст, указывая на тропу, ведущую от коттеджа к пляжу.

– Куда мы идем? – спросил Диоген.

Пендергаст не ответил. Они двинулись по тропе и через несколько минут вышли на окраину пляжа. Пендергаст остановился, чтобы произвести разведку: пляж оказался пуст. «Зодиак» ФБР был пришвартован к пирсу, напротив главного дома. Он видел, как двое мужчин загружали в лодку носилки с ранеными. Вскоре мотор лодки завелся, она отошла от причала и взяла курс на юго-запад. Оставшаяся на острове активность теперь, казалось, была сосредоточена только вокруг главного дома.

Они пошли дальше, продолжая держаться в самой глубокой тени деревьев, нависающих над краем песка. Преодолев около двух третей длинного пляжа, Пендергаст остановился. Недалеко от берега лежал ряд мелких мангровых островков, усеивающих мелководье.

– Алоизий.

К удивлению Пендергаста, от края темноты отделилась фигура мужчины. *Лонгстрит*. И в его руке был пистолет.

– После нашего последнего разговора я должен был догадаться, что ты доберешься сюда своими собственными силами, – сказал Лонгстрит.

Пендергаст промолчал.

– Я не знаю, что именно ты задумал, – продолжал Лонгстрит, – но я чувствовал бы себя намного лучше, если бы ты бросил свой «Лес Баер» в песок.

Пендергаст уронил пистолет.

– Возможно, ты позабыл свою честь и клятву, но я нет, – Лонгстрит шагнул вперед и навел свое оружие на Диогена. – Момент настал, – сказал он, – приготовься умереть, ублюдок.

Повисло долгое молчание, которое, казалось, расстроило Лонгстрита, и он взглянул на Пендергаста.

– Он убил Декера.

Ответа снова не последовало.

– Я убью его, мы придумаем достоверное объяснение и сделаем так, чтобы наши версии совпадали, и никто ничего не узнает.

– Нет! – крикнула Констанс. Лонгстрит проигнорировал ее, и его палец надавил на курок. – *Нет*! – снова закричала Констанс и внезапно бросилась к Диогену, оттолкнув его в сторону. В это время пистолет выстрелил, но пуля прошла мимо. Она закрыла собой Диогена.

– Черт побери, убери ее с моей дороги, – приказал Лонгстрит Пендергасту.

Пендергаст взглянул на него:

– Мой ответ тоже… нет.

– О чем, черт возьми, ты говоришь?

– Ты не убьешь его.

– Мы поклялись! Он *убил Декера*. Ты сам сказал, что убить его – единственный выход!

– Он мой брат.

Лонгстрит уставился на него, потеряв дар речи.

– Прости, – сказал Пендергаст. – Он моя… семья.

– *Семья*?

– По-видимому, ты должен быть Пендергастом, чтобы понять. Я виноват в ужасных преступлениях против моего брата. Из-за меня он стал тем, кто он есть. Теперь я понимаю, что, если я убью его, то не смогу жить в мире с самим собой – в прямом смысле этого слова. У меня не останется другого выбора, кроме как покончить с собой.

Лонгстрит недоверчиво переводил взгляд с одного брата на другого.

– Сукин сын, это уже не лезет ни в какие ворота.

– Говард, пожалуйста. Не убивай моего брата. Он исчезнет, и ты больше никогда о нем не услышишь. Даю тебе свое слово.

И тут Диоген рассмеялся – саркастически и нелепо.

– Ради всего святого не слушайте его. Убейте меня! Я *хочу* умереть. Ох, будь мужчиной, *frater*, и скажи своему приятелю, чтобы он нажал спусковой курок!

Приглушенное рыдание сорвалось с его губ, в то время как он продолжал смеяться.

– Он серийный убийца, – настаивал Лонгстрит. – И ты ждешь, что я просто отпущу его?

– Кукареку! – внезапно закричал Диоген, брызгая на Лонгстрита слюной, как истинный безумец. – Кукареку!

– Поверь мне, сохранив Диогену жизнь, ты тем самым причинишь ему гораздо больше боли, чем все вместе взятое, на что способна наша система уголовного правосудия, – Пендергаст прервался. – И он не будет больше убивать – сейчас я в этом уверен. Но это твое решение. Я вверяю его жизнь – как и мою – в твои руки. Констанс, пожалуйста, отойди.

Констанс застыла в нерешительности, но затем подчинилась.

Прошла невыносимо напряженная минута, и затем Лонгстрит медленно опустил пистолет.

– Не могу поверить, что я делаю это, – сказал он. Он уставился на Диогена с открытой ненавистью во взгляде и сплюнул в песок. – Если я когда-нибудь увижу тебя снова, ублюдок, ты мертвец.

Пендергаст быстро пришел в движение, снял наручники с Диогена, который внезапно замолчал, неотрывно глядя на брата.

– Отправляйся к той группе островов, – быстро заговорил Пендергаст. – На самом удаленном, в манграх ты найдешь байдарку, – он протянул ему рюкзак «Оспрей». – Здесь еда, вода, деньги и морская карта побережья. Направляйся к Джонстон-Ки. Затаись на время. Когда все утихнет, возвращайся к цивилизации. Я не сомневаюсь, что ты сможешь придумать хорошую легенду и новую личность. И я также надеюсь, что и новые виды на будущее. Потому что Диоген Пендергаст умер здесь – во время взрыва. Метафорически *и* буквально.

Немного поколебавшись, ошеломленный Диоген взял рюкзак и забросил его на спину. Он развернулся и зашагал прочь, сильно ссутулившись, двигаясь медленно, словно под гораздо большей тяжестью, чем мог давить на его плечи рюкзак. Он уже стал переходить вброд темные воды, но тут вдруг повернулся. Его размытый силуэт пошатывался в туманном сумраке, как бестелесный призрак.

– Умер, ты говоришь? *Frater*, ты совершенно прав. *Я стану смертью*[202].

И затем он развернулся и исчез в ночи.

* * *

После долгого затишья Лонгстрит повернулся к Пендергасту.

– Это было большое одолжение. *Слишком* большое. Ты заставил меня предать не только мою клятву, но и мою присягу как федерального

офицера, – он осмотрелся. – Я думаю, что здесь мы закончили. И мы с тобой, брат, тоже закончили.

Пендергаст молчал, а Лонгстрит продолжил:

– А что насчет нее?

Пендергаст заговорил со нажимом в голосе:

– Ты имеешь в виду жертву похищения? Слава Богу, нам удалось ее спасти. Констанс, агент Лонгстрит позаботится о тебе и доставит в больницу. Разумеется, будет допрос, на котором ты расскажешь ФБР о своем *похищении*.

– Я понимаю, но… Алоизий, что будешь делать ты? – спросила Констанс, не сводя глаз с Пендергаста.

– Я отправлюсь домой. И буду ждать тебя там.

Пока они переговаривались, еще два «Зодиака» причалили к пирсу, а затем к ним присоединился и третий: прибыло подкрепление. Огонь сейчас взлетал выше деревьев – главный дом был охвачен пламенем.

Бойцы выбрались из «Зодиаков» и поспешили по пирсу: основная группа направилась к горящему дому, а несколько человек отделились побежали вдоль пляжа к Лонгстриту, Пендергасту и Констанс. Лонгстрит быстро вставил в ухо гарнитуру и включил ее.

– Все в порядке? – крикнул один из них.

– Да, – ответил директор, – мы спасли жертву похищения. Констанс Грин. Она ранена: эвакуируйте ее на «Зодиаке» и немедленно доставьте в Медицинский центр Лоуэр-Киз. Приставьте двух агентов для ее охраны.

– А цель? Что о нем известно?

Лонгстрит сжал челюсти и замешкался – всего лишь на секунду.

– Он покончил с собой, – бросил он резко. – При нашем приближении он разнес себя к чертовой матери, устроив большой взрыв. Я сомневаюсь, что мы найдем что-то больше ногтя. Джентльмены, операция завершена.

Эпилог

Миссис Траск быстро прошла по мраморному полу большого приемного зала особняка на Риверсайд-Драйв, держа в руке метелку для пыли. Это был один из тех обманчиво теплых последних ноябрьских дней, которые, казалось, обещали, что скоро неминуемо наступит весна, а не зима. Солнечный свет просачивался сквозь антикварные световые люки,

вызолачивая медные крепления шкафов из красного дерева и освещая экспонаты, находящиеся внутри. Миссис Траск давно обнаружила, что многие из этих экспонатов были странными, даже тревожащими, поэтому научилась убирать пыль из шкафа, не изучая их содержимое.

Комната выглядела далеко не так, как она ее застала, когда с радостным сердцем впервые вернулась из Олбани, несмотря на свою глубокую скорбь по поводу смерти мистера Пендергаста: загадочный недуг ее сестры, который поначалу только усиливался, отступил настолько внезапно, что врачи назвали это настоящим чудом. Каково же было ее удивление, когда возвращение домой на Риверсайд, 891 повлекло за собой обнаружение не только опустевшего дома, но и желтой ленты в этой самой комнате, огораживающей место преступления! Быстрый звонок другу мистера Пендергаста лейтенанту д’Агосте, по крайней мере, это исправил: лейтенант пришел на следующее утро и лично проследил за снятием этой ужасной ленты. Он также сообщил ей удивительные и замечательные новости о том, что мистер Пендергаст жив, а в настоящее время он просто – по своему обыкновению – проводил расследование одно из важных дел. Без сомнения, он появится в свое время – скорее рано, чем поздно.

Лейтенант, однако, так и не ответил на некоторые ее вопросы. Где Проктор? И где Констанс? Миссис Траск так и не смогла понять, действительно ли д’Агоста ничего не знал или просто скрывал от нее правду.

Незадолго до того, как она уехала в Олбани, миссис Траск слышала, что Констанс объявила о своем намерении удалиться в жилище, находящееся в подвале... место, в котором она сама никогда не бывала. Но казалось, что в ее отсутствие эти планы изменились. Из комнаты Констанс исчезли чемоданы. Проктор тоже отсутствовал, и казалось, что он уходил в большой спешке: его комната пребывала в беспорядке – нечто необычное для человека, настолько помешанного на аккуратности.

Без сомнения, теперь, когда мистер Пендергаст вернулся, он справится со всем этим. Происходящее было не ее делом – много лет назад агент четко дал понять, что она не должна беспокоиться обо всех бесконечных и странных приездах и отъездах, которые случаются в этом доме.

Миссис Траск прошла из прихожей в библиотеку. Здесь не было веселого ноябрьского солнечного света: как обычно, ставни и шторы были закрыты: большое пространство освещалось только одной лампой Тиффани. Миссис Траск стала суетиться, вытирая пыль и наводя порядок, но фактически комната уже была безупречной – она убирала ее каждый день с тех пор, как вернулась, и эта работа сейчас проделывалась больше по привычке, чем из необходимости.

Разумеется, она привыкла к частому отсутствию мистера Пендергаста, но Констанс и Проктор исчезали крайне редко. Отсутствие всех трех казалось для нее странным. Особняк словно прибавил в размерах, он буквально давил на нее своим одиночеством и всепоглощающей пустотой, из-за которой миссис Траск чувствовала себя довольно неуютно. Каждую ночь, отправляясь спать, она закрывала не только дверь в свои комнаты, но и дверь, ведущую в помещения для слуг.

Она подумывала о том, чтобы позвонить, но поняла, что не знает ни номера мобильного телефона мистера Пендергаста, ни Проктора. У Констанс, конечно же, не было телефона – он ей был не нужен. Действительно, как только они вернутся, ей нужно будет сделать все возможное, чтобы...

В этот момент в парадную дверь тихо постучали.

Миссис Траск замерла. Посетители на Риверсайд 891 являлись редким – почти неслыханным явлением. За исключением недавнего появления лейтенанта д'Агосты, которого она сама просила прийти, домработница могла припомнить только два подобных стука в дверь за последний год. За первым из них последовали весьма тревожные события, а второй спровоцировал неожиданное путешествие мистера Пендергаста и Констанс в Эксмут, которое до недавнего времени, по ее мнению, закончилось трагедией.

Домработница оставалась стоять на месте.

Через несколько секунд стук повторился: настолько громкий, что, казалось, был слышен на весь дом.

Это не мое дело, – сказала она себе, – *и открывать двери не входит в мои обязанности.*

Тем не менее, что-то подсказывало ей, что в отсутствие кого-либо еще мистер Пендергаст хотел бы, чтобы она это сделала. В конце концов, сейчас стояло яркое солнечное утро... какова была вероятность того, что за дверью окажется разбойник или другой недоброжелатель?

Покинув библиотеку, миссис Траск снова пересекла приемный зал, прошла через длинную узкую столовую и вошла в прихожую. Массивная парадная дверь оказалась прямо перед ней, внешне напоминая зловещий портал: монолитная и без дверного глазка.

Пока миссис Траск стояла в замешательстве, раздался третий стук, от которого она едва не подпрыгнула.

Это было глупо.

Глубоко вздохнув, она отодвинула задвижку, отперла дверь и – с некоторым усилием – открыла ее. А затем она едва успела задушить крик.

Перед ней стоял мужчина, который, казалось, находился на последних стадиях истощения. Его рубашка была вся в пятнах и разорвана на лоскуты, внутренняя поверхность воротника была почти черной, полумесяцы высохшего пота темнели под мышками. Несмотря на ноябрь, на нем не было пиджака. Его брюки были, пожалуй, еще больше порваны, чем рубашка. Низ брюк на одной ноге напрочь отсутствовал, чем выставлял напоказ голую и невероятно грязную ногу. Другая брючина на голени была разрезана или, что, скорее всего, разорвана. Вся одежда с одной стороны тела – на плече и ноге – была сильно покрыта запекшейся кровью. Но больше всего миссис Траск взволновало изможденное и пустое лицо мужчины. Его волосы прилипли к его голове, как тюбетейка. Земля, грязь, кровь и пыль покрывали его тело настолько плотно, что ей было трудно распознать цвет его кожи. Его борода представляла собой запутанное крысиное гнездо и заканчивалась несколькими торчащими клоками. А его глаза напоминали два глубоко посаженных тлеющих уголька – настолько впалые, что попросту терялись в пурпурно-черных впадинах его глазниц.

Она уже схватилась за дверь и собиралась закрыть ее, когда поняла, что призрак, стоящим перед ней, был Проктором.

– Мистер Проктор! Боже мой! – воскликнула она, широко распахивая дверь. – Что с вами случилось?

Он сделал один нетвердый шаг, затем другой, и, в конце концом, рухнул на колени.

Тут же миссис Траск тоже присела рядом с ним, помогая ему снова подняться на ноги. Суда по всему, он исчерпал все свои силы.

– Что случилось? – повторила она, ведя его через столовую. – Где вы были?

– Это долгая история, – его голос звучал тихо, едва громче шепота. – Не могли бы вы помочь мне добраться до моей комнаты? Мне нужно прилечь.

– Конечно. Я принесу вам немного бульона.

– Констанс… – пробормотал он.

– Ее здесь нет. Я не знаю, куда она ушла, но думаю, что лейтенант д'Агоста сможет помочь это выяснить. Вы должны спросить его.

– Я спрошу.

– Но у меня есть замечательные новости. Или может быть, вы уже знаете? Мистер Пендергаст жив. В конце концов, он не утонул. Насколько я поняла, примерно неделю назад он ненадолго вернулся сюда, а затем снова ушел.

На несколько мгновений его потухший взгляд засветился.

– Хорошо. Это хорошо. Завтра я позвоню лейтенанту д'Агосте.

Они уже находились на середине приемного зала, когда Проктор внезапно остановился.

– Миссис, Траск?

– Да?

– Я думаю, что отдохну прямо здесь, если вы не против.

– Но позвольте мне хотя бы довести вас до дивана в библиотеке, где вам будет…

Но она даже не успела договорить, потому что Проктор ослабил хватку и медленно соскользнул на холодный мраморный пол, тут же погрузившись в глубокий обморок.

Одна неделя спустя.

3 декабря

Пендергаст отложил толстый фолиант, который читал – блестящий Дуглас Хофштадтер[203] и его местами заумные *«Гёдель, Эшер, Бах»* – и взглянул на Констанс Грин. Она сидела напротив него с вытянутыми ногами и со скрещенными лодыжками, лежащими на кожаной скамеечке для ног, попивая чай «Меланж Эдиар»[204] с молоком и сахаром, и смотрела на огонь в камине.

– Ты знаешь, что я только что понял, Констанс? – спросил он.

Она оглянула на него и приподняла брови в немом вопросе.

– В последний раз, когда мы вместе сидели в этой комнате, нас посетил Персиваль Лейк.

– Ты прав. И это, как говорится целая история, – и она вернулась к чаепитию и созерцанию огня.

Миссис Траск и Проктор тихо прошли через дверь библиотеки. Экономка уже давно оправилась от потрясения и была просто рада, что вся семья снова в сборе. Проктор тоже был похож на старую стоическую

версию самого себя, и единственным оставшимся признаком, указывающим на перенесенные им испытания, стала небольшая хромота – как он объяснил, результат укуса льва и затяжного перехода почти в двести миль[205] по нехоженой пустыне.

– Простите, сэр, – обратилась миссис Траск к Пендергасту, – но я просто хотела узнать, можем ли мы что-нибудь сделать для вас, прежде чем отправимся ужинать.

– Ничего, спасибо, – сказал Пендергаст. – Если только *ты* чего-нибудь желаешь, Констанс?

– Нет, мне ничего не надо, спасибо, – последовал ответ.

Миссис Траск улыбнулась, слегка поклонилась и направилась к выходу. Проктор, как всегда, молчаливый, просто кивнул и тоже отправился на кухню вслед за ней. Пендергаст взял книгу и сделал вид, что возобновил чтение, тайком продолжая наблюдать за Констанс.

Она провела последнюю неделю в частной клинике Флориды, восстанавливаясь от ранений, которые получила в схватке с Флавией, и сегодня была ее первая ночь в особняке на Риверсайд-Драйв. На протяжении недели они говорили довольно много. И хотя каждый из них подробно рассказал свою историю о том, как они провели последний месяц, и все затянувшиеся недопонимания были сейчас полностью разъяснены, похоже, Констанс так и не пришла в себя до конца. По правде говоря, она не была похожа на саму себя, насколько мог судить Пендергаст: с тех самых пор как покинула Халсион, она вела себя не так, как обычно. Весь вечер она казалась обеспокоенной и задумчивой: то начинала играть пьесу на клавесине и бросала в самый разгар пассажа, то она брала книгу стихов и читала ее, но за полчаса, так и не переворачивала ни одной страницы.

Наконец, он опустил книгу и обратился к ней:

– Что тебя беспокоит, Констанс?

Она взглянула на него.

– Меня ничто не беспокоит. Я в порядке.

– Подойди. Я знаю, когда ты не в духе. Это из-за того, что я что-то сказал или сделал – или *не* сделал?

Она покачала головой.

– Мне нет прощения за то, что я оставила тебя беззащитного там, в Эксмуте.

– Ты ничем не могла помочь. Ты сама почти утонула. К тому же, как ты знаешь, мне удалось – как бы это сказать? – развлечься в твое отсутствие.

Пендергаст вздрогнул от воспоминаний. Через минуту Констанс устроилась в кресле.

– Дело в Диогене.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не могу перестать думать о нем. Где он сейчас? В каком он настроении? Будет ли он искать добро в этой жизни или окажется рецидивистом?

– Я боюсь, что это покажет только время. Надеюсь, ради нашего же блага, речь пойдет о первом варианте – я дал Говарду Лонгстриту на этот счет свое слово.

Констанс подняла чашку чая, а затем снова поставила ее, так и не притронувшись.

– Я ненавидела его. Он был мне отвратителен. И все же я чувствую, что *то*, что я сделала с ним, было слишком жестоким – даже для такого, как он. Даже… учитывая то, что он сделал мне. И тебе.

Пендергаст придумал несколько возможных ответов, но решил, что ни один из них не будет приемлемым.

– Ты сделал его таким, каким он стал, – продолжила она тихим голосом, и ее глаза при этом ярко заблестели. – Он рассказал мне о Событии.

– Так и есть, – согласился Пендергаст. – Это была глупая детская ошибка, и я сожалею о ней каждый день. Если бы я знал, чем это кончится, то никогда бы не загнал его в то ужасное устройство.

– И все же это не то, что меня беспокоит. Меня беспокоит, что несмотря ни на что, он *пытался* выбраться из мрака, в котором провел столько лет. Он создал Халсион. Это был его способ уединиться, отгородиться от всего мира, его безопасное убежище. Кроме того, я думаю, он построил его, чтобы обезопасить весь мир от *него самого*. Но затем он совершил ошибку – влюбился в меня. А я… меня поглотила жажда мести.

Внезапно она пристально посмотрела прямо в глаза Пендергаста.

– Понимаешь, мы две стороны одной и той же монеты, ты и я. Ты – по крайней мере, частично – превратил Диогена в монстра, которым он был. Я же теперь уничтожила хорошего человека, которым он с таким трудом пытался стать.

– Ты действительно веришь, что он говорил тебе правду? – мягко спросил Пендергаст. – Что он любил тебя? Что он оставил позади израненную и порочную часть своей души?

Констанс глубоко вздохнула.

– Он *действительно* оставил порочную часть своей души позади – настолько, насколько смог. Я не думаю, что он когда-нибудь сможет освободиться от нее – по крайней мере, полностью. И да: он любил меня. Он исцелил меня, он спас мне жизнь. Он поступил бы так же, даже если б я не согласилась остаться с ним на Халсионе. В те дни, что мы провели вместе… он не говорил бы такие слова, не делал бы подобных вещей, если б он не любил меня очень сильно.

– Я понимаю. – Пендергаст замялся. – И, прости мою грубость, но, что именно… хм… ты с ним *сделала*?

Констанс все также осталась сидеть в кресле. Несколько мгновений она не отвечала, но когда, наконец, заговорила, то ее голос прозвучал очень тихо:

– Алоизий, надеюсь, ты поймешь, если я попрошу тебя дать мне торжественное обещание никогда, *никогда больше* об этом не спрашивать.

– Конечно. Прошу простить мою бестактность. Последнее, что я хочу сделать, это вмешиваться в твои дела или каким-то образом огорчать тебя.

– Тогда все забыто.

За исключением того, что фактически это было не правдой. Во всяком случае, Констанс теперь выглядела более обеспокоенной и более возбужденной. Она вернулась к созерцанию огня, и разговор прервался. Только через несколько минут, она снова взглянула на Пендергаста.

– Есть кое-что, о чем Диоген сказал мне незадолго до твоего появления.

– Что именно?

– Он заметил, что мой сын – наш сын, его и мой – нуждается в большем, чем быть предметом почитания и девятнадцатым перевоплощением Ринпоче в отдаленном и тайном монастыре. Он всего лишь ребенок, и ребенок нуждается в родителях, а не в служителях, поклоняющихся ему.

– Ты уже навещала его, – заметил Пендергаст.

– Да. И ты знаешь, что? Монахи даже не сказали мне его религиозное имя. Они сказали, что это секрет, который должен быть известен только

посвященным и никогда не упоминаться вслух, – она покачала головой. – Он мой сын, я люблю его… и я даже не знаю этого его имени.

Сейчас она часто и глубоко дышала.

– Я приняла решение остаться с ним.

– Еще один визит?

– Нет. Я буду *жить* с ним. В монастыре.

Пендергаст отложил книгу.

– Ты имеешь в виду, что покинешь Риверсайд-Драйв?

– Почему бы и нет?

– Потому что… – Пендергаст растерялся, – потому что мы…

Констанс резко поднялась.

– Что значит это «*мы*», Алоизий?

– Ты мне очень дорога.

– А я… *я люблю тебя*. Но в тот вечер в гостинице «Капитан Халл» ты ясно дал понять, что не отвечаешь мне взаимностью.

Пендергаст тоже начал вставать, но затем снова откинулся на спинку кресла. Он медленно провел рукой по лбу, и почувствовал, что его пальцы дрожат.

– Я… я тоже люблю тебя, Констанс. Но ты должна понять – я не могу позволить себе любить тебя в подобном смысле этого слова.

– Почему нет?

– Пожалуйста, Констанс…

– *Почему нет*, ответь ради Бога?

– Потому что это было бы неправильно… неправильно во всех смыслах. Констанс, поверь мне: я мужчина, я чувствую то же, что и ты. Но я твой опекун. Это было бы неправильно…

– Неправильно? – она рассмеялась. – С каких это пор ты заботишься о приличиях?

– Я ничего не могу поделать с тем, как меня воспитали, и с системой ценностей и нравов, которую прививали мне всю мою жизнь. И есть еще разница в возрасте…

– Ты имеешь в виду нашу разницу в возрасте в *сто лет*?

– Нет. Нет. Ты – молодая женщина, а я…

– Я *не* молодая женщина. Я женщина, которая уже прожила намного дольше, чем ты когда-либо проживешь. И я пыталась подавить эти потребности, эти желания, которые чувствует каждый человек, но у меня ничего не получилось, – теперь ее голос снова стал спокойным, почти умоляющим. – Разве ты не понимаешь этого, Алоизий?

– Понимаю. Но… – Пендергаст совершенно растерялся и неспособен был выразить свои мысли. – Я не очень хорош в отношениях и боюсь, что если мы… позволим себе то, что ты предлагаешь… что-то может пойти не так. И я больше не буду тем человеком, к которому ты обратишься и которого будешь уважать, как своего опекуна и своего защитника…

Затем последовало долгое молчание.

– Значит, все решено, – спокойно сказала Констанс. – Я не могу здесь больше оставаться. Зная то, что знаю я, сказав друг другу все то, что мы только что сказали, продолжать жить под этой крышей, было бы для меня невыносимо, – она глубоко вздохнула. – До Дели есть рейс «Air France», вылетающий в полночь. Я проверяла сегодня днем. Если ты будешь так добр и дашь соответствующие распоряжения, я хотела бы просить, чтобы Проктор отвез меня в аэропорт JFK[206].

Пендергаст был потрясен.

– Констанс, подожди. Это так неожиданно…

Она быстро перебила его, ее голос задрожал.

– Пожалуйста, просто дай распоряжения. Я только соберу свои вещи.

* * *

Час спустя они стояли под козырьком парадного входа, ожидая, пока Проктор подаст машину. На Констанс было надето пальто из шерсти викуньи[207], а ее сумка Hermès Birkin[208] – подарок Пендергаста – висела на плече. Фары осветили фасад здания, и через минуту появился большой «Роллс». Проктор – его лицо представляло собой угрюмую маску – выбрался из машины и погрузил вещи Констанс в багажник, а затем открыл для нее заднюю дверь.

Она повернулась.

– Я так много всего хочу тебе сказать. Но я не буду. До свидания, Алоизий.

У Пендергаста тоже было множество мыслей, которые он хотел бы ей высказать, но в тот момент он просто не нашел слов. Он каким-то образом чувствовал, что его покидает часть его самого – и все же,

казалось, что он был бессилен что-либо изменить. Казалось, он сам завел двигатель, который, как только стартовал, больше не мог остановиться.

– Констанс, – обратился он, – разве я ничего не могу сказать или сделать?

– Можешь ли ты любить меня так, как я того желаю? Нуждаться во мне так же, как я нуждаюсь в тебе?

Он промолчал.

– Тогда ты сам ответил на свой же вопрос.

– Констанс… – снова начал Пендергаст. Она приложила палец к его губам, и тут же поцеловала его, после чего, не сказав больше ни слова села в «Роллс».

Проктор закрыл пассажирскую дверь и вернулся за руль. Через мгновение машина плавно тронулась в путь. Пендергаст следовал за ней до конца Риверсайд-Драйв. Он наблюдал за тем, как автомобиль слился с потоком машин, направляющихся на север, и за тем, как свет его габаритов постепенно стал неразличим среди множества других огней.

И пока он смотрел – тихая тень, одетая в черное – начал падать легкий снег, очень быстро покрывший его светлые волосы. Пендергаст стоял так еще очень долго, а тем временем снегопад усилился, и его силуэт стал медленно растворяться в дымке белой зимней ночи.

От переводчиков

Предыдущие наши послесловия мы оформляли в виде интервью, но на этот раз, пожалуй, выскажемся за двоих и будем, по большей части, писать просто «мы».

В послесловиях к предыдущим двум книгам мы рассказывали о нашей совместной работе, делились тонкостями и техническими моментами, но довольно мало затрагивали сюжет книги, считая это то ли некорректным, то ли ненужным. Однако на этот раз наши внутренние «читатели» не хотят молчать и скрывать разочарование, которое принес им «Обсидиановый храм».

Эта книга поделилась с нами гораздо меньшим – если не сказать, *значительно меньшим* – количеством захватывающих интриг и мистических головоломок. А воскрешение Диогена и вовсе привело нас как переводчиков в нешуточное замешательство. На каком-то этапе работы у нас даже возникала мысль, что мы скачали из сети какой-то битый неправильный исходный файл и переводим чей-то неудачный

фанфик на «Пендергаста». Тщательная проверка, увы, показала, что ошибки нет, и файл совершенно правильный.

Мы не теряли надежду: нам казалось, что, если уж середина романа значительно проигрывает всем предыдущим романами серии, то авторы порадуют нас взрывоопасной концовкой, поэтому мы продолжали переводить. Здесь стоит заметить, что работа над книгой при этом продвигалась в условиях спешки – хотелось успеть выпустить ее к Новому году, а времени катастрофически не хватало. В итоге основная масса перевода легла на Елену, и именно ей пришлось в дальнейшем работать с многочисленными «ляпами» книги, приведшими ее почти в настоящее неистовство.

Недоумение вызывали и линии поведения некоторых героев – вопреки обыкновенной канве Престона и Чайлда они действовали временами необоснованно, непонятно и совершенно нелогично, к чему искушенный и избалованный читатель П&Ч попросту не привык.

Учитывая, что основной упор в книге был сделан на любовную линию, нам хотелось понять человеческие мотивы всех героев, однако многие из них так и остались для нас загадкой, как бы мы ни бились над точностью перевода.

А ведь если бы мы переводили точно по тексту, то господам читателям пришлось бы столкнуться с ОГРОМНЫМ. КОЛИЧЕСТВОМ. АВТОРСКИХ. ЛЯПОВ.

До этого мы относились к ошибкам в тексте с некоторой долей понимания – в конце концов, все не без греха и некоторые опечатки можем просто не заметить. Но мы-то сами себе редакторы, а у Престона и Чайлда для этого, вроде как, специально обученные люди водятся. Однако мимо их глаз прошло несметное количество ошибок, которые исправлять пришлось нам, чтобы хотя бы русские читатели ознакомились с лаконичной книгой, а сюжетные путаницы не резали им глаза. Местами доходило до того, что авторы путали имена персонажей. Проктор неожиданно становился Диогеном, а Флавия внезапно возникала посреди главы о Констанс…

О, нет, мы не станем приводить вам весь внушительный список авторских ошибок – пусть он останется на совести американских редакторов и умрет нашей тайной. Но несколько штук ради примера мы все же приведем, дабы читатели могли осознать и разделить с нами масштабы катастрофы и немного понять наше переводческое негодование.

Глаза Диогена на протяжении книги побывали почти всех возможных цветов: от бесцветного молочно-белого до зеленого и сизого. И если белый еще можно хоть как-то притянуть к бледно-голубому – цвету

поврежденного глаза – то зеленый ну никак не мог стать карим или ореховым, как говорилось о нем в предыдущих книгах.

Коттедж слуг полкниги располагался в роще платанов, а к концу оказался в мангровых зарослях (видимо переехал, решил, так сказать, сменить обстановку).

У Пендергаста его знаменитый «Лес Баер» на один абзац стал «Кольтом», а доктор Грабен, убитый Диогеном, всего за пару предложений превратился из молодого перспективного врача в старика.

«Роллс-ройс» проданный в эпилоге «Голубого лабиринта» в «Храме» неожиданно возвращается, и Проктор рассекает на нем по всему Нью-Йорку, пытаясь догнать Диогена. Правда, с «Роллсом» мы эту историю знали еще когда редактировали «Голубой Лабиринт», поэтому заранее подготовили там почву, чтобы этого ляпа не было заметно в «Багровом Береге» и в «Обсидиановом Храме». Но, согласитесь, мы не сможем постоянно следить за такими ошибками – особенно учитывая то, что не каждый раз книги будут попадать к нам пачками по три. Следующий роман будем переводить таким, каким он к нам попадет, и если что, в следующих книгах придется прибегать к сочинительству…

Все это и многое другое было нами исправлено по умолчанию.

Основным ляпом – по крайней мере, самым наглядным для нас – стал «плавающий» факт, который протянулся через три книги. Авторы так и не смогли определиться: умеет Констанс плавать или нет. Читатели «Голубого лабиринта» наверняка помнят сцену в одной из финальных глав, где Констанс, стремясь уйти от наемников Барбо, ныряет в пруд Японского сада. В оригинале она там проплывает под его поверхностью, но, учитывая будущие нестыковки, мы сгладили этот момент до того, что она прошла по дну. Но авторы, видимо, тогда предполагали, что плавать она умеет.

В «Багровом береге» же Пендергаст в ответ на просьбу Констанс взять ее на обследование болот огорчается, что она не справиться, так как «не умеет плавать». Там же, в главе о драке агента ФБР с Мораксом, Констанс едва не захлебнулась в волне, накатившей на пляж. То есть она оказалась не способна справиться с водой, находясь практически на берегу! В ключевой сцене 15-й книги, сцене гибели Пендергаста, она не смогла даже зайти в воду, чтобы попытаться спасти его. Но в «Храме» она снова прекрасно плавает: находясь на острове Диогена, Констанс купается в морской бухте, и чувствует себя в воде вполне уверено. «Научилась после событий в Эксмуте», – скажете вы. Хм, сильно сомневаемся – с ее-то скорбью ей было явно не до этого! Да и где бы она этому научилась? Она ведь не выходила толком из особняка на Риверсайд-Драйв!

В общем, в конце концов, мы взяли на себя ответственность и немного подкорректировали сей факт во всех трех книгах. В конце Констанс все-таки научилась плавать, хоть и после случившейся трагедии. Надеюсь, вы простите нам эту небольшую вольность, но зато сюжет в целом стал выглядеть намного приятнее и логичнее. Главное, чтобы в последующих книгах, она снова не забыла, как держаться на воде.

Кого винить в подобной накладке – нам неизвестно! Возможно, авторы настолько увлеклись, что забыли, о чем писали в предыдущих книгах. Или решили специально добавить драматичности «Багровому берегу» и лишили Констанс умения плавать, а редакторы, не читавшие предыдущие книги серии, не смогли это исправить. Так что мы решили упомянуть сей факт в послесловии и вынести принятое нами решение на суд и усмотрение читателей.

Так или иначе, думаем, теперь вы понимаете, почему работа над этой книгой у нас так затянулась.

В заключении хотим выразить свое субъективное читательское мнение и заявить, что «Обсидиановый храм» – самая слабая книга цикла «Пендергаст». Что случилось с авторами и почему они написали такое продолжение ранее столь потрясающей и яркой серии? Увы на этот вопрос, мы так и не нашли ответа.

17-я книга серии «Город бесконечной ночи» – которая, к слову сказать, выйдет уже в январе 2018 года – должна оказаться просто фантастической, чтобы компенсировать нелепость и посредственность «Обсидианового храма». Благо ее аннотация именно это нам и обещает! Переведем и посмотрим.

До новых встреч! Искренне ваши Елена Беликова и Натали Московских

1

50° по Фаренгейту – примерно 10 °C.

2

Тиопентал натрия – средство для негналяционного наркоза ультракороткого действия. Замедляет время закрытия ГАМК-зависимых каналов на постсинаптической мембране нейронов головного мозга, удлиняет время входа ионов хлора внутрь нейрона и вызывает гиперполяризацию его мембраны.

3

«Глок-22» – самозарядный пистолет фирмы «Glock» под.40 калибр. Принят на вооружение ФБР США для специальных агентов.

4

Барберри (англ. Burberry) – британская компания, производитель одежды, аксессуаров и парфюмерии класса люкс. Основана в 1856 году Томасом Барберри, когда он открыл небольшой магазин мануфактуры в Хэмпшире. Фирменным отличием Burberry, часто применяемым в продукции компании, стала «клетка», в которой применяются красный, черный, белый и песочный цвета. Отчасти благодаря этому «клетка» «Барберри» стала одним из символов Британии.

5

OSUT (англ. One Station Unit Training, Групповая тренировка на единой базе) – является термином, используемым армией Соединенных Штатов для обозначения учебной программы, в которой новобранцы остаются с тем же подразделением как для базовой боевой подготовки (BCT), так и для продвинутого уровня обучение (MTA). Это упрощает график обучения и помогает выработать дух товарищества между новобранцами.

6

Форт-Беннинг (англ. Fort Benning) – одна из крупнейших военных баз на территории США. Структурно входит в состав Армии США, действует в интересах Командования Армии США, Командования Сил специальных операций США и Командования подготовки кадров и освоения военных доктрин ВС США.

7

Самонадувающиеся шины – разработка Бенджамина Кремпеля. Самонадувающиеся шины состоят из трех частей: шины, трубки, снаружи прилегающей к покрышке по всей длине окружности, и вентилей. Когда при езде давление в шине падает, автоматически запускается механизм, известный как PumpTire. Открывается вентиль между трубкой и камерой и, поскольку трубка в месте контакта с землей сжимается под весом колеса, воздух из нее выдавливается в шину. Через второй клапан – открывающийся наружу – в то же время в трубку поступает воздух из атмосферы. Когда давление достигает нужного уровня, вентили закрываются.

8

Fixed Base Operator (FBO) – служба, являющаяся основой инфраструктуры авиации. Так называют комплекс сервисных центров, занимающихся обслуживанием пассажиров (предоставление аренды самолетов), а также проведением техосмотра и ремонта воздушных судов.

9

«AirNav.com» (аббр. «Air Navigation») – сайт является дополнительным ресурсом для пилотов и энтузиастов авиации и отображает авиационную и аэронавигационную информацию, публикуемую Федеральным управлением гражданской авиации.

10

Авионика (от авиация и электроника) – заимствованный англоязычный термин, обозначающий в разговорной речи совокупность всех электронных систем, разработанных для использования в авиации в качестве бортовой электроники.

11

«Сессна-152» (англ. «Cessna 152») – легкий многоцелевой самолет, двухместный моноплан с закрытой кабиной. Выпускался компанией «Сессна», с 1977 по 1985 год. Всего построено 7584 самолета. Крейсерская скорость: 195 км/ч.

12

Лирджет (англ. Learjet) – реактивный административный самолет производства компании Learjet. Серийно выпускается с 1998 года. Крейсерская скорость: 804 км/ч.

13

«FlightAware» – глобальное авиационное программное обеспечение и компания по обслуживанию данных, базирующаяся в Хьюстоне, штат Техас. Компания управляет веб-сайтом и мобильным приложением, которое предлагает бесплатное отслеживание рейсов, как частных, так и коммерческих самолетов в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии.

14

Международная организация гражданской авиации (ИКАО) (от англ. ICAO – International Civil Aviation Organization) – специализированное учреждение ООН, устанавливающее международные нормы гражданской авиации и координирующее ее развитие с целью повышения безопасности и эффективности.

15

420 узлов – примерно 777 км/ч.

16

FAA (Federal Aviation Administration) – Федеральное управление гражданской авиацией США. Центральный орган государственного

управления США в области гражданской авиации. Основана в 1958 году федеральным законом США об авиации. Код аэропорта FAA (FAA Location Identifier) – трех- или четырехбуквенный идентификатор, присваиваемый FAA аэропортам на территории этой страны.

17

Правила полетов по приборам, ППП (англ. Instrument flight rules, IFR) – совокупность авиационных правил и инструкций, предусматривающих выполнение полетов в условиях, при которых местонахождение, пространственное положение и параметры полета воздушного судна определяются по показаниям пилотажно-навигационных приборов.

18

«Пилатус ПС-12» – одномоторный турбовинтовой самолет, разработанный швейцарской компанией «Пилатус Эйркрафт». PC-12, как правило, используется в качестве корпоративного самолета или регионального лайнера. Крейсерная скорость: 497 км/ч.

19

«Гольфстрим IV» – линейка турбовентиляторных двухмоторных самолетов бизнес-класса оснащенных двумя двигателями «Роллс-Ройс». Крейсерная скорость: 850 км/ч.

20

DUATS или Служба прямого доступа к пользовательскому интерфейсу – это служба обработки информации о погоде и полетах, созданная Федеральным управлением гражданской авиации (FAA) для использования гражданскими пилотами США и другими авторизованными пользователями. Она является телефонной и интернет-системой, которая позволяет пилоту использовать персональный компьютер для доступа к базе данных и получения метеорологической и аэронавигационной информации, а также для подачи, изменения и отмены внутренних планов полета.

21

«Бомбардир Челленджер 300» – пассажирский самолет повышенной комфортабельности, служит в деловой авиации для трансконтинентальных перелетов. Выпускается канадской компанией «Bombardier Aerospace» с 2004 года. Крейсерская скорость: 850 км/ч.

22

Операция «Желтая Лента» – операция, организованная и проведенная властями Канады, позволившая гражданским авиарейсам совершить аварийную посадку в аэропорту Гандера во время терактов 11 сентября.

После чего они имели возможность переждать, пока воздушное пространство над США будет снова открыто.

23

«Сессна Сайтейшен Ай/СП» – турбовентиляторный двухмоторный легкий самолет бизнес-класса, разработанный компанией «Cessna Aircraft Company». Как и для «Лирджетов», для управления «Сайтейшен» требовалось два пилота, но для увеличения продаж была разработана модель, которая управлялась одним пилотом. Крейсерная скорость: 662 км/ч.

24

АВГАЗ – авиационное топливо для малой авиации или авиационный бензин. Применяется в поршневых авиационных двигателях и представляет собой топливо с высоким октановым числом, содержащее тетраэтилсвинец в большом количестве.

25

Правила визуальных полетов, ПВП (англ. Visual flight rules, VFR) – совокупность авиационных правил и инструкций, предусматривающих ориентирование экипажа и выдерживание безопасных интервалов путем визуального наблюдения за линией естественного горизонта, ориентирами на местности и другими воздушными судами.

26

Твиллингейт – город, находящийся в провинциях Ньюфаундленд и Лабрадор, население чуть более 2000 человек, площадь 26,17 квадратных километров.

27

Goeienaand – Добрый вечер (аф.)

28

Африкаанс – германский язык (до начала XX века диалект нидерландского), один из 11 официальных языков Южно-Африканской Республики, также распространен в Намибии. Кроме того, небольшие общины носителей африкаанс проживают в других странах Южной Африки: Ботсване, Лесото, Свазиленде, Зимбабве, Замбии. Многие эмигранты из ЮАР, говорящие на африкаанс, осели в Великобритании, Австралии, Нидерландах, Новой Зеландии.

29

Praat Meneer Afrikaans – Вы говорите на африкаанс? (аф.)

30

Ja,’n bietjie. Praat Meneer Engels? – Да, немного. А вы говорите по-английски? (аф.)

31

Baie dankie – Большое спасибо (аф.)

32

Asseblief – Пожалуйста (аф.)

33

100° по Фаренгейту – около 38 °C.

34

Oosweer (аф. «Восточная погода») – явление, происходящее в зимнее время, когда с континентальной части материка в океан дует горячий сухой сильный ветер. Иногда он превращается в песчаные бури, которые смещаются в океан.

35

Hoe gaan dit met jou? (аф.) – Как дела?

36

Baie goed, dankie (аф.) – Очень хорошо, спасибо.

37

Ek vertaan nie (аф.) – Я не понимаю.

38

Laat my met rus! Polisie! (аф.) – Оставьте меня в покое! Полиция!

39

«KA-Bar» – боевой нож, разработанный и выпускаемый американской компанией «Tidioute Cutlery Company». Принят на вооружение с 1942 году корпусом морской пехоты и ВМС США. Общая длина – 30,8 см., длина клинка – 17,7 см.

40

B6 – национальная автомагистраль восточно-центральной части Намибии. Она является частью трассы Транс-Калахари, протяженностью 290 километров и соединяет Виндхук с Ботсваной.

41

Уитвлеи («Witvlei» аф. – «Белое болото») – деревня в округе Окарумбе в регионе Омахеке в восточно-центральной части Намибии. Она расположена на B6 в 150 километрах от Виндхука по дороге в Гобабис и известна производством высококачественного мяса.

42

Гобабис – город в Намибии, расположенный в восточной части центрального региона страны, в 200 километрах восточнее столицы страны Виндхука.

43

Ганзи – город на западе Ботсваны, административный центр округа Ганзи. Известен, как столица Калахари. Расположен в 546 км. к северо-западу от столицы страны, Габороне, и в 66 км к востоку от границы с Намибией. Название города происходит из языка наро и означает примерно «толстые окорока».

44

Тсвана (сетсвану) – язык группы банту (подгруппа сото-тсвана), распространенный в Южной Африке.

45

Нью-Ксейд (англ. New Xade) – поселение-резервация в Ботсване, расположенная в центре Калахари, и построенная правительством страны для переселения туда коренного населения (бушменов).

46

Мультитул, мультиинструмент – многофункциональный инструмент, обычно в виде складных пассатижей с полыми ручками, в которых спрятаны (с внутренней или внешней стороны) дополнительные инструменты (лезвие ножа, шило, пила, отвертка, ножницы и т. п.). В отличие от обычных ножей с инструментами, мультитул имеет две рукоятки, в середине которых находится основной инструмент (пассатижи или ножницы). Изобретателем мультитула в его современном виде принято считать Тима Лизермана.

47

Ферроцерий – ферросплав, содержащий церий, лантан, неодим, празеодим и железо. Он также является пирофорным сплавом, то есть, дает искру при трении.

48

Паракорд-550 – легкий полимерный трос, изготовленный из нейлона, изначально применявшийся для строп парашютов. Сейчас используется для многих иных целей, как военными, так и гражданским населением. Наиболее часто используемый тип III имеет минимальное усилие на разрыв в 550 фунтов, из-за чего часто называется «Корд-550».

49

Орикс, или сернобык (лат. Oryx gazella) – вид саблерогих антилоп, обитающий в Восточной и Южной Африке.

50

Долина обмана – длинная, широкая долина, раскинувшаяся с севера на юг провинции Ганзи в Ботсване и представляющая собой ложе нескольких ископаемых рек. Во время и после обильных дождей она вся покрывается ковром из зелёной травы, которая привлекает огромное количество дичи. Свое название она получила от миражей, из-за которых кажется, что в пересохших реках и озерах есть вода.

51

Двойной слепой метод – метод проведения эксперимента, при котором испытатель и испытуемый не знают о реальной цели эксперимента, так как это знание может повлиять на результаты. Например, метод тестирования лекарств, при котором ни медицинский персонал, ни пациенты не знают о том, какой группе пациентов дается настоящее лекарство, а какой плацебо.

52

Инкунабула (от лат. incunabula – «колыбель», «начало») – книги, изданные в Европе от начала книгопечатания и до 1 января 1501 года. Издания этого периода очень редки, так как их тиражи составляли от 100 до 300 экземпляров.

53

Укиёэ (яп. «картины (образы) изменчивого мира») – направление в изобразительном искусстве Японии, получившее развитие с конца 17-го века и продолжающее быть одним из наиболее известных художественных стилей этой страны. Оно заключается в отражении проходящей, мимолетной природы жизни.

54

Кото (яп.) – традиционный японский щипковый музыкальный инструмент, длинная цитра с подвижными кобылками.

55

Утагава Хиросигэ (Хироshige) (1797–1858) – японский график и крупнейший представитель направления укиё-э, мастер цветной ксилографии. Настоящее имя Андо Токутаро.

56

Шеффилд – город в Англии, в графстве Саут-Йоркшир. В течение 19 века город получил международную известность своим сталелитейным производством.

57

«Clafoutis aux cerises» (фр. «вишневый клафути») – французский десерт, соединяющий в себе черты запеканки и пирога. Фрукты в сладком жидком яичном тесте, похожем на блинное, выпекаются в формах для запеканок или киша. В смазанную жиром форму для выпечки сначала кладут фрукты, а затем заливают их тестом.

58

Пойяк – вина AOC Пойяк (Pauillac) производят из винограда, который выращен на территории коммуны, сгруппированной вокруг одноименного городка-порта на Жиронде. Вина Пойяка обычно мощные и богатые танинами, с насыщенными фруктами ароматом и вкусом, которые со временем развиваются в гармонию великолепной сложности и многообразия.

59

Эпикуреизм – учение, согласно которому основой счастья человека является удовлетворение жизненных потребностей, разумное наслаждение и покой [по имени древнегреческого философа-материалиста Эпикура].

60

Гай Валерий Катулл, очень часто просто Катулл – один из наиболее известных поэтов древнего Рима и главный представитель римской поэзии в эпоху Цицерона и Цезаря.

61

«На досуге вчера, Лициний, долго; На табличках моих мы забавлялись; Как утонченным людям подобает; Оба в несколько строк стихи писали…» – в переводе С.В. Шервинского. [ПП: «…на табличках моих мы забавлялись» – деревянные таблички, крытые воском, служили для черновых записей и в античности и долгое время в средние века.]

62

«Это, милый, тебе сложил я посланье; Из него о моих узнаешь муках. Так не будь гордецом и эту просьбу; Ты уважь, на нее не плюнь, мой милый…»– в переводе С.В. Шервинского.

63

Стефан Малларме – французский поэт, примыкавший сначала к парнасцам, а позднее ставший одним из вождей символистов. Отнесен Полем Верленом к числу «проклятых поэтов».

64

«Падение дома Ашеров» Эдгара Алана По – здесь упоминается момент из сюжета рассказа Эдгара По. В «Падении Дома Ашеров» безымянный рассказчик, от имени которого ведется повествование, узнает, что сестра Родерика Ашера леди Мэдилейн больна странной болезнью – она ко всему равнодушна, тает день ото дня, а тело ее иногда коченеет, и дыхание приостанавливается. Как раз перед приездом рассказчика ее состояние резко ухудшилось. Однажды Родерик Ашер сообщает рассказчику, что леди Мэдилейн умерла, и просит помочь ему спустить ее тело до похорон в подземелье. Вдвоем они относят туда тело, плотно закрыв гроб и заперев тяжелую железную дверь. После этого Родерик Ашер становится все более тревожен, и страх его постепенно передается и рассказчику. В конце концов, Ашер сообщает своему другу, что они похоронили леди Мэдилейн заживо – благодаря собственному недугу (обостренным чувствам) давно это понял, но не смел в этом признаться. В этот момент распахивается дверь, и появляется Мэдилейн – измученная и в крови. Она падает на руки брату, увлекая его – уже бездыханного – за собой на пол. Рассказчик кидается прочь из дома от страха, снаружи бушует буря, и трещина, бегущая по дому, о которой упоминается в самом начале рассказа, стремительно расширяется. «…раздался дикий оглушительный грохот, словно рев тысячи водопадов… и глубокие воды зловещего озера у моих ног безмолвно и угрюмо сомкнулись над обломками дома Ашеров».

65

Лабеллум – нижний лепесток цветка, напоминающий по форме нижнюю губу.

66

Семья Камполин из Маниаго является уникальным производителем автоматических ножей и клинков, это их семейный бизнес.

67

Rémoulade (фр.) – ремулад. Соус на основе майонеза, блюдо французской кухни. В состав соуса традиционно входят маринованные

огурцы, каперсы, петрушка, зелёный лук, чеснок, оливковое масло, пряный уксус, горчица и анчоусы.

68

Яйца au diable (фр.) – дьявольские яйца. Это вареные яйца, начиненные собственным желтком, который предварительно смешивается с майонезом и специями.

69

Тхангка – в тибетском изобразительном искусстве изображение, преимущественно религиозного характера, выполненное клеевыми красками или отпечатанное на шелке или хлопчатобумажной ткани, предварительно загрунтованной смесью из мела и животного клея. По форме танка восходят к индийским ритуальным изображениям на холсте и тяготеют к квадрату, двойному квадрату, прямоугольнику; зарисованная поверхность называется «зеркало» (тиб. – мелонг). Размеры танка изменяются по величине, колеблясь от нескольких квадратных сантиметров до нескольких квадратных метров. Большие танка часто выполняет группа художников. Танка создавалась или в строгом соответствии с иконографическим текстом и в этом случае предназначалась для медитации, или на основе житийных сочинений, а также в результате визионерской практики; использовалась в религиозных процессиях, в храмовых интерьерах, в домашнем алтаре. Объекты изображения на танка – Будда Шакьямуни, буддийские иерархи, персонажи пантеона, житийные циклы, сюжеты бардо.

70

Авалокитешвара – бодхисаттва, воплощение бесконечного сострадания всех Будд. Атрибут – веер из хвоста павлина. Далай-лама считается воплощением Авалокитешвары и регулярно проводит инициации Авалокитешвары.

71

Бодхисаттва – термин, состоящий из двух слов – «бодхи» – пробуждение и «саттва» – суть, существо. В буддизме – существо (или человек), обладающее бодхичиттой, которое приняло решение стать буддой для блага всех существ. Побуждением к такому решению считают стремление спасти все живые существа от страданий и выйти из бесконечности перерождений – сансары. В махаянском буддизме бодхисаттвой называют также просветленного, отказавшегося уходить в нирвану с целью спасения всех живых существ. Слово «бодхисаттва» на тибетском звучит как «джанг-чуб-сем-па», что означает «очистивший пробуждённое сознание».

72

Полуостров Скудик – мыс на юго-востоке штата Мэн, образующий восточную границу бухты Френчмен.

73

Штат «попутного ветра» – неофициальное название штата Мэн; суда, направляющиеся в порты Мэна, в северо-восточном направлении всегда плыли с попутным ветром.

74

Эстуа́рий (от лат. «aestuarium», затопляемое устье реки) – однорукавное, воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.

75

«Чарли» («Чарльз») – это смесь плана (гашиша) и героина. Используется для курения и многократно усиливает зависимость потребителя. Отсюда, кстати, и миф о том, что марихуана ведёт к более сильным наркотикам.

76

Драггер – небольшое моторное рыболовное судно.

77

PGP (Pretty Good Privacy) или «Довольно Хорошая Секретность» – это протокол и программа для обеспечения индивидуального шифрования. Она разработана и опубликована в 1991 году Филлипом Циммерманом и была пионером среди систем подобного уровня, опубликованных для общего доступа, в силу законодательных ограничений на распространение криптографических технологий.

78

Агентство национальной безопасности Соединенных Штатов, АНБ (англ. National Security Agency, NSA) – подразделение радиотехнической и электронной разведки Министерства обороны США, входящее в состав Разведывательного сообщества на правах независимого разведывательного органа.

79

«Heartbeat» – периодическое контрольное сообщения, подтверждающее работоспособность оборудования и посылаемое им по линии связи.

80

Стандартные операционные (рабочие) процедуры (СОП) – это документально оформленный набор инструкций или пошаговых действий, которые надо осуществить, чтобы выполнить ту или иную работу.

81

Зарплата сотрудников ФБР рассчитывается по общей шкале зарплат, предусмотренной законом для государственных служащих: от категории GS-10 (начинающие сотрудники) до категории GS-15 (высшие руководители). Ступени – это дополнительные выплаты, включающие в себя соответствующие премии, надбавки за стаж и сверхурочные часы работы. В данном случае зарплата агента Пендергаста должна была составлять чуть более 100 тысяч долларов в год.

82

6 футов и 7 дюймов – 201 см.

83

10001 – почтовый индекс города Нью-Йорк.

84

55° по Фаренгейту – примерно 12–13 °C.

85

Синг-Синг – тюрьма с максимально строгим режимом, расположенная в городе Оссининг, штат Нью-Йорк, США. Находится примерно в 48 километрах к северу от города Нью-Йорка на берегу реки Гудзон. Тюрьма названа по имени деревни Синг Синг, название которой происходит от индейских слов «Sint Sinks», что дословно переводится как «камень на камне». Служит местом заключения для приблизительно 1700 преступников.

86

Шуши (shushi) – три основных ветви: шин (правда), соэ (поддержка) и хикаэ (выдержка). Расположение этих ветвей и кензан (kenzan), или поддерживающая металлическая конструкция, показаны на схеме какэйзу. Данная Какэйзу дает вид спереди и проекцию сверху. После изучения какэйзу мастер выбирает подходящие для шуши ветви и цветы, подрезает их в соответствии с заданными пропорциями, затем кензан помещают в вазу и наливают воду. Шуши фиксируется кензан (металлическими деталями) согласно какэйзу (схеме). Добавляются дзюши (jushi) или короткие вспомогательные ветви для укрепления шуши и сообщения букету глубины. Работа окончена, мастер

осматривает композицию, поправляет детали, наносит последние штрихи.

87

Елизавета Батори – занесена в Книгу рекордов Гиннесса как женщина, совершившая самое большое количество убийств, хотя точное число её жертв неизвестно. Графиня и четыре человека из её прислуги были обвинены в применении пыток и убийстве сотен девушек между 1585 и 1610 годами. Наибольшее число жертв, названных в ходе суда над Батори, 650 человек. Тем не менее, это число исходит из заявления некой женщины по имени Жужанна, которая, по её словам, обнаружила в одной из частных книг Батори список жертв графини и сообщила об этом будущему участнику суда над графиней Якову Силваши. Однако книга так и не была найдена и больше не упоминалась в показаниях Силваши. Несмотря на все доказательства против Елизаветы, влияние её семьи не дало Кровавой графине предстать перед судом. В декабре 1610 года Батори была заключена в венгерском замке Чейте, где графиня была замурована в комнате вплоть до своей смерти четыре года спустя.

88

Битва при Босворте – сражение, произошедшее 22 августа 1485 года на Босвортском поле в Лестершире между армией английского короля Ричарда III и войсками претендента на престол Генриха Тюдора, графа Ричмонда.

89

Арпеджио – способ исполнения аккордов, преимущественно на струнных и клавишных инструментах, при котором звуки аккорда следуют один за другим.

90

Игнац Брюлль (1846–1907) – австрийский композитор, пианист и музыкальный педагог.

91

Адольф фон Гензельт (1814–1889) – немецкий композитор и пианист.

92

Фридрих Киль (1821–1885) – немецкий композитор.

93

Fils a putain – сукин сын (фр.)

94

Del glouton souriant – (здесь) Самодовольный ублюдок (фр.)

95

Шарль Валантен Алькан (1813–1888) – французский пианист.

96

Connard – Придурок (фр.).

97

СИЦ – столичный исправительный центр.

98

Флорида-Кис – архипелаг, цепь коралловых островов и рифов на юго-востоке США. Общая площадь островов составляет 355,6 км², население 79 535 человек.

99

Но-Нейм-Ки и Ки-Уэст – острова, включенный в состав архипелага Флорида-Кис.

100

Гипотеза Римана о распределении нулей дзета-функции Римана была сформулирована Бернхардом Риманом в 1859 году. Многие утверждения о распределении простых чисел, в том числе о вычислительной сложности некоторых целочисленных алгоритмов, доказаны в предположении верности гипотезы Римана. Гипотеза Римана входит в список семи «проблем тысячелетия», за решение каждой из которых Математический институт Клэя (Clay Mathematics Institute, Кембридж, Массачусетс) выплатит награду в один миллион долларов США. В случае публикации контрпримера к гипотезе Римана, учёный совет института Клэя вправе решить, можно ли считать данный контрпример окончательным решением проблемы, или же проблема может быть переформулирована в более узкой форме и оставлена открытой (в последнем случае автору контрпримера может быть выплачена небольшая часть награды)

101

Фестский диск – уникальный памятник письма, предположительно минойской культуры эпохи средней или поздней бронзы, найденный в городе Фест на острове Крит. Его точное назначение, а также место и время изготовления достоверно неизвестны.

102

Этрусский язык – вымерший язык этрусков, происхождение которого не установлено. Если не считать возможное родство этрусского с двумя другими мёртвыми языками – ретским и лемносским (предположительно идентичным реконструируемому пеласгскому), этрусский язык считается языком-изолятом и не имеет признанных наукой родственников. Одной из гипотез о возможном родстве этрусского является версия С. А. Старостина и И. М. Дьяконова о родстве этрусского языка с вымершими хурритским и урартским. Другие исследователи продолжают настаивать на родстве этрусского с анатолийской (хетто-лувийской) ветвью индоевропейских языков. Учитывая немногочисленность известных этрусских слов и лишь ограниченное знание этрусской грамматики, все эти предположения в очень большой степени являются лишь умозрительными.

103

Андреа Гварнери (1626–1698) – итальянский скрипичный мастер и основатель династии мастеров Гварнери.

104

Мопановые черви – гусеницы павлиноглазки, – чаще всего живущие на деревьях мопане, отсюда и их название, – считаются деликатесом в некоторых районах Африки.

105

«Эти осколки я удерживаю напротив своих руин» – название альбома группы «Hermetic Science», вышедшего в 2008 году.

106

Социальная инженерия – это метод управления действиями человека без использования технических средств. Метод основан на использовании слабостей человеческого фактора и считается очень разрушительным. Зачастую социальную инженерию рассматривают как незаконный метод получения информации, однако, это не совсем так. Социальную инженерию можно также использовать и в законных целях – не только для получения информации, но и для совершения действий конкретным человеком. Сегодня социальную инженерию зачастую используют в интернете для получения закрытой информации, или информации, которая представляет большую ценность.

107

Мартенсит – особый сплав нержавеющей стали, который характеризуется хорошей твердостью и высокой ударной вязкостью. Используется в основном для изготовления медицинского оборудования и инструментов (скальпелей, бритв и внутренних зажимов).

108

«Возможность заполучить тебя сначала казалась мне совсем невероятной, но, вероятно, в этом и была причина. Ты невероятный человек, так же, как и я» – фраза из фильма 1950 года «Все о Еве».

109

Maloccio (итал.) – проклятие, дурной глаз.

110

Хедж-фонд (от англ. «hedge» – преграда, защита, страховка, гарантия) – инвестиционный фонд, ориентированный на максимизацию доходности при заданном риске или минимизацию рисков для заданной доходности.

111

Фалинь – трос, закреплённый за носовой или кормовой рым шлюпки. Служит для привязывания шлюпки к пристани, судну или т. п.

112

Фальшборт – ограждение по краям наружной палубы судна, корабля или другого плавучего средства представляющее собой сплошную стенку без вырезов или со специальными вырезами для стока воды, швартовки и прочего.

113

Картплоттер – многофункциональный дисплей с возможностью отображения картографической информации, имеющий встроенный (либо внешний) модуль GPS, разъем для хранилища картографической информации и вычислительный блок, позволяющий устройству выполнять множество функций. Основное назначение картплоттеров – это отображение положения судна на карте, сохранение пройденного пути и сохранение путевых точек. Очень удобное устройство для использования как на море так и на реках, так как эффективно заменяет бумажные карты и имеет множество полезных навигационных функций для обеспечения безопасности плавания.

114

Мачайас-Сил – маленький остров в заливе Мэн. Остров расположен на границе с заливом Фанди, примерно посередине между мысом Саутуэст-Хэд острова Гран-Манан и городком Катлер.

115

Гран-Манан – остров в заливе Фанди.

116

Территориальные воды (территориальное море) – полоса моря (океана), прилегающая к берегу, находящемуся под суверенитетом прибрежного государства, или к его внутренним водам, и составляющая часть государственной территории. Отсчет территориальных вод происходит от линии наибольшего отлива (если берег имеет спокойные очертания) либо от границ внутренних вод, либо от так называемых базисных линий (воображаемых прямых линий, соединяющих выступы берега в море, если побережье глубоко изрезано, извилисто или если вблизи берега есть цепь островов). Международное право не допускает расширения территориальных вод за пределы 12 морских миль (22,2 км), однако некоторые государства в одностороннем порядке установили более широкие территориальные воды (например, Бразилия, Перу, Сьерра-Леоне, Уругвай, Эквадор и др.).

117

40° по Фаренгейту – примерно 4,5 °C

118

Аварийный радиобуй (англ. EPIRB, Emergency Position Indicating Radio Beacon) – передатчик для подачи сигнала бедствия и пеленгации поисково-спасательными силами терпящих бедствие плавсредств, летательных аппаратов и людей на суше и на море.

119

Четверть узла – почти 0,5 км/час.

120

Форпик – отсек основного корпуса судна между форштевнем и первой («таранной») переборкой, крайний носовой отсек судна. Обычно служит для размещения грузов или водяного балласта.

121

Бак – вся передняя часть палубы (спереди от фок-мачты или палубу носовой надстройки).

122

«Ван Дайк» – козлиная бородка (заросший подбородок), в сочетании с несвязанными с ней усами. При этом стороны и щеки полностью выбриты

123

Ясудзиро Одзу (1903–1963) – один из общепризнанных классиков японской и мировой кинорежиссуры.

124

Дуплексер (дуплексный фильтр, от слова дуплекс, частотно-разделительный фильтр) – устройство, предназначенное для организации дуплексной радиосвязи с использованием одной общей антенны как для приёма, так и для передачи.

125

Мидазолам – препарат короткого действия класса бензодиазепинов, который применяют для лечения острых припадков, умеренно тяжёлой бессонницы, а также в качестве смертельной инъекции. Он обладает мощным анксиолитическим, амнестическим, снотворным, противосудорожным, седативными эффектами, а также расслабляет скелетные мышцы.

126

Векурония бромид – недеполяризующий миорелаксант средней продолжительности действия. Применяется для релаксации скелетной мускулатуры (при хирургических операциях под общей анестезией); и при судорожном синдроме. В больших дозах вызывает полный паралич, в т. ч. и всей дыхательной системы.

127

Хлорид калия – химическое соединение, калиевая соль соляной кислоты, при концентрации калия 8 ммоль/л вызывает аритмию и остановку сердца.

128

«Вот как закончится мир. Вот как закончится мир» – строка из поэмы Томаса Стернза Элиота «Полые люди», 1925 год, в переводе А. Сергеева.

129

Хелонитоксизм – это редкий вид пищевого отравления от употребления мяса некоторых видов морских черепах (например, кожистой, зелёной и т. д.), встречающихся возле Филиппинских островов, Индонезии и Цейлона. В половине случаев оказывается смертельным, так как противоядия не существует.

130

«В то время как моя маленькая, пока моя хорошенькая, спит» – слова из песни Бетт Мидлер «Сладко и негромко» (англ. Bette Midler «Sweet And Low»).

131

«Арнольд Палмер» – напиток приготовленный слоями из лимонада и холодного чая.

132

«Fidelitas usque ad mortem» (лат.) – «Верность до смерти».

133

«Крис Крафт» (Chris-Craft) – известная американская судостроительная компания с богатейшим опытом производства, множеством наград и признанием знаменитостей, среди которых такие фамилии как Вандербилты и Форды, а также президент Франклин, Рузвельт и Кеннеди.

134

Сабаль пальмовидный, или Пальметто, или Латания (лат. Sābal palmētto) – вид пальм рода Сабаль с высотой 6-25 метров.

135

Швартовный кранец – приспособление, предназначенное для смягчения ударов и поглощения энергии навала судна на причальное сооружение или другое судно в процессе швартовки или буксировки лагом.

136

«Livre de Prierès» (франц.) – «Молитвенная книга» или «Молитвенник».

137

Вайлет Тиг (1872–1951) и Джеральдин Рэд (1874–1943) – австралийские художницы, прославившиеся живописью и гравюрами. Их книга «Закат солнца в Ти-три» является самым ранним известным примером печати цветных рельефных изображений в Австралии и одним из ранних примером влияния японской технологии деревянных блоков на австралийскую гравюру.

138

Аньоло Бронзино (Bronzino, настоящее имя Аньоло ди Козимо ди Мариано) (1503–1572) – итальянский живописец, родившийся и живший во Флоренции. Выдающийся представитель маньеризма,

писавший портреты, фрески, алтарные картины, религиозные, аллегорические картины и картины на мифологические темы.

139

Понтормо (настоящее имя Якопо Каруччи, Jacopo Carucci) (1494–1557) – итальянский живописец, представитель флорентийской школы, один из основоположников маньеризма, стиля при котором произошла утрата ренессансной гармонии между телесным и духовным, между природой и человеком.

140

Ян ван Эйк (ок. 1385 или 1390–1441 Брюгге) – фламандский живописец раннего Возрождения, мастер портрета, автор более ста композиций на религиозные сюжеты.

141

Питер Брейгель Старший (ок. 1525–1569), известный также под прозвищем «Мужицкий» – нидерландский живописец и график, самый известный и значительный из носивших эту фамилию художников. Мастер пейзажа и жанровых сцен.

142

Пауль Клее (1879–1940) – немецкий и швейцарский художник, график, теоретик искусства, одна из крупнейших фигур европейского авангарда.

143

Го – логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием, возникшая в Древнем Китае, по разным оценкам, от 2 до 5 тысяч лет назад.

144

Крюг – один из самых известных и молодых домов игристых вин Франции, основан в 1843 году и выпускает уникальное шампанское «Кло д'Амбоне» стоимостью около 4000 долларов. Оно изготавливается из сорта красного винограда пино нуар, и имеет нотки черники, малины, солодки и красной смородины.

145

Кейп-код – традиционный тип североамериканского сельского (загородного) дома XVII–XX веков. Характеризуется в первую очередь симметричностью фасада, деревянной наружной отделкой, мансардными выступающими окнами. Название дано по полуострову Кейп-Код, где селились первые переселенцы из Англии.

146

Университет Тафтса – частный исследовательский университет США, расположенный в городах Медфорд и Сомервилл, штат Массачусетс.

147

Палапа – традиционное мексиканское (легкое) жилище с крышей из пальмовых листьев.

148

Инвенция (от лат. «inventio» находка; изобретение, выдумка) – небольшие двух- и трёхголосные пьесы полифонического склада, написанные в различных видах полифонической техники (в виде имитации, канона), для учеников как приготовительные упражнения перед фугой для достижения полной самостоятельности пальцев и развития способности к исполнению сложной полифонической музыки на клавесине.

149

Дерево гамбо-лимбо – тропическое дерево, которое встречается на американском континенте, достигает в высоту 30-ти метров и дает красноватую смолу, используемую в цементах и лаках.

150

Центр Специальных Операций – особое подразделение в структуре ФБР, находящееся непосредственно в прямом подчинении действующего Директора ФБР, деятельность которого охватывают целый спектр направлений.

151

Дрон «Предатор» (англ. – «хищник») – американский многоцелевой беспилотный летательный аппарат.

Состоит на вооружении ВВС США. Активно применяется на территории Ирака и Афганистана.

152

Дрон «Риппер» (англ. – «жнец, жатка»; намёк на выражение «Grim Reaper» – «мрачный жнец», т. е. смерть) – разведывательно-ударный дрон, используемый ВВС и ВМС США и Британии.

153

Привыкшие к скрытному образу жизни, члены триад до сих пор используют своё арго, тайные рукопожатия, жесты и знаки, а также

числовые коды для обозначения званий и должностей в иерархии группировки (они происходят от традиционной китайской нумерологии, основанной на «Книге перемен»). Иерархия триад проста, но нарочито запутанна. «489» означает «мастер горы», «голова дракона» или «владыка воскурения» (то есть лидер клана). Это число состоит из иероглифов, означающих «21» (4+8+9), что в свою очередь представляет собой производное двух чисел: «3» (создание) умноженное на «7» (смерть) равно «21» (возрождение). «438» означает «управитель» (заместитель лидера, или оперативный командир, или церемониймейстер). Сумма составляющих это число цифр равна 15, а число «15» у каждого суеверного китайца вызывает благоговейное почтение, потому что встреча с ним, включая различные комбинации, сулит большую удачу. «432» – «соломенные сандалии» (то есть связной между различными подразделениями клана), «426» – «красный шест» (то есть командир боевиков или исполнитель силовых решений), «415» – «веер из белой бумаги» (то есть финансовый советник или администратор), «49» – рядовой член. Не случайно и то, что все коды начинаются с цифры «4», ведь по древнему китайскому поверью мир окружен четырьмя морями. Числом «25» члены триад обозначают полицейского агента, внедренного в группировку, предателя или шпиона другой банды.

154

Танзанит – геммологическое название разновидности минерала цоизита, силиката алюминия и кальция. Был обнаружен в марте 1966 года на плато Мерелани, неподалёку от склонов Килиманджаро. Минерал добывают только в провинции Аруша на севере Танзании. Встречается синих, пурпурных и жёлто-коричневых цветов, последние после термической обработки тоже становятся сине-фиолетового цвета и используются в ювелирном деле. Самый известный танзанит в виде кулоне снялся в «Титанике» Джеймса Кэмерона.

155

«L'Art de Toucher le clavecin» (фр. «Искусство игры (точнее, прикосновения) на клавесине») – учебник для начинающих клавесинистов французского композитора Франсуа Куперина (1668–1733), впервые опубликованный в 1716 году,

156

Вакутейнер – одноразовое приспособление, предназначенное для забора проб венозной крови. Представляет собой комплекс из стерильной одноразовой иглы и пробирки (непосредственно вакутайнера). Пробирки изготавливаются из пластика, силиконизированы и содержат внутри дозированный вакуум и различные реагенты для забираемой крови.

157

Brochettes d'agneau à la Grecque (франц.) – шашлык из баранины по-гречески.

158

Фибриноген – бесцветный белок, растворённый в плазме крови.

159

Гликированный гемоглобин, или гликогемоглобин (кратко обозначается: гемоглобин A1c), – биохимический показатель крови, отражающий среднее содержание сахара в крови за длительный период (до трёх месяцев), в отличие от измерения глюкозы крови, которое дает представление об уровне глюкозы крови только на момент исследования.

160

Дегидроэпиандростерон (DHEA, ДГЭА) – полифункциональный стероидный гормон.

161

С-реактивный белок – белок плазмы крови, относящийся к группе белков острой фазы, концентрация которых повышается при воспалении. Играет защитную роль.

162

Тиреотропный гормон, или ТТГ, тиреотропин, – тропный гормон передней доли гипофиза, влияет на секрецию гормонов щитовидной железы.

163

Эстрадиол – основной и наиболее активный для человека тип женских половых гормонов, эстрогена.

164

Эксетер – один из престижнейших университетов Великобритании, входит в десятку лучших высших учебных заведений страны, неоднократно удостаивался звания университета года. Основан в 1855 году. Большая часть его подразделений расположена в городе Эксетер, графство Девон.

165

«Sub-Zero Wolf» – это марка элитной бытовой кухонной техники, выпускаемой в США с 1945 года. Особая специализация фирмы – встраиваемые и интегрированные холодильники и винные шкафы.

166

«Лилле» Бланк – французский аперитив привлекательного золотисто-соломенного цвета. Напиток славится неповторимым уникальным вкусом. Аперитив получают путем смешивания молодого вина из винограда сортов Совиньон Блан и Семильон, которого в напитке содержится 85 %. Остальные 15 % – это фруктовые ликеры из апельсинов различных видов и плодов хинного дерева.

167

«Связь наших душ над бездной той, / Что разлучить любимых тщится, / Подобно нити золотой, / Не рвется, сколь ни истончится» – цитата из стихотворения Джона Донна «Прощание, возбраняющее скорбь», в переводе Г. М. Кружкова.

168

À bientôt (фр.) – До скорой встречи.

169

DNA (англ. «Do Not Resuscitate») – «не реанимировать», завещательное распоряжение больного.

170

АТБ (англ. Transportation Security Administration (TSA)) – администрация транспортной безопасности является агентством Министерства внутренней безопасности, обеспечивающим безопасность пассажиров в Соединенных Штатах.

171

Пол Джексон Поллок (1912–1956) – американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX века. Особая техника создания картин, изобретенная Поллоком, получила название дриппинг (от английского «drip» – капать, выливать по капле).

172

SEAL – аббревиатура английских слов: «Sea, Air, Land» («море, воздух, земля»), обозначающих ту среду, в которой действует морской спецназ США. Однако в то же время эта аббревиатура читается как слово «seal» (англ.) – тюлень. Отсюда и название морского спецназа, считается, что

«тюлени» – самые подготовленные и храбрые воины в вооруженных силах Америки.

173

Incitatus (Инцитат) (лат. быстроногий, борзой) – любимый конь императора Калигулы, согласно легенде, назначенный им римским сенатором. В переносном смысле – пример своевластия правителя; сумасшедших приказов, которые, тем не менее, приводятся в исполнение; назначения на должность человека, совсем не подходящего для неё по всем параметрам.

174

LLC (Limited liability company) – соответствует понятию «Общество с ограниченной ответственностью» в русском языке.

175

Таро Альбано-Уэйта – названо в честь Фрэнки Альбано, который разработал ее в семидесятых годах XX века. Необычные для Уэйтовской колоды цвета здесь применяются свободно. Фоном Младших Арканов являются такие цвета, как оранжевый, фиолетовый, желтый и салатовый. Классические архетипы и символы карт остаются на месте, не отходя от традиции Уэйта.

176

Уолтер Патер (1839–1894) – писатель, историк культуры, художественный критик, знаток античной философии и мифологии. Его идеи были особенно популярны в начале XX века и оказались близки многим деятелям искусства далеко за пределами Англии, в том числе и в России. В настоящее время он известен, главным образом, как теоретик английского эстетизма, а его знаменитую книгу «Ренессанс. Очерки искусства и поэзии» обычно рассматривают как уникальный художественный манифест.

177

«Жизнь двенадцати цезарей» (лат. De vita Caesarum) – основной труд древнеримского историка Светония, написанный на латинском языке в его бытность секретарём императора Адриана (ок. 121 г.). Представляет собой сборник биографий Юлия Цезаря и 11 первых римских принцепсов, от Августа до Домициана. Труд посвящён префекту претория Гаю Септицию Клару. Первые страницы книги не сохранились.

178

Hermès International S.A. (сокращённо Hermès) – французский дом моды, основанный в 1837 году как мастерская по изготовлению экипировки для экипажей и верховой езды. Продолжая специализироваться на изготовлении кожаных изделий, Hermès постепенно изменил ассортимент, начав выпускать парфюмерию, готовую одежду и различные аксессуары.

179

Капитан Кенгуру (англ. Captain Kangaroo) – американский детский телевизионный сериал, выходивший по утрам в будние дни по каналу CBS с октября 1955 года вплоть до 1984 года.

180

«Восставший из ада» (англ. Hellraiser) – культовый британский мистический фильм ужасов 1987 года режиссёра и сценариста Клайва Баркера, экранизация его собственной одноименной повести впервые опубликованной в 1986 году.

181

Кошка-девятихвостка – плеть с девятью и более хвостами, обычно с твёрдыми наконечниками, специальными узлами либо крючьями на концах, наносящая рваные раны. Была изобретена в Англии.

182

Могила гончара («поле гончара» или «братская могила») – место для захоронения неизвестных или неимущих людей. Поле Гончара имеет библейское происхождение. Идет указание на землю, где добывали глину для изготовления керамики, а затем она была выкуплена первосвященниками Иерусалима для захоронения незнакомцев, преступников и бедных.

183

«Говорящая доска», «Доска Дьявола» или «Уиджа» (англ. Ouija board) – доска для спиритических сеансов вызова душ умерших с нанесёнными на неё буквами алфавита, цифрами от 1 до 9 и нулём, словами «да» и «нет» и со специальной планшеткой-указателем.

184

Альберт-холл, полное наименование Лондонский королевский зал искусств и наук имени Альберта – концертный зал в Лондоне. Считается одной из наиболее престижных концертных площадок в Великобритании и во всём мире. Построен в память принца-консорта Альберта при его вдове королеве Виктории.

185

PRISM (Program for Robotics, Intelligents Sensing and Mechatronics) – государственная программа США – комплекс мероприятий, осуществляемых с целью массового негласного сбора информации, передаваемой по сетям электросвязи, принятая американским Агентством национальной безопасности (АНБ) в 2007 году в качестве замены Terrorist Surveillance Program, формально классифицированная как совершенно секретная.

186

SSN или SS# (англ. Social Security number) – номер социального страхования, уникальный девятизначный номер, присваиваемый гражданам и резидентам США.

187

Натурализация – юридический процесс приобретения гражданства на основе добровольного желания соискателя гражданства. Порядок принятия в гражданство регулируется законодательством государства.

188

6'2" – 188 см.

189

SpA (Società per azioni) – акционерное общество (АО) в Италии.

190

ЛТД, Ltd (англ. limited) – сокращение в названии некоторых фирм, указывающее, что данная фирма создана в виде "Общества с ограниченной ответственностью".

191

Восемнадцать дюймов на два фута – 46х60 см.

192

Джозеф Корнелл (1903–1972) – американский художник, скульптор, кинорежиссёр-авангардист. Главным делом своей жизни Корелл сделал "предмет". Его композиции были заключены в условное пространство стенок ящика, внутри которого и рождалась создаваемая художником реальность. Композиции Корнелла загадочны, полны ностальгической печали. Многочисленные ящички, которые художник населяет разными предметами, являются своеобразным отображением мест, случаев, занимательных событий из его жизни.

193

"Дерринджер" – класс пистолетов простейшей конструкции, как правило, карманного размера. Название происходит от фамилии известного американского оружейника XIX века Генри Деринджера. Широко применялся как оружие самообороны.

194

Сумах ядовитый, или ядовитый дуб (лат. Toxicodéndron pubéscens) – североамериканский кустарник или небольшое дерево высотой до 2 м. Во всех его частях содержится сильный аллерген урушиол. Прикосновение к листьям растения может вызвать сильные раздражения кожи.

195

"В застенок этот, вечный и огромный. Пусть с ужасом глаза твои глядят... Пусть с ужасом глаза твои глядят..." – цитата из пьесы Кристофера Марло "Трагическая история доктора Фауста" в переводе Н. Н. Амосовой.

196

"Улисс" – модернистский роман ирландского писателя Джеймса Джойса.

197

Ave, frater (лат.) – Здравствуй, брат.

198

"Любовь живет надеждой, и погибает, когда надежда умирает. Это огонь, который гаснет из-за нехватки топлива" – Пьер Корнель, французский поэт и драматург.

199

"Душа моя, стань каплями воды и, в океан упав, в нем затеряйся!" – цитата из пьесы Кристофера Марло "Трагическая история доктора Фауста" в переводе Н. Н. Амосовой.

200

Руби-Ридж – местность, расположенная в северном Айдахо. В 1992 году здесь произошёл инцидент с применением огнестрельного оружия, в который была вовлечена семья Уивер и сотрудники Службы маршалов США и ФБР. В результате инцидента погиб федеральный маршал США, жена Уивера Вики и его 14-летний сын Сэмми.

201

Осада в Уэйко (Осада "Маунт Кармел") – осада принадлежавшего членам религиозной секты "Ветвь Давидова" ранчо в 14 км от города Уэйко в Техасе силами Федерального бюро расследований и Национальной гвардии США, длившаяся с 28 февраля по 19 апреля 1993 года. Во время событий погибло 82 члена секты, в том числе более 20 детей, а также 4 агента Бюро ATF.

202

После испытания первой атомной бомбы в Нью-Мексико в июле 1945 года Оппенгеймер вспоминал, что в тот момент ему пришли в голову слова: "Я стану смертью, Разрушителем Миров". Возможно, здесь, в тексте, идет отсылка именно к этой цитате.

203

Дуглас Роберт Хофштадтер (род. 15 февраля 1945, Нью-Йорк) – американский физик и информатик; сын лауреата Нобелевской премии по физике Роберта Хофштадтера. Получил всемирную известность благодаря книге "Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда", опубликованной в 1979 году и в 1980 году получившей Пулитцеровскую премию в категории "Нехудожественная литература".

204

"Меланж Эдиар" (англ. Hediard Mélange) – китайский листовой черный чай, деликатно приправленный бергамотом, лимоном и сладким апельсином, имеет полнотелый и восхитительный вкус.

205

200 миль – примерно 320 км.

206

JFK (англ. John F. Kennedy International Airport) – Международный аэропорт имени Джона Кеннеди – крупнейший международный аэропорт в США, расположенный в районе Куинс в юго-восточной части города Нью-Йорка, в двадцати километрах к юго-востоку от Нижнего Манхэттена.

207

Викунья (викуни, вигонь, лат. Vicugna) – вид парнокопытных млекопитающих семейства верблюдовых, обитающий на пустынных высокогорных плато южноамериканских Анд. Внешне викуньи напоминают ламу, но меньшего размера и более стройные. Шерсть викуньи очень легкая, прочная и обладает уникальными

теплоизолирующими свойствами, а также она является самой редкой, тонкой и дорогой на свете.

208

Hermes Birkin – сумка "Биркин", знаменитая модель дамской сумки торговой марки Hermès. Стоимость ее начинается от 9000 долларов США, но может достигать и шестизначных чисел, если сумка выполнена из кожи экзотических животных или инкрустирована драгоценными камнями.